
**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ
ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ**

Витебск 2012

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Материалы Международной
научно-практической конференции*

Витебск, 20–21 апреля 2012 года

*Витебск
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
2012*

УДК 341.232
ББК 67.910.621+66.4я431
Г72

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова». Протокол № 1 от 21.03.2012 г.

Материалы конференции публикуются в авторской редакции

Редакционная коллегия:

А.А. Бочков (*ответственный редактор*), **П.В. Гурщенков**, **П.Г. Шеленговский**,
Е.Ф. Ивашкевич, **А.П. Петров**, **В.Г. Стаценко**, **И.И. Шматков**, **А.А. Сухарев**,
В.В. Янч

Рецензенты:

заведующий кафедрой теории и истории государства и права Российской правовой Академии,
доктор юридических наук, профессор *М.М. Рассолов*;
доцент кафедры аграрного и экологического права Московской государственной юридической
академии имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук *В.С. Елисеев*;
судья Конституционного суда Республики Беларусь, кандидат юридических наук *Т.В. Воронович*

Г72 Государственно-правовое регулирование интеграционных процессов на постсо-
ветском пространстве : материалы Международной научно-практической конференции,
Витебск, 20–21 апреля 2012 года / Вит. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Бочков (отв. ред.) [и др.]. –
Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2012. – 312 с.
ISBN 978-985-517-344-2.

В сборник включены статьи участников Международной научно-практической конференции «Государственно-правовое регулирование интеграционных процессов на постсоветском пространстве». Они отражают актуальные проблемы сближения и сотрудничества государств бывшего СССР в экономической, политической, правовой, духовной и иных сферах. Наряду с теоретико-методологическим материалом в сборнике представлен и обширный практический опыт.

Адресуется научным сотрудникам, преподавателям средних специальных и высших учебных заведений, работникам правоохранительных органов, органов прокуратуры, судов, юстиции, таможни, аспирантам, студентам, практическим работникам.

Мнение редакционной коллегии может не совпадать с мнением авторов публикаций.

УДК 341.232
ББК 67.910.621+66.4я431

ISBN 978-985-517-344-2

© УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2012

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

ЕВРОПЕЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ – ПРИМЕР ДЛЯ ПОДРАЖАНИЯ?

Г.А. Василевич

Минск, Белорусский государственный университет

Правовая система, как и экономика отдельного государства, не могут существовать в замкнутом пространстве. Объективно развивающиеся процессы интеграции на европейском пространстве, включая постсоветское, глобализация оказывают все большее влияние на национальные правовые системы. Все более очевидным становится процесс интернационализации права. Единое правовое пространство на европейском континенте объективно формируется и по той причине, что при подготовке проектов конституций новых государств, включая и Беларусь, были заимствованы многие положения (идеи и нормы) из конституций развитых стран Западной Европы и США. Ориентиром были тексты конституций Германии, Франции, Италии, Швеции, Швейцарии и других стран, накопивших необходимый опыт преобразований. И естественно, общие правовые принципы и нормы предполагают единый стандарт действий.

Европейская интеграция в настоящее время выполняет роль авангарда в процессе глобализации. Две важнейшие структуры – Европейский Союз, охватывающий 27 государств, и Совет Европы (47 государств) – оказывают существенное влияние и на динамику процесса интеграции государств СНГ. На европейском континенте появился гигант, который будет оказывать влияние и на нашу страну. Сейчас 27 государств Европейского Союза имеют общее население около 500 млн. человек, территорию – около четырех млн. кв. м. Он становится важнейшим полюсом геополитики. Можно констатировать две тенденции. В рамках Европы идет усиление (углубление) интеграции, о чем свидетельствует подписание 13 декабря 2007 года Лиссабонского договора, призванного заменить не вступившую в силу Конституцию для Европы. (Процесс ратификации Конституции в государствах Европейского Союза оказался неудачным). Следует отметить, что в Европейском Союзе весьма бережно относятся к учредительным документам, которые все государства, подпадающие под их действие, обязаны исполнять. С другой стороны, на постсоветском пространстве государства СНГ уже давно отошли даже от тех норм, которые содержатся в Соглашении о создании Содружества Независимых Государств, подписанном 8 декабря 1991 года. В то же время предпринимаются усилия по сохранению Содружества, укреплению многосторонних или двух сторонних связей, например, между Россией и Беларусью. Набирает обороты Таможенный Союз, развивается единое экономическое пространство, зона свободной торговли.

Надо иметь в виду, что европейское право, европейские стандарты получают свое развитие и дальнейшее свое закрепление в соответствующих юридических документах. Среди учредительных документов можно назвать Договор о Европейском Союзе, Договор о функционировании Европейского Союза, Хартия Европейского Союза об основных правах, упоминавшийся Договор, (в силу того, что указанный Договор не вступил в силу, в настоящее время он реализуется с помощью поправок в действующие учредительные документы).

Европейский Союз признал юридически обязательной Европейскую конвенцию о правах человека и основных свобод в 1992 году в качестве общих прин-

ципов Сообщества (см. §2 статьи F Договора о Европейском Союзе в редакции 1992 года («маастрихтской» редакции).

В дальнейшем это получили также закрепление в §2 статьи 6 Договора о Европейском Союзе в редакции Амстердамского (1997 г.) и Ниццкого (2011 г.) договоров.

Присоединение Европейского Союза к ЕКПЧ означает, что практика реализации Конвенции, в том числе и толковательная практика ЕКПЧ Европейским Судом по правам человека, является правовой основой для развития национального законодательства государств, входящих в ЕС, и его исполнения. Нам следовало бы более основательно знакомиться с практикой реализации ЕКПЧ, особенно, когда это воплощается в решения Европейского суда по правам человека. Накопленный опыт Европейского Суда применения Европейской конвенции позволяет более быстрыми темпами развивать собственную национальную правовую систему по пути приближения ее к лучшим европейским стандартам.

Вместе с тем, наряду с ЕКПЧ, 7 декабря 2000 года провозглашена Хартия Европейского Союза об основных правах, вобравшей в себя весь спектр основных прав и свобод, которые признаны международным сообществом. Хартия, в отличие от ЕКПЧ, включает также экономические и культурные права.

Что еще отличает Хартию? По юридической силе она приравнена к учредительным документам. Содержащиеся в ней права классифицированы по такому критерию, как их ценность, на защиту которых они направлены.

На первом месте в Хартии находится достоинство личности (ст.ст.1-5 Хартии, раздел I). При этом имеется в виду не только само право на человеческое достоинство, но и другие, права, предопределяющие бытие человека, а именно: право на жизнь, на ценность личности, запрет пыток, иного бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания, недопустимость рабства и принудительного труда.

В Хартии конкретизируется содержание также таких ценностей как свобода (право на свободу и личную неприкосновенность, право на уважение частной и семейной жизни, свобода выражения мнений, свобода искусства и науки, право собственности, свобода профессиональной деятельности, право на свободу труда); равенство (равенство перед законом, недискриминация, равенство мужчин и женщин, права детей, инвалидов); солидарность (право на коллективные переговоры и коллективные действия, включая забастовку, на справедливые и надлежащие условия труда, на социальное обеспечение, охрана окружающей среды); гражданство; правосудие как источник прав и гарантий личности на судебную защиту.

Ключевой в правах человека является проблема их принципов. В европейской практике (судебной, иной правоприменительной) принципы рассматриваются в качестве источника права, например, в Австрии, Германии, Греции, Испании. У нас же пока эта идея только пробивает себе дорогу.

В юридической литературе «принцип» раскрывается как начало, основа, руководящая идея, исходное положение. Под принципами права понимают руководящие нормативные начала, лежащие в основе права, которые выражают его сущность и определяют общую направленность правового регулирования.

В зависимости от формы закрепления принципы правовой системы подразделяют на «принципы-идеи (существующие в форме правосознания) и принципы-нормы или нормы-принципы, то есть те принципы-идеи, которые закреплены в источниках права».

Особую роль в регулировании отношений между государствами, оказании

влияния на внутреннюю политику, включая и правовую, играют общепризнанные принципы международного права, которые определяются как «исторически обусловленные, основополагающие общепринятые нормы, выражающие главное содержание международного права, его характерные черты и обладающие высшей императивной юридической силой».

Понятие «общепризнанные принципы», как отмечается в литературе, имеет исключительно международно-правовую природу и именно здесь можно говорить о признании или непризнании разными государствами тех или иных идей и нормативов.

По мнению А.Н. Талалаева, общепризнанными следует считать такие нормы, которые официально признаны общеобязательными (нормативными) всеми или почти всеми государствами. Лукашук И.Н. придерживается более мягкого подхода, полагая возможным рассматривать в качестве общепризнанных принципов и норм те из них, которые признаны достаточно представительным большинством государств. При этом он полагает, что общепризнанные принципы и нормы существуют в форме обычая.

В литературе обращается внимание на то, что с точки зрения реальной практики имеет значение, какие государства «входят» в состав «подавляющего большинства» (например, Уганда или США).

В силу нормативности общепризнанных принципов возникает вопрос, являются ли они обязательными и для тех государств, которые их официально не признали? Ответ скорее отрицательный.

Обращение к принципам демократического правового государства по примеру стран Европейского Союза обусловлено и тем, что мы уже прошли ту первоначальную стадию становления, когда в основе действий органов государственной власти, в том числе и Конституционного Суда, преобладало простое сопоставление норм Конституции, международных договоров и актов текущего законодательства. Развитие правовой культуры, интенсификация нормотворческого процесса, динамизм общественной жизни обуславливают необходимость проникновения в глубинную суть правовых норм.

Для этого необходимо формировать уважение к нормам и принципам, содержащимся в собственной Конституции, а также принципам и нормам международного права. Этого можно добиться в том случае, если на практике утвердятся взгляд о непосредственном, прямом действии их норм. Ведь конституционные нормы, а также нормы ставших обязательными для Беларуси международных договоров, входящих в Международный билль о правах человека, являются важнейшим рычагом для решения правовых конфликтов. В этом отношении потенциал указанных документов неисчерпаем.

В современный период побуждает к таким действиям, причем скоординированного характера, подписанная в Праге 7 мая 2009 года совместная Декларация пражского саммита «Восточного партнерства». В ней прямо зафиксирована приверженность участников принципам международного права к основополагающим нормам как ценностям, включая демократию, верховенство закона и уважение прав человека и основных свобод, а также рыночной экономике, устойчивому развитию и эффективному государственному управлению.

Степень воздействия международного права на национальное право зависит от многих факторов. В правовых системах различных стран содержатся разные подходы к определению места и роли норм международного права в национальных системах. Однако основополагающим принципом международного права яв-

ляется принцип добросовестного выполнения международных обязательств. Государственные системы, в зависимости от того, какое место занимают международные договоры, можно классифицировать следующим образом:

- 1) международные нормы имеют конституционный статус;
- 2) статус международных договоров выше обычных законов;
- 3) международные нормы соответствуют обычному закону.

В ст.8 Конституции Республики Беларусь закреплено положение, согласно которому Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства. При этом не допускается заключение международных договоров, которые противоречат Конституции. Эта фундаментальная норма свидетельствует о стремлении законодателя строить независимое государство на правовых демократических принципах. Здесь есть несколько аспектов. Признание приоритета общепризнанных принципов международного права означает выбор вектора развития правовой системы. Норма, запрещающая заключать международные договоры, противоречащие Конституции, является гарантией государственного суверенитета.

Международный договор Республики Беларусь, который вступил в силу путем ратификации, присоединения к нему или утверждения, обладает верховенством по отношению к другим подконституционным актам (законам, декретам, указам, постановлениям и др.). Выстраивая правовую пирамиду нормативных правовых актов, нами указывается, что законы, которыми международные договоры приобретают обязательную силу (например, посредством закона о ратификации), придают им нормативный характер.

Иерархический ранг таких законов выше, чем у других обычных законодательных актов, включая и программные. Поэтому правотворческие и правоприменительные органы, включая суды, при принятии соответствующих решений обязаны руководствоваться нормами международных договоров. В этих целях в Кодексе о судостроительстве и статусе судей следовало бы предусмотреть норму, аналогичную той, что содержится в ст. 112 Конституции: если при рассмотрении конкретного дела суд выявит расхождение между Конституцией, международным договором и иным актом законодательства, то он обязан вынести в соответствии с Конституцией, международным договором и поставить перед Конституционным Судом вопрос о признании такого нормативного акта не соответствующим Конституции.

Не затрагивая достаточно конкретные и однозначно понимаемые принципы, обратимся к такому базовому принципу, закреплённому в ст.6 Основного Закона, как верховенство права.

Верховенство права – это не что иное, как торжество справедливости и гуманности. Реализации этого принципа на практике наряду с законодательными и другими судебными органами содействует Конституционный Суд Республики Беларусь.

Право должно содействовать экономической, социальной, духовной, демографической безопасности государства и общества, формированию политической системы, в основе которой находятся конституционные принципы и нормы.

В силу того, что право используется как средство реализации экономических и иных концепций развития, оно должно содействовать прогрессивному развитию общества. Примером уважительного отношения к правовым предписаниям обязаны быть должностные лица, органы государственной власти. Это будет подчеркивать роль и значение права в нашем обществе как важнейшего фактора развития государства по цивилизованному пути.

Принцип верховенства Конституции, верховенства права можно рассматривать и с позиции необходимости обеспечения:

- 1) системности законодательства;
- 2) его иерархичности;
- 3) стабильности.

Опыт зарубежных западных европейских стран, их органов конституционного правосудия убеждают в этом.

О НЕКОТОРЫХ ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Л.В. Веницкий

Смоленск, НОУ ВПО «Смоленский гуманитарный университет»

Введённая Федеральным Законом от 29 июня 2009 года №141-ФЗ глава 40.1 УПК РФ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», ввиду существенных недостатков, ставших уже традиционными для наших законодателей, вызвала шквал критики как учёных, так и практических работников. Признавая целесообразность этого производства, юристы высказывают множество нареканий по поводу качества его нормативного регулирования.

Родин В.В. (Следственное управление при УВД по г. Сургуту), отмечает, что практические органы в настоящее время столкнулись с проблемами реализации данного института на местах. Прежде всего, это возможность дачи заведомо ложных показаний лицом, желающим значительно смягчить наказание за совершённое им преступление. Не менее важной представляется проблема форм и пределов стимулирования к заключению соглашения о сотрудничестве лица, которое обладает ценной информацией для правоохранительных органов, а также обеспечение его безопасности. Все это приводит не только к оскудению доказательственной базы по конкретному уголовному делу, но и к направлению расследования по ложному пути, нарушению процессуального срока, незаконному привлечению к уголовной ответственности со всеми вытекающими последствиями для лица, проводящего расследование [6, с.298].

Не останавливаясь на других недостатках, рассмотрим вопрос о необходимости согласия потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, наиболее широко обсуждаемый в научной литературе.

Как следует из п.61 ст. 5 УПК РФ, для подозреваемого (обвиняемого) определяющим является вопрос о том, какой вид и размер наказания ему будет определен. Иными словами, какую выгоду он может получить при заключении и выполнении соглашения о сотрудничестве. Судя по публикациям, это волнует и потерпевшего.

Быков В.М., анализируя Постановление Пленума Верховного Суда РФ о правах потерпевшего в уголовном судопроизводстве, считает, что в нем полностью проигнорированы права потерпевшего при заключении соглашения о сотрудничестве с обвиняемым, подозреваемым в соответствии с главой 40.1 УПК. Автор пишет: «Рассматриваемый нами новый закон не выдерживает критики: права потерпевшего опять законодателем игнорируются, так как прокурор единолично принимает решение о заключении соглашения с подозреваемым и обвиняемым о сотрудничестве. Между тем, соглашение о сотрудничестве подозреваемого и обвиняемого с прокурором непосредственным образом затрагивает права потерпевшего, которому не безразлично, какое наказание получит виновный. В свя-

зи с этим полагаем, что норма ч.5 ст.21 УПК должна применяться только после получения согласия потерпевшего на заключение соглашения о сотрудничестве подозреваемого и обвиняемого с прокурором» [5, с.13].

Точку зрения о необходимости получения согласия потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве разделяют многие учёные: А.С. Александров, Н.А. Баева, Л.Г. Валуева, С.В. Горохов, И.М. Комаров, А.В. Смирнов и др. Их позиция изложена в опубликованных материалах научно-практической конференции, проведённой Юридическим факультетом Воронежского государственного университета 21-22 декабря 2009 года. Для убедительности процитируем позицию одного из названных авторов. А.С. Александров, например, считает, что в целом приходится признать, что права и законные интересы потерпевшего оказались жертвой публично-правовой цели данного института [4, с. 13].

Но имеют место и противоположные точки зрения. Так, Л.Г. Татьянанина считает, что даже в гл.40 УПК РФ (об особом порядке принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением) не должно быть обязательным получение согласия потерпевшего, так как речь идёт о процедуре судебного разбирательства, которая не ущемляет прав потерпевших, ведь свою позицию они могут высказать в ходе судебных прений [7, с.13-14].

Кроме того, следует учесть, что становление новой демократической России сопровождается небывалой криминализацией и социально-экономическим расстройством общества. Характерными чертами современной преступности является её организованность, транснациональность и наличие хорошо развитой инфраструктуры. Сложившаяся ситуация требует современных подходов к выявлению, пресечению и доказыванию преступной деятельности таких формирований. Важное значение имеет использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе. Практика показывает, что без внедрения в преступные группы соответствующих источников информации, разоблачить преступную группу зачастую невозможно.

Оперативное внедрение как одно из оперативно-розыскных мероприятий может представлять собой проникновение в преступное формирование сотрудника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность.

Внедрённому лицу, помимо имитации преступного поведения, приходится сталкиваться с необходимостью реального участия в противоправной деятельности. Детальных критериев противоправной деятельности внедрённого сотрудника пока не разработано. Известно, что одним из вариантов вывода внедрённого в оперативную разработку может быть соглашение с ним досудебного соглашения о сотрудничестве.

В ст.18 Федерального Закона «Об оперативно-розыскной деятельности» отмечается: «Лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, привлечённое к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причинённый вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Однако наше уголовное законодательство по исследуемому вопросу прямого ответа не содержит. А в диспозиции ч.1 ст.38 УК Республики Беларусь четко выражена следующая мысль: «Не подлежит уголовной ответственности лицо, которое, выполняя в соответствии с действующим законодательством специальное задание по предупреждению, выявлению или пресечению преступления и действуя с другими его участниками, вынуждено совершит преступление» [1].

Следует отметить, что и Европейский Суд по правам человека считает, что Конвенция о защите прав человека и основных свобод [2] не предоставляет права, удостоверение которого требует заявитель, на «личную месть» или на *actio popularis* [3].

Таким образом, как видно из изложенного, нет необходимости получать согласие потерпевшего при заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве. Нормы главы 40.1 УПК объективно не предусматривают учёта мнения потерпевшего при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве.

Список литературы:

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года №275-з (в ред. от 13.12.2011 года №325-з) // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр» / НЦПИ Республики Беларусь. – Минск, 2012.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод. Вступила в силу 3 сентября 1953 года. Российская Федерация ратифицировала данную конвенцию Федеральным Законом «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протокола к ней» от 30.03.1998 года.
3. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Перес (Perez) против Франции» от 12.02.2004 года (жалоба №47287/99) // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр» / НЦПИ Республики Беларусь. – Минск, 2012.
4. Александров, А.С. ФЗ-141 принят, что дальше? // Досудебное соглашение о сотрудничестве (правовые и криминалистические проблемы): Материалы научно-практической конференции, Воронеж, 21-22 декабря 2009 года. – Воронеж: Изд-во Воронежского государственного университета, 2010. – Вып.6.
5. Быков, В.М. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации о правах потерпевшего в уголовном судопроизводстве // Мировой судья. – 2010. – №9.
6. Родин, В.В. Криминалистическая операция по заключению досудебного соглашения о сотрудничестве // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений коррупционной и экономической направленности: Материалы 52-х криминалистических чтений: Ч.2. – М.: Академия Управления МВД РФ, 2011.
7. Татьяна, Л.Г. «Сделки с правосудием» в России и США: позитивные негативные аспекты // Проблемы применения досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам: Материалы межрегионального научно-практического семинара, 4 февраля 2010 года. – Ижевск, 2010.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Д.М. Демичев

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

Конституция любого государства является основным источником национальной правовой системы и правовым фундаментом государственной и общественной жизни. Находясь на вершине пирамиды национальной правовой системы, Конституция является правовым фундаментом государственной и общественной жизни, основным источником, обладающим полисферностью конституционного регулирования. Она определяет конституционный строй, главные устои

жизни общества и государства, обеспечивает своими предписаниями и установлениями их стабильность и надежную защиту, закрепляет политический и идеологический плюрализм, правовой статус человека и гражданина.

Разработка и принятие новых конституций, их принципы и приоритеты всегда сопряжены с закономерными итогами диалектического развития общества, особенностями развития государства на том или ином отрезке истории, уровнем взаимодействия ветвей власти и многими другими факторами. Естественная потребность в новой Конституции в любом государстве возникает в результате каких-либо крупных переломных моментов социального развития – приобретения независимости, изменения форм правления и политического режима и т.п., – когда фактическая Конституция не соответствует реальной действительности, а использование норм прежней Конституции становится неэффективным.

Просчеты и существенные недостатки в сфере решения политических и государственных задач в постсоциалистический период являлись существенным барьером для трансформации белорусской государственности на принципиально новых правовых и демократических принципах. К этому следует добавить, что становление и развитие государственности в Республике Беларусь как суверенном государстве происходило в непростой обстановке, характеризующейся необходимостью преодоления негативных последствий проводимых после 1991 года политических и экономических преобразований.

Принятие в 1994 году по существу первой Конституции Республики Беларусь суверенного Белорусского государства создало новую общественно-политическую ситуацию в конституционно-правовом поле страны [1]. Основной Закон дал мощный толчок процессу становления конституционного строя на новых демократических началах, формированию новых конституционно-правовых институтов и конституционной юстиции. Конституция стала юридической базой реформирования правовой системы государства, расширения конституционно-правовых рамок взаимодействия государства, общества и личности на основе международно-правовых стандартов.

Конституция Республики Беларусь 1994 года явилась основополагающим фактором активизации как конституционного процесса в целом, так и внутригосударственных правовых процессов, интенсификации нормотворческой деятельности на принципиально новой юридико-правовой основе. В ней нашли отражение такие свойства как верховенство, особые способы охраны, особый порядок принятия и внесения изменений либо дополнений и особая роль в правовой системе страны.

Во исполнение установлений нового Основного Закона были приняты законодательные акты, регулирующие систему и компетенцию высших органов государства, избирательную систему, правовой статус политических партий и общественных объединений, а также проведены выборы первого Президента Республики Беларусь.

В целом же Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 года, собрав в себе политико-правовую практику того периода, явилась добротным правовым фундаментом для дальнейшего совершенствования конституционного законодательства и конституционной практики.

Вместе с тем, несмотря на то, что Конституция Республики Беларусь 1994 года явилась новым крупным шагом по пути создания демократического правового государства, последующий период социально-политического развития по существу выявил острую политическую потребность в необходимости новой конституционной реформы, которая бы, обобщая накопленный опыт конституцион-

ного развития и конституционной практики, обогатила его новым содержанием. Всенародное обсуждение и принятие на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года по существу качественно новой Конституции Республики Беларусь еще больше сориентировало белорусское общество на демократическое переустройство, скорейшее формирование правового государства, реальное обеспечение прав и свобод граждан.

Исходящие из договорной теории [2] положения Конституции Республики Беларусь, принятой на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года, свидетельствуют о демократической сущности Основного Закона нашей страны, которая проявляется в его чертах и свойствах: верховенстве в национальной правовой системе, легитимности, преемственности, реальности, стабильности, особой защите со стороны народа и государства [3].

Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями от 24 ноября 1996 года) установила исходные начала функционирования национальной правовой системы в новых политических реалиях. На основе ее положений реформируется само конституционное законодательство в области совершенствования системы органов государственного управления, органов местного управления и самоуправления, в области избирательной системы, прав и свобод человека и гражданина, гражданства, в сфере правового положения иностранцев и лиц без гражданства и др.

Являясь главным правоустанавливающим нормативным правовым актом, определяющим основы системы действующего в стране позитивного права, Конституция имеет свои цели, задачи, политическую предназначенность. Основные законы государств, являясь, как правило, актами долговременного действия, призваны обеспечивать стабильность конституционного строя, легитимность власти, устойчивость правовой системы. В этих целях Конституция Республики Беларусь содержит нормы, закрепляющие более усложненный порядок ее изменения, не позволяющий тем или иным политическим силам, ссылаясь на мнение народа, в то же время по своему усмотрению, исходя из конъюнктурных целей, вносить в нее изменения или дополнения.

Вместе с тем, как и любой правовой акт, Конституция и ее структурные части с течением времени нуждаются в отдельных поправках, уточнении норм, устранении пробелов и неточностей. В определенной мере это касается и действующей Конституции Республики Беларусь. Остановимся на некоторых из них.

1. Как известно, Конституция Республики Беларусь предусматривает принятие обычных (статья 100) и программных законов. В частности, в соответствии со статьей 104 Конституции законы об основных направлениях внутренней и внешней политики Республики Беларусь, о военной доктрине Республики Беларусь являются программными и считаются принятыми при условии, если за них проголосовало не менее двух третей от полного состава Палаты представителей и Совета Республики Национального собрания.

В то же время в законодательстве многих государств помимо текущих или обычных законов предусмотрено принятие так называемых конституционных законов. Классификация законов на конституционные и обычные имеет место во многих государствах. В конституционной доктрине и законодательной практике большинства зарубежных стран под конституционными законами, как правило, понимаются законы, которые вносят те или иные изменения в Конституцию, принимаются в особо усложненном порядке (квалифицированным большинством голосов членов Парламента: либо 2/3, либо 3/4, либо 4/5 от полного состава) и по существу обладают той же юридической силой, что и сама Конституция.

К категории конституционных законов относятся и законы о принятии Конституции, о порядке введения ее в действие, декларации о провозглашении Конституции, нормативные акты иного содержания, например, Закон Республики Беларусь от 25 августа 1991 года «О придании статуса конституционного закона Декларации Верховного Совета Республики Беларусь о государственном суверенитете Республики Беларусь» [4]. Конституционным законом по юридической силе следует считать и подписанное Президентом Республики Беларусь в соответствии со статьей 74 Конституции Республики Беларусь Решение республиканского референдума от 17 ноября 2004 года №1 о внесении изменений и дополнений в часть первую статьи 81 Конституции Республики Беларусь, в соответствии с которой Президент Республики Беларусь избирается на пять лет непосредственно народом Республики Беларусь на основе всеобщего, свободного, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, и разрешающее первому Президенту Республики Беларусь А.Г.Лукашенко участвовать в качестве кандидата в Президенты Республики Беларусь в выборах Президента, ибо оно, во-первых, принято в строгом соответствии с действующей Конституцией Республики Беларусь, а во-вторых, содержащие в нем поддержанные подавляющей частью народа Республики Беларусь установления являются неотъемлемой частью Основного Закона [5].

В ряде стран конституционные законы – это законы по достаточно определенному кругу вопросов, обозначенному в Конституции. Причем принятые по этим вопросам акты официально именуются конституционными законами. Так, в соответствии со статьей 108 (п.1) Конституции Российской Федерации федеральные конституционные законы принимаются по вопросам, предусмотренным Конституцией Российской Федерации [6, с.42]. При этом федеральный конституционный закон считается принятым, если он одобрен большинством не менее трех четвертей голосов от общего числа членов Совета Федерации и не менее двух третей голосов от общего числа депутатов Государственной Думы. Принятый федеральный конституционный закон в течение четырнадцати дней подлежит и обнародованию. Исходя из данной нормы, статья 88 Конституции РФ устанавливает, что Президент Российской Федерации при обстоятельствах и в порядке, предусмотренных федеральным конституционным законом, вводит на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях чрезвычайное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе. В силу статьи 118 (п. 3) Конституции Российской Федерации судебная система Российской Федерации устанавливается помимо Конституции и Федеральным конституционным законом, а статья 128 (п. 3) Основного Закона РФ гласит, что полномочия, порядок образования и деятельности Конституционного Суда, Верховного Суда, Высшего Арбитражного Суда и иных федеральных судов устанавливаются федеральным конституционным законом. Кроме того, принятый 28 июня 2004 года Федеральный Закон «О референдуме Российской Федерации» [7] также является конституционным. Согласно статье 127 Конституции Республики Хорватия от 22 декабря 1990 года (с изменениями и дополнениями от 20 января 1998 года и 9 ноября 2000 года) порядок избрания и прекращения полномочий судей Конституционного Суда, условия и сроки возбуждения производства по проверке конституционности и законности, производство и правовое осуществление его решений, защита конституционных свобод и прав человека и гражданина и другие вопросы, имеющие значение для осуществления полномочий и деятельности Конституционного Суда Республики Хорватия, регулируются конституционным законом [8, с.469]. Конституционным признается, например, Закон Франции

от 24 февраля 1875 года об организации Сената [9, с. 129-130].

Зачастую конституционные законы содержат не нормы, а однократные распоряжения (например, об однократном изменении – продлении или сокращении – срока полномочий представительных органов, если в конституции такая возможность прямо не предусмотрена). В Италии конституционные законы издаются по отдельным указанным в Конституции наиболее важным вопросам и имеют более высокую юридическую силу, чем обычные законы, но меньшую, чем Конституция. В Югославии принято было издавать конституционные законы одновременно с принятием новой конституции или группы поправок к ней. В период действия Конституции Социалистической Федеративной Республики Югославии от 7 апреля 1963 года конституционными законами именовались высшие законы автономных краев [10]. Конституционным законом вводится в действие Конституция Союзной Республики Югославии от 27 апреля 1992 года (статья 143) [11, с.785].

К числу конституционных законов относится Закон Республики Узбекистан от 12 декабря 2002 года «О Сенате Олий Мажлиса Республики Узбекистан» (с изменениями и дополнениями), устанавливающий правовой статус данного органа как верхней палаты парламента и порядок его взаимодействия с Законодательной палатой Олий Мажлиса Республики Узбекистан и другими государственными органами [12]. Конституция Республики Таджикистан также предусматривает принятие конституционных законов, к числу которых, к примеру, относятся законы о порядке организации, деятельности и полномочиях Правительства (статья 74), об организации и порядке деятельности адвокатуры (статья 92) [13, 756-780].

Таким образом, сущностными чертами конституционных законов являются:

- исключительная значимость норм, содержащихся в данных законах; четкое закрепление в Конституции перечня вопросов, по которым они принимаются;
- более усложненный и длительный (во времени) порядок принятия конституционных законов, отличный от порядка принятия обычных законов;
- наделение их большей юридической силой, чем обычные законы; невозможность отклонения либо возвращения на новое рассмотрение конституционных законов главами государств в отличие от обыкновенных законов.

Итак, интегрируя вышеуказанные характеристики и элементы конституционных законов, можно выделить следующие четыре их вида:

во-первых, конституционным законом является Конституция любого государства;

во-вторых, к данной категории следует относить конституционные законы, которыми вносятся изменения и дополнения в действующую Конституцию и которые по своей юридической силе приравниваются к Конституции;

в-третьих, конституционными законами следует считать решения референдумов, на которых приняты изменения либо дополнения к действующей Конституции, которые также по своей юридической силе приравниваются к Конституции;

в-четвертых, конституционными являются законы, конкретизирующие ее содержание, принятие которых либо прямо предусмотрено, либо вытекает из содержания Конституции, например, законы: «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» [14], «О Прокуратуре Республики Беларусь» [15], «О Конституционном Суде Республики Беларусь» [16], «О Комитете государственного контроля Республики Беларусь и его территориальных органах» [17] и др., которые, однако, обладают меньшей юридической силой по отношению к Конституции.

В этой связи с учетом имеющегося мирового конституционно-правового опыта было бы целесообразно закрепить в Конституции Республики Беларусь

нормы, четко определяющие понятие «конституционный закон» и порядок принятия таких законов. По своей юридической сущности и своей значимости, по своим общим признакам, юридической природе и порядку принятия конституционный закон должен занять в иерархии нормативных правовых актов Республики Беларусь подобающее место.

Следует также более четко закрепить исчерпывающий круг вопросов, по которым должны приниматься конституционные законы.

Официальное введение в содержание Конституции Республики Беларусь правовой категории «конституционный закон» позволит целиком соответствовать принципам и традициям мирового конституционного процесса и конституционного строительства, а также будет выражать существенные объективные связи в иерархической системе национального законодательства.

2. Как известно, к законодательным полномочиям относится право законодательной инициативы как исключительное право строго определенного конституциями органа. Осуществление права законодательной инициативы соответствующими органами или лицами и внесение в Парламент законопроекта является первоначальной стадией законодательного процесса. Согласно статье 99 Конституции Республики Беларусь правом законодательной инициативы наделено 5 субъектов: Президент, депутаты Палаты представителей, Совет Республики, Правительство, граждане, обладающие избирательным правом, в количестве не менее 50 тыс. человек. При этом данное право реализуется в Палате представителей.

Для сравнения: статья 101 Конституции Белорусской ССР от 14 апреля 1978 года определяла 7 субъектов права законодательной инициативы (Президиум Верховного Совета Белорусской ССР; Совет Министров Белорусской ССР; Постоянные и иные комиссии Верховного Совета Белорусской ССР; Депутаты Верховного Совета Белорусской ССР; Верховный Суд Белорусской ССР; Прокурор Белорусской ССР; общественные организации в лице их республиканских органов) [18, с.125-150].

Конституция СССР от 7 октября 1977 года (статья 113) таким правом наделяла как минимум 11 субъектов: Совет Союза; Совет Национальностей; Президиум Верховного Совета СССР; Совет Министров СССР; Союзные республики в лице их высших органов государственной власти; Комиссии Верховного Совета СССР; Постоянные комиссии палат Верховного Совета СССР; депутаты Верховного Совета СССР; Верховный Суд СССР; Генеральный прокурор СССР; общественные организации в лице их общесоюзных органов [19, с.15-52].

Позже, после внесения изменений и дополнений в Конституцию СССР от 1 декабря 1988 года количество субъектов права законодательной инициативы увеличилось до 15 (народные депутаты СССР; Совет Союза; Совет Национальностей; Президиум Верховного Совета СССР; Председатель Верховного Совета СССР; Комитет конституционного надзора СССР; Совет Министров СССР; Союзные республики в лице их высших органов государственной власти; Постоянные комиссии палат и комитеты Верховного Совета СССР; Комитет народного контроля СССР; Верховный Суд СССР; Генеральный прокурор СССР; Главный государственный арбитр; Общественные организации в лице их общесоюзных органов; Академия наук СССР) [20].

В этой связи хотелось бы высказать следующие соображения.

Местные Советы депутатов в СССР и БССР являлись самыми массовыми в системе государственной власти. Непосредственно и через создаваемые органы они руководили всеми отраслями государственного, хозяйственного и социально-культурного строительства, принимали и обеспечивали исполнение решений,

осуществляли контроль за претворением их в жизнь. Местные Советы обеспечивали комплексное экономическое и социальное развитие регионов, осуществляли контроль за соблюдением законодательства расположенными на соответствующей территории предприятиями, учреждениями и организациями вышестоящего подчинения, координировали их деятельность в области землепользования, охраны природы, строительства, использования трудовых ресурсов, производства товаров народного потребления, социально-культурного и иного обслуживания населения. С принятием 9 апреля 1990 года Закона СССР «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» [21] деятельность местных Советов депутатов стала строиться на принципах самоуправления, самофинансирования, самообеспечения, согласования местных интересов с общегосударственными. На их рассмотрение и решение передавались все важные вопросы государственной, хозяйственной и социально-культурной жизни, а также расширялись материально-финансовые возможности Советов, устанавливалась их полная ответственность и самостоятельность в решении вопросов комплексного развития подведомственных им территорий. Начиная с выборов депутатов местных Советов нашей республики первого созыва (24 декабря 1939 года) и по настоящее время депутатскую школу прошли более 2 млн. граждан, или около 20% населения страны.

Да и сегодня (несмотря на то, что состав местных Советов нашей страны заметно сократился численно) [22], будучи согласно статье 12 Закона Республики Беларусь «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь» основным звеном системы местного самоуправления. Советы депутатов являются представительными государственными органами на территории соответствующих административно-территориальных единиц Республики Беларусь и основным звеном системы местного самоуправления. Они обеспечивают на своей территории согласованную деятельность органов территориального общественного самоуправления. Сельские, поселковые, городские, районные, областные Советы составляют систему Советов в Республике Беларусь, единство которой обеспечивается общностью правовых начал, принципов образования и деятельности, а также задач, которые они призваны решать в интересах населения, социального и экономического развития соответствующей территории.

Таким образом, образуемые самим народом Советы, являясь органами всенародного представительства, состоят из представителей всех слоев общества, всех профессий. В местных Советах заложены огромные организационные возможности для постоянного привлечения широких масс народа к решению задач местного и общегосударственного значения. Местные Советы депутатов и сегодня по праву занимают центральное, ведущее место в системе органов государства, осуществляя огромную по своим масштабам деятельность в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, иными законодательными актами.

Исходя из вышеизложенного, было бы совершенно справедливым предоставить местным Советам депутатов право законодательной инициативы наряду с другими государственными органами и должностными лицами. В частности, такое право следовало бы предоставить местным Советам областного и базового территориального уровня. Как представляется, это позволило бы законодательному органу лучше учитывать мнения непосредственно с мест.

Кстати, в Российской Федерации согласно статье 104 Конституции 1993 года, право законодательной инициативы принадлежит наряду с другими органами и должностными лицами и законодательным (представительным) органам субъектов РФ – Президенту РФ; Совету Федерации РФ; Членам Совета Федера-

ции; Депутатам Государственной Думы РФ; Правительству РФ; Конституционному Суду РФ (по вопросам их ведения); Верховному Суду РФ (по вопросам их ведения); Высшему Арбитражному Суду РФ (по вопросам их ведения); законодательным (представительным) органам субъектов РФ.

Согласно законодательству США в принятии поправок к Конституции США наряду с законодательным органом федерации участвуют и парламенты штатов (именуемые законодательным собранием) [23, с.28].

3. В определенном уточнении нуждается норма статьи 100 (часть вторая) Конституции, устанавливающая, что «законопроект, за исключением случаев, предусмотренных Конституцией, становится законом после принятия Палатой представителей и одобрения Советом Республики большинством голосов от полного состава каждой палаты».

Но ведь из положений данной статьи следует, что закон вступает в силу только после того, как он будет подписан Президентом (естественно, за исключением случаев, когда закон не будет подписан Президентом после преодоления президентского вето обеими палатами Парламента большинством не менее двух третей голосов от полного состава палат)?

Следовательно, нормы части второй статьи 100 Конституции нуждаются в уточнении.

4. Более точно должны быть сформулированы нормы Основного Закона нашей страны, регулирующие порядок дачи согласия Палатой представителей Национального собрания на назначение Премьер-министра (статья 106, часть пятая) и не допускающие роспуск палат в течение года со дня их первых заседаний (статья 94, часть пятая).

Но ведь может так случиться, что в этот период, т.е. в течение года со дня первых заседаний палат Национального собрания Республики Беларусь, Президент Республики Беларусь отправит по каким-либо причинам в отставку Премьер-министра, а Палата представителей двукратно откажет ему в даче согласия на назначение руководителя Правительства. Тогда получится в государстве такая ситуация, что распустить Парламент – Национальное собрание нельзя, а Правительство целый год будет работать без полноценного Премьер-министра, с приставкой И.О.

То есть, налицо нечеткость в тексте Основного Закона, которые следует устранить.

Хотелось бы высказать свою собственную точку зрения на обсуждаемую ситуацию, если бы она вдруг сложилась в нашей стране. Исходя в данном случае из статьи 3 Конституции Республики Беларусь, которая гласит: «Единственным источником государственной власти и носителем суверенитета в Республике Беларусь является народ». Если народ доверил Президенту управлять государством, то и Конституция должна дать простор ему для окончательного решения вопроса о Премьер-министре.

5. В определенном уточнении нуждаются и те нормы Конституции, которые устанавливают правовой статус члена Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь относительно времени его проживания на территории соответствующей области, г. Минска (статья 92, часть вторая) – в любой период либо непосредственно перед избранием? Ведь неслучайно конституции многих государств, в том числе и Конституция Республики Беларусь (статья 80), устанавливают время проживания в стране гражданина, который претендует на пост Главы государства.

6. Наконец, следовало бы официально закрепить в Конституции Республики Беларусь наличие еще одной, реально существующей в конституционной практи-

ке ветви власти, – президентской, которая должна занять подобающее ей доминирующее положение среди других ветвей власти, ибо она давно фактически является первой, главной и высшей ветвью власти.

Глава государства – это конституционный орган и одновременно высшее должностное лицо государства, представляющее государство во вне и внутри страны; это – символ государственности. Во многих же странах глава государства – это должностное лицо, занимающее особое положение в государстве, не входящее в какую-либо ветвь власти и являющееся властным арбитром по отношению к другим институтам государства. Вместе с тем независимо от разновидности главы государства в большинстве стран мира имеет огромные властные полномочия: он является гарантом конституции, прав и свобод граждан, имеет право на созыв сессий парламента, право вето по отношению к законам, их подписание и опубликование, формирование правительства, других высших органов государства, назначение судей, дипломатических представителей т.д. В сфере правового статуса личности глава государства вправе принимать лиц в гражданство, смягчать наказания, предоставлять помилование, награждать государственными наградами, присваивать почетные звания и т.д. Зачастую он выступает с инициативой согласительных процедур между различными ветвями власти, государственными органами, между фракциями, субъектами федерации. Глава государства обладает полномочиями, относящимися к деятельности парламента и осуществлению законодательной власти: назначение даты выборов в парламент, созыв сессий парламента, досрочный роспуск парламента и назначение его досрочных выборов, подписание (санкционирование) законов. Кроме того, глава государства имеет право законодательной инициативы. В сфере нормотворческой деятельности глава государства издает нормативные акты – указы, декреты, декреты-законы. В ряде стран нормативные правовые акты, издаваемые главой государства, по своей юридической силе равны закону. И хотя такие акты имеют подзаконный характер, на практике они могут иметь доминирующее значение.

Согласно конституционным установлениям во многих странах глава государства имеет большие властные полномочия по урегулированию чрезвычайных ситуаций. Он, в частности, вправе объявить чрезвычайное, военное, осадное положение, вводить президентское правление в субъектах федерации, осуществлять федеральную интервенцию. Будучи, как правило, верховным главнокомандующим, глава государства отвечает по конституции за безопасность государства, принимает меры по охране государственного суверенитета. Однако данные ипостаси должности главы государства далеко не исчерпывают всех его полномочий в соответствии с фактическим политико-правовым статусом.

Таким образом, будучи по существу верховным магистратом, глава государства имеет такие властные полномочия, каких не имеет ни одна другая ветвь государственной власти – ни законодательная, ни исполнительная, ни судебная. Как бы возвышаясь над ними, глава государства, взаимодействуя между ними и являясь властным арбитром, занимает подобающее ему доминирующее положение среди других ветвей власти, являясь фактически первой, главной и высшей ветвью власти.

Политико-юридическая практика периода после Ш. Монтескье доказала важность, жизненность и необходимость дополнения триады ветвей власти еще одной ветвью – ветвью главы государства. Более того, данная ветвь должна занимать главенствующее место среди других ветвей власти. Тем более что исторически первой была организация государственной власти, при которой вся ее полнота сосредотачивалась в руках одного органа – монарха.

Исходя из сказанного в данном контексте, следовало бы закрепить в Конституции Республики Беларусь наличие президентской власти (к примеру, статья 5 Конституция Литовской Республики, принятая гражданами путем референдума 25 октября 1992 года, установила, что государственная власть в Литве осуществляется Сеймом, Президентом Республики, Правительством и Судом [24]. Да и в статье 11 Конституции РФ прописано, что государственную власть в Российской Федерации помимо Федерального Собрания, Правительства, судов осуществляет Президент. И в перечне субъектов, осуществляющих государственную власть в РФ, Президент стоит на первом месте. Хотя предыдущая статья 10 Конституции гласит, что государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную).

Таким образом, рассматривая вышеназванные проблемы сквозь призму правового государства, конституционно-правовой статус которого предполагает конституционное гарантирование экономических и социальных прав и свобод человека и гражданина, можно сделать вывод, что наша страна в значительно большей степени, чем многие другие государства, соответствует конструкции, признакам и критериям такого государства. Республика Беларусь, ее политико-государственные институты более последовательно осуществляют государственную политику путем реализации законов, иных нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в данной сфере, как продуктов государственной воли, сформированных правосознанием индивидов. Вместе с тем, отмеченное выше свидетельствует о потенциальных возможностях нашего государства в совершенствовании отечественного законодательства и, прежде всего, в конституционной сфере.

Список литературы:

1. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1994. – №9. – Ст. 144.
2. По данной теории, выдвинутой выдающимся голландским юристом и политическим мыслителем, одним из основателей раннебуржуазного учения о государстве и праве Г. Гроцием (1583–1645) и развитой затем Т.Гоббсом, Дж. Локком, Ш. Монтескье и Ж.-Ж. Руссо, власть основывается на соглашении всех между собой, а государство рассматривается в качестве самостоятельного субъекта властвования.
3. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 1999. – №1. – 1/0; 2004. – №188. – 1/6032.
4. СЗ БССР. – 1990. – №22. – Ст.432; Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1991. – №31. – Ст.536.
5. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2004. – №188. – 1/6032.
6. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 года (с изменениями и дополнениями) // Конституции государств Европы: В 3-х т. Т.3 / Под общей ред. Л.А. Окунькова. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – 1993.
7. СЗ РФ. – 2004. – №27. – Ст.2710.
8. Конституция Республики Хорватия от 22 декабря 1990 года (с изменениями и дополнениями от 20 января 1998 года и 9 ноября 2000 года) // Конституции государств Европы: В 3-х т. Т.3 / Под общей ред. Л.А. Окунькова. – М.: Изд-во НОРМА, 2001.
9. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (Новое и Новейшее время) / Сост. доктор юрид. наук, проф. Н.А. Крашенинникова. – М.: ЗЕРЦАЛО, 1999.

10. Конституция СФРЮ от 7 апреля 1963 года. – М.: Юрид. лит., 1966. – 168 с.
11. Конституция Союзной Республики Югославия от 27 апреля 1992 года // Конституций государств Европы: В 3-х т. Т.3 / Под общей ред. Л.А. Окунькова. – М.: Изд-во НОРМА, 2001.
12. Ведомости Олий Мажлиса Республики Узбекистан. – 2002. – №12. – Ст.213; 2011. – №16. – Ст.160.
13. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 года (в ред. Закона от 22 июня 2003 года) // Конституции государств Азии: В 3-х т. / Под ред. Т.Я. Хабриевой. – М.: Норма, 2010.
14. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2010. – №17. – 2/1660.
15. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2007. – №119. – 2/1317; 2010. – №15. – 2/1666.
16. Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1994. – №15. – Ст. 220; Ведомости Национального собрания Республики Беларусь. – 1997. – №25-26. – Ст.465; Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2009. – №148. – 2/1578.
17. Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. – 2010. – №162. – 2/1697.
18. Конституция Белорусской ССР от 14 апреля 1978 года // Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные Законы) Союзных Советских Социалистических Республик. – М.: Юрид. лит., 1978.
19. Конституция СССР от 7 октября 1977 года // Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Конституции (Основные Законы) Союзных Советских Социалистических Республик. – М.: Юрид. лит., 1978.
20. Закон СССР от 1 декабря 1988 года №9853-ХІ «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) СССР».
21. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета СССР. – 1990. – №44. – Ст. 914.
22. По итогам прошедших в апреле 2010 года выборов в местные Советы депутатов Республики Беларусь избрано более 21 тыс. человек.
23. Статья V Конституции США от 17 сентября 1787 года // Конституции зарубежных стран: Учебное пособие.– М.: Изд-во БЕК, 1996.
24. Ведомости Верховного Совета и Правительства Литовской Республики. – 1992. – №33. – Ст. 1014.

К ВОПРОСУ ОБ УНИФИКАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ГОСУДАРСТВ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

***А.И. Лукашов**
Минск, ООО «Юридическая группа «ВЕРДИКТ БАЙ»*

Договор о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации (далее – Таможенный союз), подписанный в г. Душанбе 06.10.2007 года, вступил в силу с 10.10.2008 года.

Ставший реальностью, Таможенный союз невозможен без нормативного обеспечения своего функционирования. Как следствие, активная нормотворческая

деятельность государств – членов Таможенного союза и его единого постоянно действующего регулирующего органа – Комиссии Таможенного союза привела к созданию обширного по объему таможенного законодательства Таможенного союза. В его состав входят международные договоры государств – членов таможенного союза, регулирующие таможенные правоотношения в Таможенном союзе в рамках Евразийского экономического сообщества, и решения Комиссии Таможенного союза, регулирующие таможенные правоотношения в таможенном союзе, принимаемые в соответствии с Таможенным кодексом таможенного союза и международными договорами государств – членов таможенного союза. Их общее число уже перевалило за 1 000 единиц.

Представляется, что функционирование Таможенного союза и Единого экономического пространства Беларуси, Казахстана и России обязывает данные государства к модификации своих национальных уголовных законов и правоприменительных практик с учетом положений таможенного законодательства Таможенного союза.

При решении указанной задачи государства – члены Таможенного союза неизбежно столкнутся с немалым числом проблем. Среди этих проблем выделим, в частности, следующие.

В соответствии с п.2 ст.4 Таможенного кодекса Таможенного союза под преступлениями, совершаемыми в сфере таможенных отношений, понимаются преступления, производство по которым отнесено к ведению таможенных органов в соответствии с законодательством государств – членов таможенного союза.

Иными словами, Таможенное законодательство Таможенного союза не затрагивает вопросов установления признаков составов таких преступлений. Согласно Уголовным кодексам названных государств определение преступности общественно опасных деяний (признаков преступления) относится к исключительному ведению национального законодателя и осуществляется только в национальном уголовном законе.

Однако применительно к уголовно-правовым нормам с бланкетной диспозицией, этот ответ не кажется столь уж очевидным.

Например, признаки преступного уклонения от уплаты таможенных платежей сформулированы в национальном уголовном законе крайне общо. Понятия «таможенные платежи», «декларант», как субъект этого преступления, и другие понятия, значимые для уяснения признаков состава преступления определены не в уголовном законе, а в таможенном законодательстве. Пользоваться ли при их установлении исключительно национальным таможенным законодательством, таможенным законодательством Таможенного союза или же сочетать при установлении признаков состава указанного преступления и то, и другое законодательство, и, если да, то в каком сочетании, какое из них является главенствующим? Прямого ответа на эти вопросы национальный уголовный закон не содержит. Но в правоприменении они возникают.

Отвечая на них, надлежит исходить из того, что решения Таможенной комиссии, принятые ею в соответствии с компетенцией, имеют обязательный характер для сторон (статья 9 Договора о комиссии таможенного союза). В части 2 статьи 1 Таможенного кодекса Таможенного союза предусмотрено, что таможенное регулирование в Таможенном союзе осуществляется в соответствии с таможенным законодательством таможенного союза, а в части, не урегулированной таким законодательством, до установления соответствующих правоотношений на уровне таможенного законодательства таможенного союза, – в соответствии с законодательством государств – членов таможенного союза.

Другими словами, нормы таможенного законодательства Таможенного союза по своей юридической силе выше нормативных актов национального таможенного законодательства. Национальное таможенное законодательство применимо только в той сфере, в которой оно не конкурирует с нормами таможенного законодательства Таможенного союза ввиду их отсутствия.

Таким образом, несмотря на категорические уверения о национальном приоритете в определении преступности общественно опасных деяний, содержание признаков составов преступлений, совершаемых в сфере таможенных отношений, определяется в настоящее время не только национальным уголовным законом, но в большей степени наднациональным таможенным законодательством Таможенного союза.

Единое таможенное и экономическое пространство обязывает государства – члены Таможенного союза к унификации уголовной ответственности за экономические преступления, преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, психотропных веществ, оружия, и других преступлений, носящих трансграничный характер. Такой подход должен обеспечить единообразное определение указанными государствами признаков составов этих преступлений не только в национальном уголовном законе, но и в нормах национального законодательства, определяющих признаки преступлений, предусмотренных уголовно-правовыми нормами с бланкетной диспозицией. Должен обеспечиваться сходный подход к наказуемости этих преступлений в санкциях статей уголовного закона.

Увы, Уголовные кодексы не всех государств Таможенного союза соответствует надгосударственным нормам таможенного законодательства этого союза. Например, в ст.228 УК Республики Беларусь до сих пор предусматривается уголовная ответственность за незаконное перемещение предмета контрабанды через таможенную границу Беларуси, а не через таможенную границу Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС либо Государственную границу Беларуси с государствами – членами Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, как это сделано, например, в статьях 104.1, 226.1 и 229.1 УК России. В государствах-членах Таможенного союза не унифицированы нормы об ответственности за контрабанду. К примеру, в России декриминализована товарная контрабанда (признана утратившей силу ст.188 УК), между тем в ст.228 УК Республики Беларусь и ст.209 УК Казахстана товарная контрабанда признается преступлением.

Не согласованы между собой нормы национального законодательства указанных государств в сфере незаконного оборота наркотических средств, сильнодействующих, ядовитых и психотропных веществ, прекурсоров. Как следствие, возможно вполне легальное согласно белорусскому законодательству перемещение через таможенную границу Беларуси с последующей доставкой в Россию средств (веществ), не включенных в республиканский перечень наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих государственному контролю в Беларуси. Притом что такие средства (вещества) относятся к категории наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров в России, Казахстане. Выявленные при таможенном досмотре на таможенной границе Беларуси такие средства (вещества) не могут быть изъяты, а изъятые подлежат возврату. Не может быть возбуждено и уголовное дело в целях пресечения таких действий и привлечения лица к уголовной ответственности (эти действия не являются преступлением в Беларуси). Тем самым создаются объективные препятствия для уголовного преследования этих действий в России, Казахстане, в которых они являются преступными и подлежат уголовной ответственности.

В белорусском законодательстве не легализовано понятие «аналог наркотического средства, психотропного вещества». В Казахстане этот термин легализован, но также как и в Беларуси не предусмотрена уголовная ответственность за незаконный оборот аналогов наркотиков и психотропных веществ, включая незаконное перемещение их через таможенную границу. Между тем, такая ответственность предусмотрена ст.ст.228, 228.1, 229.1 УК России.

БЕЛАРУСЬ И РОССИЯ: ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕГРАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

С.А. Трахимёнок

Минск, ГУО «Институт национальной безопасности»

Правовое регулирование общественных отношений, складывающихся между Беларусью и Россией имеет в своем основании несколько тенденций, которые могут быть отнесены к собственно правовым это:

- влияние бывшей советской системы правовой организации,
- и попытки создания системы регулирования общественных отношений на основе принципов, так называемых, цивилизованных государств. И первое, и второе являются элементами разнополярных направлений развития данного геополитического пространства: посткоммунистического и демократического.

«Первое, – как считал Э.Ф. Володин, – вбирает в себя традиции Советского Союза, но наполняется национальным содержанием в той мере, в какой это допускал интернационализм в его марксистской интерпретации. Второе – в радикальном своем выражении является калькой принципов и условий существования западной цивилизации и в этом смысле космополитично настолько, насколько это было явлено предшествующими годами радикального реформирования» [1, с.68].

Однако и то, и другое суть крайности, которые не могут быть положены в основу идеологии регулирования социальных процессов на геополитическом пространстве Восточной Европы в силу того, что в основе и первого, и второго лежит игнорирование фундаментальных историко-культурных основ данного пространства.

Перечисленные тенденции, на наш взгляд, являются поверхностными или видимыми факторами, не играющими существенной роли в правотворчестве. Глубинные же факторы лежат в следующем.

Основу выживания различных систем, в том числе и сложных биосоциальных, составляет их безопасность, то есть такой уровень защищенности, при котором противодействующие системе факторы не способны уничтожить или изменить ее сущность.

Обеспечение безопасности человеческих сообществ – есть первейшая потребность процесса выживания. Осознание и формулирование этой потребности делает ее интересом. А деятельность по защите интересов есть политика. В зависимости от субъекта ее проведения это может быть политика различных социальных структур, в том числе и государств. В последнем случае она называется государственной. Государственная политика активно использует в своих интересах такой социальный регулятор как право.

Суть любой государственной политики – разрешение противоречий, возникающих внутри общества и между государствами в свою пользу. Но, государства чаще всего не пускают эти процессы на самотек, и сами создают и обостряют у оппонента или оппонентов имеющиеся противоречия с той же целью – разрешить их в свою пользу.

Однако безопасность лишь основа выживания человека. Весь же диапазон средств выживания охватывается понятием культуры, то есть всего, что создано определенной частью человечества для своего выживания. Право как культурный феномен может играть в этом процессе как положительную, так и отрицательную роль.

Из 21 цивилизации (культуры) по А. Тойнби выжили и сохранились лишь те, кто смог последовательно освоить жизненную среду и развить духовное начало во всех видах человеческой деятельности. А духовные начала и, прежде всего идеология, по мнению автора данной статьи, всегда облекались и облекаются в форму религии. И данная форма существенно воздействует на формирование, в том числе всех социальных регуляторов, будь-то рынок, традиции, мораль, право, причем как в религиозных государствах, так и в государствах светских. С той разницей, что, во-первых, соблюдение религиозных норм прямо обеспечивается принудительной силой государства, а во-вторых – формирование правовых систем осуществляется под воздействием и в рамках систем социокультурных ценностей и ориентиров, основой которых являются принципы взаимоотношения человека с Богом. И в дальнейшем, пропитанные духом этих ценностей нормы так же обеспечиваются государством.

В настоящее время в мире, по мнению геополитиков, существует до десятка крупных цивилизаций (культур) – способов выживания. Сформированные в различных климатических, ландшафтных, геополитических условиях культуры жизнеспособны только в них. И чтобы изменилась культура необходимо изменение всего комплекса условий выживания и такое же время, что ушло на формирование данной культуры.

Попытки перенести нормы одной культуры в другую, для регулирования процесса выживания несостоятельны. Глубокий анализ свидетельствует, что там, где на первый взгляд эти нормы все же «приживаются», имеет место результат совпадения назревших потребностей общества, потребностей не совсем еще осознанных и осмысленных с субъективными действиями по некоему переустройству, в основу которого положен опыт других культур.

С учетом того, что в последние годы все реальней стали просматриваться пределы индустриальной экспансии, идей индустриальной цивилизации, в основе которой лежит получение прибыли, становится понятным, что выживание делового индустриального общества в определенной мере зависит от непрерывной экспансии в традиционные культуры. Таким образом, все, что произошло с СССР – результат межцивилизационного столкновения, в котором носители одной культуры на конкретном отрезке времени переиграли носителей другой культуры.

Однако временные рамки межцивилизационного конфликта не ограничиваются рамками войн, горячих либо холодных. Конфликт существует постоянно, он эволюционирует вместе со средствами его разрешения.

Исследователи конфликта, в частности Г. Хотинская [5, с.62], считают, что принципиальные границы конфликтов и ранее возникали преимущественно между народами (носителями определенной культуры – прим. автора), а не между государствами. Такое состояние длилось до конца первой мировой войны, затем конфликт народов уступил место конфликту идеологий. Этому способствовало, в частности, развитие средств коммуникаций, хотя их тогдашний уровень и количественный, и качественный в сравнение не идет с нынешним.

Конфликт идеологий прекратил свое существование с началом третьей технологической революции в истории человечества и появлением возможности управлять мировыми процессами с помощью компьютера и телекоммуникаций. Все это создало предпосылки глобализации государственных сообществ, так как уже невозможно было спрятаться за различного рода занавесы и отгородиться от

проникновения норм других культур государственными границами.

С началом третьей технологической революции экспансия культур (цивилизаций) вышла на новый уровень и возможности взаимодействия и противодействия культур выросли на порядок.

Однако, как мы уже отмечали, культурные нормы, объективно сформировавшиеся на определенной территории, могут измениться только с изменением факторов, которые их породили, то есть изменением того, что мы называем обобщенным словом – пространство.

Данный парадокс, то есть объективная невозможность навязать свои правила игры другой культуре и субъективное желание сделать это, будет основой того, что в двадцать первом веке принципиальные конфликты будут возникать между нациями и группами различных культур или цивилизаций.

И объясняется это, прежде всего тем, что культура, спонтанно обеспечивая выживание среди других культур, укрепляет себя с помощью экспансии в другие культуры, возможно не вполне осознанно двигаясь к достижению одной цели. Чем больше удельный вес данной культуры среди других культур, тем устойчивее она и тем дольше в относительной безопасности существуют ее носители.

Как полагал Э.Ф. Володин «нация – сакральная этническая целостность, что делает позитивистский и атеистический взгляд на национальное бытие крайне поверхностным и не проникающим в сущность процессов и явлений. Русская нация сакральна, и ее историческое бытие подпадает под действие законов истории, но с тем дополнением, что мы, как этническая целостность, движемся к неведомой, но чаемой Вечности, не описываемой в системе позитивистского знания» [1, с. 69].

Вот почему ни Реформы Петра Первого, ни революция 17-го, ни перестройка и последующие радикальные реформы не создали главного условия для формирования общности аналогичной западной политической системы или правового государства. Ни то, ни другое, ни третье не смогли уничтожить основы традиционного общества: уклад жизни; семейные связи; нормы поведения.

Будучи исторически православной нацией русский (в его состав включаются великороссы, белорусы и малороссы) народ и сейчас, после более семидесяти годов атеизма, является православно ориентированной этнической общностью. По авторитетному свидетельству С. Булгакова основным признаком такого способа выживания является особый образ аскетического притяжения мира и его жизни, аскетического труда и творчества в нем.

Таким образом, можно констатировать, что русская православная традиция не исчезла, а лишь ушла вглубь и стала существовать вне религиозных форм.

Отсюда – нет условий для появления атомизированной социальной системы, исходящей из приоритета личности и потому требующей создания и укрепления правового государства. Традиционализм и православие предполагают примат нравственности над законом, и это великое достижение православной цивилизации не смогли уничтожить ни великие, ни малые перестройщики.

Первым из них, да и, пожалуй, самым заметным, был Петр Великий. Его реформы, однако, разрушили лишь традиционный способ существования элиты. Они не только увеличили пропасть между элитой и народом, но и качественно разделили население России на две группы. В основе выживания первой лежали нормы традиционного общества с духовными ценностями и ориентирами православия. Элита же стала ориентироваться на некую эклектическую смесь протестантских и традиционных ценностей.

Разумеется, реформы Петра Первого нельзя оценивать однозначно. Они решили многие проблемы общества и государства в сферах, где потребность в них

назрела. В частности, огромная территория России, требовали иной организации обеспечения безопасности; достаточно большой торговый оборот, интересы купечества требовали выхода к морям. Отсюда, остро стояла необходимость модернизации армии, создания флота, реформирования государственного управления и т.п.

Здесь же следует отметить, что Петр Первый вовсе не преклонялся перед Западом, как подает нам это отечественная историография. Об этом можно судить по его же высказыванию, о том, что окно в Европу необходимо для того, чтобы взять у нее ряд технических и организационных новшеств. На это у нас уйдет несколько десятков лет, – говорил Петр, – а потом можно будет повернуть к ней... спиной.

Реформы Петра кроме ожидаемого результата породили и негативные последствия, причины которых до сих пор неверно оцениваются специалистами.

Речь идет о нелюбимых юристами правовом нигилизме и двойном стандарте в правоприменении. Однако и первое, и второе – суть защитная реакция традиционной среды на внедрение правовых норм, призванных регулировать общественные отношения, выросшие на другой геополитической почве и не отвечающие потребностям большей части общества.

Правовой нигилизм и двойной стандарт позволяли осуществлять фактическое регулирование общественных отношений в определенной мере компенсируя несогласованность долженствования в сфере писанного права с долженствованием традиционных норм. Кроме того, рядом с официальным (правовым) регулированием всегда существовал огромный пласт отношений, в том числе имущественных, регулирующихся только традиционными (неписанными) нормами, которые собственно и обеспечивали выживание основной части общества. Разрушение их было равнозначно устранению социального регулирования вообще. А искусственное насаждение норм либерального общества в общество традиционное вело к деградации основных сторон его жизни.

В период обсуждения договора о создании союзного государства Беларуси и России было выдвинуто много аргументов в пользу такого союза, но все они, при определенной степени их значимости, являются лишь симптомами фундаментальных причин и не являются причинами объединения.

Коренной причиной интеграции является родственный способ выживания, а те различия, которые существуют между белорусами, (при определенной цивилизационной специфике западных областей Беларуси) и русскими и, по понятным причинам искусственно раздуваются противниками интеграции, не являются определяющими.

При той глобализации процессов, происходящих в мире, образовании сверхгосударств с наднациональными органами управления политикой, экономикой, вооруженными силами в рамках одного способа выживания становится понятным сопротивление аналогичным процессам в стане геополитических, а точнее цивилизационных конкурентов.

В современном мире потребность в безопасности и сам процесс достижения приемлемого ее уровня всегда закреплялся нормами права. Гипотетически можно предположить, что обеспечение безопасности может происходить и вне правового регулирования. Однако такое обеспечение выходит за рамки предмета исследования.

Право существует (и является реальным регулятором общественных отношений) только когда действует, то есть оказывает воздействие на участников правоотношений.

Если право не делает этого и существует только «на бумаге», оно не может называться правом, исходя из устоявшегося принципа «что не осуществляется, то

не может быть признано правом».

Фактор цивилизационной конкуренции проявляется не только в объективном взаимодействии культур. Культуры конкурируют и субъективно, осознанно. И один из путей воздействия на цивилизационного конкурента является оказание влияния на его социальные регуляторы и, прежде всего, право, а точнее законодательную систему.

Механизм такого воздействия не сложен. Он осуществляется посредством перетягивания на свою сторону части национальной элиты, в нашем случае тех, кто занимается правотворчеством.

Через подсказки и рекомендации достигается эффект управления, то есть нужный результат. Наиболее опасны рекомендации в рамках концептуальной информации, которая лежит в основе будущих целей, выработки и принятия решений, критериев и оценок. Она в форме доктрин и теорий, стратегий или алгоритмов становится не только основой принимаемых решений, но и закрепляется в нормах права.

Если манипулирование извне фактологической информацией может привести к однократной ошибке в принимаемых решениях, то при закладке ошибки в концептуальной информации ошибка принимает постоянный характер. Факты, указывающие на ошибку, выдаются за исключение из правил. Причина ошибки ищется в чем угодно, только не в навязанной концепции.

Опровергнуть концептуальную информацию, принятую сознанием того или иного представителя политической или научной элиты весьма сложно. Это воспринимается как сомнение в его компетенции, умении ориентироваться в обстановке и так далее.

Причем объекты влияния в большинстве своем не осознают, что проводят в жизнь чужие концепции. С юридической точки зрения они не совершают противоправных действий, а лишь отстаивают свою точку зрения. Традиционный аппарат правоохранительных органов, опирающийся в своей деятельности на уголовное или административное законодательство, бессилен перед таким влиянием и управление извне.

В свое время, заложив с помощью своих экспертов-юристов в систему законодательства Японии несколько концептуальных принципов, американцы, помнящие Перл-Харбор, обеспечили себя спокойное существование в регионе Тихоокеанского бассейна до нынешнего времени.

Анализ нормотворчества в последние двадцать лет в Беларуси и России показывает, что большинство новых законодательных актов, принятых там, и направленных на внедрение новых «форм жизни», обеспечение прав и свобод личности не привели к желаемому результату. Уже сейчас можно отметить, что многие создаваемые нормативные акты или их составные части «не действуют», что чрезвычайно опасно, поскольку в таком случае право, призванное упорядочить общественные отношения:

- не способствует их упорядочению;
- дискредитирует себя как социальный институт, как наиболее цивилизованный регулятор общественных отношений.

Более детально причины такого «не действия» просматриваются при выделении некоторых сфер и элементов правового регулирования.

В, частности, в правотворчестве, по мнению и представителей этатистских (А.Ф. Вишнеvский, Н.А. Горбаток, В.А. Кучинский) [3, с. 298] взглядов и тех, кто придерживается либертарно-юридического правопонимания (В.С. Нерсисянц) [2,

с.420] нарушается принцип так называемой общесоциальной легитимности, который требует, чтобы правоустановительная деятельность государства опиралась на широкую базу социального ожидания, согласия и поддержки правоустановительных преобразований и решений. Поскольку процесс согласования законопроектов только с государственными структурами приводит к усилению узковедомственных начал, и абсолютно не учитывает ожидания социума.

В правоприменении, как одной из форм реализации права, следует обратить внимание на то, где «срабатывает» цивилизационная защита в виде правового нигилизма и двойных стандартов, коей государственные структуры в лице должностных лиц, а также граждане оказывают сопротивление нормам, относящимся либо к инокультурным моделям правового регулирования, либо защищающим интересы небольших социальных групп. Эта защита своеобразный показатель цивилизационной не проработанности законопроекта.

Не исследуется и не учитывается влияние на правовое регулирование такого элемента правовой психологии как менталитет субъектов правоотношений, проживающих на территории бывшего СССР, в частности, в Беларуси и России, особенностями которого являются: коллективизм; мифичность сознания; духовные начала генотипа, в основе которого заложены нормы православия, весьма специфически относящегося к материальным благам; завышенная требовательность к лидерам и вождям; приоритет традиционных норм перед «писаным» правом и ряд других.

И первое, и второе, и третье всего лишь разрозненные факторы, оказывающие влияние на эффективность правового регулирования, то есть на достижение целей, поставленных законодателем. Их трудно устранить научными исследованиями или созданием структур дополнительной экспертизы (экологической, криминологической, исторической, лингвистической, гендерной и т.д.), как предлагает, в частности, А.А. Соколова [4, с. 113].

Выход из создавшегося положения, двояк.

В настоящем времени это учет перечисленных факторов в правотворчестве, особенно в рамках принятия нормативных актов интеграционного характера. В перспективе же это перестройка образования и воспитания национальных элит на присущих данному геополитическому пространству цивилизационных основах.

Список литературы:

1. Володин, Э.Ф. Политический вызов и национальный ответ // VIP-Premier. – 1997. – №29-30. – С.68-70.
2. Нерсисянц, В.С. Общая теория права и государства: Учебник для юридических вузов. – М.: Изд-во «НОРМА», 2000. – 552 с.
3. Общая теория государства и права / А.Ф. Вишневский, Н.А. Горбатов, В.А. Кучинский; Под общ. ред. А.Ф. Вишневского. – Мн.: Тесей, 1999. – 560 с.
4. Соколова, А.А. Социальные аспекты правообразования. – Мн.: ЕГУ, 2003. – 160 с.
5. Хотинская, Г.А. Межцивилизационные конфликты и культура // Фонд национальной и международной безопасности / Гл. ред. Л. Шершнева. – 1997. – №1-2. – С.61-64.

БЕЗ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УГОЛОВНЫХ САНКЦИЙ НЕВОЗМОЖНА ОПТИМИЗАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ В СООТВЕТСТВИИ С ТРЕБОВАНИЯМИ КОНЦЕПЦИИ

В.М. Хомич

Минск, НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

1. Постоянные реформации, которым подвергался и подвергается на протяжении десяти лет Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК), касались и системы уголовных санкций. Их совершенствование необходимо, чтобы преодолеть кризис уголовной (прежде всего, наказательно-возмездной) политики прошлых лет, обеспечить экономию социальных, материальных и уголовно-процессуальных ресурсов уголовно-исполнительной деятельности при безусловном обеспечении безопасности общества, граждан и государства. Многолетние дискуссии по этим вопросам обычно сводились к предложениям о необходимости существенного сокращения применения лишения свободы. Против этого сегодня уже никто не возражает. Вопрос заключается лишь в том, как и за счет каких иных наказаний и мер уголовной ответственности этого можно достичь, сохраняя необходимый уровень контроля над преступностью и обеспечивая должную безопасность граждан, общества и государства от преступных посягательств.

2. Необходимость наказания в виде лишения свободы, даже в условиях стабилизированной преступности, очевидна и определяется тем, что оно позволяет изолировать от общества наиболее опасных преступников в целях частного и общего предупреждения преступлений.

Другое дело, что в реальных практиках (при осуществлении правосудия по конкретным уголовным делам) лишение свободы все-таки должно назначаться преимущественно в отношении преступников, потенциально представляющих опасность для общества в случае их оставления на свободе, а не только в связи с уголовно-правовой (законодательной) оценкой общественной опасности совершенного преступного деяния. Правовые основы для подобной оптимизации применения удерживающих факторов наказания в виде лишения свободы имеются – это и различные формы условного неприменения лишения свободы по системе контролируемой испытательной саморесоциализации (ст.ст.77 и 78 УК), и институт назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст.70 УК). К сожалению, технология рационально-дифференцированного применения указанных форм в целях оптимизации и сокращения реального лишения свободы пока должным образом не освоена отечественным правосудием.

3. Уровень лишения свободы должен снижаться, во-первых, за счет адекватного применения наказаний, адаптированных к современным условиям и возможностям эффективного исполнения (имеется в виду наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества), и, во-вторых, посредством совершенствования порядка исполнения лишения свободы на основе введения так называемых полуоткрытых и открытых форм его отбывания. Это более рациональный и социально-закономерный путь поддержания необходимого карательного и предупредительного потенциала лишения свободы.

4. Снижение применения лишения свободы с 25,5% в 2007 году до 21,6% в 2011 году было достигнуто за счет расширения практики применения таких наказаний, как ограничение свободы и исправительные работы, организация исполнения которых не позволила обеспечить должную эффективность исполнения и отбывания этих наказаний в реализации целей уголовной ответственности. Как следствие, наблюдается высокий уровень уклонения осужденных от отбывания указанных наказаний (более 40%). В свою очередь, практически не используются

в качестве альтернативы реальному лишению свободы такие меры уголовной ответственности, как осуждение к лишению свободы с условным его неприменением или с отсрочкой применения (всего 8,6%). Крайне низким остается применение в качестве наказания штрафа (9,3%).

Такая практика нерационального применения мер наказания и иных мер уголовной ответственности наблюдается на протяжении всего периода, начиная с 2002 года (после вступления в действие УК). Это привело к существенному росту уголовно-правового рецидива, который за указанный период увеличился в 2,5 раза и составил в 2011 году 42,8%.

5. Социальные издержки кризиса действующей на постсоветском пространстве системы видов наказания объективно вызывают необходимость социальной переориентации взглядов на цели применения наказания с проблем исправления на осуществление задачи безболезненного вхождения осужденных в социальные формы жизнедеятельности, особенно после отбытия наказания в виде лишения свободы.

Поэтому вопрос, насколько эффективна действующая система видов наказания с точки зрения современных ресоциализационных задач уголовной политики, не является риторическим. Позволяет ли действующая система видов наказания проводить более взвешенную и эффективную карательную политику противодействия преступности, в том числе в аспекте желательного снижения применения лишения свободы посредством назначения иных наказаний, которые, подавляя (удерживая) асоциальные устремления виновного, одновременно стимулировали бы осужденных к соблюдению требований правопорядка.

6. Вопрос, прежде всего, касается эффективности действующей системы видов наказаний (их избыточности или достаточности, согласованности, адаптированности к социальным условиям, отсутствия или наличия социальных и организационных ресурсов для обеспечения их исполнения), а также совершенства проводимой карательной политики в аспекте индивидуализации наказания при его назначении судами.

Казалось бы, столь большое видовое разнообразие наказаний (при этом в статусе основных), которые предусматривает УК Республики Беларусь (всего 9, не считая специальных наказаний для военнослужащих), должно было послужить серьезным аргументом для переосмысления практики назначения наказания в аспекте более глубокой и социально ориентированной индивидуализации. Но этого не произошло.

7. Не все виды наказания сегодня по своим карательным свойствам адаптированы к социальным возможностям контролировать и удерживать (предупреждать) криминогенную распущенность с учетом личностной типологии преступности и преступлений, а тем более, успешно содействовать социальному исправлению правонарушителей.

Проблематичен карательный и исправительно-трудовой потенциал наказания в виде ограничения свободы. Наказание ограничением свободы предусматривалось как промежуточное между лишением свободы и исправительными работами посредством направления осужденного на установленный судом срок в места обязательного привлечения к труду, где он должен был находиться под надзором органов, ведающих исполнением данного наказания.

К сожалению, введение нового вида ограничения свободы не сопровождалось усилением организационных начал в его исполнении. Осужденные, отбывающие ограничение свободы по месту жительства в сельской местности, вообще оказались вне надзора.

Поэтому есть серьезные основания к тому, чтобы реорганизовать ограничение свободы как наказание в иные апробированные формы карательного воздействия. Так, ограничение свободы с направлением в исправительное учреждение открытого типа следует реорганизовать в открытую форму отбывания лишения свободы, ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа (с отбыванием по месту жительства) в систему карательных ограничений отбывания исправительных и (или) общественных работ

8. Наконец, следует разрешить пока неразрешенную и очевидно давно существующую проблему штрафа как уголовного наказания, превратив его по основаниям и порядку назначения и исполнения в основную альтернативу лишению свободы.

Штраф, лишая осужденного преступника денежных доходов и сбережений, что составляет основу его свободы и успешного бытия, способен удерживать от рецидива подавляющую массу правонарушителей. Штраф имеет один недостаток в контексте реализации целей уголовной (охранительной) политики и целей уголовной ответственности – он не в состоянии обеспечить предупредительную и исправительную задачу в отношении агрессивно-ориентированной и асоциально-запущенной части преступников, мотивированных на совершение опасных для граждан и общества преступлений. Изоляция такого рода преступников от общества в порядке применения лишения свободы, в том числе на относительно длительный срок, необходима и оправдана.

В практической плоскости более широкое применение штрафа судами в отношении преступников, не нуждающихся в изоляции от общества, сдерживается трудностями, точнее, невозможностью его взыскания вследствие отсутствия соответствующих денежных сбережений и доходов у граждан, привлекаемых к уголовной ответственности. Это давно и хорошо известная проблема, которая до настоящего времени не разрешена в законодательстве государств, образованных на постсоветском пространстве.

Между тем, условия для более широкого применения штрафа имеются, особенно если он будет назначаться на альтернативных лишению свободы условиях и при максимально возможной его индивидуализации с учетом материального положения виновного. Мотивация виновных избежать изоляции от общества за неотвратимо грозящее наказание в виде лишения свободы посредством уплаты штрафа, назначенного альтернативно с лишением свободы, очевидна.

Различные модели эффективного назначения и исполнения штрафа, предусмотренные в законодательстве и успешно применяемые в большинстве государств, основаны на механизме альтернативности штрафа лишению свободы. Во всех случаях осужденный может избежать отбывания лишения свободы, уплатив штраф, учитывая приоритет штрафа по отношению к лишению свободы в рамках постановленного приговора.

В этой связи предлагается назначать штраф в социально допустимых пределах – при отсутствии серьезного риска оставления осужденного на свободе для безопасности общества и государства – на альтернативной лишению свободы основе. В этом случае суд, назначая наказание в виде штрафа, определяет и срок лишения свободы, который осужденному предстоит отбыть, если назначенный по приговору штраф, подлежащий приоритетному исполнению, не будет уплачен в установленный срок.

9. В реформировании нуждается и институт досрочного освобождения от наказания. Применение институтов условно-досрочного освобождения от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким наказанием следует огра-

ничить только лицами, осужденными к наказанию в виде лишения свободы и отбывающими данное наказание. Это ограничение касается и наказания в виде ареста при условии сокращения срока данного наказания с шести месяцев до трех месяцев, а в отношении несовершеннолетних – до двух месяцев.

СООТНОШЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

П.Г. Шеленговский

*Москва, Московский государственный университет
экономики, статистики и информатики (МЭСИ)*

В 1967 году Конвенцией, учредившей Всемирную организацию интеллектуальной собственности (ВОИС), в профессиональный оборот было введено понятие интеллектуальная собственность, которое включило в себя права, относящиеся к нематериальным результатам умственной деятельности в области производства, науки, литературы и искусства. С того момента одним из главных показателей цивилизованности общества стал уровень внимания развитию науки, культуры и техники.

Законодательный уровень интеллектуальной собственности в настоящее время является актуальной и злободневной не только экономической, но и политической проблемой, проблема интеллектуальной собственности наиболее злободневна для стран с переходной экономикой. Актуальность и злободневность заключается в том, что в бывшем СССР господствовала официальная доктрина игнорирования прав человека, поэтому государство было единственным владельцем любой интеллектуальной собственности, созданной личностью. Более того, многолетнее использование в СССР интеллектуального потенциала шло в основном для нужд военно-промышленного комплекса, а не на создание социально ориентированной экономики. В итоге такая политика привела к почти полной невосприимчивости национальной экономики к научно-техническому прогрессу, снижению уровня и качества жизни населения.

Интеллектуальная собственность в теоретическом и практическом значении была и остается предметом дискуссии многих ученых. Только если по поводу собственности вообще, как осязаемых вещей, спор ведется между классами, группами и так далее, то в данном случае речь идет о собственности нематериального характера, то есть иного рода. Спор в частности идет о том признавать или не признавать интеллектуальную собственность как правовой институт. Противники института интеллектуальной собственности указывают на недопустимость отождествления правового режима материальных вещей и нематериальных объектов, а по существу, и вообще против употребления такой терминологии. Однако уже сам ведущийся спор, а также то, что субъекты гражданского права по поводу объектов интеллектуальной собственности вступают в правовые отношения, говорит о необходимости выделения таких объектов и в целом правового регулирования названного института с определением исключительных прав как личного, так и имущественного характера на результаты интеллектуальной деятельности.

Интеллектуальная собственность в объективном смысле – это совокупность норм, которыми регулируются отношения, связанные с созданием и использованием ряда результатов интеллектуальной творческой деятельности и средств индивидуализации участников гражданского оборота. В субъективном смысле – это совокупность правомочий как личного, так и имущественного характера, принад-

лежащих авторам творческих достижений, патентовладельцам или лицам, осуществившим регистрацию средств индивидуализации, их наследникам и иным правопреемникам.

Специфика и особенности отношений, связанных с интеллектуальной деятельностью, определяется физическими особенностями нематериальных результатов, которые неосвязаемы. Различие материальных вещей и результатов интеллектуальной деятельности заключается в том, что вещь ограничена в пространстве и отделена от другой вещи, а выделить нематериальный результат в самостоятельный объект можно лишь с помощью специальных юридических нормативных приемов. Важное и достаточно проблемное отличие нематериального результата от вещи заключается в том, что нематериальный результат может одновременно использоваться неограниченным кругом лиц, кроме того, нематериальный результат не подвержен физическому износу, а может лишь морально устареть.

Факт невозможности применения правового режима собственности, используемого в отношении материальных объектов, к нематериальным результатам является доказанным, современные ученые полагают, что к отношениям, связанным с использованием последних, следует применять режим исключительных прав. Исключительные права признаются отчуждаемыми и в современных условиях развития законодательства рассматриваются как монополия правообладателя на использование определенных, закрепленных законодательно, объектов интеллектуальной деятельности или средств индивидуализации. Следовательно, если на конкретные результаты интеллектуальной деятельности на законодательном уровне не закреплено исключительное право и эти результаты не являются конфиденциальными, любое лицо может использовать эти достижения свободно и безвозмездно.

Таким образом, в современном гражданском праве большинства стран постсоветского пространства применяются и используются два термина – «интеллектуальная собственность» и «исключительные права». Указанные понятия в современном постсоветском законодательстве большинства состоят в ранге отождествления, причем исключительные права определяют как «имеющие экономическую ценность и способные свободно отчуждаться с учетом ограничений, установленных в интересах защиты личных прав создателей соответствующих объектов и публичных интересов общества. Данные права имеют территориальный и временный характер и допускают одновременную эксплуатацию объекта охраны неограниченным кругом лиц». Однако автору нематериального результата принадлежат не только имущественные, но и личные неимущественные права, не имеющие экономического содержания. Последние, независимо от имущественных прав автора, сохраняются за ним в случае перехода его имущественных прав к другому лицу и действуют бессрочно. Таким образом, понятием «исключительные права», как оно определено выше, личные неимущественные права не охватываются.

Следовательно, правильным следует считать тот подход, при котором под исключительными правами понимают лишь имущественные права, способные переходить к другим лицам. Понятие «интеллектуальная собственность» следует рассматривать как условный термин, обозначающий совокупность личных неимущественных и исключительных (имущественных) прав.

Законодательством большинства стран СНГ понятие «интеллектуальная собственность» определяется через перечисление нематериальных объектов, в отношении которых признается исключительное право. Таким же способом определен термин «интеллектуальная собственность» в ст.2 Конвенции, учреждающей

Всемирную Организацию интеллектуальной собственности, подписанной в Стокгольме 14 июля 1967 года и измененной 28 сентября 1979 года.

Проблематика соотношения понятий право собственности и право интеллектуальной собственности во многих постсоветских странах стоит достаточно остро, поскольку если исходить из смысла терминов – право интеллектуальной собственности следовало бы считать разновидностью права собственности, что, конечно, ошибочно. На самом деле право собственности имеет своим объектом предметы материального мира, а право интеллектуальной собственности – нематериальные объекты, в основном являющиеся интеллектуальными (творческими) результатами. К ним примыкают и приравниваются некоторые иные – тоже нематериальные – результаты.

В Российской Федерации, к примеру, данная проблема была решена законодателем в последней редакции ст.1226 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). В соответствии с данной статьей на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) признаются интеллектуальные права, которые включают исключительное право, являющееся имущественным правом, а в случаях, предусмотренных ГК, также личные неимущественные права и иные права (право следования, право доступа и другие).

Таким образом, законодатель заменил спорный, подвергающийся постоянной критике термин право интеллектуальной собственности на термин интеллектуальные права.

Из ст.1226 ГК РФ вытекает то, что в отношении интеллектуальных прав возникают субъективные права трех видов:

- 1) исключительное право;
- 2) личные неимущественные права;
- 3) иные права.

Исходя из статьи 1226 ГК РФ, исключительное право возникает в отношении любого объекта интеллектуальных прав, а два остальных вида прав возникают только в случаях, предусмотренных этим же ГК. Это означает, что ни подзаконные акты, ни даже другие федеральные законы не могут расширять перечень личных неимущественных прав или иных субъективных прав, относящихся к этой группе объектов. Кроме того, законодатель четко в ст.1226 отнес исключительное право к категории имущественных прав. Однако имущественные права могут существовать либо в абсолютных правоотношениях, либо в обязательствах, но исключительные права в обязательственных правоотношениях не существуют.

Статья 1226 ГК РФ устанавливает, что на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации) признаются интеллектуальные права, которые включают исключительное право, то есть на все виды объектов, указанных в п.1. ст.1225 ГК признается исключительное право, но фактически на секреты производства (ноу-хау) никакого исключительного права не возникает, имущественные права на этот объект существуют лишь в относительных, обязательственных отношениях.

В ст.1226 ГК РФ оговариваются так называемые «иные права», которые вместе с исключительным правом и личными неимущественными правами составляют субъективный состав интеллектуальных прав. Исходя из рассматриваемой статьи четко понятно, «иные права» не являются исключительными. Однако из текста ст.1226 невозможно сделать вывод о том, являются эти «иные права» имущественными или личными неимущественными правами. То есть в данном

случае получается дилемма – исходя из законодательства есть исключительное имущественное право и есть неимущественные права, а вопрос иных прав получается неурегулированным, кроме того, законодатель указал примеры иных прав – это право следования, право доступа, вопрос возникает с привязкой «др.» – что под этим подразумевает законодатель остается противоречивым.

Кроме вышеизложенного хотелось бы подчеркнуть, что в современных условиях развития гражданского законодательства огромный вклад науки в постсоветских странах в мировую цивилизацию общепризнан, в настоящее время указанные страны, бесспорно, относится к числу импортеров интеллектуальной собственности. Указанное, с одной стороны положительное обстоятельство, служит одной из главных причин того, что реальный законодательный уровень охраны прав на многие объекты интеллектуальной собственности остаются крайне низким и к тому же спорным и неурегулированным, доказательством этому служат приведенные выше единичные проблемы сущности интеллектуальных прав и понятия интеллектуальной собственности и таких проблем и коллизий в современном законодательстве множество и они требуют срочного и адекватного разрешения и разрешения компетентного с научным подходом, поскольку актуальное желание стран бывшего СССР влиться в мировое сообщество и на равных участвовать в торговых отношениях может быть реализовано лишь при соблюдении условий обеспечения реальной нормативно-правовой охраны интеллектуальной собственности.

Однако, к сожалению, надлежит признать, что на данный момент реальность охраны указанной собственности отсутствует – теория не переходит в практику, и, кроме того, для решения данной задачи нет необходимых предпосылок – отсутствует желание властей и необходимая материальная основа для осуществления изменений в законодательствах и экономиках.

ЕДИНОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РОССИИ, БЕЛАРУСИ И КАЗАХСТАНА

И.И. Шматков
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Три страны – Беларусь, Россия, Казахстан сегодня находятся в тесном интеграционном образовании. На протяжении 2-х лет действует Таможенный союз. С начала этого года заработало Единое экономическое пространство. Кыргызстан и Таджикистан проявляют огромный интерес к этим глобальным проектам. Россией, Беларусью и Казахстаном четко обозначено направление их развития – в перспективе до Евразийского союза.

В настоящее время в мире полным ходом идут интеграционные процессы и количество экономических союзов и единых таможенных зон непрерывно растет. Поэтому особенно важно знать, как подобные объединения влияют на экономику государств-членов объединения и на мировую экономику в целом, о трудностях на пути экономической интеграции и о путях их преодоления с учетом изучения мирового опыта. Процессы экономической интеграции не оставили в стороне и независимые государства бывшего СССР.

В середине 90-х годов Беларусь и Россия осознали необходимость тесной двусторонней интеграции, восстановления духовных, экономических и политических связей, которые объединяли их на протяжении веков.

Создание Союзного государства России и Беларуси стало прогрессивным объединением независимых государств конца XX века. На этом страны не оста-

новились. Было принято совместное решение о создании Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана. В соответствии с Договором «О создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза» от 6 октября 2007 года таможенный союз представляет собой форму торгово-политической интеграции Российской Федерации, Республики Беларусь и Республики Казахстан, предусматривающую единую таможенную территорию, в пределах которой во взаимной торговле товарами, происходящими с единой таможенной территории, а также происходящими из третьих стран и выпущенными в свободное обращение на этой территории, не применяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера, за исключением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер. Таможенный союз предусматривает также единый таможенный тариф и другие меры регулирования торговли с третьими странами.

Таможенный союз, создавался как первый кирпич в едином здании будущего ЕЭП (Единого экономического пространства). Согласно планам правительств России, Белоруссии и Казахстана, ЕЭП будет создан в 2012 году. В октябре 2011 года был подписан договор о создании зоны свободной торговли в рамках СНГ. Эксперты считают, что договор является стартовой точкой как для создания новых объединений, так и для увеличения общего числа членов.

Одним из ключевых моментов в формировании таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества явилось принятие Договора о Таможенном кодексе таможенного союза, подписанного 27 ноября 2009 года в г.Минске на заседании Межгосударственного Совета ЕврАзЭС (высшего органа таможенного союза) на уровне глав государств. Данным Договором принят Таможенный кодекс таможенного союза, являющийся его неотъемлемой частью.

Таможенный кодекс таможенного союза (далее – ТК ТС) – одна из составляющих частей формируемой в настоящее время нормативной правовой базы, на основании которой будет функционировать таможенный союз Беларуси, России и Казахстана в рамках Евразийского экономического сообщества.

В соответствии с решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 27 ноября 2009 года Договор о Таможенном кодексе таможенного союза вступил в силу с 1 июля 2010 года.

Договорно-правовая база Таможенного союза практически сформирована. Действует Таможенный кодекс объединения, принято 26 международных договоров стран-участниц, около 70 решений Комиссии Таможенного союза (КТС).

При КТС сформирована рабочая группа, которая занимается разработкой изменений и дополнений в Таможенный кодекс. Планируется включить в него максимальное количество норм прямого действия, а также отдельные положения международных соглашений и Решений КТС в области таможенного регулирования. Структура документа, заложенные в нем основные принципы и понятийный аппарат останутся неизменными. Законодательные коррективы будут соответствовать положениям Международной конвенции об упрощении и гармонизации таможенных процедур.

В рамках приведения национального законодательства в соответствие с договорно-правовой базой Таможенного союза ГТК ведет работу над проектом Закона «О таможенном регулировании в Республике Беларусь», а также по внесению изменений и дополнений примерно в 60 актов Президента Республики Беларусь и около 80 постановлений Правительства Республики Беларусь.

Проделана большая работа по переходу с января 2012 года к новой редакции единой ТН ВЭД Таможенного союза.

Сотрудничество в области таможенного дела представляет собой важное направление международного взаимодействия государств и позволяет координировать усилия в сфере международных отношений, связанных с перемещением товаров и транспортных средств через таможенные границы государств.

Всемирная таможенная организация как международная межправительственная организация всемирного масштаба, объединяющая более 170 государств, представляет собой основное звено такого международного сотрудничества.

Всемирная таможенная организация высоко оценила разработанную программу и важнейшие положения основных направлений развития таможенной службы Республики Беларусь в 2011-2015 годах. Отмечено, что в них учтены международные реалии развития таможенного дела, вопросы практического применения положений Рамочных стандартов безопасности и облегчения мировой торговли. Реализованы также концептуальные подходы ВТО. Максимально учтены интересы бизнеса.

Республика Беларусь является надежным участником Всемирной таможенной организации и неукоснительно соблюдает взятые на себя международные обязательства в области международного таможенного права.

Список литературы:

1. О ратификации Договора о создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза: Закон Республики Беларусь от 09.07.2008 года №380-з // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр» / НЦПИ Республики Беларусь. – Минск, 2012.
2. Договор «О Таможенном кодексе таможенного союза» (вместе с «Таможенным кодексом таможенного союза»). Подписан в г. Минске 27.11.2009 года (в ред. от 16.04.2010 года) // КонсультантПлюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юрспектр» / НЦПИ Республики Беларусь. – Минск, 2012.
3. Таможенное право: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Юриспруденция» и «Таможенное дело» / Под ред. М.М. Рассолова, И.И. Шматкова. – Мн.: Изд-во: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. – 463 с.
4. Шматков, И.И. Таможенное право Республики Беларусь: Учебное пособие. – 2-е изд., исп. и доп. – Минск: Белтаможсервис, 2009. – 245 с.

РАЗВИТИЕ «ЭЛЕКТРОННОГО ПРАВОСУДИЯ» В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В.В. Алексеева
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

С конца двадцатого века современные информационно-коммуникационные технологии стали активно внедряться во все области жизни человека. Данный процесс не мог оставить в стороне судебную систему, где в настоящее время идет активное использование и правовое закрепление применения новейших информационных технологий. Во многих странах формируется так называемое «электронное правосудие».

Электронное правосудие – это способ осуществления правосудия, основанный на использовании информационных технологий. Оно включает в себя не только целый ряд систем, обеспечивающих доступ к информации о деятельности судов, информатизацию судов, но и прежде всего осуществление процессуальных действий в электронной форме. Всё это обеспечивает открытость и доступность судов, улучшение качества судейской работы, сокращение издержек и максимальное удобство для участников спорных правоотношений.

Электронное правосудие предоставляет участникам судебного процесса различные возможности: подача (отправка) исковых заявлений, жалоб, иных необходимых документов в суд в электронной форме; получение уведомлений из суда с помощью электронных средств связи (в том числе по смс, электронной почте); отслеживание движения дела в суде через сеть Интернет; проведение судебных заседаний с использованием видеоконференцсвязи, транслирование судебных заседаний в режиме онлайн в сети Интернет и ряд других возможностей.

В Республики Беларусь в настоящее время ведется активная работа по внедрению элементов электронного правосудия в деятельность судов. Немалые достижения в данной сфере можно наблюдать, главным образом, в системе хозяйственных судов. Однако говорить о существовании «электронного правосудия» в нашем государстве пока рано.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2002 года №1819 была утверждена Государственная программа информатизации Республики Беларусь на 2003-2005 годы и перспективу до 2010 года «Электронная Беларусь». В данном документе отмечается, что в последнее десятилетие XX века информационно-коммуникационные технологии стали одним из важнейших факторов, влияющих на развитие общества, они воздействуют на государственные структуры и институты гражданского общества, экономическую и социальную сферу, науку и образование, культуру и образ жизни людей. Фактически это правовая основа движения нашего государства к информационному обществу. В перечне проектов данной программы (п.23, 53) выступает разработка и внедрение автоматизированной интегрированной системы управления органов, учреждений юстиции и судов, в том числе разработка и внедрение автоматизированной информационной системы Верховного Суда (АИС Верховного Суда).

В программе деятельности Правительства Республики Беларусь на 2011-2015 годы, утвержденной Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 18 февраля 2011 года №216, указывается на необходимость содействия формирования электронного правосудия.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 28 марта 2011 года №384 утверждена Национальная программа ускоренного развития услуг в

сфере информационно-коммуникационных технологий на 2011-2015 годы, где в качестве мероприятий по ее реализации (п.31) предусматривается разработка многофункционального Web-портала судов и организаций, входящих в систему Минюста (Web-портал «Минюст»), обеспечивающего информационную поддержку граждан.

На необходимость развития отдельных элементов электронного правосудия (внедрение аудио- и видеозаписи в деятельности судов, видеоконференцсвязи между общими судами всех уровней, расширение форм и методов извещения участников процесса о времени и месте рассмотрения дела) обращается внимание и в Указе Президента Республики Беларусь от 10 октября 2011 года №454 «О мерах по совершенствованию деятельности общих судов Республики Беларусь».

Как уже отмечалось, немалых успехов в движении к электронному правосудию добилась система хозяйственных судов Республики Беларусь. Так, в 1998 году Высший Хозяйственный Суд Республики Беларусь начал активную работу по созданию и внедрению программного комплекса по судопроизводству «Автоматизированная информационная система управления делопроизводством системы хозяйственных судов Республики Беларусь», которая в настоящий момент модернизируется с учетом опыта работы и высказанных предложений, а также мировой практики. Уже сейчас имеется возможность подачи документов в хозяйственные суды в электронном виде. Такая практика действует в хозяйственном суде Гродненской области и Высшем Хозяйственном Суде Республики Беларусь. Использование системы видеоконференцсвязи явилось эффективным инструментом в повседневной деятельности судов, позволило повысить оперативность подготовки и проведения различных мероприятий. Не стоит забывать и об Интернет-портале хозяйственных судов, представляющий мощный информационный ресурс, обеспечивающий многогранное представление в сети Интернет информации о деятельности хозяйственных судов в Республики Беларусь.

Можно выделить следующие положительные аспекты применения средств электронного правосудия. Безусловно, это процессуальная экономия и доступность. Это касается возможности обращения в суд путем подачи заявлений (иных документов) на сайте соответствующего суда, отсутствие необходимости проезда непосредственно в суд, либо отправки документов по почте, либо обращение за помощью к представителю. Применение видеоконференцсвязи, особенно важно, если стороны, свидетели проживают в отдаленной местности, либо другом государстве. Не стоит забывать и об экономии времени работников суда и самих судей: сокращается время на обслуживание посетителей, разъяснение информации при наличии её на сайте суда, составление протоколов судебного заседания (при использовании видео- и аудиозаписи) и др.

Кроме того, посредством электронного правосудия обеспечивается прозрачность судопроизводства, его открытость, ускорения сроков рассмотрения дела и повышения качества судебных актов. Все это повышает доверие к судебной системе.

В то же время существует ряд проблем, тормозящих использование возможностей электронного правосудия. Во-первых, это недостаточная развитость законодательства. Необходимо совершенствование процессуального законодательства, так как создание многих возможностей немыслимо без соответствующих изменений в текущем законодательстве.

Во-вторых, немало важен уровень организационно-технического оснащения судов. К сожалению, не во всех судах существует техническая возможность при-

менения всех элементов электронного правосудия, в том числе наличие достаточного количества компьютерной техники, постоянного доступа в интернет и др. В штат суда должны быть включены специалисты в области системного администрирования для обеспечения деятельности всех инструментов электронного правосудия. Не менее актуальной является проблема защиты информации, хранимой в системах электронного правосудия или передаваемой с их помощью, а также проблема проверки подлинности и аутентичности электронных документов.

В-третьих, не стоит забывать и о недостаточном уровне образованности и информированности в рассматриваемой сфере граждан, юридических лиц, которые не осведомлены о возможности использования подобных технологий либо не в достаточной мере умеют ими пользоваться. Особые требования предъявляются и к работникам самих судов, которые должны обладать высоким уровнем грамотности в данной сфере. Не стоит забывать и об определенном недоверии, среди некоторых слоев населения к возможностям использования информационных технологий для обращения в суд за защитой своих прав.

Таким образом, несмотря на ряд сложностей в Республике Беларусь, как и во всем мире, постепенно идет формирование электронного правосудия, что в конечном итоге должно обеспечить максимальную прозрачность и доступность судопроизводства в нашем государстве.

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПРАВА В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

С.М. Алексеенко

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Социология права – одно из исследовательских направлений в современной мировой социологии. В своей истории она прошла достаточно долгий и непростой путь становления и развития, и получила своё официальное признание лишь в 1962 году на V Международном социологическом конгрессе. Социология права никогда – ни в прошлом, ни в настоящем – не была «лицом» социологии, всегда существовала в качестве теоретического знания и эмпирических данных, имеющих как бы «второстепенное» научно-исследовательское значение в социологической науке.

Конечно, правил без исключения не бывает. В социологии права был свой «золотой век». Это период классической социологии права, представленный творчеством Э. Дюркгейма, М. Вебера, Е. Эрлиха, Р. Паунда, О. Холмса, Г. Гурвича, Н. Тимашева. Каждый из них внёс свою лепту в становление правовой социологии, разработал оригинальную социоправовую концепцию. В свою очередь, в дореволюционной России в социальных науках и юриспруденции существовало мощное течение социологического подхода в изучении права. В связи с этим известный русский социолог Н.И. Кареев ввёл в научную лексику термин «юристы-социологи». К ним, в частности, относились С.М. Муромцев, Н.М. Коркунов, М.М. Ковалевский, Н.А. Гредескул, Л.И. Петражицкий, П.А. Сорокин, Б.А. Кистяковский.

Позднее в социологии это научное наследие по существу не было востребовано. Поэтому сегодня многие исследования, осуществляемые в рамках социологии права, проводятся словно бы с чистого листа, без учёта концептуальных разработок и опыта предшествующих поколений учёных.

Можно указать несколько важных обстоятельств, в связи с которыми исследование методологии изучения права в современной социологии имеет актуальное значение.

Во-первых, трансформация современного общества, происходящая с середины 80-х годов прошлого столетия, охватывает все его стороны: становление демократии, рыночной экономики, формирование гражданского общества, укрепление прав и свобод человека – важнейших атрибутов цивилизованного общества – невозможно реализовать без их правового обеспечения. Право и юридическая система – это неотъемлемые части социальной системы, структурные компоненты любого общества.

Вопрос о методологических основаниях изучения права в социологии права является на сегодняшний день ключевой проблемой. Эта насущная научно-познавательная проблема рассматривается через призму становления правовой социологии в западноевропейской социологии XIX – начала XX века, поскольку, именно в этот период социология права прошла путь своего формирования от возникновения до классического этапа развития, а также современные учёные, работающие в области социологии права, вновь и вновь в своих исследованиях обращаются к истокам образования этой отрасли науки и её классическому наследию, научно-теоретической базе их социологоправовых изысканий.

Во-вторых, социология права – это та область научного знания, в которой устойчивое поступательное движение в познании права, возможно только в условиях развития межпредметных связей между социологией, юриспруденцией, другими научными дисциплинами, включающими в круг своих исследовательских интересов изучение правовых отношений. Социология права прививает вкус к междисциплинарным исследованиям и содействует развитию важной тенденции в современной науке, заключающейся в усилении интеграции социально-гуманитарного знания.

В-третьих, поскольку право «пронизывает» общество на макро- и микро-уровнях и все его важнейшие сферы, постольку правовые исследования в социологической науке являются научно-познавательным средством расширения и углубления знаний не только о праве, но и об обществе и социальных процессах. Поэтому развитие познавательных возможностей социологии права является, помимо прочего, способом преумножения общенаучного потенциала социологии.

В-четвёртых, формирование социологии права является составной частью общего процесса развития социологии, в связи с этим изучение становления правовой социологии стимулирует под определённым социоправовым углом зрения историко-социологические исследования в социологии.

Как социология не обладает исключительной научной привилегией в изучении общества, точно также юриспруденция не имеет абсолютной прерогативы в постижении права. Социология – одна из наук об обществе, а юриспруденция – одна из наук о праве, законе, правоотношениях. В изучении права можно и даже нужно выходить в социальных исследованиях за познавательные пределы юриспруденции, используя для этого методологические и методические возможности неюридических наук. В самом деле, например, согласно статьям Конституции Республики Беларусь, Республика Беларусь является демократическим, правовым, социальным государством, основанном на признании верховенства закона, правах и свободах человека и гражданина. Данные положения белорусской Конституции являются точной правовой констатацией юридических принципов, базовых правовых основ и правового режима, установленного в Беларуси. Важно, что положения текста Конституции Республики Беларусь раскрывают содержание как собственно правовой реальности белорусского общества, так и описывают его определённые стороны в качестве социальной реальности. Но социальная реальность во всех её проявлениях значительно «объёмнее» норм конституционного документа.

Правовая реальность, как и социальная, имеют множество граней. Право – это сложный (комплексный) объект, феномен. В связи с этим, как пишет Н. Луман, что организованная (структурная) комплексность являет собой место пересечения теоретических и методологических подходов, поэтому отождествлять право с познавательной сферой юриспруденции было бы всё-таки неверно. Научное знание преумножается, возможности наук возрастают, и представления о мире изменяются. В связи с этим и философы, и экономисты, и социологи, и представители других социальных и гуманитарных наук не могут быть отлучены от познания права, юридических аспектов политики, власти, экономических отношений, если эти вопросы относятся к области их научных интересов. Для реализации своих исследовательских целей им необходимо не только использовать юридическую методологию изучения права, но и разрабатывать собственные познавательные стратегии, а также развивать междисциплинарные исследования.

ПОНЯТИЕ НОВОРОЖДЕННОСТИ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДЕТОУБИЙСТВА

И.А. Алхимина

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Убийство новорожденных является тяжким преступлением, посягающим на конституционное право человека на жизнь и влекущим последствия для общества и государства в целом. Расследование детоубийств имеет свою специфику, обусловленную рядом факторов.

Для квалификации действий лица по ст.140 УК Республики Беларусь необходимо наличие в совокупности следующих обстоятельств: ребенок должен быть новорожденным, убийство совершено во время или непосредственно после родов, действия совершены в условиях психотравмирующей ситуации, вызванной родами.

В Уголовном кодексе Российской Федерации существует схожая статья, однако она предполагает две ситуации. Первая – убийство матерью новорожденного ребенка во время или сразу же после родов – не обязательно связывается с каким-либо психическим расстройством матери. Вторая ситуация – убийство матерью новорожденного ребенка в условиях психотравмирующей ситуации или в состоянии психического расстройства, не исключающего вменяемости, – напротив, не связывает ответственность со столь узким промежутком времени. А в Уголовном кодексе Украины законодательно прямо в статье не установлено наличие психотравмирующей ситуации.

Таким образом, в первую очередь необходимо установить, является ли убитый ребенок новорожденным.

В криминалистической и уголовно-правовой литературе как отечественной, так и зарубежной, давно ведутся споры по поводу определения понятия «новорожденности», в какой промежуток времени действия матери, направленные на лишение жизни ее ребенка, нужно квалифицировать как убийство матерью новорожденного.

В медицинской и юридической литературе понятия новорожденности отличаются.

Так, в акушерстве и педиатрии новорожденным считается ребенок с момента рождения и в течение первого месяца своей жизни.

В юридической литературе период новорожденности определен условно. В связи с тем, что закон не предусматривает точных определений срока и продолжительности жизни младенцев после родов, судебно-медицинский эксперт уста-

навливают только признаки, по которым решается этот вопрос. К ним относится совокупность следующих признаков:

1. Признаки, выявленные при наружном исследовании:

- сыровидная смазка;
- родовая опухоль;
- пупок, пуповина, плацента;
- помарки кровью, меконием.

2. Признаки, выявленные при внутреннем исследовании:

- наличие мекония в кишечнике;
- отсутствие пищи в желудке и кишечнике;
- врожденный ателектаз легких;
- безвоздушные легкие;
- отсутствие изменений в сердце и сосудах при включении функции легких.

Многие из этих признаков сохраняются на протяжении нескольких дней, что также вызывает трудности при определении новорожденности, следовательно, и квалификации действий матери.

Так, к примеру, среди российских авторов также нет единого мнения по поводу определения послеродового периода. Некоторые считают, что «сразу же после родов» – это краткий промежуток времени после выделения плаценты (детского места), другие – что этот период равен 24 часам после рождения.

Для сравнения, в Англии убийством новорожденного признается убийство, если оно было совершено в течение 12 месяцев со дня рождения ребенка, во Франции и Мексике этот срок равен 3-м дням.

Если преступление направлено против еще не родившегося (плода), деяние должно рассматриваться не как убийство, а как аборт, так как моментом начала самостоятельной жизни младенца обычно считают начало дыхания (что одновременно считается доказательством того, что ребенок родился живым). Аборт может производиться как на ранних сроках беременности, так и на поздних. Однако, если не касаться медицинских аспектов, результат один и тот же – плод умерщвляется еще в утробе матери.

Таким образом, ребенок должен родиться живым. Ребенок может родиться живым и умереть не в результате насильственных действий, а в результате нежизнеспособности.

Под жизнеспособностью в судебной медицине понимают способность плода прожить вне организма матери в нормальных внешних условиях. Жизнеспособность младенца определяется его доношенностью и зрелостью. Доношенность и зрелость – понятия не идентичные. Доношенность определяет время пребывания плода в утробе матери, а зрелость характеризует степень развития плода. В современном понимании доношенность – роды при сроке беременности от 37 до 42 полных недель (259-293 дня). Плод, рожденный между 28 и 37 неделями, считается недоношенным, а рожденный до 28 недель – выкидышем. Зрелость – это совокупность следующих признаков: уровень физического развития, развитие кожного покрова, мягких тканей, опорно-двигательного аппарата, дифференцирование внутренних органов и т.д. Зрелым обычно считается девятимесячный плод длиной не менее 45 см и массой тела не менее 2500 г, но не следует забывать о том, что в наше время были случаи, когда врачам удавалось выходить новорожденных с весом 500 г.

Помимо длины тела, у доношенного младенца окружность головы бывает порядка 32-35 см, окружность груди – 30-34 см; длина пуповины 45-60 см. Подкожный жировой слой хорошо развит, сама кожа эластичная, в области лопаток и

плечевого пояса имеются пушковые волосы, длина волос на голове достигает до 2-3 см, ногти на пальцах рук доношенных новорожденных заходят за их концы, а на пальцах ног достигают до их краев. Хрящи носа и ушных раковин хорошо оформлены, эластичные, наружные половые органы полностью сформированы. У мальчиков яички находятся в мошонке, а у девочек большие половые губы прикрывают малые.

Наличие демаркационного кольца (воспаление красного цвета вокруг пупка) свидетельствует о том, что ребенок был рожден живым. Подсыхание пуповинного остатка происходит на 2-3-й день, полное отпадение через 5-7 суток.

Все наружные признаки новорожденности нужно оценивать в совокупности с признаками недавних родов, к которым относятся: неотделенная плацента, обильное количество сыровидной смазки на голове и теле ребенка; сочная, перламутрового цвета пуповина, а также оборванная и неперевязанная пуповина, наличие на теле следов крови, следы мекония на ягодицах и в области заднего прохода; частным признаком новорожденности является отсутствие демаркационного (воспалительного) кольца вокруг места отхождения пуповины на брюшной стенке.

К признакам ухода (в т.ч. квалифицированного) относят: чистые кожные покровы (без следов сыровидной смазки, мекония, крови), пуповина, обрезанная острым предметом (гладкая ровная поверхность на уровне отсечения), перевязанная тесемкой или шелком, следы обработки культи пуповины антисептиком (спиртовым раствором йода и пр.), наличие на конечностях бирки из клеенки с фамилией матери, весом и массой ребенка; при судебно-медицинском исследовании новорожденного в его желудке может быть обнаружено материнское молоко.

Таким образом, по нашему мнению новорожденным следует считать ребенка, который родился живым, жизнеспособным, прожившего не более суток с момента рождения, за которым не осуществлялся уход: кормление грудью, пеленание и т.д. В противоположном случае труп ребенка следует рассматривать как труп младенца, а не новорожденного.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ИММУНИТЕТА ГОСУДАРСТВА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ж.М. Баль

Гомельский район, ОАО «Птицефабрика «Рассвет»

Государства достаточно активно участвуют в различного рода частноправовой деятельности международного характера и выступают субъектами международного частного права. При этом, государство, арендуя имущество, заключая иные сделки на территории иностранного государства, пользуется особым правовым режимом, согласно которому государство, его собственность, сделки с его участием не подчиняются власти этого иностранного государства, то есть его юрисдикции. Следовательно, особенность правового режима государства как участника международной частноправовой деятельности заключается в его иммунитете от иностранной юрисдикции. Теория абсолютного иммунитета получила развитие в XIX веке и в первой половине XX века. В соответствии с ней иммунитет государства распространяется и на коммерческие сделки. Советский Союз придерживался теории абсолютного иммунитета. Широкое распространение концепции ограниченного иммунитета в праве и практике зарубежных стран привело к тому, что уже в 80-е годы количество исков, предъявляемых к СССР в иностранных судах, значительно возросло (достаточно вспомнить «дело о «царских долгах» 1982 года). Закрепление ранее в советском, а ныне в постсоветском зако-

нодательстве абсолютного иммунитета иностранного государства, не ведет к автоматическому признанию иммунитета государства в иностранных судах. Все это свидетельствует о том, что законодательство, основанное на концепции абсолютного иммунитета государства, нуждается в изменении.

Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь (ст.553) (далее – ГПК Республики Беларусь) и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь (ст.239) (далее – ХПК Республики Беларусь) закрепляют предоставление иностранному государству полный юрисдикционный иммунитет.

Сходные нормы содержит и процессуальное законодательство Российской Федерации (ст.213 АПК РФ, ст.401 ГПК РФ).

Разрешение международных споров с участием Российского государства и иностранного инвестора предусмотрено в Федеральном Законе «О соглашениях о разделе продукции».

В ст.22 Закона установлено: «Споры между государством и инвестором, связанные с исполнением, прекращением и недействительностью соглашения, разрешаются в соответствии с условиями соглашения в суде, в арбитражном суде или третейском суде (в том числе в международных арбитражных институтах)».

В ст.23 Федерального Закона «О соглашениях о разделе продукции» указано, что государство вправе отказаться от юрисдикционного иммунитета в отношении определенной категории споров, а именно споров по соглашениям о разделе продукции, если это предусмотрено Федеральным законом.

Из текста ст.23 прямо следует, что отказ России от иммунитета может быть, а может и не быть предусмотрен в соглашении. Здесь усматривается противоречие между ст.23 и ст.22, ведь в статье 22 уже заложен отказ от иммунитета, иначе ни один иностранный инвестор не пойдет на заключение соглашения с Россией. Аналогичные нормы содержит белорусское инвестиционное законодательство (ст.46,67,75 Инвестиционного кодекса Республики Беларусь).

Статья 425 ГПК Украины определяет, что предъявление иска к иностранному государству, обеспечение иска и обращение взыскания на имущество иностранного государства, которое находится в Украине, могут быть допущены лишь с согласия компетентных органов соответствующего государства. Если статью «примерить» на концепцию иммунитета государства, то можно сделать вывод, что она сформулирована в духе концепции абсолютного иммунитета. Вместе с тем, Закон Украины «О соглашениях о разделе продукции» содержит ст.32 «Иммунитет государства», в которой отмечается: «в соглашениях о разделе продукции, заключенных с участием иностранного инвестора, предусматривается отказ государства от судебного иммунитета, иммунитета в отношении предварительного обеспечения иска и исполнения судебного решения». Однако принятый парламентом Закон Украины «О концессиях на строительство и эксплуатацию автомобильных дорог». Никакого упоминания о государственном иммунитете он не содержит, что свидетельствует о непоследовательности законодателя в указанном вопросе.

Национальное законодательство Республики Казахстан (далее – РК) в отношении иммунитета иностранного государства предусматривает в статьях 427-450 ГПК РК механизм ограниченного иммунитета: иностранное государство не пользуется в Республике Казахстан судебным иммунитетом по спорам, возникшим при осуществлении этим государством предпринимательской деятельности на территории Республики Казахстан. При этом ст.1102 ГК РК определяет, что в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом Республика Казахстан пользуется юрисдикционным иммунитетом в отношении себя и своей собственности от юрисдикции судов другого государства. Налицо явное противоре-

чие: к иностранному государству применяется доктрина ограниченного иммунитета, к самому государству – доктрина абсолютного иммунитета. Ситуация осложняется тем, что Казахстан ратифицировал Конвенцию ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности в 2004 году. Это означает, что в силу приоритета международного договора над национальным законодательством для Казахстана будут действовать те же ограничения, что и для других государств.

Сходная ситуация сложилась и в России в связи с присоединением к указанной Конвенции в 2006 году. Однако попытка приведения национального законодательства в соответствие с указанным международным актом не увенчалась успехом: 11.03.2005 года Государственная Дума приняла в первом чтении законопроект «О юрисдикционном иммунитете иностранного государства и его собственности». Однако дальнейших действий по принятию данного законопроекта пока не производилось. 8 апреля 2011 года Государственная Дума РФ приняла постановление отклонить законопроект и снять с дальнейшего рассмотрения.

Таким образом, государство в силу иммунитета свободно от принудительных мер по осуществлению иностранных законов, административных распоряжений и пр., однако, очевидно, что развитие частноправовые отношения международного характера с участием государства, в частности, сделки, заключаемые государством с иностранными физическими или юридическими лицами, требуют изменения подхода к вопросам иммунитета государства. При этом характерно, что иностранные суды на тот факт, что в некоторых странах сохранилась концепция абсолютного иммунитета, обращают мало внимания. Более того, закрепление в национальном законодательстве предоставления иностранному государству абсолютного иммунитета не отвечает интересам национальных субъектов гражданского права – физических и юридических лиц, поскольку без согласия иностранного государства они не могут предъявлять ему иски. И, наоборот, субъекты иностранного права могут предъявлять иски к государству в своих судах, не спрашивая на то его согласия, на основе своих законов или судебной практики, связанной с теорией ограниченного иммунитета, если, конечно, такие иски основаны на коммерческой деятельности государства.

Несомненно, что национальное законодательство по вопросам регулирования иммунитета государства, нуждается в изменениях. Представляется, что принятие закона является наиболее оптимальным решением. Это подтверждает и мировая практика, поскольку подобные законы существуют практически во всех европейских государствах.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА КОНСТИТУЦИОННОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЖЕНЩИН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

И.М. Барановская

Брест, УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

Развитие в Беларуси института конституционной защиты прав женщин имеет продолжительный период. История белорусского государства свидетельствует о трудном пути формирования нравственных и правовых предпосылок, направленных на защиту основных прав и свобод женщин. На правовое положение женщин оказывали влияние исторические процессы формирования государства, пребывание его в составе Древнерусского государства, Великого княжества Литовского и Российской империи. Отметим, что советский период развития нашего государства сыграл большую роль в формировании общественного осознания

необходимости изменения положения женщин, предоставления им равных с мужчинами прав и возможностей.

В настоящее время имеются все основания для утверждения о том, что первый этап развития прав и закрепления роли женщин начался после революции 1917 года и связан с принятием первой Конституции Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ). В пункте 5 Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь отмечается, что антидискриминационные законодательные акты бывшего СССР и Беларуси дали положительные результаты, способствуя смягчению традиционных форм неравенства женщин.

Анализ Конституции ССРБ показывает, что в ней представлена идеологическая программа, базировавшаяся на цели построения социализма. В качестве основных в документе прямо формулировались только две обязанности граждан: трудиться и защищать завоевания социалистической революции. Конституция вводила всеобщую трудовую повинность как для мужчин, так и для женщин, а статья 12 закрепляла принцип «Не трудящийся да не ест». Обращает на себя внимание то, что проблема равноправия мужчин и женщин не получила отражения в тексте данной Конституции. Первые попытки же достижения юридического равенства полов были отражены в законодательстве того времени.

Образование в 1922 году Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и принятие Конституции СССР 1924 года стали новой вехой в конституционном строительстве Белоруссии.

Второй этап развития института конституционной защиты прав женщин знаменовал принятие второй Конституции БССР. Содержание второй Конституции БССР, принятой 11 апреля 1927 года VIII Всебелорусским съездом Советов, в основном соответствовало содержанию Конституции СССР и Конституции РСФСР. По сравнению с первой Конституцией принятие второй Конституции БССР явилось новым шагом, направленным на конституционную защиту прав женщин в регламентировании трудовых отношений. Конституция БССР 1927 года не только провозгласила труд обязанностью всех граждан, но и признала охрану труда важнейшей задачей государства (ст.7).

В рассматриваемый период, с одной стороны, проявлялись положительные тенденции, выражающиеся в закреплении целого комплекса прав женщин в законодательстве, а с другой стороны, бюрократическая административно-командная система, которая начала складываться в конце 20 – начале 30-х годов, привела к гибели миллионов людей, включая женщин, падению жизненного уровня и к массовым нарушениям прав женщин.

Конституционный процесс в период между принятием второй и третьей конституции БССР характеризовался отсутствием значимых государственно-правовых актов в области прав человека, в том числе прав женщин. В определенном смысле переломным, третьим этапом для развития института конституционной защиты прав женщин стало принятие в 1937 году Конституции БССР, которая соответствовала основным нормам Конституции Союза ССР 1936 году. Общим для конституций 1927 и 1937 годов, было то, что они носили явно классовый характер. Однако согласно статье 97 Конституции БССР 1937 года женщине предоставлялись равные с мужчиной права во всех областях государственной, культурной и общественно-политической жизни.

В рамках рассмотрения вопроса отметим, что в годы, сменившие сталинскую эпоху, государственная политика изменилась, а противоречия в законодательстве о социальном статусе женщин постепенно начали сниматься, специальные гарантии равноправия мужчин и женщин стали расширяться. Таким образом,

предпринимаемые государством меры создавали предпосылки для формирования нового – четвертого этапа развития института конституционной защиты прав женщин, новых общественно-политических идеалов в обществе, что в дальнейшем обрело конституционную основу для улучшения положений женщин. Итогом законодательных поисков стало принятие в 1977 году Конституции СССР. В канун 60-летия образования Белорусской ССР, 14 апреля 1978 года в соответствии с Основным Законом Союза ССР Верховный Совет Белорусской ССР принял Конституцию БССР, в которой сохранялись все ранее закрепленные гарантии равноправия женщин, предоставлялись равные с мужчинами возможности в общественно-политической, экономической и культурной деятельности государства.

При принятии Конституции Республики Беларусь 1994 года был подведен итог процессам формирования государства на иной социально-экономической основе и закреплены перспективы общественного развития государства. Начался заключительный – пятый этап развития института конституционной защиты прав женщин, этап независимого, самостоятельного развития нашего государства.

В Конституции сохранена классификация основных прав и свобод граждан, ранее закрепленных в главе пятой и в статье 37 Конституции БССР 1978 года. При этом последовательность их изложения изменена: в качестве приоритетных определены личные права и свободы граждан, затем следуют политические, социально-экономические. Высказано справедливое мнение о том, что Конституция Республики Беларусь 1994 года – это результат многовековой истории Беларуси и фундамент для дальнейшего развития независимой республики. Коренные изменения в политике, экономике также обусловили необходимость конституционных преобразований, изменения роли человека в обществе, укрепления его социальной защищенности. На современном этапе вопрос о необходимости защиты прав женщин в Республике Беларусь по-прежнему актуален. Вопросы, связанные с реализацией женщинами своих прав и свобод в настоящий период будут рассмотрены более подробно в следующих главах работы.

Из вышеприведенного анализа особенности возникновения и развития института конституционной защиты прав женщин в советский период представляется возможным сделать следующие выводы.

Учитывая, что каждая последующая белорусская Конституция отражала определенный исторический этап развития нашего государства и ее принятие исторически обусловлено определенным этапом общественного развития можно выделить пять этапов развития института конституционной защиты прав женщин.

История нашего государства свидетельствует о трудном пути формирования нравственных и правовых предпосылок, направленных на защиту основных прав и свобод женщин. Кроме того, наметившиеся в советский период экономические и общественно-политические изменения в государстве создали предпосылки для изменения положения женщин и становления института конституционной защиты прав женщин в Республике Беларусь. Исследуя положение женщин в рассматриваемые периоды, можно констатировать, что вопросы, касающиеся защиты прав женщин, поднятые Правительством и закрепленные в советских конституциях, не были решены. Вместе с тем уже сама постановка вопроса имела историческое значение для решения проблемы равноправия женщин и для распространения общественного мнения о необходимости решения вопроса о конституционной защите их прав.

ГОСУДАРСТВО КАК СУВЕРЕННЫЙ СУБЪЕКТ В ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ С ИНОСТРАННЫМ ЭЛЕМЕНТОМ

В.А. Барышев

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Участие государства в гражданско-правовых отношениях с иностранными физическими и юридическими лицами – объективная необходимость, обусловленная многообразием функций, выполняемых государством.

Этот вопрос находится в сфере регулирования международного частного права, где он получил несколько одностороннее освещение: большинство авторов учебников объективно констатируют факт участия государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом, перечисляют отдельные виды правоотношений, а затем переходят к изложению наиболее проблемного вопроса участия государства в гражданско-правовых отношениях – иммунитету государства. При этом не выясняется главный вопрос – статус государства в таких правоотношениях, что может прояснить и вопрос об иммунитете государства, точнее о причине его наличия.

В то же время в сфере гражданского права в России идет достаточно активная политика вокруг статуса российского государства и его субъектов в гражданско-правовых отношениях. Этой проблеме посвящены монографии Д.В. Пяткова, О.Е. Кутафина, Ю.Н. Андреева, В.Е. Чиркина и большое количество статей.

Выдвигаются различные обоснования статуса государства в гражданско-правовых отношениях: от разделения функций государства на собственно государственную и хозяйственную (Д.В. Пятков), до предложения введения нового понятия – «юридическое лицо публичного права» (В.Е. Чиркин).

Однако все участники дискуссии, ведущейся в России, не выходят за рамки внутригосударственных отношений между государством, его субъектами и собственными юридическими и физическими лицами. В результате за чертой исследований оказываются отношения государства и его субъектов с иностранными юридическими и физическими лицами. По своему характеру такие отношения не отличаются от отношений внутригосударственных, за исключением контрагентов государства, что и создает особую специфику таких правоотношений.

При этом статус государства в гражданских правоотношениях с собственными юридическими лицами имеет исключительно теоретическое значение. Определение же статуса государства в гражданских правоотношениях с наличием иностранного элемента напрямую связано с иммунитетом государства и может иметь важные последствия, когда возникает вопрос об ответственности государства.

Наша позиция заключается в определении статуса государства в гражданско-правовых отношениях с иностранным элементом как суверенного субъекта. Вопрос о том, является ли при этом государство юридическим лицом, не имеет существенного значения, поскольку наличие или отсутствие этого качества у государства не отражается на его правовом положении.

Суверенитет государства впервые бы всесторонне обоснован французским мыслителем Ж. Боденом в XVI веке, который по его мнению представляет «абсолютную и постоянную власть государства». При этом основу суверенитета власти Боден видел не в личности правителя, а в «совокупности свободных и разумных существ, составляющих народ».

В современном международном праве суверенитет государства лежит в основе всего миропорядка, обеспечивающего мирное существование человечества. На принципе суверенного равенства всех членов основана Организация Объеди-

ненных Наций (п.1 ст.2 Устава ООН). Этот принцип является доминирующим принципом среди всех других принципов международного права, именно он определяет взаимоотношения государств в современном мире.

Гражданско-правовые отношения – это особая сфера отношений, где действует свой главный принцип – равенство участников правоотношений. Государство, его субъекты участвуют на равных в правоотношениях с иностранными юридическими и физическими лицами. Их статус требует от них особой ответственности и пунктуальности в выполнении своих обязательств, поскольку с этим связан престиж государства. Для иностранных юридических и физических лиц правоотношения с государством – гарантия их выполнения при наличии минимальных рисков. Государство не может объявить себя банкротом, как это случается с юридическими лицами, не может ссылаться на публично-правовые запреты, как причину невыполнения обязательств. При осуществлении инвестиционной деятельности иностранными юридическими и физическими лицами на территории государства помимо публично-правовых гарантий государство предоставляет и гражданско-правовые гарантии, заключая договоры с инвесторами либо выступая в роли поручителя за своих юридических и физических лиц. В результате гражданские правоотношения иностранных юридических и физических лиц с государством или его субъектами объективно являются менее рискованными и более надежными.

Однако в этих правоотношениях государство не лишается своего суверенитета имманентно присущего ему. О наличии суверенитета у государства не следует забывать и контрагентам государства. Именно суверенитет является основой иммунитета государства. Теория абсолютного иммунитета государства и основанная на ней практика предоставления государству иммунитета от юрисдикции иностранного суда, принятия обеспечительных мер в отношении собственности государства и исполнения решения иностранного суда имеет в своей основе суверенитет государства.

При этом в международном частном праве, несмотря на название теории, иммунитет никогда не абсолютизировался, поскольку государство как верховный суверен может свободно распоряжаться своими правами и в необходимых случаях отказываться от иммунитета.

Теория ограниченного или функционального иммунитета государства в гражданско-правовых отношениях явилась результатом отражения «кризиса государственного суверенитета», который был связан с появлением ряда новых государств, освободившихся от колониальной зависимости и отличавшихся внутренней и внешней нестабильностью и слабостью. По своим возможностям большинство новых развивающихся государств не были готовы к ответственному участию в гражданско-правовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами, поскольку не могли гарантировать в должной мере своих обязательств, что обуславливалось безответственностью, некомпетентностью, а в некоторых случаях коррумпированностью высших должностных лиц, заключавших гражданско-правовые договоры от имени государств. Это касалось не только гражданско-правовых, но и публично-правовых отношений, где развивающиеся государства в большинстве своем превратились в безнадёжных должников. В этих условиях предложение и обоснование теории ограниченного иммунитета, с которой выступили ведущие державы мира во главе с США, явилось необходимой дисциплинарной мерой в отношении государств, не выполняющих своих гражданско-правовых обязательств. Объективно оценивая теорию функционального иммунитета с позиции права, следует признать, что она в целом справедлива, по-

сколькx иммунитет государства не может быть прикрытием для уклонения от исполнения гражданско-правовых обязательств, взятых на себя государством. Юридическая максима «*pacta sunt jervanda*» возникла еще до появления международного права. В то же время иммунитет государства в гражданско-правовых отношениях необходим для защиты суверенных интересов государства от предъявления к нему необоснованных или сомнительных исков.

В случаях, когда государству предъявляются претензии гражданско-правового характера по фактам давно прошедших лет, государство также вправе ссылаться на иммунитет (пример, в связи с преступлениями, совершенными нацистами в годы второй мировой войны, претензии Италии и Греции к Германии).

Таким образом, государство в гражданско-правовых отношениях с иностранными юридическими и физическими лицами является суверенным субъектом, что, с одной стороны, гарантирует его контрагентам выполнение государством своих обязательств, с другой стороны, государство может в исключительных случаях воспользоваться иммунитетом для защиты от необоснованных или сомнительных исков.

ГРАЖДАНСКИЙ ИСК В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Н.М. Бобров

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Изменения в политической, социально-экономической, правовой и культурной сфере жизни белорусского общества за последнее десятилетие существенно повлияли на условия функционирования и цели деятельности органов, ведущих уголовный процесс, в связи с чем взят курс на совершенствование норм уголовно-процессуального законодательства его институтов, и прежде всего по защите прав потерпевших от совершенных в отношении их преступных деяний. Статья 60 Конституции Республики Беларусь, закрепляет право граждан как навзыскание в судебном порядке имущественного ущерба, так и компенсацию морального вреда. Институтом, регламентирующим основания и порядок возмещения причиненного преступлением или общественно опасным деянием невменяемого вреда, в уголовном процессе является гражданский иск.

Гражданский иск в уголовном процессе – это требование физического или юридического лица, а также прокурора о возмещении (компенсации) вреда, причиненного непосредственно преступлением или предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием невменяемого.

Несмотря на то, что в последние годы в юридической науке ведется дискуссия, в ходе которой стали выдвигаться аргументы, направленные на устранение из уголовного процесса исковой формы защиты прав, преимущества соединенного процесса по рассмотрению гражданского иска в уголовном процессе носят вполне принципиальный характер.

Например, важнейшей предпосылкой совместного рассмотрения гражданского иска и уголовного дела является единство предмета доказывания при решении вопроса о том, причинен ли общественно опасным деянием вред (какой, кому, в каком размере). Совместное рассмотрение и разрешение гражданского иска по уголовному делу обусловлено тем, что точное установление размера вреда имеет не только гражданско-правовое, но и уголовно-правовое значение. Так, установление размера причиненного вреда имеет большое значение для правильной квалификации деяния (контрабанда – перемещение через таможенную границу в крупном размере товаров и ценностей и т.д.)

Необходимо отметить и преимущества практического характера: процессуальной экономии государственных средств, затраченных на осуществление правосудия. Исключается дублирование, параллелизм в работе судов в гражданском и уголовном судопроизводстве, отсутствует излишняя трата сил и времени. Более того, соединенный процесс является надежной гарантией достижения задач определенных статьями 2,7 УПК Республики Беларусь.

Наличие института гражданского иска в уголовном процессе позволяет в оптимальной степени разрешить следующие задачи:

- обеспечить полную защиту прав лиц пострадавших от преступления, это выражено в привнесении элементов принципа публичности в процесс доказывания гражданского иска и принятия мер по его обеспечению;

- обеспечить правовое положение обязанной стороны, которое также должно способствовать наиболее быстрому восстановлению нарушенных ими прав граждан и других лиц;

- определить круг субъектов гражданского иска и их правомочия, а также полномочия органов, ведущих производство по иску, исходя из приоритета разрешения вопроса об уголовной ответственности;

- применить гражданско-процессуальные нормы, не противоречащие уголовно-процессуальным, что позволяет избежать излишней регламентации в УПК возникающих отношений;

- разрешить гражданский иск в любом решении по итогам разбирательства судебного рассмотрения уголовного дела при условии установления соответствующих обстоятельств и соблюдения прав заинтересованных лиц.

Вместе с тем в законодательстве, регулирующем реализацию гражданского иска в уголовном процессе, имеются отдельные нормы, требующие изменений. В частности, весьма актуальным представляется необходимость закрепления в законе положений о возможности финансовых выплат государством, потерпевшим в случаях, когда возмещение невозможно получить от обвиняемого или гражданского ответчика. Иными словами, государство может быть признано субъектом, несущим обязанность по возмещению причиненного преступлением вреда. Такой институт вполне реализуем в правоприменительной деятельности в Республике Беларусь с учетом зарубежного опыта и того, что у нас уже действует институт возмещения вреда применительно к случаям незаконных действий органов, ведущих уголовный процесс.

Такие выплаты за счет государства могут осуществляться, в следующих случаях:

- причинения потерпевшему физического вреда в результате совершения насильственных преступлений;

- в качестве субъектов получения денежных средств, следует признавать жертв или их иждивенцев, находящихся в тяжелом материальном положении, не позволяющем самостоятельно или из других источников восстановить здоровье.

Также актуален и следующий вопрос. В соответствии с п.18 постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь «О практике рассмотрения судами гражданского иска в уголовном процессе при постановлении оправдательного приговора или при прекращении производства по уголовному делу по применению принудительных мер безопасности и лечения за не установлением общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом. Либо недоказанностью участия лица в совершении этого деяния, судом выносится решение об отказе в удовлетворении гражданского иска (п.1 ч.4 ст.155 УПК). Если в деянии отсутствует состав преступления или же нет оснований для применения принуди-

тельных мер безопасности и лечения, а равно при прекращении производства по уголовному делу по основаниям, указанным в пп. 3-9 ст.29 или 30 УПК, гражданский иск оставляется без рассмотрения.

Как представляется, вынесение оправдательного приговора вследствие отсутствия состава преступления и при прекращении дела по не реабилитирующим основаниям суд вправе разрешить судьбу заявленного иска. Ведь уголовно-процессуальные отношения, функционирующие на стадии судебного разбирательства, как и охранительные гражданско-правовые отношения, позволяют это сделать, причем при соблюдении гарантий участвующих в деле лиц. Данное положение обеспечило бы своевременную и эффективную защиту прав истца.

Можно сформулировать следующие предложения по совершенствованию законодательства:

1. Физический вред потерпевшему должно возмещать государство. После обнаружения обвиняемого (гражданского ответчика), государство истребует понесенные затраты.

2. Создать в Республике Беларусь фонд защиты жертв преступлений для оказания материальной помощи пострадавшим от преступлений (фонд формируется из средств, взысканных при исполнении наказаний в виде исправительных работ, штрафа, реализации конфискованного имущества).

3. Необходимость разрешения гражданского иска судом при оправдании обвиняемого за отсутствием состава преступления или при прекращении дела по не реабилитирующим основаниям.

4. С целью реализации права на возмещения вреда, причиненного преступлением:

– обращать взыскание на жилые дома и квартиры виновных лиц, которые хотя и являются постоянным местом жительства, но в силу потребительских качеств и общей площади жилых помещений существенно отличаются от стандартов социального жилья (например: коттедж, 3-х и более комнатная квартира);

– закрепить в законе, что возмещение вреда является условием для условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким (на практике суды отказывают в условно-досрочном освобождении, но в законе не закреплено), для применения отсрочки исполнения наказания, осуждения лица без назначения наказания в соответствии со ст.79 УК Республики Беларусь.

К ВОПРОСУ О ПОДГОТОВКЕ ЮРИДИЧЕСКИХ КАДРОВ ВЫСШЕЙ КВАЛИФИКАЦИИ

П.В. Борботько
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Для анализа перспектив и задач юридической науки в Республике Беларусь необходимо проанализировать последние достижения, сделанные видными учеными нашего государства в области права. Одним из показателей могут служить правовые идеи, изложенные и вынесенные на защиту в диссертационных работах на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Правда, в рамках небольших по своему объему тезисов трудно дать всеобъемлющий анализ данной проблемы. Поэтому здесь мы ограничимся лишь констатацией статистических материалов по защищаемости диссертаций в 2010-2011 годах.

Материалами для данной статьи послужили данные, размещающиеся на сайте Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь. Речь идет об авторефератах диссертаций, помещаемых на нем всеми соискателями ученой степени за месяц до защиты. Для анализа в данной статье были отобраны авторефераты за 2010-2011 годы. При анализе данного объема источников были применены методы юридической критики и статистического анализа.

В 2010-2011 календарном году на соискание ученой степени кандидата юридических наук было подготовлено и защищено 59 диссертаций. Из них 36 – в 2010 году, 23 – в 2011 году. Оценивая данные факты, можно указать, что в позапрошлом году в месяц проходило 3-4 защиты, в прошлом – 2-3.

Юридическая наука обогатилась представлениями соискателей и их научных руководителей практически по всем специальностям юридической науки.

Здесь можно привести следующие цифры:

– в 2010 году по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве защищены 4 диссертации (В.А. Абрамович, И.А. Демидов, В.В. Каляда, Ю.И. Ковалевская); по специальности 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право – 4 диссертации (А.В. Гулякевич, Н.А. Нечагин, Н.С. Минько, О.В. Чмыга); по специальности 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право – 4 диссертации (Ю.А. Амелъчя, Ю.Н. Беспалый, Д.В. Петроченков, Н.В. Шакель); по специальности 12.00.05 – трудовое право; право социального обеспечения – 1 диссертация (Т.Э. Шпилевская); по специальности 12.00.06 – природоресурсное право; аграрное право; экологическое право – 1 диссертация (С.В. Голованов); по специальности 12.00.08 – уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право – 7 диссертаций (С.С. Добрян, О.В. Русецкий, А.И. Сахарчук, Р.А. Середа, В.И. Степаненко, Д.В. Шаблинская, Э.А. Швед); по специальности 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность – 8 диссертаций (Е.Ю. Горошко, В.Н. Крюков, А.Э. Набатова, О.В. Павлють, Г.М. Третьяков, С.С. Тупеко, А.И. Чувак, М.П. Шруб); по специальности 12.00.10 – международное право, европейское право – 1 диссертация (К.В. Истоменок); по специальности 12.00.14 – административное право, финансовое право, информационное право – 6 диссертаций (С.Г. Василевич, Д.В. Гвоздев, Е.Н. Григорьева, Т.А. Червякова, О.И. Чуприс, А.Н. Шкляервский).

– в 2011 году по специальности 12.00.01 – теория и история права и государства; история учений о праве и государстве была защищена 1 диссертация (О.И. Адамюк); 12.00.02 – конституционное право; муниципальное право – 3 диссертации (И.Н. Кирякова, Д.В. Шабайлов, Е.В. Янковская); 12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право – 2 диссертации (Н.С. Байбороша, И.Н. Левшук); 12.00.05 – трудовое право; право социального обеспечения – 1 диссертация (Е.А. Волк); 12.00.06 – природоресурсное право; аграрное право; экологическое право – 1 диссертация (Т.В. Рогожкина); 12.00.08 – уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право – 4 диссертации (В.Е. Бурый, Н.А. Аникеев, В.М. Веремеенко, Д.В. Шилин); 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность – 6 диссертаций (А.Н. Тукало, М.М. Якубель, В.А. Чванкин, Ю.С. Климович, И.В. Пашута, А.Н. Толочко); 12.00.10 – международное право, европейское право – 1 диссертация (Т.Н. Михалева); 12.00.14 – административное право, финансовое право, информационное право – 3 диссертации (А.В. Лубенков, В.В. Коляго, И.Л. Федчук).

Из проделанной работы можно сделать вывод о том, что в Республике Беларусь идет активная подготовка и защита кандидатских диссертаций по праву.

Наиболее плодотворным и успешным для защиты оказался 2010 год. Для примера: в 2012 году, с 1 января по 4 марта защищена только 1 диссертация. Наибольшее количество подготовленных к защите работ предоставили Академия МВД и Белорусский государственный университет. Статистика показывает, что наибольшее количество защищенных диссертаций относится к специальностям 12.00.08 – уголовное право и криминология, уголовно-исполнительное право и 12.00.09 – уголовный процесс, криминалистика; оперативно-розыскная деятельность. Мало исследований в 2010-2011 годах было представлено по специальностям: 12.00.05 – трудовое право; право социального обеспечения и 12.00.10 – международное право, европейское право.

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИЯХ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ

*О.В. Борисенко
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Правовая культура выполняет в обществе ряд функций: познавательную, регулятивную, нормативно-ценностную, коммуникативную и прогностическую. Первая заключается в освоении правового наследия прошлых эпох и достижений отечественного и зарубежного права. Она тесно связана с формированием правового государства и развитием гражданского общества.

Регулятивная функция правовой культуры направлена на обеспечение устойчивого и эффективного функционирования общества путем предписания индивидам и социальным группам стандартов общественно полезного поведения. Правовая культура обеспечивает согласование и подчинение социальных устремлений и идеалов различных групп правовым предписаниям общества и тем самым вносит упорядоченность в общественные отношения.

Нормативно-ценностная функция состоит в «изменении» индивидуального поведения, законности, правопорядка и действующего законодательства путем сопоставления с образцами поведения, ориентирами которого являются нормы позитивного права и нормативные установки естественного права. В результате культурно-правовой оценки одни элементы правовой действительности получают одобрение, другие подвергаются критическому осмыслению.

Коммуникативная функция правовой культуры способствует согласованию общественных, групповых и личных интересов, обеспечивает социальное сплочение людей.

Эта функция реализуется в правовом общении, в процессе получения образования, опосредуется средствами массовой информации, литературы и других видов искусства.

Прогностическая функция выражается в способности предвидеть возможные направления развития правовой системы, правотворчества и реализации права, юридической практики, правовой активности населения и другие изменения правовой системы.

Правовая культура общества не представляет собой единого целого. Она распадается на виды, которые вычленяются на основе следующих критериев. С точки зрения носителей правовой культуры, её подразделяют на правовую культуру общества, группы и личности.

Индивидуальная правовая культура означает правовую образованность человека, включая высокое правосознание, умения и навыки пользоваться правом, подчинение своего поведения требованиям правовых норм.

Правовая культура личности включает в себя следующие основные элементы:

- правосознание человека (знание и понимание права, уважительное отношение к закону и т.д.);
- привычку к правомерному, законопослушному поведению;
- правовую активность личности, т.е. умение эффективно использовать правовые средства для достижения своих целей, реализации субъективных прав и свобод.

Групповая правовая культура (группы, коллектива) выражается в заинтересованности в результатах общего труда, в обеспечении высокой организованности и правопорядка.

Правовая культура общества гарантирует соблюдение объективных прав и свобод, правовой активности граждан, уважение к правосудию, готовности соблюдать и исполнять законы, совершенствование законодательства, повышение уровня правосознания должностных лиц, их убежденность следовать нормам права, эффективность работы правоохранительных органов, наконец, уровень законности и правопорядка.

Вся в целом правовая культура взаимосвязана с политической, нравственной, этической и иными видами культуры и является выражением общественного культурного состояния общества.

По степени познания правовых явлений и их использования выделяют: обыденный уровень правовой культуры, профессиональный и теоретический.

Чаще всего в структуре правовой культуры выделяют три составляющие: знание о праве, отношение к праву, навыки правового поведения.

Таким образом, человек, обладающий высокой правовой культурой, должен ориентироваться в законодательстве, обладать позитивным правосознанием, основанном на уважении права, уметь при необходимости правильно его реализовать, в том числе в конфликтных ситуациях. Следовательно, правовая культура представляет собой образ мышления, норму, стандарт поведения, а в целом – правовой менталитет общества.

ДУХОВНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

*А.А. Бочков, А.А. Сухарев
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Для России и Республики Беларусь характерны как общие факторы, влияющие на формирование правовой культуры молодежи, обусловленные едиными социально-экономическими условиями продолжительного совместного развития обеих стран, так и специфические, связанные с национальными особенностями и своеобразием избранных ими путей реформирования.

К общим факторам можно отнести следующее:

- исторические корни, общая культура, язык, менталитет, родственные связи;
- интеграционные связи, единое экономическое пространство, Таможенный союз;
- общие угрозы: террористические, военные, демографические, информационные;
- близость правовых систем;
- усиливающее влияние Интернет-сообщества, социальных сетей;
- падение социального престижа учительского труда;

- неравноправное положение обычных школ с гимназиями, лицеями. Проблема окраинных школ;
- недостаточная мотивация у значительной части учащейся молодежи в получении прочных правовых знаний;
- нереализованные возможности правового образования и правового воспитания в образовательных учреждениях различного типа;
- достаточно сильное влияние криминальной субкультуры на неформальную молодежную среду;
- усиление аддиктивного поведения: игровая, компьютерно-интернетная зависимость;
- отсутствие у значительной части молодых родителей должных психолого-педагогических и правовых знаний по воспитанию детей;
- повышенная потребительская психология в современном обществе;
- мозаичный, несистемный тип формирования правовой культуры, в результате чего локальный характер деформации может становиться все более массовым;
- коммерциализация и прагматизация общественных отношений, приводящая к обесцениванию правомерного поведения, восприятию его как неэффективного и материально невыгодного. Погоня за материальными благами, стремление к достижению их любой ценой, пьянство, наркотизация, экстремальные виды досуга и самоутверждения, ведущие к утрате различий между саморазрушением и самоутверждением, росту девиантных форм поведения;
- растущий уровень правового нигилизма.

Одна из основных причин пассивности граждан – низкий уровень правовой культуры, проявляющийся, прежде всего в процветании в наших странах правового нигилизма, имеющего глубокие исторические корни.

Еще бытует представление о праве как насилии сильных над слабыми, как приказе власти, узаконенной несправедливости и т.д., что в значительной степени связано, прежде всего, с психологией наших народов, с особенностями менталитета.

Не случайно многие представители русской дореволюционной интеллигенции ставили право ниже таких духовных ценностей как нравственное совершенство, научная истина, религиозная святость. Как писал Б.А. Кистяковский, что русская интеллигенция состоит из людей, которые ни индивидуально, ни социально не дисциплинированы. И это находится в связи с тем, что русская интеллигенция никогда не уважала право, никогда не видела в нем ценности; из всех культурных ценностей право находилось у нее в наибольшем запустении.

Отождествление права исключительно с государственным приказом являлось моральным основанием его игнорирования, что дало повод А.И. Герцену произнести сакраментальную фразу о том, что всякий русский, какого бы он звания не был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно и также поступает правительство.

Отсюда же трактовка права как минимума, нижнего уровня нравственности у Л.Н. Толстого, Вл. С. Соловьева. По словам Вл. Соловьева, задача права не в том, чтобы лежащий во зле мир превратить в царство Божие, а в том, чтобы он во времени не превратился в ад. Негативное отношение к праву высказывали анархисты, проблему отмирания права рассматривал марксизм. Если для Западной Европы был характерен в основном правополитизм, то для России и Беларуси – этикополитизм.

Недостаточный уровень правовой культуры и правосознания, правовой нигилизм являются серьезной проблемой обеспечения реализации принципов верховенства права. Условиями, способствующими распространению правового ни-

гилизма, являются несовершенство законодательства и практики его применения, избирательность в применении норм права, недостаточность институциональных механизмов, гарантирующих безусловное исполнение требований закона, неотвратимость, соразмерность и справедливость санкций за их нарушение. Правовой нигилизм девальвирует подлинные духовно-нравственные ценности, служит почвой для многих негативных социальных явлений (пьянство, наркомания, порнография, проституция, семейное насилие, бытовая преступность, пренебрежение правами и охраняемыми законом интересами окружающих, посягательство на чужую собственность, самоуправство, самосуд).

К специфическим социальным факторам формирования правовой культуры молодежи России и Беларуси можно отнести:

- определенную разницу в уровнях социальной, экономической, политической и правовой стабильности в обществе;
- различия в реализации социальной политики, направленной на поддержку молодежи, в том числе, в сельской местности и малых городах; организации досуга молодежи, детского и молодежного спорта, физкультуры, здорового образа жизни;
- более строгий (Беларусь) контроль над СМИ в плане ограничения показа насилия, порнографии и др. негативных явлений;
- различия в степени проявления молодежного экстремизма, национализма;
- различный уровень преступности, включая подростковую, различия в проявлении иных форм делинквенции, методах противодействия им.

Добиться желаемого результата по формированию развитой правовой культуры личности невозможно даже при наличии очень качественной правовой воспитательно-разъяснительной работы, если ей не соответствует окружающая действительность, то есть совокупность общественно-экономических отношений, разумность законодательства, эффективность работы органов исполнительной власти, а также справедливость правосудия, которые, в основном, и формируют устойчивые правовые убеждения личности и общества в целом.

Основами формирования здорового нравственного и правового сознания молодежи наших стран являются социальный мир, гражданское согласие, активное сотрудничество всех общественных групп населения, повышение благосостояния народа, расширение материальных гарантий прав и свобод человека. Любые проявления так называемого «беспредела», т.е. игнорирование права, других социальных норм, психология хищнического противоборства частных лиц и т.п., образуют «завалы» на пути формирования правовой культуры. Необходимо, чтобы молодой человек становился высокообразованным и высоко порядочным не вопреки общественным условиям, а в силу созданных обществом гарантий для самоопределения и самоутверждения личности. Возрастает значимость государственной молодежной политики, направленной на создание и развитие правовых, экономических и организационных факторов для воспитания у молодежи правового сознания в условиях демократического общества, личностной самореализации молодых людей.

К социальным предпосылкам можно отнести:

- уровень развития экономики, обеспечивающий достойное существование человека, реализацию его творческого потенциала, поскольку правовая культура повышается одновременно с материальным благосостоянием граждан;
- создание надежных институциональных механизмов и учреждений, обеспечивающих реальное участие индивидов в социальной и политической жизни и примиряющих рыночную экономику с социальной защищенностью граждан;

- преодоление стойкого правового нигилизма в общества и формирование отношения к праву как к непреходящей социальной ценности, основе социальной справедливости, гуманизма, свободы личности;

- создание такого юридического механизма, правового климата в обществе, которые бы гарантировали человеку реальную свободу поведения в единстве с ответственностью его перед обществом, обеспечивали бы его права, социальную защищенность, уважение достоинства, делали бы человека центром всех социально-экономических, политических и культурных процессов;

- разработка и реализация программ социальной защиты молодежи, построенных на двух ключевых принципах: самообеспечение и целевая защита;

- организация центров содействия занятости выпускников как структурных подразделений вузов, подчиненных проректору по учебной работе, способных помочь молодому специалисту сориентироваться на рынке труда, выбрать сферу деятельности, наиболее соответствующую его интересам и способностям с учетом полученной в вузе специальности.

Процесс формирования правовой культуры будет эффективным, на наш взгляд, при реализации следующих психолого-педагогических условий:

- нацеленности процесса профессионального образования на формирование правовой культуры в течение всего периода профессиональной подготовки учащейся молодежи при максимальной реализации образовательно-воспитательного потенциала всех дисциплин учебного плана в образовательном процессе;

- обеспечении непрерывности, последовательности и преемственности правового образования и воспитания личности;

- совершенствовании с учетом современных общественно-политических реалий содержания, форм и методов правового образования и воспитания, ориентированных на формирование правовой культуры;

- кадровом обеспечении учебно-воспитательного процесса в школе, колледже, вузе, специальной научной и методической подготовки преподавателей права.

Таким образом, можно сделать вывод, что на формирование правовой культуры и позитивного типа правосознания и поведения наиболее существенное влияние оказывают такие факторы, как:

- характер воспитания и моральный климат в семье, законопослушное поведение родителей;

- высокий уровень воспитания и обучения в образовательных учреждениях, где созданы необходимые условия для развития правового информирования и формирования убежденности в необходимости правомерного поведения;

- распространенность и доступность для населения информационных материалов, формирующих правовую грамотность и правосознание в печатном, электронном, аудиовизуальном и ином виде;

- дебюрократизация государственного аппарата, строгое соблюдение государственными служащими норм закона и профессиональной этики;

- совершенствование законодательства в плане его соответствия реальной общественно-политической и социально-экономической ситуации в стране;

- обеспечение граждан квалифицированной юридической помощью и судебной защитой;

- контроль государства и общества над СМИ в плане недопущения пропаганды насилия, наркомании, пьянства, других форм девиантного поведения.

ИСТОЧНИКИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ

А.А. Бочкова

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Международным сообществом принято на сегодняшний день такое число международных актов, направленных на борьбу с торговлей людьми и рабством, которое само по себе уже нуждается в систематизации и обобщении на предмет уяснения их внутренней взаимосвязи, устранения противоречий, выявления пробелов и неопределенностей. При этом следует иметь в виду, что официальная систематизация и кодификация международных актов, направленных на борьбу с торговлей людьми, не производилась. Поэтому первая задача, которую следует решить, состоит в отборе тех международных актов, которые относятся к сфере борьбы с торговлей людьми. В качестве критериев отбора можно взять два взаимосвязанных критерия:

1) использование в международном акте понятий «торговля людьми», «работорговля», «торговля детьми», «рабский труд», «принудительный или обязательный труд» и смежных с ними понятий (например, «похищение человека», «незаконная миграция» и т.д.);

2) наличие в нем нормативных положений, т.е. определенных правил поведения (запретов, дозволений, юридических обязанностей), рассчитанных на неоднократное применение.

Понятия «система норм международного права» и «система международно-правовых актов» – не одно и то же. Нормы международного права могут содержаться не только в международно-правовых актах. Поэтому было бы ошибочно ограничить систему норм международного права, направленных на борьбу с торговлей людьми, только такими источниками, какими являются международно-правовые акты.

Известно, что к основным источникам международного права, согласно п.п. «b» и «с» п.1 ст.38 Статута Международного суда, относятся также международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы, и общие принципы права, признанные цивилизованными нациями. В качестве вспомогательного средства для определения того, является ли та или иная правовая норма обычной нормой международного права или общепризнанным принципом права, согласно п.п. «d» п.1 ст.38 Статута Международного суда, могут быть использованы судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций.

Стало быть, система норм международного права, направленных на борьбу с торговлей людьми, может включать:

- 1) нормы, содержащиеся в международно-правовых актах;
- 2) международно-правовые обычаи;
- 3) общепризнанные принципы права.

Основной и наиболее распространенной формой существования современного международного права является международный договор. Согласно п.п. «а» п.1 ст.2 Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 года, п.п. «а» п.1 ст.2 Венской конвенции о праве договоров между государствами и международными организациями или между международными организациями от 21 марта 1986 года, «договор» означает международное соглашение, заключенное между государствами и (или) международными организациями в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится

ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования.

Объяснение своеобразной популярности договора как формы существования международного права (по сравнению с другой основной формой – международно-правовым обычаем) заключается в том, что договор более удобен для применения, чем обычай, так как уяснить точное юридическое содержание обычной нормы для правоприменителя иногда бывает намного сложнее. В договоре четко и ясно формулируются правила поведения государств, их права и обязанности, предусматривается порядок изменения или прекращения его действия.

Нормы международного права, содержащиеся в международно-правовых актах, можно подразделить на две группы: новые нормы, созданные современными участниками международного общения, и старые нормы, сохранившиеся от прошлых эпох, которые применяются и сегодня.

Таким образом, вполне корректно включение в систему норм международного права, направленных на борьбу с торговлей людьми, норм, предназначенных для борьбы с работорговлей и рабством, содержащихся в Конвенции ООН относительно рабства от 25 сентября 1926 года (с изменениями 1953 года) и Дополнительной конвенции ООН об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством, от 7 сентября 1956 года.

Международно-правовой обычай является другим основным источником международного права. Доктринально-практическое применение обычно-правовых норм обозначено в п.1 ст.38 Статута Международного суда, согласно которому суд при рассмотрении дел кроме договорных норм применяет «международный обычай как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы». Признавая необходимым применение в конкретных делах наряду с договорными нормами обычно-правовых норм, главный судебный орган ООН подтвердил их важное юридическое значение в параметрах обеспечения права и справедливости.

Связь международного договора и международного обычая проявляется в следующем:

- а) международный обычай в ряде случаев получает договорное оформление;
- б) международный договор может стать международным обычаем;
- в) международный обычай может внести уточнения и дополнения в международный договор и даже изменить некоторые его положения.

Значительная часть современного договорного международного права состоит из норм, которые ранее были обычаями. Они не утратили своего обычного характера для членов межгосударственного общения, не ставших участниками договоров, зафиксировавших эти нормы.

В то же время в отличие от договора обычно-правовая норма:

- 1) создается международным сообществом в целом, т.е. достаточно представительным сообществом государств, и становится обязательной для всех государств, не выражающих протеста;
- 2) не фиксируется в письменном виде. Международный суд выводит ее из практики государств;
- 3) соблюдается в силу удобства, целесообразности. Отступления и даже прямые ее нарушения не считаются международными правонарушениями;
- 4) признается таковой при условии всеобщности практики ее применения.

Следует иметь в виду, что в доктрине и практике международного права термин «обычай» используется в двух значениях:

- как процесс создания нормы международного права («международное нормопроизводство»);

– как юридическая норма, образованная в результате данного процесса.

Статут Международного суда ООН установил (п.п. «с» п.1 ст.38), что наряду с конвенциями и обычаем Суд применяет также «общие принципы права, признанные цивилизованными нациями». Как правило, под общим принципом международного права понимается не правовая норма, а некая общая идея, которая может быть выведена из норм международного права.

Относительно правовой природы этих принципов в международно-правовой доктрине существуют различные мнения. В одних случаях считают, что речь идет о принципах, которые не только присущи правовым системам государств, но и восприняты международным правом. В других случаях под этим понимают лишь принципы, присущие внутреннему праву государств.

В целом общепризнанность определенных принципов международного права справедливо связывать с тем, что они:

- признаются международным сообществом государств в целом;
- обладают не менее, а порой и более высокой обязательной силой, чем договоры;
- являются императивными по содержанию.

Будучи включенными в правовую систему государства, став обязательными для всех органов государства, общепризнанные принципы международного права становятся принципами внешней политики.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ОБЯЗАННОСТИ ГОСУДАРСТВА ПО СОБЛЮДЕНИЮ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

*Е.В. Бошукова, Ю.А. Бошукова
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Проблема соблюдения прав и свобод человека всегда занимала центральное место в науке конституционного права. В настоящее время правоведами все чаще поднимается вопрос об обязанностях государства.

В обязанностях государства проявляется его сущность, степень его демократичности, характер деятельности, отношение к обществу. Государство реализует себя в обязанностях. Обязанности государства определяются его экономическим базисом, социальной структурой.

За всю историю развития белорусской государственности впервые в ст.2 Конституции Республики Беларусь было провозглашено: «Человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства».

Приоритет общечеловеческих интересов над всеми другими ценностями государства стал официально закреплён на конституционном уровне. Следовательно, конституционное закрепление прав и свобод человека как высшей ценности предполагает соответствующие обязанности государства по их соблюдению и защите, предоставлению условий для развития личности.

Так в ч.2 ст.2 Конституции Республики Беларусь закреплено: «Государство ответственно перед гражданином за создание условий для свободного и достойного развития личности».

Данные положения являются неотъемлемой частью современных концепций правового государства. Закрепив основную конституционную обязанность государства – признание, соблюдение и защиту прав человека и гражданина, Республика Беларусь встала на один уровень с современными цивилизованными государствами.

Однако вопрос конституционных обязанностей государства в современной юридической литературе разработан недостаточно, с момента принятия Основного закона Республики Беларусь в современной правовой науке категория «конституционные обязанности государства» не нашла должного исследования и закрепления.

Исследование на современном этапе феномена конституционных обязанностей государства позволяет более полно раскрыть характер конституционных правоотношений между государством, государственными органами, должностными лицами и личностью.

На основе анализа соответствующих норм международного права, закрепляющих обязанности государства, выделяют две группы обязанностей государства:

1. Так как в ст.8 Конституции Республики Беларусь указано, что Республика Беларусь признает приоритет общепризнанных принципов международного права и обеспечивает соответствие им законодательства, то обязанности возникают у Республики Беларусь как субъекта международного права: уважать суверенитет и не вмешиваться во внутренние дела других государств; в международных отношениях воздерживаться от совершения актов агрессии, от любых других проявлений силы или угрозы ее применения; обеспечивать сохранение окружающей среды и др.

2. Обязанности государства по отношению к своим гражданам.

Обязанности государства, закрепленные в Конституции Республики Беларусь, выражаются:

1. В прямой форме. Так, в ст.59 Конституции Республики Беларусь закреплено: «Государство обязано принимать все доступные ему меры для создания внутреннего и международного порядка, необходимого для полного осуществления прав и свобод граждан Республики Беларусь, предусмотренных Конституцией»;

2. В провозглашении задач и целей. «Обеспечение прав и свобод граждан Республики Беларусь является высшей целью государства» (ст.21 Конституции Республики Беларусь);

3. В виде обязанностей, возлагаемых на государственные органы и должностные лица. В ст.40 Конституции Республики Беларусь закреплено «Государственные органы, а также должностные лица обязаны рассмотреть обращение и дать ответ по существу в определенный законом срок»;

4. В виде установленных государством гарантий прав и свобод граждан. «Государство гарантирует права и свободы граждан Беларуси, закрепленные в Конституции, законах и предусмотренные международными обязательствами государства», – закрепляет ч.2 ст.21 Конституции Республики Беларусь.

Таким образом, обязанность государства охранять права и свободы граждан – это установленные в правовых нормах определенные вид и мера должного поведения государства, его органов и должностных лиц, направленного на защиту прав и свобод личности от посягательств со стороны публичной власти и частных лиц, недопущение таких посягательств, восстановление нарушенных прав и свобод, а также применение мер ответственности к лицам, виновным в таких нарушениях.

Обеспечение данной обязанности государства включают в себя 3 аспекта: государство не имеет права ни отменять, ни ограничивать (кроме оговоренных законом случаев) права и свободы человека и гражданина; государство обязано создавать специальные учреждения по охране прав и свобод человека; государство обязано активно содействовать созданию условий для реализации прав и свобод человека и гражданина.

Следует отметить, что конституционные обязанности государства, закрепленные в Конституции Республики Беларусь и иных нормативных правовых актах

в качестве первоочередных и приоритетных задач государства, конкретизируются в обязанностях государственных органов и должностных лиц, поскольку именно они являются основой взаимоотношения государства и личности.

Однако, проведя анализ белорусского законодательства, можно прийти к выводу о том, что практически во всех исследуемых нормативных правовых актах обязанности государства формулируются в виде полномочий или компетенций соответствующих органов или должностных лиц, а традиционно достаточно широко регламентируются именно обязанности граждан. Следовательно, государство не считало нужным четко закреплять свои обязанности в нормативных правовых актах и тем самым нести ответственность за их неисполнение.

В этой связи для совершенствования конституционного и текущего законодательства Республики Беларусь целесообразно использовать опыт зарубежных стран (Швейцария, Португалия, Федеративная Республика Бразилия), которые закрепили непосредственно в тексте Конституций широкий перечень обязанностей государства перед гражданами, что позволило обеспечить соблюдение прав и свобод их граждан.

В целях обеспечения гарантий прав граждан в Республике Беларусь, а также совершенствования конституционного законодательства предлагается дополнить Конституцию Республики Беларусь специальной главой «Обязанности государства и гражданина», в которой следует закрепить конкретные обязанности органов государственной власти и должностных лиц перед личностью и личности перед государством.

Необходимо также предусмотреть специальные правовые механизмы конституционной ответственности за невыполнение конституционных обязанностей государства.

Таким образом, проблема ответственности государства перед гражданином является сложной и многогранной, в отечественной правовой науке носит лишь фрагментарный характер, отсутствуют специальные исследования, посвященные ее комплексному анализу. Существует потребность в дальнейшем изучении данной проблемы, а также принятие необходимых мер в законодательной и правоприменительной практике.

Исполнение государством, его должностными лицами соответствующих обязанностей позволит обеспечить не только реализацию прав и свобод человека и гражданина, но и создать эффективные условия для прогрессивного развития государства и общества.

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ВЭД РОССИИ СО СТРАНАМИ СНГ

И.В. Бурковский

Елец, НОУ ВПО «Российский новый университет»

Процесс «разноскоростной интеграции» в рамках СНГ предопределил создание и применение более согласованной нормативно-правовой базы регулирования внешнеэкономического взаимодействия в рамках интеграционных группировок на постсоветском пространстве, участницей которых является Российская Федерация. В частности, в ЕврАзЭС и Экономическом Союзе Россия – Беларусь. Не обделены вниманием и страны других различных экономических группировок – СНГ, ЕврАзЭС, ЕТС, ШОС и ряд других, отношения с которыми приобретают новое качество торговли и интеграции.

Основную ставку сегодня делают на единый Таможенный союз трех государств. Сегодня в него входят Россия, Белоруссия и Казахстан. Целью функцио-

нирования данной интеграционной группировки является эффективное развитие производства, формирование таможенного союза и единого экономического пространства. Между тем эта структура ясно дает понять, что готова расширяться и реально выравнивать таможенные ставки.

Сотрудничеству стран поможет и создаваемый в Москве Международный финансовый центр. В нем предполагается сращивание финансовых рынков стран-членов ЕврАзЭС и, возможно, СНГ. Если в настоящее время доля России с другими странами СНГ в мировом ВВП составляет 4%, то к 2020 году этот показатель может возрасти до 6%.

В 2009 году Белоруссия, Россия и Казахстан подписали Договор о Едином таможенном пространстве. С 2012 года заработал механизм единого экономического пространства. При этом внутренних границ нет, а доходы от таможенных пошлин будут делиться в нынешних пропорциях между бюджетами трех стран.

Такая интеграция потребует более высокого уровня взаимодействия контролирующих и правоохранительных органов государств-участников Таможенного союза. Только на основе единых согласованных подходов может быть создана эффективная система госконтроля на внешних границах трехстрановой таможенной территории. Поэтому в период становления союза России необходимо совместно с партнерами сосредоточиться на дополнительном обустройстве общей границы союза. Однако следует констатировать, что на пути создания союза сохраняется много организационно-правовых угроз, но это и есть реальная интеграция на постсоветском пространстве.

Создание единого таможенного пространства Белоруссии, России и Казахстана станет началом для выхода на новый уровень развития и будет иметь хорошую перспективу ликвидации кризисных последствий 2008-2009 годов. Если страны создадут единое таможенное пространство, а потом экономическое пространство, то от белорусско-польской до китайско-казахстанской границы будет единая территория, где не будут приниматься ограничительные меры, а будет действовать общий экономический режим в рамках договоренностей.

Таким образом, в структуре интеграционных процессов на постсоветском пространстве уже созданы различные правовые условия для внешнеэкономического взаимодействия, как государственных, так и предпринимательских структур. Основа создания международного экономического пространства была заложена еще в рамках СНГ.

Страны-участницы Соглашения договорились, что будут воздерживаться от действий, противоречащих положениям и препятствующих достижению целей Соглашения. Это касается, в частности, условий участия этих стран в других региональных экономических группировках. При этом участники зоны сохраняют за собой право самостоятельно устанавливать режим внешнеэкономических отношений с государствами, не участвующими в СНГ. Также положения Соглашения не затрагивают права и преимущества, предоставляемые в рамках регионального сотрудничества, приграничную и прибрежную торговлю, преференции, свободные экономические и таможенные зоны, регулируемые внутренним законодательством или на основе международных соглашений.

Практически со всеми государствами Экономического союза Россия уже заключила двусторонние соглашения о применении режима свободной торговли. Бесплатно осуществляется импорт товаров из СНГ, не облагаются пошлинами поставки на основе соглашений о производственной кооперации, переработке давальческого сырья. Налог на добавленную стоимость и акцизы на товары, импортируемые из стран СНГ, взимаются по тем же ставкам, что на товары российского производства.

Следует отметить, что Россия стратегически считает возможным в рамках СНГ исходить из модели разносторонней интеграции, имея в виду, что отдельные страны могут идти по пути углубления интеграции по мере созревания в них условий для этого. Несмотря на то, что рассмотренные этапы интеграционного процесса реализуются посредством преобладающего вида внешнеэкономического взаимодействия партнеров из СНГ – внешней торговли, в рамках регламентирующих их правовых документов содержатся общие намерения и меры по развитию прогрессивных видов и форм регулирования ВЭД в производственной, инвестиционной, научно-технологической и в других сферах.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА СВОБОДУ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Д.Г. Василевич

Минск, УО «Международный университет «МИТСО»

1. Согласно Конституции Республики Беларусь ее территория является естественным условием существования и пространственным пределом самоопределения народа, основой его благосостояния и суверенитета Республики Беларусь (ст.9). Уже это определение (а не только ст.30 Конституции, на которую обычно ссылаются в литературе, когда касаются вопроса о свободе передвижения и выбора места жительства) дает правовую основу для утверждения о естественном характере данной свободы.

2. Право на свободу передвижения относится к числу важнейших (неотъемлемых) прав и свобод человека и гражданина. Человек рождается свободным. Личная свобода предполагает свободу передвижения человека. С появлением государств, юридических законов право на свободу получало соответствующую регламентацию. В современных условиях, особенно с развитием процессов глобализации, содержание свободы передвижения получает все большее наполнение: устраняются ранее существовавшие барьеры на пути движения людских ресурсов в рамках соответствующих межгосударственных образований (например: Европейского Союза, Таможенного союза России, Беларуси и Казахстана, Союзного государства России и Беларуси).

3. До недавнего времени (в СССР и некоторое время в постсоветский период) в республиках бывшего СССР существовало много ограничений для реализации гражданами своего неотъемлемого права на свободу передвижения не только при выезде за рубеж, но и внутри государства. Обновление конституционного законодательства с учетом норм международного права позволило изменить парадигму отношений между государством и гражданами. При этом принципиально важные изменения произошли в тех сферах, которые касались указанной выше свободы.

Обеспечить каждому право на свободу передвижения – значит обеспечить равенство всех перед законом, который соответствует Конституции.

4. Отсутствие прописки – еще не гарантия свободы передвижения. Эта свобода может быть ограничена, например, по расовому признаку. Потребовалось много усилий для ликвидации сегрегации на транспорте, в организациях обслуживания, местах общественного пользования.

5. В белорусской практике остается нерешенным вопрос о выплате пенсий гражданам Республики Беларусь, которые выехали на постоянное место жительства за рубеж, но сохранили свое гражданство. В настоящее время пенсии выпла-

чиваются лишь тем гражданам, которые уехали в государства, с которыми Республикой Беларусь заключены соответствующие международные соглашения. Известно, например, что в странах Прибалтики живет очень много граждан Республики Беларусь – пенсионеров, которым пенсия была назначена у нас, но в связи с выездом она не выплачивается. Полагаем, что избранный путь – выплата пенсий таким лицам лишь при наличии международных соглашений – ошибочен и ограничивает зафиксированное в Конституции Республики Беларусь право на свободу передвижения (ст.30), право на пенсионное обеспечение (ст.47), равенство всех перед законом и недопустимость какой-либо дискриминации (ст.22).

6. Одной из целей создания Союзного государства является создание общего рынка труда со свободным передвижением граждан государств-участников. При этом отметим, что многие граждане Республики Беларусь выезжают в Россию для работы не только в качестве специалистов, ведения бизнеса, но и в качестве рабочих. Граждане Российской Федерации, если и приезжают в Беларусь для работы, то преимущественно для ведения бизнеса и значительно реже – для найма в качестве работника. При этом речь не идет о районах Беларуси и России, граничащих друг с другом, где «переток» рабочей силы сложился еще со времен СССР. Так или иначе, важно обеспечить в правовом отношении паритет прав и свобод.

Согласно ст.14 Договора о Союзном государстве Беларуси и России граждане государств-участников одновременно являются гражданами Союзного государства. Договором признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. При этом граждане Союзного государства пользуются равными правами и несут равные обязанности на территории другого государства-участника, если иное не предусмотрено законодательными актами государств-участников, договорами между ними. В ст.14 указанного Договора также предусмотрено, что до принятия союзного нормативно-правового акта в области гражданства правовое положение граждан союзного государства регулируется национальными законодательными актами государств-участников, договорами между ними в данной области и Договором о создании Союзного государства. В самом Договоре предусмотрено, что граждане Союзного государства имеют права избирать и быть избранными в Парламент Союзного государства, а также назначаться на должности в органы Союзного государства. Граждане Союзного государства имеют право на создание союзных общественных объединений.

В развитие Договора о создании Союзного государства заключен ряд соглашений. Особо отметим Соглашение об обеспечении равных прав граждан Республики Беларусь и Российской Федерации на свободу передвижения и выбор места пребывания и места жительства на территориях государств-участников Союзного государства, подписанное в Санкт-Петербурге 24 января 2006 года и ратифицированное государствами-участниками. По существу, им реально уравниены в праве на свободу передвижения и выбор места жительства граждане двух государств, хотя и сохранены некоторые формальные требования, например, относительно необходимости регистрации по истечении тридцати дней пребывания на территории другого государства. Ограничения могут быть осуществлены в интересах обеспечения национальной безопасности, обороны, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод граждан.

Сравнительный анализ положений Договора о создании Союзного государства, указанного выше Соглашения и Договора (хотя и не вступившего в силу) о Конституции для Европы свидетельствует о наличии в них многих сходств. Общим подходом является недопустимость какой-либо дискриминации в вопросах

гражданства и связанных с этим прав. Конечно, на определенном этапе развития могут быть определенные преференции в реализации тех или иных прав и свобод, но они должны базироваться на законодательных актах, основанных на заключенных международных договорах. Создание общего рынка труда предполагает признание квалификации граждан другого государства в государстве пребывания, равную оплату и равные социальные гарантии.

По нашему мнению, по мере развития отношений в рамках Союзного государства возникнет необходимость согласования не только визового порядка въезда иностранцев из третьих стран, но и условий и порядка приема в гражданство граждан третьих стран и лиц без гражданства, так как различный подход может существенно повлиять на интересы государства-участника Союзного государства. Желательно максимально упростить прием в гражданство государства-участника граждан другого союзного государства, например, при условии проживания не только в Союзном, но и в своем государстве в течение требуемого для иностранного гражданина периода. Было бы полезно решить вопрос о возможности работы в национальных органах государственной власти граждан другого государства-участника.

ИЗМЕНЕНИЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СТАДИИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА УГОЛОВНОГО ДЕЛА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ

*Н.А. Васильева, В.И. Ушакова
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

В практике возникает вопрос о том, вправе ли частный обвинитель в ход судебного разбирательства корректировать обвинение в сторону, ухудшающего положение обвиняемого.

Анализ уголовно-процессуального законодательства показывает, что ограничений для частного обвинителя, выдвинувшего обвинение, в его дальнейшем изменении в рамках дела частного обвинения не имеется. Поскольку предъявление частным обвинителем нового обвинения ухудшающего положение обвиняемого, существенно затрагивает интересы последнего, то, безусловно, в такой ситуации суд обязан обеспечить защит; прав и свобод обвиняемого исходя из общих правил судопроизводства.

Реализация данного подхода нашла отражение в п.18 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса, регулирующих производство по делам частного обвинения». При этом Пленум акцентировал внимание на том, что заявление, изменяющее ранее выдвинутое обвинение на более тяжкое ухудшающее положение обвиняемого или существенно отличающееся от того, которое содержится в первоначальном, может быть принято судом лишь при условии, что новое обвинение по своей юридической квалификации подлежит рассмотрению в порядке частного обвинения. В целях обеспечения права обвиняемого на защиту, после оглашения частным обвинителем или его представителем заявления с новым обвинением, судья обязан разъяснить обвиняемому сущность этого обвинения, выяснить его отношение к новому обвинению и предоставить частному обвинителю или его представителю возможность допросить обвиняемого по новому обвинению. Копия заявления вручается обвиняемому и его защитнику. По их ходатайству им предоставляется время, необходимое для подготовки к защите.

На вопрос о том, как поступать суду, если в ходе рассмотрения дела публичного или частно-публичного обвинения суд придет к выводу о том, что в дей-

ствиях виновного имеется состав преступления, указанный в ч.2 и ч.3 ст.26 УПК Республики Беларусь, ответ содержится в п.14 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 года «О приговоре суда», где разъяснено, что в такой ситуации суд может признать обвиняемого виновным в совершении этого преступления и постановить обвинительный приговор при наличии в деле заявления потерпевшего или его представителя или устного заявления в судебном заседании о привлечении обвиняемого к уголовной ответственности.

При отсутствии заявления потерпевшего и его нежелании привлекать обвиняемого к уголовной ответственности, на что он указывает в судебном заседании, суд своим постановлением (определением) прекращает производство по делу на основании п.6 ст.29 УПК Республики Беларусь, что не лишает лицо, пострадавшее от преступления, его представителя, возбудить уголовное дело частного обвинения в порядке, предусмотренном ст.126 УПК Республики Беларусь,

В судебной практике также возникают вопросы, касающиеся допроса частного обвинителя в процессе судебного разбирательства. В частности, во всех ли случаях частный обвинитель может быть допрошен об обстоятельствах совершения преступления, а также подлежит ли частный обвинитель перед его допросом предупреждению об уголовной ответственности за заведомо ложные показания. К решению этих вопросов следует подходить дифференцированно, в зависимости от того, кто выступает в качестве частного обвинителя и из каких источников частному обвинителю известны те либо иные обстоятельства по делу.

Так, в случаях, когда в качестве частного обвинителя выступает сам пострадавший, он может дать показания как потерпевший и в этом случае предупреждается об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Если частным обвинителем является не пострадавший, а иное лицо (например, законный представитель), то в зависимости от обстоятельств, которые ему известны по делу, такой частный обвинитель может быть допрошен как свидетель и предупреждается в этих случаях об ответственности за дачу заведомо ложных показаний как свидетель. Но во всех случаях частный обвинитель, не являющийся пострадавшим от преступления, не вправе давать показания об обстоятельствах дела вместо потерпевшего.

При квалификации действий обвиняемых особое значение имеют направленность умысла обвиняемых, объект преступного посягательства, мотив и цели преступления.

Наиболее распространенными в судебной практике являются ошибки, связанные с отграничением составов преступлений, предусмотренных ст.189 УК (оскорбление), ст.188 УК (клевета), а также ст.339 УК (хулиганство).

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст.189 УК Республики Беларусь, заключается в действиях, которые содержат неприличную, унижительную для человека оценку его личности, причиняющую ущерб чести и достоинству потерпевшего, роняют его авторитет в собственных глазах и в глазах окружающих. При этом не имеет значения, соответствует отрицательная оценка действительности или нет. При отсутствии неприличной формы унижения чести и достоинства лица, обратившегося с заявлением о возбуждении дела частного обвинения, следует выносить оправдательный приговор.

Отграничивая оскорбление от клеветы, следует исходить из того, что при оскорблении решающее значение имеет неприличная форма оценки потерпевшего, а клевета может распространяться в корректной, внешне приличной форме. Обязательным элементом клеветы является распространение заведомо ложных, позорящих потерпевшего, измышлений со ссылкой на якобы имевшие место фак-

ты его противоправного, аморального поведения. Оскорбление же представляет собой выраженную в неприличной форме отрицательную оценку личности потерпевшего, которая носит обобщенный характер, унижает его честь и достоинство, без обязательной ссылки на факты.

Если лицо, распространяющее ложные измышления, добросовестно заблуждалось относительно действительности распространяемых им сведений, однако высказывания его носили оскорбительный характер, оно может быть привлечено к уголовной ответственности за оскорбление, а не за клевету.

Разновидностью клеветы является заведомо ложный донос о совершении преступления. Чтобы отграничить клевету, соединенную с обвинением в совершении преступления, от заведомо ложного доноса, следует иметь в виду, что при заведомо ложном доносе умысел лица направлен на привлечение потерпевшего к уголовной ответственности, а при клевете – на унижение его чести и достоинства.

Практика также свидетельствует, что нередко хулиганские действия совершаются в оскорбительной форме приставание к гражданам, употребление нецензурных и иных умаляющих достоинство граждан выражений.

При отграничении хулиганства от оскорбления также следует исходить из умысла виновного. При хулиганстве умысел направлен на нарушение общественного порядка, а при оскорблении – на умаление чести и достоинства конкретного лица.

Также следует правильно понимать объективную и субъективную сторону преступления, предусмотренного ст.178 УК (разглашение врачебной тайны). По смыслу ч.1 ст.178 УК разглашение врачебной тайны, влекущее уголовную ответственность, состоит в умышленном разглашении медицинским, фармацевтическим или иным работником без профессиональной или служебной необходимости сведений о заболевании или результатах медицинского освидетельствования пациента, т.е., преступление, предусмотренное ст.178 УК, может быть совершено только умышленно лицо сознает, что разглашает врачебную тайну и желает так поступить. Субъектом этого преступления являются медицинские и фармацевтические работники, имеющие высшее (врачи, фармацевты), среднее (сестры) образование и не имеющие такового (няни, сиделки, регистраторы). Под иным работником применительно к ст.178 УК следует понимать любого работника, которому сведения, относящиеся к врачебной тайне, стали известны в процессе исполнения профессиональной или служебной деятельности. Например, работник отдела кадров, следователь, эксперт и т.п.

В судебной практике также возникает вопрос о том, вправе ли пострадавший возбудить уголовное дело по ч.1 ст.317 УК при наличии постановления о привлечении по данному факту виновного к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств.

По общему правилу (ст.29 УПК) привлечение лица к административной ответственности за нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств не препятствует возбуждению в порядке ст.426 УПК уголовного дела по ч.1 ст.317 УК в отношении этого же лица и по тому же факту дорожно-транспортного происшествия. Вместе с тем в случае постановления судом обвинительного приговора с признанием обвиняемого виновным в нарушении тех же пунктов правил дорожного движения, за нарушение которых он был подвергнут административному взысканию, виновный вправе в установленном порядке ставить вопрос об отмене постановления о наложении на него взыскания и прекращении производства по делу об административном правонарушении в связи с привлечением его к уголовной ответственности.

ПРАВО НА ЮРИДИЧЕСКУЮ ПОМОЩЬ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Т.В. Веташкова

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

Этапы борьбы за укрепление правового статуса личности четко прослеживаются на протяжении XX века. Вторая мировая война, продемонстрировавшая глумление над личностью на уровне государственной политики, завершилась историческим Нюрнбергским процессом, осудившим человеконенавистническую идеологию фашизма.

Генеральная Ассамблея ООН 10 декабря 1948 года утвердила документ исторического значения - Всеобщую декларацию прав человека, оказавший огромное влияние на национальное законодательство многих стран мира, обратившегося к правовым средствам защиты личности, утверждению идей правового государства.

Правовое государство – это тот идеальный тип государственного устройства, «Там, где отсутствует власть закона, там нет места и какой-либо форме государственного строя» (Аристотель).

Эти высказывания великих мыслителей прошлого ныне отражают логически завершенные и юридически четкие конструкции: верховенство равного для всех закона; взаимную ответственность гражданина и государства; безусловную гарантированность и защищенность прав и свобод гражданина; неукоснительное соблюдение принципа законности и требований правопорядка.

Защита прав личности и юридическая помощь, как одно из условий правовой активности личности, становятся актуальными категориями общественных отношений. Право на юридическую помощь в том или ином виде закреплено в абсолютном большинстве конституций стран мира. В историческом плане показателен тот факт, что это право было закреплено еще в Конституции США 1787 года, точнее в VI поправке к ней, датированной 1791 годом. В мировой конституционной практике право на юридическую помощь стало приживаться в основном в 70-е годы XX века, то есть оно относится к конституционным правам третьего поколения, притом, что институт защиты и адвокатура известны с древнейших времен.

В последние десятилетия право на юридическую помощь получило закрепление как на национальном уровне большинства стран мира, так и на международном. Так, согласно пункту «d» пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, каждый обвиняемый в уголовном судопроизводстве имеет право защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника.

В современной теории право на юридическую помощь относится к конституционным гарантиям прав и свобод человека и конституционным гарантиям правосудия. Это право предполагает, что каждый, кто нуждается в квалифицированной юридической помощи, может получить ее.

Право на юридическую помощь в современном понимании значительно шире, чем право на помощь адвоката в уголовном (или судебном) процессе. Юридическая помощь может потребоваться в любой жизненной ситуации, часто никак не связанной с судебным разбирательством. Однако можно определенно утверждать, что право на юридическую помощь – это, прежде всего, право на помощь адвоката (защитника) в уголовном процессе с гарантией оплаты этой помощи из бюджета при отсутствии у подзащитного средств. Не случайно, что из всех видов юридической помощи только помощь адвоката (защитника) непосредственно ре-

гулируется конституционными нормами. Право на другие виды юридической помощи закрепляется на уровне текущего законодательства.

В системе права Республики Беларусь конституционное право на квалифицированную юридическую помощь должно рассматриваться в единстве двух составляющих: естественное неотчуждаемое право личности (право на квалифицированную юридическую помощь в субъективном смысле) и норма или совокупность норм права, закрепляющих содержание данного права (право на квалифицированную юридическую помощь в объективном смысле).

Право на квалифицированную юридическую помощь в субъективном смысле представляет собой установленную законом неотъемлемую и неотчуждаемую возможность получать в установленном законом порядке профессиональную помощь по вопросам правового характера.

Право на квалифицированную юридическую помощь в объективном смысле следует рассматривать как совокупность правовых норм различных отраслей права, закрепляющих способы, условия и порядок осуществления субъективного права на квалифицированную юридическую помощь.

Конституционное право на квалифицированную юридическую помощь является достаточно сложным понятием, выступая не только как субъективное право, но и как способ реализации и защиты иных закрепляемых законодательством прав и свобод человека и гражданина. Именно поэтому конституционное право на квалифицированную юридическую помощь можно рассматривать как элемент системы обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Республике Беларусь. Такое двоякое понимание рассматриваемого нами права подразумевает особую значимость его обеспечения государством, поскольку такое обеспечение является основой системы защиты всей совокупности прав и свобод человека и гражданина.

Юридическую природу конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи следует выводить из позитивистской доктрины прав и свобод. Это право не является естественным правом человека, а представляет собой позитивное право, которое закреплено в Конституции Республики Беларусь, как и другие основные права и свободы человека и гражданина. По классификации основных прав и свобод право на получение квалифицированной юридической помощи следует отнести к юридическим правам – гарантиям человека и гражданина.

Юридическая помощь и как идея, и как предмет правового регулирования, и как вид профессиональной деятельности приобретает реальное значение и подлинную социальную ценность в условиях торжества законности и правопорядка, обеспечиваемого правовым государством. Государственный произвол, своеволие и безнаказанность чиновного аппарата, отсутствие независимой судебной власти представляют собой, по сути, отступление от принципов правового государства и делают юридическую помощь неэффективной, обесценивают ее значение.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О.В. Вожгурова
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Каждая социальная общность (а также некая их совокупность) развивается под воздействием двух органически взаимосвязанных между собой процессов интеграции и дифференциации. Однако, несмотря на взаимосвязь данных процессов,

именно первый, способствующий становлению некоего нового качественного единства, является определяющим в восходящей линии общественного развития. Автор исходит из того, что на постсоветском пространстве в настоящее время именно восходящая линия развития играет основную роль, а, соответственно целью работы является в первую очередь анализ именно феномена интеграции между бывшими советскими республиками. Причем акцент будет сделан не столько на объективных детерминантах данного феномена, сколько на выявлении корреляционных взаимосвязей между ними и различными видами их концептуально-теоретической интерпретации.

Для того, чтобы адекватно понять сущность интегративных процессов на постсоветском пространстве, необходимо предварительно рассмотреть концептуально возможные стадии социальной интеграции в целом, в их историко-хронологическом аспекте. На наш взгляд, исходным, первичным этапом является органически естественный синтез, в основе которого лежат не рационально осознаваемые экономические или геополитические интересы различных государств (а также иных социальных общностей), а нечто иное, то, что русский мыслитель XX века И.Л. Солоневич назвал термином «народный инстинкт». По его мнению, если внимательно последить историю какого-нибудь отдельного человека или народа, то можно «установить некоторую сумму постоянно действующих качеств: доминанту отдельной личности; характер личности индивидуальной и дух личности коллективной. И я буду утверждать, что слагаемым этой доминанты является инстинкт, – и у человека, и у народа».

Автор считает, что онтологическое бытие любого социального организма точно также построено на стремлении к внешней дифференциации и интеграции, как и бытие любого биологического организма, причем в обоих случаях это стремление носит изначально инстинктивный характер. Однако в первом случае мы имеем дело с социальным инстинктом, а во втором – с чисто физиологическим. Конечно, органически естественный синтез не является обязательной стадией любой социальной интеграции, но во многих случаях он проявлялся в достаточно яркой форме, например, при историческом становлении того геополитического феномена, который предшествовал образованию Советского Союза.

Необходимо отметить, что никакой теоретический анализ данного этапа не позволяет получить его адекватного понимания. Автор считает, что если у двух народов существует инстинктивное стремление к объединению, выражающееся в словах «мы хотим жить вместе», то это объединение будет происходить вопреки так называемым экономическим, политическим и социальным предпосылкам, и даже вопреки тому, что ученые называют «логикой исторического процесса». Что касается сущности указанного инстинкта, то последняя носит глубокий мистико-мировоззренческий характер и не является предметом научного исследования. Дело в том, что наука и мировоззрение по своей гносеологической природе радикально отличаются друг от друга. «Научным или ненаучным, – отмечает А.И. Осипов, – является не мировоззрение, а характер и уровень познаний человека с любым мировоззрением: религиозным, атеистическим и т.д. Научные же знания могут быть лишь дополнительным материалом, детализирующим, но ни в коей мере не определяющим и, тем более, не создающим самого мировоззрения».

Второй этап связан с проявлением в интегративном процессе некоторых объективных закономерностей (то есть экономических, политических, социальных и иных законов), позволяющих на основе их анализа совершить построение определенных феноменологических моделей, обладающих достаточно большим эвристическим потенциалом. Такие модели впоследствии будут использоваться

для того, чтобы интерпретировать уже известный эмпирический базис интегративных процессов не в качестве некоего чисто технического инструментария, а на совершенно ином эпистемологическом уровне. Дело в том, что именно на этом этапе становится возможным адекватное концептуальное обоснование указанных закономерностей с последующим их теоретическим синтезом в первичную социальную теорию и с постепенным расширением класса ее референтов. Причем при условии построения достаточно развитой социальной теории, последующие феноменологические модели могут строиться уже не на основе нового эмпирического базиса, а с помощью такого специфического познавательного приема как аналогия.

Третий этап представляет собой экстраполяцию старого теоретического знания на область новой предметной базы. В реальной действительности ему соответствует, например, включение в интеграционные процессы таких социальных субъектов (в первую очередь речь в данном случае идет о государственных или межгосударственных образованиях), которые до определенного периода времени находились вне данных процессов. Очевидно, что в описанной ситуации экстраполяция не является чисто формальным расширением области значения теоретической модели интеграции, то есть нельзя говорить о новой модели в рамках некоего асимптотического ее перехода от старой. На самом деле она представляет собой некую новую качественную целостность. Практической иллюстрацией сказанного являются интеграционные процессы в Западной Европе. Логично предположить, что и в случае включения в таможенный союз России, Беларуси и Казахстана новых государств, произойдет не простая количественная экстраполяция основных закономерностей его существования, а становление качественно новой концептуально-теоретической целостности, с помощью которой только лишь и возможно дать адекватное описание бытия расширенного союза.

Объективная сущность четвертого этапа заключается в борьбе некоторых конкурирующих между собой типов возможного интеграционного процесса. В теоретико-гносеологическом плане данная ситуация соответствует борьбе различных концептуальных моделей. Хорошо известно, что даже в чисто научной сфере невозможно дать точную оценку прагматически-футурологическому потенциалу конкурирующих теорий. Таким образом, выбор между ними может быть во многом детерминирован применением достаточно субъективных критериев их оценки. Причем в данном случае мнения политического руководства субъектов интеграции могут радикальным образом отличаться от тех же оценок, совершенных с помощью того, что мы уже называли «народным инстинктом». Соответственно, борьба между различными концепциями может перейти из чисто теоретической, в сферу практической политики.

В заключение отметим, что в реальной действительности интеграционному процессу на постсоветском пространстве предшествовал предварительный этап дифференциации социального организма, то есть распад Советского Союза на ряд независимых государств. Вот почему в данном случае мы имеем дело с познавательным феноменом гносеологического мультиплицирования: новая практическая ситуация возникает не только в качестве результата саморазвития некоторого социального организма, а как результат дихронологической суперпозиции его предшествующего и настоящего состояния. Соответственно, указанная специфическая особенность постсоветского пространства в значительной степени осложняет построение адекватной концептуально-теоретической модели проходящих на этом пространстве интеграционных процессов.

ПРИЗНАКИ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Г.И. Войтович

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

Изучение и исследование правовой природы всякого явления, а также познание его сущности невозможно без детального рассмотрения и анализа характеризующих признаков. Под признаком всякого процесса либо явления можно понимать присущую ему отличительную черту, свойство или качество. Таким образом, целью настоящего исследования является выделение и описание признаков реорганизации юридических лиц. Учитывая то, что реорганизация представляет собой сложный юридический состав, многоступенчатый процесс, предоставить исчерпывающий перечень признаков представляется весьма непростой задачей. Принимая это во внимание, автор ставит перед собой цель раскрыть наиболее важные и существенные признаки реорганизации

Реорганизация юридических лиц – есть относительное прекращение (изменение) реорганизуемых и (или) возникновение новых юридических лиц, сопровождающееся передачей имущественных и некоторых иных прав и обязанностей между этими юридическими лицами (от прекращающего деятельность лица к его правопреемнику или возникающему лицу от его правопрédéшественника) в порядке общего или частного правопреемства.

Многие ученые справедливо полагают, что правопреемство необходимо рассматривать в качестве наиболее существенного, основополагающего признака реорганизации юридических лиц.

Правопреемству при реорганизации посвящена ст.54 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК). Исходя из положений данной статьи, под правопреемством при реорганизации юридических лиц следует понимать переход субъективных прав и обязанностей от одних юридических лиц к другим на основании принятого решения о реорганизации в соответствии с передаточным актом или разделительным балансом. Правопреемство представляет собой производный способ приобретения субъективного права (правоприобретения) и гражданско-правовой обязанности. Правопреемство является универсальным признаком реорганизации, так как оно в равной степени присуще реорганизации в любой форме.

К иным признакам реорганизации юридических лиц можно, в частности, отнести следующие.

1. При реорганизации юридических лиц имеет место прекращение (изменение) реорганизуемых и (или) возникновение новых юридических лиц, что позволяет говорить о тесной взаимосвязи реорганизации с элементами учреждения и ликвидации юридических лиц. Некоторые исследователи наделяют реорганизацию учредительскими и ликвидационными признаками. К учредительским признакам Коровайко А.В. относит, в частности, «формирование уставного капитала, утверждение учредительных документов и регистрацию вновь возникшего субъекта». Ликвидационные признаки: «закрытие счета реорганизуемых предприятий, снятие их с учета налоговых органов, исключение из государственного регистра».

2. Термин «реорганизация» употребляется исключительно в отношении юридических лиц. Исходя из этого, представляется невозможным, например, реорганизация филиала или отдела некоего предприятия. Также нельзя реорганизовать объединения юридических лиц, которые сами таковыми не являются (например, холдинг).

3. Важным признаком реорганизации является обязательное наличие документа о правопреемстве, которым согласно ст.55 ГК является передаточный акт или разделительный баланс.

4. Наличие четко определенных законодательством форм реорганизации. Так, согласно ст.53 ГК реорганизация юридических лиц может осуществляться в форме слияния, присоединение, разделения, выделения и преобразования.

5. Процесс реорганизации не оказывает влияния на состав имущества, вовлеченного в экономический оборот. Так, Трофимов К.Т. отмечает, что реорганизация отличается от ликвидации, в частности, тем, что при последней имущественный комплекс исключается из хозяйственного оборота.

6. Реорганизация затрагивает интересы не только участвующих в ней и возникающих юридических лиц, но также и интересы кредиторов, участников (особенно в отношении миноритарных участников), а также работников реорганизуемых субъектов. Необходимость обеспечения защиты их прав является важным признаком реорганизации.

7. Статья 12 Закона Республики Беларусь «О бухгалтерском учете и отчетности» от 18 октября 2004 года (в ред. от 25.06.2001 года) предусматривает необходимость проведения инвентаризации имущества при реорганизации.

8. Весьма любопытным является аспект, характеризующий преобразование прав участников реорганизуемых юридических лиц. Отмечается, что «обязательственные права в отношении одного юридического лица непосредственно заменяются обязательственными правами в отношении другого, минуя «промежуточный» этап трансформации в права вещные». Вместе с тем данный вывод не всегда является справедливым. Статья 113 ГК предусматривает возможность реорганизации унитарного предприятия в хозяйственное товарищество или общество. Учредителю унитарного предприятия согласно упомянутой норме принадлежит право собственности на имущество предприятия. Таким образом, реорганизация унитарного предприятия в хозяйственное общество приведет к смене вещного права его учредителя на обязательственное право в отношении созданного хозяйственного общества.

9. При реорганизации отсутствует какая-либо связь (обязательственно-правовая или вещная) между реорганизованным юридическим лицом и его правопреемником. При этом последний обладает полной автономией.

10. Все или часть участников реорганизуемого субъекта выступают учредителями (участниками) его правопреемника.

11. При реорганизации может наблюдаться изменение в имущественном комплексе юридических лиц, в частности, изменение размера уставного капитала.

12. В юридической литературе подчеркивается возможность налоговой проверки

На основании изложенного можно прийти к выводу, что основополагающим, фундаментальным признаком реорганизации юридических лиц является правопреемство. Среди иных признаков реорганизации можно выделить группу учредительских и ликвидационных признаков, которые присущи реорганизации в силу того, что ее последствием является не только переход прав и обязанностей, но также прекращение и (или) возникновение юридических лиц. Реорганизация юридических лиц также может стать причиной изменения юридических лиц (при реорганизации в форме присоединения и выделения). Изменениям может быть подвержен субъектный состав участников или имущественный комплекс реорганизуемого лица (например, может быть изменен размер уставного фонда).

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В АДМИНИСТРАТИВНО-ЮРИСДИКЦИОННОЙ СФЕРЕ

А.В. Гавриленко

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

Совершение физическими и юридическими лицами различного рода правонарушений в Республике Беларусь в настоящее время оказывает серьезное негативное влияние на осуществляемые в государстве политические, экономические и социальные преобразования.

Общепризнанно, что обеспечение законности – это важнейшая сфера функционирования правовой системы государства. Актуальность этой задачи в первую очередь обусловлена необходимостью дальнейшего развития процесса построения в Республике Беларусь правового государства. Одним из важнейших факторов в этом плане является совершенствование деятельности органов прокуратуры, как важнейшего инструмента защиты прав и свобод граждан и отстаивании их интересов во взаимоотношениях с органами государственного управления.

Вопросы обеспечения законности в административно-юрисдикционной сфере имеет тесную связь с профилактикой коррупционных правонарушений, поскольку именно в данной области общественных отношений граждане и юридические лица часто вступают в правовые отношения с государственными органами.

Административно-юрисдикционная деятельность органов исполнительной власти напрямую связана с вопросами обеспечения защиты прав и интересов граждан. Учитывая специфику административных правоотношений, проявляющуюся в неравенстве их участников, представляется актуальным исследование деятельности органов прокуратуры в данной сфере общественных отношений. Каждый год в Республике Беларусь и в иных странах СНГ административной ответственности органы государственного управления привлекают к административной ответственности значительное число физических и юридических лиц. Анализ правоприменительной практики позволяет говорить, что зачастую деятельность органов исполнительной власти в названной сфере отличается формализмом и нарушением законодательства, а в ряде случаев свидетельствует о проявлении элементов коррупции.

В этих условиях органы прокуратуры с их надзорными полномочиями остаются одним из наиболее эффективных механизмов, способных защитить права и интересы граждан и юридических лиц во взаимоотношениях с органами исполнительной власти и обеспечить соблюдения принципа законности в их деятельности.

Вместе с тем осуществление прокурорского надзора в административном процессе не получила должного освещения в научной литературе. Отдельные вопросы данного направления деятельности органов прокуратуры отражены в трудах российских ученых В.И. Баскова, Ю.Е. Винокурова, А.Я. Сухарева. Среди белорусских исследователей можно отметить работы А.С. Сенько.

Проблема обеспечения эффективного прокурорского надзора за точным и единообразным исполнением законодательства в административно-юрисдикционной сфере органами государственного управления является актуальной как для Республики Беларусь, так и для Российской Федерации. Так, российские специалисты в области прокурорского надзора Л.Б. Датчук и Б.И. Шалыгин отмечают возрастающее ежегодно число разрешенных прокурорами обращений в связи с незаконными действиями должностных лиц органов, применяющих меры административного принуждения.

Вопросы незаконного привлечения юридических и физических лиц к административной ответственности органами государственного управления неоднократно отмечалась как распространенная причина обращений физических и юридических лиц в ходе заседаний коллегии Генеральной прокуратуры Республики Беларусь по итогам работы органов прокуратуры Республики Беларусь в 2006-2010 годах.

Особым значением обладает деятельность прокурорских работников по выявлению фактов неприятия органами, ведущими административный процесс, мер по пресечению правонарушений и привлечению виновных должностных лиц к ответственности. Российские правоведы Л.Б. Датчук и Б.И. Шалыгин отмечают, что прокурорские проверки постоянно выявляют нарушения норм Кодекса об административных правонарушениях РФ при привлечении граждан к административной ответственности в таможенных и налоговых органах, наделенных административной юрисдикцией, в комиссиях по делам несовершеннолетних, а также в органах пожарного надзора.

Органы прокуратуры Республики Беларусь сталкиваются со схожими правонарушениями, в т.ч. коррупционного характера, при осуществлении деятельности по обеспечению законности в административно-юрисдикционной сфере. Так, в ходе проверки в 2011 году органами прокуратуры Брестской области соблюдения административными комиссиями городских и районных исполнительных комитетов законодательства при привлечении граждан к административной ответственности за совершение правонарушений, связанных с пьянством и игнорированием правил пожарной безопасности были выявлены многочисленные нарушения. Прокурорские работники установили факты рассмотрения административными комиссиями дел в отсутствие лиц, в отношении которых велся административный процесс, а также неполного и необъективного исследования обстоятельств административного правонарушения, вследствие чего отдельные лица были незаконно освобождены от административной ответственности.

Исходя из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что прокурорский надзор осуществляется на всех стадиях административного процесса в целях обеспечения законности и противодействия коррупционным правонарушениям. Вместе с тем отдельные элементы правового статуса прокурора, как участника административного процесса требуют более детальной правовой регламентации.

Наделение национальным законодателем органов прокуратуры широкими полномочиями в административно-юрисдикционной сфере предполагает постепенный отход от надзирающей роли прокурора в административном процессе. В целях дальнейшего нормативного закрепления указанных тенденций в Республике Беларусь, предлагаем дополнить перечень участников административного процесса, закрепленный в главе 4 Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь, включив в него прокурора. Данная мера позволит отразить особый статус прокурора в административном процессе и будет способствовать более детальной регламентации его прав и обязанностей в административном процессе.

В корректировке также нуждается ч.1 ст.40 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 года «О прокуратуре Республики Беларусь». Поскольку полномочия прокурора по привлечению виновных лиц к административной ответственности имеет важное значение в деле обеспечения законности, нам представляется верным прямое указание на них в законе. С учетом данного фактора, предлагаем изложить ч.1 ст.40 Закона о прокуратуре в следующей редакции: «Постановление – акт прокурорского надзора, содержащий в зависимости от характера нарушения законодательства мотивированное решение прокурора или его заместителя о возбуждении

уголовного дела, производства по делам об административном правонарушении, дисциплинарного производства или о привлечении лица к материальной ответственности. Постановление как акт прокурорского надзора может быть вынесено и в иных случаях выражения требования, вытекающего из полномочий прокурора».

Нам представляется, что законодательное закрепление вышеназванных новелл будет способствовать более детальной регламентации полномочий прокурора в данной сфере. Названные меры будут также способствовать возрастанию роли участия органов прокуратуры в административном процессе, что позитивно скажется на обеспечении законности в этой сфере, будет способствовать профилактике коррупционных правонарушений.

ПРИЧИННЫЙ КОМПЛЕКС И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

*А.А. Гаврильчик
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Условия и причины преступности несовершеннолетних можно разделить на две большие группы:

а) отражающие противоречия социального и экономического состояния общества.

б) связанные с личностными особенностями несовершеннолетних.

К первой группе причин и условий (факторов), детерминирующих преступность как закономерное следствие по содержанию или сферам социальной жизни относят правовые, социально-экономические, организационно-управленческие, политические, воспитательные и идеологические причины и условия.

В число разнообразных, взаимосвязанных факторов, обуславливающих генезис асоциального поведения подростков, следует выделить такие, как: психолого-педагогический, проявляющийся в дефектах школьного и семейного воспитания; социально-психологический, раскрывающий неблагоприятные особенности взаимодействия несовершеннолетнего со своим ближайшим окружением в семье, на улице, в учебно-воспитательном коллективе и др.

Отклоняющееся, в том числе противоправное поведение, связано, прежде всего, с дефектами социализации. Дефекты отношения к ребенку со стороны окружающих приводят к отрицательным эффектам в формировании его личности.

Типичный механизм становления несовершеннолетнего на преступный путь можно рассматривать как взаимодействие следующих трех основных обстоятельств:

1) нахождение в семье, которая не желает, не умеет, либо не может воспитывать ребенка;

2) неудачи (неуспеваемость) в учебном заведении, конфликты с педагогами либо с детским коллективом;

3) переориентации на досуговые связи, сближение с лицами, характеризующимися аморальным или криминальным поведением.

Детерминанты преступности среди несовершеннолетних производны от общих причин и условий, связаны с особенностями конкретной социальной среды, где живет правонарушитель, где он учится и проводит свое свободное время.

Важнейшим условием формирования личности подростка-правонарушителя в большинстве случаев являются отрицательные семейные условия.

Семейное неблагополучие многообразно. Формы его проявления самые различные: ссоры и взаимное непонимание, равнодушие и недостаток родительской любви к подросткам, педагогическая безграмотность родителей, структурная

неполноценность, пьянство в семье, наркомания, противоправное поведение и др. Каждая из этих форм семейного неблагополучия является в той или иной степени криминогенным фактором, но наибольшее влияние на формирующуюся личность оказывает сочетание нескольких таких факторов.

Установлено:

- около 50% родителей несовершеннолетних правонарушителей, состоящих на внутришкольном учете и учетах инспекций по делам несовершеннолетних, проявляют безразличие к образу жизни своих детей, не интересуются их времяпровождением в свободное от учебы время;

- в 20% таких семей подростки предоставлены сами себе, а в 50% случаев контроль осуществляется от случая к случаю;

- около 30% этих подростков ночное время проводят на улицах, уходят из дома (из них около 70% в возрасте с 16 до 18 лет), тем самым пополняя антиобщественно направленные группы;

- немногим более 30% подростков правонарушителей воспитывалось в неполной семье,

- образовательный уровень родителей подростков, состоящих на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних на 20% ниже общеобразовательного уровня населения;

- у многих несовершеннолетних (около 15%) один из родителей либо оба родителя (1,7%) были ранее судимы, а в 5,3% случаев были лишены родительских прав.

Таким образом, несмотря на то, что около 70% подростков, совершивших преступления и правонарушения, воспитывались в полных семьях, их социальное, материальное положение и психологический климат зачастую все же способствуют негативному влиянию на детей.

На формирование личности несовершеннолетнего правонарушителя в большой степени оказывает влияние злоупотребление родителями алкоголем. Известно, что алкоголизм не только десоциализирует семью, но и способствует деградации ее членов, снижению или торможению развития их культурно-образовательного уровня. В подростковой среде распитие спиртных напитков становится нормой.

Уходя от родителей, несовершеннолетние ищут поддержку в обществе себе подобных. Подростков захлестывает волна «взрослой» жизни – секс, наркотики.

Отрицательно сказывается на эффективности профилактической работы с учащимися общеобразовательных учреждений слабая подготовленность (материальная, кадровая, психологическая и даже методическая) педагогических коллективов в деле организации нравственной социализации учащихся. А этот аспект часто выступает в качестве самостоятельного и важного негативного фактора, способствующего преступлениям несовершеннолетних.

К условиям, способствующим преступному поведению несовершеннолетних, относятся и недостатки в деятельности органов, на которые возложена борьба с преступностью несовершеннолетних.

Существенные недостатки имеются в деятельности правоохранительных органов, в том числе и органов внутренних дел, по предупреждению, выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Преступность несовершеннолетних имеет высокую латентность. Исследования показывают, что еще до первого осуждения подростки успевают совершить несколько преступлений. Это создает атмосферу безнаказанности. Не обеспечивается неотвратимость наказания – важнейшее средство предупреждения преступного поведения.

Вторая группа причин определяется особенностями личности подросткового возраста, о которых выше уже шла речь.

Любой период жизни человека характерен своими особенностями и трудностями. Наиболее ответственный возраст 12-16 лет, когда формируют личность, ее мировоззрение, ценностные ориентации, жизненные цели, интересы и т.д., т.е. на основе суждений («что такое хорошо и что такое плохо») возникают убеждения, а затем – мировоззрение.

При анализе особенностей свойств и качеств личности рассматриваемой возрастной категории, следует учитывать влияние на нее т.н. кризисов возраста.

Кризисы возраста, по оценке психологов, означают особый психологический этап, переход личности к новому, высшему периоду развития. Из всех переживаемых ребенком кризисных периодов наиболее трудным является кризис подросткового возраста. Для него характерны эмоциональная неустойчивость подростка, повышенная возбудимость, неуравновешенность, неадекватность реакций, часто проявляющихся в неоправданной резкости и повышенной конфликтности с окружающими.

Таким образом, возникает много поводов для конфликтов и столкновений между взрослыми и подростками, что, в определенных обстоятельствах, может стать причиной криминального поведения.

В качестве психобиологических предпосылок асоциального поведения несовершеннолетних можно определить следующие неблагоприятные особенности психики и организма несовершеннолетних: нервно-психические патологии и заболевания, социально негативные акцентуации характера, отставания в умственном развитии, вызванные, в том числе, и наследственными, врожденными факторами, черепно-мозговыми травмами и заболеваниями, перенесенными в раннем детстве.

Для учета и преодоления этих отклонений требуется конкретная медицинская, педагогическая и социальная помощь, необходима реализация адекватной специальной программы социальной реабилитации и социальной адаптации детей с подобными отклонениями.

В генезисе преступного поведения весьма четко прослеживается отрицательная значимость таких признаков, характеризующих личность, как низкий культурный и образовательный уровень правонарушителей. Несоответствие образовательного и культурного уровней возрасту учащегося, что обычно связано с нежеланием посещать школу и учиться, обуславливает неразвитость интересов несовершеннолетних. Положение усугубляется еще и тем, что несовершеннолетние правонарушители обычно с недоверием воспринимают информацию воспитательного характера, исходящую от официальных лиц и коллективов. Постепенно отрываясь от учебного коллектива, такие подростки ищут занятия вне школы, в кругу случайных уличных знакомых и сравнительно легко попадают под пагубное влияние преступных элементов.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЙ И ПРЕДПИСАНИЙ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ

И.А. Голубенко

Минск, Белорусский государственный университет

В настоящее время как страны-участники ЕврАзЭС, так и участники других международных объединений нацелены на упрощение и одновременное упорядочение ведения бизнеса, а как вспомогательного процесса – информационных потоков.

Из административно-правовых способов защиты информации в Республике Беларусь наиболее жестким является привлечение к административной ответственности. Одной из мер административной ответственности является предупреждение. Вместе с тем постепенно распространяется использование предупреждения (предписания, решения), а также вытекающие из них приостановление совершения определенных действий, в другом аспекте как мера предупреждения или восстановительная административно-правовая мера, но не как мера административной ответственности. Такой подход стал распространяться в информационной сфере, поскольку значение информации растет, однако ее разглашение или нарушение порядка передачи не всегда приводит к негативным последствиям и не всегда владелец информации оценивает ее как настолько значимую, чтобы требовать привлечения нарушителя к административной ответственности.

В Указе Президента Республики Беларусь №60 от 01.02.2010 года «О мерах по совершенствованию использования национального сегмента сети Интернет» предусматривается вынесение предписания об устранении выявленных нарушений данного Указа с указанием срока, в течение которого они должны быть устранены. В крайних случаях оказание интернет-услуг юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, допустившему нарушения, может быть приостановлено поставщиком интернет-услуг, оказывающим ему такие услуги.

В Указе Президента Республики Беларусь №450 от 01.09.2010 года «О лицензировании отдельных видов деятельности» предусмотрено, что при выявлении нарушений лицензиатом законодательства о лицензировании, лицензионных требований и условий выносит лицензиату требование (предписание) об устранении выявленных нарушений и устанавливает срок их устранения. Если в установленный срок лицензиатом не устранены нарушения, указанные в требовании (предписании) об устранении выявленных нарушений, либо не представлено письменное уведомление об устранении таких нарушений, либо выявлено нарушение лицензиатом особых лицензионных требований и условий, принимается решение о приостановлении действия лицензии на срок до 6 месяцев.

В Законе Республики Беларусь №427-3 от 17.07.2008 года «О средствах массовой информации» предусмотрено вынесение в ряде случаев, среди которых совершение действий, противоречащих требованиям указанного Закона, письменного предупреждения юридическому лицу, на которое возложены функции редакции средства массовой информации. В установленных случаях, в том числе в случае неустранения нарушений, выпуск средства массовой информации может быть приостановлен на срок до трех месяцев.

В соответствии с Законом Республики Беларусь №225-3 от 10.05.2007 года «О рекламе» в случае размещения (распространения) ненадлежащей рекламы Министерство торговли Республики Беларусь вправе принять решение о признании рекламы ненадлежащей, а местные исполнительные и распорядительные органы – решение о признании рекламы ненадлежащей, за исключением решения о признании рекламы недобросовестной. В соответствии с решением о признании рекламы ненадлежащей, нарушитель обязан в трехдневный срок со дня получения такого решения прекратить ее размещение (распространение).

При этом приведенные административные меры можно считать сложными и многоступенчатыми, поскольку за повторное появление оснований для вынесения предупреждения за нарушение законодательства о средствах массовой информации предусмотрена административная ответственность, а также за сами нарушения в ряде случаев возможна административная ответственность, независимо от возможности вынесения за это же нарушение предписания, принятие решения.

Ряд нарушений требований по использованию национального сегмента сети Интернет влечет административную ответственность по статье 22.16 КоАП Республики Беларусь.

Предпринимательская деятельность, осуществляемая с нарушением правил и условий осуществления видов деятельности, предусмотренных в специальных разрешениях (лицензиях), если в этих деяниях нет состава преступления, может привести к административной ответственности по части 1 статьи 12.7 КоАП Республики Беларусь.

Нарушение средством массовой информации законодательства о средствах массовой информации повторно в течение одного года после вынесения в отношении его письменного предупреждения влечет административную ответственность по части 3 статьи 22.9 КоАП Республики Беларусь.

Нарушение рекламодателем, рекламопроизводителем, рекламораспространителем или должностным лицом государственного органа законодательства о рекламе, в том числе размещение (распространение) рекламораспространителем на территории Республики Беларусь рекламы, подлежащей согласованию с уполномоченным государственным органом, без такого согласования или рекламы продукции, товаров (работ, услуг), производимых на этой территории, изготовленной с привлечением иностранных или международных юридических лиц (организаций, не являющихся юридическими лицами), иностранных граждан или лиц без гражданства, кроме случаев, когда законодательными актами разрешено такое изготовление, может привести к административной ответственности по части 1 статьи 12.15 КоАП Республики Беларусь.

В результате можно сделать вывод о том, что, несмотря на расширение использования мер предупреждения или восстановительных административно-правовых мер, значение влияния административной ответственности сохраняется. За ряд нарушений, по которым вынесены предупреждения (предписания, решения), одновременно могут быть применены меры административной ответственности. В таком случае смысл предупреждений (предписаний, решений) сводится к информированию субъектов о нарушении и потенциальной возможности приостановления их деятельности, совершаемой с нарушениями.

В данной ситуации с точки зрения стимулирования к оперативному устранению нарушений было бы логичнее четко установить, что если при вынесении предупреждения (предписания, решения) нарушения были устранены в установленный срок и в течение определенного срока не возникали повторно, лицо к административной ответственности не привлекается.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СЕЛЕКЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РАМКАХ ЕврАзЭС

А.В. Горелько

*Минск, Национальный центр законодательства и
правовых исследований Республики Беларусь*

Современная селекционная деятельность является мощным стимулом развития мирового агропромышленного комплекса. По мнению белорусского ученого И.П. Манкевич, селекционная деятельность рассматривается как совокупность имущественных и неимущественных отношений, связанных с производством или созданием, использованием и правовой охраной селекционных достижений (новых сортов растений и пород животных).

Необходимо отметить, что в настоящее время, развитие селекционной деятельности неразрывно связано с укреплением взаимовыгодного сотрудничества государств, особенно в рамках интеграционных объединений. Важную роль в этом играет Евразийское экономическое сообщество (далее – ЕврАзЭС). Договор об учреждении ЕврАзЭС был подписан 10 октября 2000 года в Астане и вступил в силу 30 мая 2001 года после его ратификации всеми государствами-членами (25 января 2006 года был подписан протокол о присоединении к организации Узбекистана). ЕврАзЭС является международной экономической организацией, созданной для эффективного продвижения процесса формирования Таможенного союза и Единого экономического пространства, а также реализации национальных интересов каждого государства-члена Сообщества. Высшим органом ЕврАзЭС является Межгосударственный Совет ЕврАзЭС, который обладает широким спектром задач в агропромышленной политике, в том числе в исследуемой области. В соответствии с Концепцией агропромышленной политики государств-членов ЕврАзЭС от 24 марта 2005 года, предусматривается развитие научно-технического сотрудничества стран в таких областях как селекция, семеноводство, разработка прогрессивных технологий в сельском хозяйстве и других сферах агропромышленного комплекса. Поэтому, в рамках ЕврАзЭС в период 2011-2015 годы реализуется межгосударственная целевая программа «Инновационные биотехнологии» (далее – Программа), которая является одной из приоритетных направлений применения биотехнологий в процессе осуществления селекционной деятельности в государствах-членах Сообщества. Цель Программы – разработка и внедрение новых биотехнологий в сельское хозяйство, а именно технологии создания трансгенных растений с хозяйственно-ценными признаками, а также биологические средства защиты сельскохозяйственных культур от болезней и вредителей. В реализации Программы участвуют государственные органы, научные учреждения, предприятия, организации и бизнес-структуры Республики Беларусь, Республики Казахстан и Республики Кыргызстан. По итогам реализации Программы будут созданы и пополнены 16 национальных коллекций культур, животных и растительных клеток и представлена общая для ЕврАзЭС база данных по этим коллекциям. Кроме того, новизна данных разработок будет подтверждена не менее чем 19 заявками на получение патентов. Таким образом, данная Программа будет способствовать координации межгосударственных и межотраслевых связей в сфере разработки биотехнологий и, как следствие, устойчивому росту эффективности экономики, уровня жизни и благосостояния населения участвующих стран.

Хотелось бы обратить внимание, что в настоящее время экономическая эффективность аграрного производства как конечного звена сельского хозяйства, во многом, предопределяется состоянием селекционной деятельности, в связи с чем, положительные результаты такой деятельности гарантируют стабильное и эффективное функционирование мирового агропромышленного комплекса с учетом его перехода на инновационный путь развития. Поэтому, в современных условиях развития ЕврАзЭС, все большее значение придается вопросам совершенствования и гармонизации законодательства, регулирующего селекционную деятельность.

Следует отметить, что правовое регулирование селекционной деятельности в государствах-членах ЕврАзЭС носит комплексный и многоаспектный характер, поскольку включает нормы не только гражданского законодательства, но и аграрного, экологического. Так, правовую базу селекционной деятельности в Российской Федерации составляет часть четвертая Гражданского кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2006 года. По мнению российского ученого Е.Л. Мининной, принятое решение о включении вопросов, касающихся селекционной дея-

тельности в ГК Российской Федерации рационально и своевременно, поскольку авторские и патентные права, в том числе и на селекционные достижения, являются гражданско-правовыми по своей сути. Участники селекционной деятельности обязаны соблюдать также ряд законов: Федеральный закон от 3 августа 1995 года «О племенном животноводстве», Федеральный закон от 5 июля 1996 года «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности» и др. В Республике Казахстан Гражданский кодекс Республики Казахстан регламентирует только общие вопросы правовой охраны селекционных достижений, получившие конкретизацию в аграрном законодательстве, в котором центральное место занимает Закон Республики Казахстан «Об охране селекционных достижений» от 13 июля 1999 года. В Республике Таджикистан отношения в данной области регулируются Законом Республики Таджикистан «О селекционных достижениях сельскохозяйственных культур» от 4 ноября 1995 года. Правовую основу селекционной деятельности в Республике Кыргызстан составляет Закон Кыргызской Республики «О правовой охране селекционных достижений» от 13 июля 1998 года, регулирующий имущественные и личные неимущественные отношения, возникающие в связи с выведением или выявлением, использованием и правовой охраной селекционных достижений, на которые выданы патенты. Что касается Республики Узбекистан, то правовое регулирование селекционной деятельности осуществляется Законом Республики Узбекистан «О селекционных достижениях» от 30 августа 1996 года, согласно которому селекционными достижениями признаются новый сорт растений и новая порода животного.

С учетом вышеизложенного, необходимо подчеркнуть, что национальное законодательство Российской Федерации, Республики Таджикистан, Республики Кыргызстан, Республики Казахстан, Республики Узбекистан устанавливают единые критерии охраноспособности селекционного достижения: новизна, отличимость, однородность, стабильность. Но при этом, анализируемые законодательные акты по-разному определяют понятие «селекционное достижение», а некоторые и вовсе его не содержат. Так, например, в соответствии с Законом Республики Таджикистан «О селекционных достижениях сельскохозяйственных культур» селекционным достижением признается новый сорт растений, который независимо от охраноспособности определяется признаками, характеризующими данный генотип или комбинацию генотипов, и отличается от других растений того же ботанического таксона по крайней мере одним признаком. О новых породах животных, в данном случае, речь не идет. Специальное законодательство Республики Казахстан селекционными достижениями признает новый сорт растений и новую породу животного, являющиеся результатом творческой деятельности человека, на который выдан патент. Гражданский кодекс Российской Федерации вовсе не формулирует понятие «селекционное достижение», при этом оно содержится практически в каждой статье.

В этой связи, с учетом общепризнанных международных стандартов, полагаем необходимым разработать и принять модельный нормативный правовой акт, регламентирующий селекционную деятельность в рамках ЕврАзЭС. Вышеназванный акт позволит гармонизировать понятийный аппарат в области селекционной деятельности, обеспечит надежную правовую охрану новым сортам растений и новым породам животных, а также регламентирует права селекционеров и условия их охраны.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О.И. Григорьева

Смоленск, НОУ ВПО «Смоленский гуманитарный университет»

Современные международные экономические отношения приводят к тому, что нормативные правовые акты суверенных государств, регулирующие различные отрасли права, включают нормы международного законодательства, тем самым стирая четкую правовую грань между нормативными правовыми актами различных государств.

Нарастание интеграционных процессов усиливает потребность в придании международно-правовому регулированию экономических отношений максимальной эффективности.

Преобразования, проходящие в Российской Федерации, неразрывно связаны с трудом, поскольку позитивные изменения в экономике и социальной жизни и их стабильное развитие невозможны без изменения отношения каждого члена общества к своему труду.

В новых социально-экономических и политических условиях реформируется трудовое законодательство, все более адаптируясь к международным рыночным отношениям. Анализ российского трудового законодательства позволяет выделить основные тенденции развития российского трудового права.

Основной тенденцией развития трудового законодательства является закрепление норм международного правового регулирования труда, которые становятся частью национального трудового права в соответствии со ст.15 Конституции РФ.

Необходимо отметить, что отдельные эти нормы по своему содержанию, гарантиям защищенности работников, уже имеются в Трудовом кодексе Российской Федерации. Взять, например, не так давно ратифицированную Конвенцию МОТ №132 «Об оплачиваемых отпусках» часть 3 статьи 3, которой гласит: «Отпуск ни в коем случае не может составлять менее трех рабочих недель за один год работы», а в статье 115 Трудового кодекса РФ закреплено, что ежегодный основной оплачиваемый отпуск предоставляется работникам продолжительностью 28 календарных дней.

Следовательно, Трудовой кодекс РФ, закрепляя большую продолжительность отпуска, улучшает положение работников по сравнению с нормами Конвенции, то есть работникам предоставлено право не на 21 день отпуска (3 недели), а на 28 дней (4 недели).

Или, в части 1 статьи 4 той же Конвенции закреплено: «Лицо, продолжительность работы которого в течение любого года меньше той, которая требуется для приобретения права на полный отпуск, предусмотренный в предыдущей статье, имеет право за такой год на оплачиваемый отпуск, пропорциональный продолжительности его работы в течение этого года».

В Трудовом же кодексе РФ в статье 122 прописано: «Оплачиваемый отпуск должен предоставляться работнику ежегодно. Право на использование отпуска за первый год работы возникает у работника по истечении шести месяцев его непрерывной работы у данного работодателя. По соглашению сторон оплачиваемый отпуск работнику может быть предоставлен и до истечения шести месяцев».

Сравнение этих норм позволяет сделать вывод о том, что положения Трудового кодекса РФ соответствуют Конвенции, то есть работнику достаточно отработать шесть месяцев для приобретения права на отпуск. Ограничения продолжи-

тельности отпуска пропорционально отработанному времени в Кодексе не установлено, что также улучшает права работников по сравнению с Конвенцией.

Таким образом, перспектива приведения некоторых норм Трудового кодекса РФ в соответствие с международными нормами по труду может привести к ухудшению прав работников, однако страна, ратифицирующая Конвенцию, имеет право выступить с заявлением относительно некоторых пунктов конвенции, что и сделала Россия.

В Федеральном Законе от 01.07.2010 года №139-ФЗ «О ратификации Конвенции (пересмотренной в 1970 году) об оплачиваемых отпусках (Конвенции №132)» приняла решение: «Ратифицировать Конвенцию (пересмотренную в 1970 году) об оплачиваемых отпусках (Конвенцию №132), принятую на 54-й сессии Генеральной конференции Международной организации труда в городе Женеве 24 июня 1970 года, со следующими заявлениями:

- Российская Федерация в соответствии с пунктом 2 статьи 3 Конвенции №132 заявляет, что минимальная продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска в Российской Федерации составляет 28 календарных дней;

- Российская Федерация в соответствии с пунктом 2 статьи 15 Конвенции №132 заявляет, что она принимает на себя обязательства по Конвенции №132 в отношении лиц, перечисленных в подпунктах «а» и «b» пункта 1 статьи 15 Конвенции №132».

Это послужило законному утверждению ежегодного оплачиваемого отпуска на всей территории Российской Федерации в количестве 28 календарных дней.

Стоит заметить, что из 183 стран-участниц Международной организации труда к 132-й Конвенции пока присоединились только 35 стран. Подавляющее большинство даже сильно развитых стран не готово поставить перед своим бизнесом жесткие требования дать работникам хотя бы трехнедельный оплачиваемый отпуск. В перечне 35 ратифицировавших эту Конвенцию государств не замечены США, Канада, Франция, Великобритания и многие другие.

Странами, которые ратифицировали данную конвенцию, стали Германия, Швеция, Испания, Финляндия, Бельгия, Италия, а также Йемен, Мальта, Буркина-Фасо, Уругвай, Армения, Украина и ряд других.

Продолжительность ежегодного оплачиваемого отпуска для отдыха в странах Запада колеблется для различных категорий работников от одной до восьми недель.

В США вообще отсутствует законодательство в сфере отпусков. У американцев отпуска короче, чем в других странах мира, – всего 14 дней. Расчет его продолжительности производится в Америке работодателями в зависимости от продолжительности службы работника. В среднем сотрудники имеют по 9,6 дня оплаченного ежегодного отпуска за первый год работы в фирме, 11,5 дня получают после второго года работы, 13,8 – после трех и 16,9 дня после 5 лет работы. При этом только 14 процентов американцев берут в год все 14 дней отпуска. Остальные предпочитают тратить на отдых максимум 10 дней.

Закон Евросоюза обязывает его страны-члены устанавливать ежегодный оплачиваемый отпуск не менее четырех недель. Причем количество отпускных дней повышать можно, а вот понижать категорически нельзя. В странах ЕС величина отпуска регулируется трудовым кодексом и только затем соглашениями между работодателем, профсоюзами и самим служащим. Во Франции до недавнего времени существовала самая внушительная продолжительность оплачиваемого отпуска – 35 дней, в Испании – 31 день, в ФРГ, Австрии и России – 28.

В Греции продолжительность отдыха составляет от 20 до 30 календарных

дней в зависимости от трудового стажа и годовой выработки. В Италии продолжительность оплачиваемого отпуска составляет в среднем 20-32 дня в год.

Принимая решение о ратификации той или иной конвенции, каждое государство исходит, прежде всего, из интересов собственного бизнеса, собственной экономики.

На сегодняшний день принято 188 конвенций Международной организации труда. Россия ратифицировала 56, США – 14, а такие страны как Франция, Испания – более 100, Уругвай – более 70.

ПОРУЧИТЕЛЬСТВО КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИСПОЛНЕНИЯ КРЕДИТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

А.В. Губаревич

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Поручительство как способ обеспечения исполнения кредитных обязательств в условиях предпринимательской деятельности и расширения сферы рыночных отношений получает все более широкое применение. Современная банковская практика, сложившаяся в Республике Беларусь, стремительный рост кредитования, вызывают в жизни острую необходимость изучения и дальнейшей разработки данного способа обеспечения исполнения кредитных обязательств.

Поручительство предусматривает собой ответственность определенного лица (поручителя) за нарушение прав и охраняемых законом интересов субъекта определенных правоотношений, последовавшее со стороны его контрагента в этих правоотношениях.

Обеспечительная функция поручительства состоит в том, что поручитель отвечает перед кредитором другого лица за исполнение последним его обязательства. Эта ответственность может касаться обязательства полностью или в части и состоять в уплате процентов, неустойки, в возмещении убытков и др. Если поручительство обеспечивает исполнение денежного обязательства, то на поручителя помимо указанной ответственности может быть возложено и исполнение обязательства.

Поручительство – это договор, заключенный между кредитором по основному обязательству и поручителем. Он подлежит совершению только в письменной форме. Договор поручительства в устной форме недействителен. Поручительством может обеспечиваться не только действительное требование, т.е. то, которое реально существует и соответствует закону, но и то, которое возникнет в будущем. Договор поручительства односторонний, консенсуальный и безвозмездный.

Должник по основному обязательству в заключении, определении содержания договора, объема ответственности поручителя не участвует, в связи с чем договор поручительства никаких прав и обязанностей для него не порождает.

Однако это не означает, что должник не несет перед поручителем никаких обязанностей. Они имеются, но предусмотрены не договором, а законом, например, обязанность должника известить поручителя об исполнении им обязательства.

На стороне поручителя могут выступать одно, два и более лиц. Лица, совместно давшие поручительство, отвечают перед кредитором солидарно, если иное не предусмотрено договором поручительства. Возможно обеспечение исполнения обязательства и несколькими договорами поручительства. В таком случае каждый из поручителей несет ответственность только в той части, которая предусмотрена заключенным с ним договором.

Вторая сторона в договоре поручительства – кредитор в основном обязательстве. Одновременно он является таковым и в договоре поручительства. При неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обязательства перед кредитором ответственен как должник, так и поручитель. Отвечают они перед ним как солидарные должники, если законодательством или договором поручительства не предусмотрена субсидиарная ответственность поручителя.

Поручителя наделяет правами и обязанностями не только договор, но и закон. Так, в соответствии с п.2 ст.344 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК Республики Беларусь) при предъявлении кредитором к поручителю иска он обязан привлечь должника к участию в деле. Неисполнение им этой обязанности предоставляет должнику право выдвигать против регрессного требования поручителя все возражения, которые он имел против кредитора.

Одним из прав, предоставленных поручителю законом, является его право выдвигать против требования кредитора все возражения, которыми располагает должник, если иное не вытекает из договора поручительства. Это право сохраняется за тем даже тогда, когда должник отказался от возражений или признал свой долг.

Исполнение поручителем обязательства задолжника влечет за собой переход к нему всех прав, которыми кредитор обладал по основному обязательству, включая право залога и право на неустойку. Поручитель наделен ст.345 ГК Республики Беларусь также правом требовать от должника уплаты процентов на выплаченную кредитору сумму, возмещения иных убытков, которые он понес в связи с ответственностью за должника. Поручителю должны быть переданы кредитором документы, удостоверяющие требование к должнику. Кредитор обязан также передать исполнившему обязательство поручителю права, обеспечивающие требование к должнику. Но правила, установленные ст.345 ГК Республики Беларусь, применяются лишь тогда, когда иное не предусмотрено законодательством или договором поручительства и не вытекает из отношений между поручителем и должником по основному обязательству.

Обязательство, обеспеченное поручительством, должно быть исполнено, прежде всего, самим должником. Об исполнении он должен известить поручителя, причем немедленно. Что следует понимать под определением «немедленно», закон не разъясняет. Видимо, это срок, в течение которого подобной информацией можно предотвратить исполнение обязательства поручителем. Неисполнение должником обязанности по извещению поручителя об исполнении обязательства может обернуться для него нежелательными последствиями: поручитель, исполнивший уже несуществующее обязательство, вправе обратиться к должнику с регрессным требованием в полном объеме. Последний же может взыскать с кредитора лишь неосновательно полученное. Но поручитель, исполнивший несуществующее обязательство, может поступить и по-иному, а именно: взыскать с кредитора неосновательно полученное.

Поручительство – это дополнительное обязательство к уже существующему основному обязательству, а поэтому оно прекращается с прекращением обеспечиваемого им обязательства. Влечет прекращение поручительства: перевод на другое лицо долга по обеспеченному поручительством обязательству, но только в случае, если поручитель не согласился отвечать за нового должника; отказ кредитора принять надлежащее исполнение, предложенное должником или поручителем; истечение срока, на который оно дано. Естественно, такой срок не должен быть менее срока исполнения основного обязательства, иначе поручительство теряет обеспечительный характер.

Договор поручительства может не предусматривать срока, на который дано поручительство. В этом случае поручительство, если кредитор в течение одного года со дня наступления срока исполнения обеспеченного поручительством обязательства не предъявит иска к поручителю, прекращается. Если же основное обязательство не содержит указания на срок его исполнения и такой срок невозможно определить либо он определен моментом востребования, то поручительство также прекращается, если кредитор не предъявит иска к поручителю в течение двух лет со дня заключения договора поручительства. В литературе правовая природа установленного ст.347 ГК Республики Беларусь годичного и двухгодичного срока определена в качестве срока пресекательного, в связи с чем эти сроки восстановлению судом не подлежат. С этим следует согласиться, так как правило ст.347 ГК Республики Беларусь императивно: пропуск срока прекращает поручительство.

Поручительство на сегодняшний день является одним из наиболее распространенных видов обеспечения кредитных обязательств. На современном этапе развития необходимо сосредоточение внимания банковских работников на необходимости разработки «руководства по кредитной политике», в котором детально должны быть проработаны вопросы кредитной политики банка с позиций минимизации кредитного риска по каждому отдельно взятому кредиту и банка в целом. Но необходимо не забывать о том, что развитие кредитных правоотношений и способов обеспечения кредитных обязательств банков должны идти параллельно.

КОНТРОЛЬ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВИЛ ПОЛУЧЕНИЯ И ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТА

*А.В. Губаревич, Е.В. Солодкова
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

В процессе организации кредитного мониторинга банки обеспечивают правовой контроль по двум основным направлениям:

- контроль за целевым использованием кредита, включая и контроль относительно заложенного имущества;
- контроль за погашением кредита.

Согласно ст.144 Банковского кодекса целевое использование кредита определяется при первоначальных этапах кредитного процесса и указывается в кредитном договоре при его оформлении. Целевое использование кредита предполагает определенные направления и условия распределения полученных денежных средств.

Законодательством и локальными актами банка установлено несколько способов осуществления целевого использования кредита, указанного в кредитном договоре:

- на кредитополучателя возлагается обязанность использовать предоставленные денежные средства на приобретение определенных вещей, включая ценные бумаги и иное имущество, в том числе имущественные права, оплату работ и (или) услуг и любые иные цели, не запрещенные законодательством Республики Беларусь;
- для кредитополучателя устанавливается запрет на вложение предоставленных денежных средств в определенные виды деятельности.

В настоящее время развито широкое предоставление кредитов физическим лицам на финансирование недвижимости (строительство, реконструкция). Контроль за целевым использованием предоставляемых денежных средств на строительство (реконструкцию) или приобретение объектов недвижимости, осуществ-

ляется в порядке, определенном локальными нормативными правовыми актами банка. В этих случаях, банк проверяет как целевое использование кредита, так и состояние заложенного имущества с оформлением факта проверки. Результаты проводимых банком проверок целевого использования кредита и состояния заложенного имущества оформляются актом проверки, который в последующем заносится в кредитное досье, относительно данного кредитополучателя.

При нецелевом использовании кредитополучателем заемных денежных средств со стороны банка возможно предъявление требований к недобросовестному кредитополучателю о досрочном полном погашении основного долга и уплате процентов за пользование кредитом.

Практика кредитования физических лиц имеет ряд сложностей, связанных со следующими факторами:

- анализ кредитоспособности индивидуальных клиентов на стадии, предшествующей выдаче кредита, проводят далеко не все банки, т.к. в последнее время развивается система быстрого кредитования, которое занимает значительно меньше времени, и поэтому для проведения достаточно тщательной проверки обычно не хватает времени;

- методики анализа кредитоспособности не всегда отвечают требованиям практики;

- наличие обеспечения по кредиту нередко носит формальный характер.

Исходя из самой сущности банковской деятельности (когда мы рассматриваем банк как социальный институт экономической жизни, финансовое предприятие, которое сосредотачивает денежные средства (вклады) и предоставляет их во временное пользование в виде кредитов (займов, ссуд) за определенную плату (процент) на принципах возвратности, срочности) можно утверждать, что кредитный риск является основным и детерминирующим при осуществлении банком хозяйственной деятельности. Соответственно, снижение кредитных рисков будет способствовать повышению надежности функционирования национальной банковской системы и развитию реального сектора экономики за счет снижения стоимости кредитов. Кредитный риск – риск возникновения убытков по причине неисполнения, несвоевременного либо неполного исполнения должником (контрагентом) финансовых и иных имущественных обязательств перед банком в соответствии с условиями договора и (или) законодательством или которые могут возникнуть в результате исполнения банком своих условных обязательств.

В связи с унификацией финансово-кредитных систем Республики Беларусь и Российской Федерации интересна позиция российских законодателей в области контроля за соблюдением исполнения кредитных договоров. В 2001 году в России принят Федеральный закон «О кредитных историях», в котором указаны основные положения о кредитных историях, а также порядок формирования и их хранения, а также предоставления отчетов о кредитных историях.

Также в Российской Федерации осуществляется подготовка проекта Федерального Закона «О кредитном бюро» и рассматривается вопрос об организации кредитного бюро на базе данных Центрального банка. В Республике Беларусь с 2007 года в опытно-промышленную эксплуатацию введено бюро кредитных историй. Создание системы предоставления информации по кредитным историям является важным интеграционным банковским проектом.

Деятельность данного бюро кредитных историй регулирует Закон Республики Беларусь «О кредитных историях», который принят Палатой представителей 9 октября 2008 года и одобрен Советом Республики 22 октября 2008 года. Разработка данного закона обусловлена созданием на базе Специализированного

управления Национального банка бюро кредитных историй. Этот документ определяет порядок и сроки предоставления таких сведений в Национальный банк, условия получения и формы кредитных отчетов для пользователей и субъектов кредитных историй. Также в нем содержатся требования к защите информации и предусмотрена ответственность субъектов за нарушение его требований.

В этом бюро информация накапливается по физическим лицам, индивидуальным предпринимателям, заключившим с банком кредитную сделку. Так, в состав сведений, входящих в кредитную историю отдельного лица, будут включены 3 блока информации:

- во-первых, сведения, идентифицирующие кредитополучателя;
- во-вторых, сведения об исполнении кредитополучателем своих обязательств по кредитным договорам;
- в-третьих, сведения о ранее поступивших запросах в бюро по этому лицу.

Банки будут участвовать в бюро на добровольной основе и получают доступ к необходимой информации на общих условиях. Пользование этой базой данных для банков частично будет бесплатным, частично – платным. Получение сведений из бюро не более одного раза в год будет бесплатным.

Пользователем кредитной истории является банк, получивший письменное согласие субъекта кредитной истории на получение кредитного отчета. Кредитное бюро в Республике Беларусь будет предоставлять информацию о кредитополучателях, которым предоставлялись кредиты на сумму не менее 10 тысяч долларов. Если кредитополучателю предоставляется кредит на меньшую сумму, то он может по-своему желанию дать согласие на занесение его сведения в базу данных бюро кредитных историй. Сведения из базы данных бюро предоставляются исключительно в форме кредитных отчетов, которые могут быть нескольких видов. Список мест получения кредитных отчетов субъектами кредитной истории определяется Национальным банком. Банки обязаны информировать субъектов кредитных историй о местах получения кредитных отчетов.

В целом работа кредитного бюро направлена на защиту интересов кредиторов, укрепление платежной дисциплины и повышение заинтересованности субъектов кредитных историй в надлежащем исполнении обязательств перед банками. К тому же это содействует минимизации рисков потерь по банковским операциям, снижению доли проблемной задолженности перед банками и стоимости предоставляемых банковских услуг, а также повышению эффективности всей белорусской банковской системы.

В законодательстве нашей страны также необходимо пересмотреть некоторые принципы функционирования кредитного бюро, а именно:

1. В кредитном бюро должна аккумулироваться информация, касающаяся как юридических, так и физических лиц.
2. Указанная информация должна включать сведения не только о кредитах, но и обо всех видах займов и других активных операциях, осуществляемых с банками, а также о выданных и исполненных банками гарантиях и поручительствах.
3. Пополнение кредитной истории и доступ к ней должны осуществляться только с согласия должника. При его несогласии банк должен быть вправе (но не обязан) отказать в предоставлении кредита.
4. В случае согласия кредитополучателя на пополнение кредитной истории банк в обязательном порядке передает информацию о своих должниках кредитному бюро.
5. Заемщик должен иметь право периодически бесплатно знакомиться со своей кредитной историей и в случае несогласия подавать обоснованный протест.

Необходимо создать правовую базу для передачи банками этому органу кредитных досье должников, а также информирование этим органом другие заинтересованные банки. Создание в республике единого кредитного бюро позволит в равных долях обеспечить доступ к информации всех желающим банкам.

Подводя итог выше изложенному, необходимо подчеркнуть, что контроль за соблюдением правил получения и погашения кредита, является важной и неотъемлемой частью кредитных правоотношений. Так как непосредственно от соблюдения данных правил зависит благосостояние не только отдельно взятого банка, но кредитно-денежной системы государства в целом.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ОСУЖДЕННЫХ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

М.Н. Гуминский

Витебск, УВД Витебского облисполкома

Изучение практики исправительных учреждений убеждает в необходимости проведения специальной работы по социально-психологической подготовке осужденных к отбыванию наказания, также к жизни на свободе.

Социально-психологическая подготовка выступает средством мобилизации осужденных, активизации их установок, привычек, психических состояний, которые соответствовали бы новым условиям труда, жизни, быта.

В итоге целенаправленных действий у осужденного формируются стратегический план поведения и психологическая готовность воплотить его в новой ситуации, что обеспечивает скорое его включение в новую социальную среду и деятельность в ней без лишней издержки энергии на преодоление внутреннего напряжения и сопротивления.

Тема настоящей работы является сегодня для нашего государства весьма актуальной. Она имеет не только теоретическое, но и практическое значение в целях снижения уровня преступности (прежде всего, уровня рецидивной преступности) в нашем государстве. Достаточно отметить, что в Республике Беларусь до настоящего времени не создана стройная система государственных и общественных организаций в сфере ресоциализации (реадаптации) осужденных. Нет законодательного определения этих понятий, а также не определены те или иные мероприятия в рамках этих процессов.

Эти проблемы признаются и руководящими сотрудниками правоохранительных органов и органов местного управления и самоуправления. В целях оптимизации уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, повышения эффективности исправительного и предупредительного воздействия наказаний и иных мер уголовной ответственности, Указом Президента Республики Беларусь от 23 декабря 2010 года №672 утверждена Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения. В целях повышения уровня ресоциализации осужденных Концепцией предусматривается принятие комплекса мер по совершенствованию уголовно-исполнительной системы в целях снижения рецидива преступлений, улучшения условий отбывания наказаний в исправительных учреждениях, создания надлежащих условий для обеспечения полной трудовой занятости осужденных.

Следует также отметить и недостаточную изученность такой специфической отрасли научно-практических знаний, как пенитенциарная психолого-социальная работа, что затрудняет выделение ее собственного понятийного аппарата. Целью

исследования является всесторонний анализ процесса ресоциализации осужденных лиц.

Объект исследования – процесс ресоциализации осужденных. Предмет исследования – психологические основы ресоциализации осужденных.

Специфика предмета исследования предопределила методологическую основу настоящей работы, которую составил общенаучный диалектический метод. В рамках исследования использовались методы общенаучного характера (индукция и дедукция, анализ и синтез, аналогии, обобщения, типологизации и сравнения); частно-научные методы исследования: (математический, статистический и др.); правовые методы исследования; методы психологии (наблюдение, составление психологических портретов и др.).

Теоретическую базу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых, специализирующихся в области юридической и пенитенциарной психологии: Алферова Ю.А, Антоняна Ю.М., Баранова П.П., Курбатова В.И., Буданова А.В., Деева В.Г., Дулова А.В., Мамонтова С.Н., Пирожкова В.Ф., Сухова А.Н., Шиханцова Г.Г. и других ученых.

Базой исследования явилось исправительное учреждение Воспитательная колония №1.

Практическая значимость исследования: результаты настоящей работы могут быть использованы при формировании направлений социально-психологической работы по ресоциализации осужденных в системе исполнения наказаний в Республике Беларусь, а также в процессе преподавания и изучения юридической психологии на юридическом факультете. Личный вклад автора заключается в разработке информационного пакета осужденного для исправительных учреждений, который может быть использован в структуре исправительных учреждений Республики Беларусь.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что исполнение уголовного наказания – не превращение осужденного в объект насилия, а процесс возвращения социально деформированной личности к социально адаптированной жизнедеятельности. Решение этой задачи требует объединения усилий юристов, социологов, психологов, педагогов, психотерапевтов и психиатров.

Социальная работа с осужденными направлена на достижение общих целей деятельности:

- увеличение степени самостоятельности осужденных, их способности контролировать свою жизнь и более эффективно разрешать возникающие проблемы социально одобряемым способом;
- создание условий, в которых осужденные могут в максимальной мере проявить свои возможности и получить все, что им положено по закону;
- адаптации или реадаптации в обществе;
- создание условий, при которых человек, несмотря на физическое увечье, душевный срыв или жизненный кризис, может жить, сохраняя чувство собственного достоинства и уважение к себе со стороны окружающих;
- достижение такого результата, когда необходимость в помощи социального работника у осужденного «отпадает».

При этом такая работа должна быть построена на научной основе. Принципы социально-психологической ресоциализации должны лечь в основу практики социально-психологической ресоциализации. В Республике Беларусь целесообразно применить опыт ряда зарубежных стран в сфере ресоциализации осужденных, таких как Дании и Голландии (в части самообслуживания заключенных),

Германии (в части обязательного составления внештатными психологами, выпускниками соответствующих учебных заведений актов психологического обследования осужденных и их готовности к ресоциализации), Англии (в части создания информационных пакетов для осужденных лиц, лиц, помещенных в следственный изолятор, подвергнутых аресту).

Представляется необходимым законодательно определить термин «ресоциализация осужденных». Предлагается следующая формулировка: «ресоциализация осужденных – это комплекс мероприятий, проводимых государственными органами, общественными организациями, юридическими лицами и гражданами, направленных на повторную социализацию осужденных, в том числе: усвоение осужденным образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать в обществе после отбывания наказания».

Для решения проблемы становления системы ресоциализации осужденных и освободившихся лиц в Республике Беларусь представляется необходимым:

- внедрение положительного зарубежного опыта;
- создание системы внештатных психологов, которые бы занимались наблюдением за осужденными и освободившимися лицами, проводили их психологическую диагностику и оказывали бы необходимую психологическую помощь;
- помощь освободившимся лицам в решении их материальных (трудовых, жилищных и т.п.), юридических и иных проблем путем создания специальных центров для таких лиц.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

П.В. Гуриценок

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства является важным самостоятельным системным направлением социально-экономической политики многих государств в соответствии с основными национальными интересами. Она включает создание правовых условий для благоприятного развития сектора малого и среднего предпринимательства, особенно в тех направлениях деятельности, которые дают максимальный социально-экономический эффект. Например, в Европейском Союзе на период 2007-2013 годы приняты важные программы поддержки малого и среднего предпринимательства, разрабатывается проект Закона о малом предпринимательстве (Small Business Act – SBA).

Опыт европейских стран показывает, что развитие малого и среднего предпринимательства возможно лишь при наличии политической воли государства сформировать необходимые для этого социальные, экономические, правовые, политические и другие условия. По мнению российских ученых, решение этой задачи невозможно без создания специализированной, целостной инфраструктуры поддержки и развития малого и среднего предпринимательства и выделения адекватных этой задаче финансовых, организационных и иных ресурсов.

Всемерная поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства относится к ключевым моментам экономических реформ в государствах Содружества Независимых Государств. Признанием малого предпринимательства одним из важнейших составляющих элементов рыночной экономики, имеющего значение для каждого из государств Содружества, явилось подписание 17 января

1997 года в г.Москве на заседании Совета глав правительств Содружества Независимых Государств Межправительственного соглашения о поддержке и развитии малого предпринимательства в государствах-участниках СНГ. Направления государственной поддержки малого предпринимательства были определены в Модельном законе «О государственной поддержке малого предпринимательства», принятом Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ 8 июня 1997 года, и малого и среднего предпринимательства – в Типовом проекте «О поддержке малого и среднего предпринимательства», принятом Межпарламентской Ассамблеей Евразийского экономического сообщества 16 июня 2003 года.

В Республике Беларусь правовое регулирование поддержки малого и среднего предпринимательства осуществляется Законом Республики Беларусь от 1 июля 2010 года «О поддержке малого и среднего предпринимательства». Согласно ст.1 данного Закона поддержка малого и среднего предпринимательства – это реализация государственными органами и иными организациями правовых, экономических, социальных, информационных, консультативных, образовательных, организационных и иных мер по созданию благоприятных условий для развития субъектов малого и среднего предпринимательства и субъектов инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства. В соответствии со ст.8 Закона от 1 июля 2010 года государственная поддержка малого и среднего предпринимательства осуществляется государственными органами и иными государственными организациями в соответствии с их компетенцией по следующим основным направлениям: определение и реализация государственной политики в сфере поддержки малого и среднего предпринимательства; осуществление защиты прав и законных интересов субъектов малого и среднего предпринимательства; разработка и реализация республиканских, отраслевых и региональных программ государственной поддержки малого и среднего предпринимательства; содействие развитию системы финансовой поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства; содействие развитию системы имущественной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства; формирование и развитие системы информационной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства; содействие формированию и развитию инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства; содействие внешнеторговой деятельности субъектов малого и среднего предпринимательства, включая содействие развитию производственных, торговых, научно-технических, информационных связей с иностранными юридическими и физическими лицами; содействие созданию и развитию системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров для субъектов малого и среднего предпринимательства; организация проведения научно-исследовательских работ по проблемам развития малого и среднего предпринимательства; реализация предусмотренных Законом и иными актами законодательства видов финансовой, имущественной, информационной и иной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства.

Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства осуществляется в Республике Беларусь в соответствии с республиканской и отраслевыми программами государственной поддержки малого и среднего предпринимательства, а также региональными программами государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. Республиканская и отраслевые программы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства утверждаются постановлениями Совета Министров Республики Беларусь, региональные программы – решениями местных Советов депутатов областного и базового территориальных уровней.

Программы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства разрабатываются сроком на три года с учетом прогнозов и программ социально-экономического развития Республики Беларусь, а региональные программы – также с учетом прогнозов и программ социально-экономического развития соответствующей административно-территориальной единицы. В программах предусматриваются мероприятия по следующим основным направлениям: совершенствование правового регулирования деятельности малого и среднего предпринимательства; развитие системы финансовой, имущественной, информационной и иной поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства; материально-техническое и организационное обеспечение развития малого и среднего предпринимательства; развитие инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства; взаимодействие государственных органов и иных государственных организаций с субъектами инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства и иными организациями, осуществляющими поддержку субъектов малого и (или) среднего предпринимательства; содействие осуществлению и развитию международного сотрудничества в сфере малого и среднего предпринимательства; совершенствование системы подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров для субъектов малого и среднего предпринимательства. Финансовое обеспечение республиканской, отраслевых и региональных программ государственной поддержки малого и среднего предпринимательства осуществляется за счет средств республиканского и местных бюджетов, а также иных источников, не запрещенных законодательством.

В соответствии с п.6 Указа Президента Республики Беларусь от 21 мая 2009 года «О некоторых мерах государственной поддержки малого предпринимательства» Совет Министров Республики Беларусь утвердил Государственную программу поддержки малого и среднего предпринимательства в Республике Беларусь на 2010-2012 годы. Аналогичные программы утверждены в областях и г.Минске. К примеру, решением Витебского областного Совета депутатов от 18 марта 2010 года №210 принята Программа государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Витебской области на 2010-2012 годы.

Таким образом, в Республике Беларусь, как и в большинстве стран, для выравнивания шансов малого и среднего предпринимательства в конкуренции с крупным бизнесом осуществляется системная поддержка.

ОЦЕНКА ПРАВА КАК ИНДИКАТОР СОСТОЯНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕСТВА

А.В. Демидова
Могилев, Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь

Трансформационные процессы современного белорусского общества влекут за собой изменения всех сфер его функционирования (политической, экономической, правовой, социально-культурной). В такой ситуации под воздействие происходящих перемен попадают культурные и ценностно-нормативные установки граждан. Представления о социальной и правовой норме подвергаются коррозии, что приводит к снижению уровня правовой культуры в обществе, росту девиантного поведения.

Основные деформации практического сознания лежат преимущественно в сфере отношений молодых людей к социальным и правовым ценностям. Особен-

но незащищенными от негативного воздействия является молодое поколение, с несформировавшейся системой ценностей и норм, с неустойчивым представлением о должном поведении. Неумение противостоять внешнему воздействию, неумение критически оценивать происходящие события и личный опыт приводит к тому, что многие молодые люди под давлением тех или иных обстоятельств становятся правонарушителями.

Как показывают результаты проведенного нами социологического опроса учащейся молодежи Могилевской области (выборка 841 респондент), юноши и девушки зачастую имеют поверхностное представление о роли права в обществе.

Обращаясь к одному из классиков социологической мысли П.А. Сорокину право является той силой, которая, наряду с нравственностью, мотивирует поступки человека. Право предполагает категорически обязательные волевые основы поведения, нравственность – рекомендуемо-желательные. Официальное право, провозглашаемое в законах – это категорически-обязательные требования к поведению членов общества со стороны государственной власти (правительства). Право влияет на человека и общество следующим образом:

- как мотивационная сила способствует формированию гражданина;
- как принудительная сила осуществляет акты принуждения со стороны государства или общества, угрозу наказанием или поощрение правовой наградой, и даже проводит «социальный отбор» (при использовании смертной казни);
- как дрессирующая сила способствует выработке у членов общества одних привычек и искоренению других.

И сегодня взгляды классика остаются актуальными, хотя трансформационные процессы, происходящие в современном обществе, внесли свои коррективы, существенным образом изменили некоторые аспекты в оценке значения права. В соответствии с рисунком 1 рассмотрим, каково мнение молодежи Могилевской области о роли и предназначении права в нашем государстве.

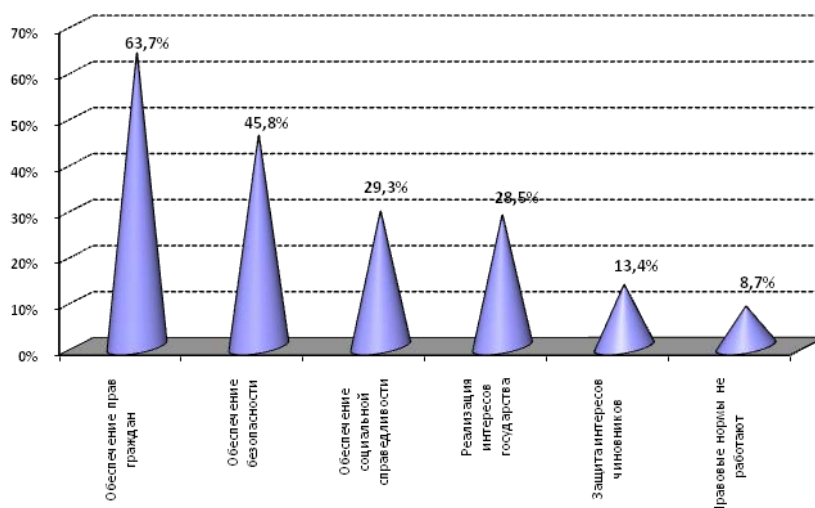

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос «Какова, по вашему мнению, роль права в нашем государстве?», в %.

Большинство опрошенных (63,7%) выразили уверенность в том, что право в Республике Беларусь служит для обеспечения прав и свобод граждан, а также ради обеспечения безопасности каждого человека (45,8%), социальной справедливости (29,3%), реализации интересов государства (28,5%).

ности (29,3%). Таким образом, большинство респондентов считают, что право реализует свое основное предназначение в демократическом государстве. Почти треть опрошенных (28,5%) сказали также о том, что право обеспечивает реализацию интересов государства. Однако не все так позитивно оценивают роль права, 13,4% считают, что право служит для обеспечения интересов чиновников и должностных лиц. А 8,7% вообще усомнились в действенности правовых норм, заявив, что правовые нормы в нашем государстве не работают.

Результаты исследования также показали зависимость оценки права и его роли в государстве от личного правового опыта. При разделении всей совокупности респондентов на группы, исходя из отсутствия или наличия в их собственном опыте ситуаций нарушения их законных прав и интересов. Среди тех, кто имеет опыт незаконных посягательств, оценивают роль права значительно ниже, чем те, кто такого опыта не имеют. Так только 9,3% и 3,7% респондентов никогда не попадавших в ситуацию нарушения законных интересов считают, что право существует либо для защиты интересов чиновников, либо утверждают, что правовые нормы вовсе не работают. К сожалению, с приобретением личного опыта в данной сфере количество респондентов, оценивающих право с такой позиции, значительно возрастает до 22% и 23% соответственно. В результате, в правовом сознании молодых белорусов распространенным явлением становится нигилизм. Как теоретики права, так и правоприменители подчеркивают тенденцию игнорирования законов, стремление к уклонению от их соблюдения и открытое нарушение правовых норм.

Так, возможность нарушить закон допускают для себя 64,8% опрошенных, среди которых 55,8% допускают эту возможность только под давлением обстоятельств, 7,5% молодых людей – из-за выгоды, а 1,5% нарушают законодательство при любом удобном случае. Не допускают возможность нарушения законов, ни при каких обстоятельствах, только треть наших молодых граждан (34,7%).

Приведенные выше данные свидетельствуют о несформированности у белорусской молодежи твердой этико-правовой позиции, в результате чего почти 65% молодых жителей нашего региона составляют так называемую «группу риска», т.е. категорию людей, которые в будущем могут пополнить ряд реальных правонарушителей.

В этой связи проблема оценки роли и значения права требует особого внимания со стороны общественных институтов, деятельность которых направлена на формирование правового сознания молодежи (семья, образование, органы государственного управления, СМИ). Правовое воспитание должно способствовать тому, чтобы молодые люди начали задумываться над своими поступками, научились оценивать их, сдерживать в необходимых случаях свои порывы. Недооценка значимости формирования уважительного отношения к законам приводит к их нарушению и, как следствие, привлечению к ответственности.

Для повышения роли и значения права в обществе, а также снижения количества деструктивных девиаций в молодежной среде необходимо:

- а) расширять доступ к законным способам достижения успеха и продвижения по социальной лестнице;
- б) соблюдать социальное равенство перед законом;
- в) постоянно совершенствовать само законодательство, приводить его в соответствие с новыми социальными реалиями;
- г) стремиться к адекватности преступления и наказания.

ОБ УНИФИКАЦИИ НОРМ ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ НЕЗАКОННОЙ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

М.Е. Денисюк

Минск, Генеральная прокуратура Республики Беларусь

Успешная интеграция Республики Беларусь в мировое экономическое пространство становится одним из важнейших фактором устойчивого прогресса, поскольку экономическое развитие страны в целом и субъектов хозяйствования в частности гораздо успешнее осуществляется в условиях интеграционных межгосударственных образований, позволяющих объединить рынки обращения продукции, рабочей силы, снять ненужные внутренние административные препятствия и либерализовать внешнеэкономические связи.

Процессы такой интеграции в условиях глобализации общественных отношений требуют унификации правового регулирования, сопоставимости понятийного аппарата и принципов нормативного воздействия. В противном случае неизбежно перетекание деловой активности, капиталов, рабочей силы в государства с более свободными условиями ведения предпринимательской деятельности, низкой налоговой нагрузкой, а также мягкой ответственностью за нарушения установленного соответствующим государством порядка осуществления этой деятельности.

Актуален анализ гармонизации нормативно-правового регулирования уголовной ответственности за осуществление незаконной предпринимательской деятельности (далее – НПД) на примере государств-участников Единого экономического пространства, в частности, Республики Беларусь и Российской Федерации.

Идея об унификации уголовной ответственности обусловила принятие Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ 17.02.1996 года Модельного уголовного кодекса для государств-участников СНГ. Однако дальнейшей законодательной реализации в отношении НПД эта идея не получила.

Статьей 171 УК Российской Федерации уголовная ответственность с 01.01.1997 года была установлена за более широкий круг деяний, чем было предусмотрено ст.151 УК Республики Беларусь 1960 года (в ред. от 01.03.1994 года), ныне ст.233 УК Республики Беларусь 1999 года, а последующие дополнения, внесенные Федеральным Законом от 25.06.2002 года, еще более расширили перечень наказуемых деяний.

В последнее время все же начался процесс сближения содержания уголовно-правовых норм в рассматриваемой сфере, а также норм лицензионного законодательства, нарушение которых влечет уголовную ответственность. Так, с 09.04.2010 года в Российской Федерации отменена уголовная ответственность за осуществление НПД с нарушением лицензионных требований и условий, а с 08.12.2011 года – за осуществление НПД с нарушением правил регистрации, а также за представление в регистрирующий орган документов, содержащих заведомо ложные сведения. Существенно сокращены перечни лицензируемых в Республике Беларусь и Российской Федерации видов деятельности – Указом Президента Республики Беларусь от 01.09.2010 года №450 «О лицензировании отдельных видов деятельности», вступившим в силу с 01.01.2011 года, и Федеральным Законом от 04.05.2011 года № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности», вступившим в силу с 03.11.2011 года.

В то же время имеющиеся расхождения в законодательстве Республики Беларусь и Российской Федерации в части определения предпринимательской дея-

тельности, носящей характер преступной, по-прежнему весьма существенны.

Осуществление незарегистрированной или безлицензионной предпринимательской деятельности, повлекшее причинение крупного ущерба гражданам, организациям или государству, наказуемы в России (ст.171 УК Российской Федерации), но ненаказуемы в Беларуси.

В Российской Федерации ненаказуемо незаконное предпринимательство, сопряженное с извлечением (получением) дохода в сумме до 1,5 млн. российских рублей (примечание к ст.169 УК Российской Федерации), что по курсу Национального банка Республики Беларусь на 12.03.2012 года составляет 414 млн. белорусских рублей. В то же время в силу примечания к ст.233 УК Республики Беларусь наказуема НПД, сопряженная с получением дохода в размере не менее 1000 базовых величин, что с 01.04.2012 года составляет 100 млн. белорусских рублей, т.е. в 4 раза меньше.

В Российской Федерации не предусмотрено лицензирование отдельных видов предпринимательской деятельности, которые подлежат лицензированию в Республике Беларусь: международных автомобильных перевозок грузов, адвокатской деятельности, деятельности по оказанию психологической помощи и др. В связи с этим осуществление в Республике Беларусь указанных видов деятельности без специального разрешения (лицензии) уголовно не наказуемо в Российской Федерации. В свою очередь в Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, не предусмотрено лицензирование, например, частной охранной и детективной (сыскной) деятельности.

Наличие данных расхождений в определении предпринимательской деятельности, носящей преступный характер, может повлечь проблемы уголовно-правового характера, в частности, при привлечении виновных лиц к уголовной ответственности в условиях межгосударственного сотрудничества.

Так, согласно ст.7 УК Республики Беларусь и ст.56 Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 года лица, находящиеся на территории Беларуси, могут быть выданы иностранному государству для привлечения к уголовной ответственности или отбывания наказания только при условии наказуемости деяния в обоих государствах. Указанное правило в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства усматривается из ч.2 ст.13 УК Российской Федерации.

Исходя из содержания ч.1 ст.6 УК Республики Беларусь имеются сложности в привлечении к уголовной ответственности за осуществление НПД, начатой в Беларуси, где она образует состав преступления, и оконченной в России, где она не образует такового (например, при приобретении товара в Республике Беларусь с последующей продажей его в Российской Федерации и получением там дохода до 1,5 млн. российских рублей).

Аналогичные проблемы касаются и международно-правового взаимодействия в уголовной сфере Республики Беларусь и Российской Федерации с третьим участником Единого экономического пространства – Республикой Казахстан.

Например, в Республике Казахстан, в отличие от Республики Беларусь, уголовно наказуемы предпринимательская деятельность с нарушением условий лицензирования и занятие запрещенными видами предпринимательской деятельности, повлекшие причинение крупного ущерба либо сопряженные с извлечением крупного дохода, а также незарегистрированная или безлицензионная предпринимательская деятельность, повлекшая причинение крупного ущерба (ст.190 УК Республики Казахстан).

В то же время с учетом содержания примечания к ст.190 УК Республики Ка-

захстан уголовная ответственность за незаконное предпринимательство наступает при причинении ущерба либо извлечении дохода в размере, в 9 раз меньшем, чем установлено ст.171 и примечанием к ст.169 УК Российской Федерации.

Таким образом, различия в законодательстве государств-участников Единого экономического пространства по вопросам уголовной ответственности за осуществление НПД, кроме вопросов административно-экономического содержания, влекут конкретные проблемы уголовно-правового характера, что обуславливает необходимость сближения соответствующего законодательства стран региона.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО АНТИКОРРУПЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Е.В. Дерябина

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Процессы развития современного белорусского законодательства нередко сталкиваются с проблемами, являющимися актуальными для правовой сферы деятельности Республики Беларусь на протяжении многих лет. Одной из таких проблем является противодействие коррупционным проявлениям. По нашему мнению назрела необходимость введения административной ответственности за коррупционные правонарушения, не содержащие признаков преступлений.

Поэтому, считаем возможным предложить проект Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях».

Статья 1. Внести в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях следующие изменения:

1) статью 1.3. дополнить термином следующего содержания:

«Коррупционный проступок (коррупционное правонарушение) – установленное в надлежащем порядке и содержащее признаки коррупции деяние должностного лица, за которое настоящим кодексом установлена административная ответственность»;

2) часть 1 статьи 6.2. дополнить пунктом 10 следующего содержания:

«4) дисквалификация»;

3) часть 3 статьи 6.2. после слов «указанные в пунктах 3,4,6,7,9» дополнить цифрой «10», далее по тексту;

4) главу 6 дополнить статьей 6.13 следующего содержания:

«Статья 6.13. Дисквалификация.

1. Дисквалификация мера взыскания, назначаемая судом физическому лицу, заключающаяся в лишении права занимать определенные должности.

2. Дисквалификация устанавливается на срок от одного года до трех лет».

5) дополнить главой 25 следующего содержания:

«Глава 25 Административные правонарушения против интересов службы.

Статья 25.1. Злоупотребление властью или служебными полномочиями.

Умышленное вопреки интересам службы совершение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий с использованием своих служебных полномочий, – влечет наложение штрафа с дисквалификацией или лишением права заниматься определенной деятельностью.

Статья 25.2. Бездействие должностного лица.

Умышленное вопреки интересам службы неисполнение должностным лицом из корыстной или иной личной заинтересованности действий, которые оно должно было и могло совершить в силу возложенных на него служебных обязан-

ностей, – влечет наложение штрафа с дисквалификацией или лишением права заниматься определенной деятельностью, либо исправительными работами.

Статья 25.3. Превышение власти или служебных полномочий.

Умышленное совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы прав и полномочий, предоставленных ему по службе, – влечет наложение штрафа с дисквалификацией или лишением права заниматься определенной деятельностью, либо исправительными работами.

Статья 25.4. Служебный подлог.

Внесение должностным или иным уполномоченным лицом заведомо ложных сведений и записей в официальные документы, либо подделка документов, либо составление и выдача заведомо ложных документов, при отсутствии признаков уголовного преступления, – влечет наложение штрафа с дисквалификацией или лишением права заниматься определенной деятельностью, либо исправительными работами.

Статья 25.5. Служебная халатность.

Неисполнение либо ненадлежащее исполнение должностным лицом своих служебных обязанностей вследствие недобросовестного или небрежного отношения к службе, – влечет наложение штрафа с дисквалификацией или лишением права заниматься определенной деятельностью, либо исправительными работами.

Статья 25.6. Незаконное участие в предпринимательской деятельности.

Учреждение должностным лицом, находящимся на государственной службе, организации, осуществляющей предпринимательскую деятельность, либо участие его в управлении такой организацией лично или через доверенное лицо вопреки запрету, установленному законом, – влечет наложение штрафа с дисквалификацией или лишением права заниматься определенной деятельностью.

Статья 25.7. Получение взятки.

Принятие должностным лицом для себя или для близких материальных ценностей либо приобретение выгод имущественного характера, в незначительном размере, предоставляемых исключительно в связи с занимаемым им должностным положением, за покровительство или попустительство по службе, благоприятное решение вопросов, входящих в его компетенцию, либо за выполнение или невыполнение в интересах дающего взятку или представляемых им лиц какого-либо действия, которое это лицо должно было или могло совершить с использованием своих служебных полномочий, – влечет наложение штрафа с дисквалификацией или лишением права заниматься определенной деятельностью.

Статья 25.8. Дача взятки.

Дача взятки в незначительном размере – влечет наложение штрафа либо административный арест.

Статья 25.9. Посредничество во взяточничестве.

Непосредственная передача взятки в незначительном размере по поручению взяткодателя или взяткополучателя (посредничество во взяточничестве) – влечет наложение штрафа либо административным арестом.

Статья 25.10. Принятие незаконного вознаграждения.

Принятие работником государственного органа либо иной государственной организации, не являющимся должностным лицом, в незначительном размере, имущества или другой выгоды имущественного характера, предоставляемых ему за совершенное в пределах его служебных полномочий (трудовых обязанностей) действие (бездействие) в пользу лица, предоставляющего такое имущество или другую выгоду имущественного характера, либо за выполняемую работу, входящую в круг его служебных (трудовых) обязанностей, помимо предусмотренной

законодательством Республики Беларусь оплаты труда, – влечет наложение штрафа с дисквалификацией или лишением права заниматься определенной деятельностью, либо исправительными работами.

Примечание. Под незначительным размером в настоящей главе понимается размер денежных средств не превышающий двух базовых величин».

Статья 2. Настоящий Закон вступает в силу через десять дней после его официального опубликования.

Мы считаем, что рассмотрение дел об административных коррупционных правонарушениях будет целесообразнее отнести к компетенции судей районных (городских) судов, поскольку судьи обладают наиболее полным набором профессиональных и личностных качеств для вынесения законных, обоснованных и справедливых взысканий за рассматриваемые правонарушения.

На основании изложенного, предлагаем дополнить статью 3.2 ПИКоАП Республики Беларусь после слов «статьями 23.85,» словами «главой 25», а далее по тексту статьи.

АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ И МОДЕЛЕЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СНГ

*М.А. Дешин, С.Б. Кряквина
Елец, НОУ ВПО «Российский новый университет»*

Анализируя подходы к региональной интеграции в СНГ, можно произвести следующую систематизацию основных концепций.

1. Концепция «реинтеграции» постсоветского пространства. СНГ – прообраз новой конфедерации. Процесс виделся как возможность быстрого восстановления хозяйственных связей в масштабе территории экс-СССР, но в условиях политической независимости новых государств и в рыночной системе хозяйства. Иначе как утопической, эту концепцию сегодня трудно оценивать.

2. Концепция региональной интеграции стран СНГ с ядром вокруг России и по типу Евросоюза, т.е. интеграция стран региона экс-СССР в политический и экономический союз. Новый союз независимых государств под эгидой России должен был сложиться на базе «Договора об экономическом союзе» 1993 года.

Эта концепция также была утопической в конкретных исторических условиях. Она недооценивала силу объективных дезинтеграционных тенденций, вызванных процессом становления новых независимых государств и возникновением этноориентированных политических элит, формулирующих собственные интересы. Явно несвоевременная инициатива создания на постсоветском пространстве Экономического Союза не могла успешно осуществиться на практике, так как «не совпала по фазе» с начальным периодом становления государств СНГ и мощными тенденциями дезинтеграции по всем направлениям. Это было ясно очень многим экспертам, мало-мальски знакомым с моделью Евросоюза и внимательно изучавшим условия в СНГ в начале 90-х годов прошлого столетия.

3. Концепция разнотемпной и разноуровневой интеграции, которая стала господствующим подходом в отношениях России со странами СНГ примерно с середины 90-х годов XX века – это, на наш взгляд, вообще «ошибочный перевод» на концепции Жака Делора для ЕС. Здесь мы сталкиваемся с заимствованием европейского опыта, а точнее со слепым его копированием, без понимания сути явления. Этот термин стал применяться в СНГ, когда после провала интеграции в масштабе всего Содружества Россия перешла к попыткам создать региональные союзы с отдельными, «готовыми к этому» странами, прежде всего со своими по-

литическими союзниками. Это преподносилось общественности как «первый эшелон» стран, более быстро продвигающихся к интеграции. Соответственно, как само собой разумеющийся факт имелось в виду, что остальные страны будут двигаться в направлении той же самой интеграции с Россией, но на «малой скорости». В действительности этого не могло быть, и не было на практике, так как страны, не воспринимавшие идею интеграции с Россией, не могли создать с ней союз ни раньше, ни позже.

Выделение группы «пророссийских стран» и оформление их взаимных договоренностей только подтолкнуло внутреннюю регионализацию постсоветского пространства, углубившуюся во второй половине 90-х годов уже при помощи США и других внешних игроков на постсоветском пространстве.

4. Концепция «единого экономического пространства» оформляется в СНГ в начале XXI века. Частично она была опять же заимствована из практики ЕС (в это время РФ и ЕС разрабатывают проект ОЕЭП), но частично – идея ЕЭП используется как еще одна попытка собрать пророссийский союз, с главными партнерами – Белоруссией, Украиной, Казахстаном. Это была интеграция последней надежды, а проект Единого экономического пространства – это для России «последний шанс выйти замуж». Само понятие «ЕЭП» и ранее присутствовало в документах СНГ – как своего рода «идея фикс» интеграции России со странами СНГ, но если внимательнее присмотреться и проанализировать это понятие – то за ним в программах для СНГ кроется собирательное определение общего рынка с унифицированным законодательством. И не удивительно, ведь все проекты союзов для СНГ «списывали» с ЕС, причем на стадии его перехода к валютному союзу, т.е. после Маастрихтских соглашений 1992 года.

5. При В.В. Путине оформилась концепция разноформатных «экономических пространств», в том числе попытка совместить ЕЭП и ОЭЭП России со странами СНГ и с Евросоюзом. Экономический смысл этого неясен, ведь «пространство» – скорее категория геополитическая. В условиях СНГ говорилось много об интересах бизнеса и более широкого рынка для реализации этих интересов, а фактически опять «втискивали» идею ЕЭП в не раз испытанную, без результатов, модель поэтапного формирования экономического союза России со странами СНГ (по схеме Б. Балассы).

Концепция ЕЭП-4 для СНГ списана с Концепции Договора об Экономическом союзе 1993 года: те же последовательные стадии формирования иерархической институциональной структуры с наднациональными органами, появляющимися уже на этапе ТС. Анализ документов показывает, что наше «пространство» – это вовсе не сетевая модель интеграции, а очередной региональный замкнутый на себя союз (как и ЕврАзЭС). Сегодня круг замкнулся. Второе десятилетие неудачных поисков опять привело Россию на ту же исходную точку. Бизнес, особенно крупный, не увидел для себя ничего привлекательного в идее ЕЭП – ведь ему опять предложили Зону свободной торговли и Таможенный союз. А капитал, окрепший к этому времени в странах СНГ, особенно в России и Казахстане – нацелен на перелив инвестиций и свободное приобретение активов в странах СНГ.

Таким образом, выдвигавшиеся в первое постсоветское десятилетие концепции интеграции стран СНГ под эгидой России входили в глубокое противоречие с реальными политическими и социально-экономическими процессами трансформаций на постсоветском пространстве. Разрыв между идеями и практикой многостороннего сотрудничества был чрезвычайно глубоким и принципиальным. Идеи не реализовывались не просто потому, что опережали время (так бывает довольно часто в истории), они противоречили объективным тенденциям развития, а потому изначально были ложными посылами, вели «в никуда».

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ПРИРОДНЫЕ РЕСУРСЫ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

В.И. Забойко

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

В настоящее время проблема правового режима государственной собственности достаточно актуальна на всей территории постсоветского пространства, в том числе в Республике Беларусь. Провозглашение после распада СССР в конституциях равенства и защиты государством всех форм собственности потребовало приведения в соответствие с конституциями иных нормативных правовых актов, а также разработки практических механизмов реализации конституционных положений.

Президент Республики Беларусь А.Г.Лукашенко, проанализировав эффективность использования государственного имущества, на совещании с Правительством Республики Беларусь 10 октября 2011 года указал на необходимость серьезных преобразований в управлении государственной собственностью, что невозможно без реформирования нормативной правовой базы в этой сфере. Проблемы неэффективного использования государственного имущества имеются также в Республике Казахстан и Российской Федерации.

Ст.13 Конституции Республики Беларусь закреплено деление собственности на государственную и частную. Недра, воды, леса составляют исключительную собственность государства. Земли сельскохозяйственного назначения находятся в собственности государства.

Статьей 6 Конституции Республики Казахстан определено, что в Республике Казахстан признаются и равным образом защищаются государственная и частная собственность. Пользование собственностью должно одновременно служить общественному благу. Земля и ее недра, воды, растительный и животный мир, другие природные ресурсы находятся в государственной собственности. Земля может находиться также в частной собственности на основаниях, условиях и в пределах, установленных законом.

Таким образом, в Конституции Республики Казахстан закреплён важный конституционный принцип – принцип использования собственности в целях достижения общественного блага, что в полной мере соответствует идее социального государства, провозглашенного в статье 1 Конституции Республики Беларусь. Данный принцип, прежде всего, применим к праву государственной собственности, так как именно государственное имущество призвано служить интересам не отдельных собственников, а всего народа в целом.

Именно интерес (общенародный или личный) по мнению российского ученого доктора юридических наук М.В. Мазаева служит главным критерием деления собственности на государственную и частную.

В Конституции Республики Казахстан по сравнению с Конституцией Республики Беларусь наиболее детально определены объекты, которые находятся в собственности государства. При этом в Конституции нашего государства применительно к недрам, водам и лесам используется термин «исключительная собственность государства», который отсутствует в Конституции Республики Казахстан.

В Республике Беларусь вопрос определения объектов, которые находятся только в собственности государства, но на которые не распространяется исключительное право собственности государства, решается на уровне Закона Республики Беларусь от 15 июля 2010 года «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых рас-

пространяется исключительное право государства». Вопросы правового положения объектов, находящихся в государственной собственности (порядок, условия и полномочия по владению, пользованию и распоряжению ими), закреплены в различных кодексах (Инвестиционный кодекс, Кодекс о земле, Лесной кодекс, Водный кодекс).

В Республике Казахстан вопросы осуществления права собственности в отношении объектов, находящихся в собственности государства, урегулированы нормами соответствующих кодексов, а также нормами Закона Республики Казахстан от 1 марта 2011 года «О государственном имуществе», в связи с принятием которого разрозненное законодательство в области управления государственным имуществом было систематизировано в едином нормативном правовом акте, что повлекло за собой утрату юридической силы Законов Республики Казахстан от 23 декабря 1995 года «О приватизации» и от 19 июня 1995 года «О государственном предприятии».

Общим в конституционном законодательстве Республики Беларусь и Республики Казахстан является разделение государственной собственности на республиканскую и коммунальную. Однако в Беларуси данное деление закреплено в Конституции, в то время как в Казахстане – в нормах Закона Республики Казахстан «О государственном имуществе».

На наш взгляд, наиболее предпочтительной является белорусская модель закрепления разделения имущества на республиканское и коммунальное в конституции. Данная норма является конституционным подтверждением функционирования системы местного самоуправления, так как коммунальная собственность является экономической основой местной власти, и определение в пределах, установленных законом, порядка управления и распоряжения коммунальной собственностью относится к исключительной компетенции местных Советов депутатов.

Согласно статье 8 Конституции Российской Федерации в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Таким образом, отличительной особенностью конституционного законодательства Российской Федерации по отношению к законодательству ее партнеров по Таможенному союзу является конституционное выделение, помимо государственной и частной, муниципальной и иных форм собственности.

Согласно статье 9 Конституции Российской Федерации земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности.

Возможность нахождения природных ресурсов в частной собственности является отличительной особенностью российского законодательства по сравнению с белорусским и казахстанским. Отсутствие в Конституции Российской Федерации нормы об исключительной собственности государства на природные богатства повлекло за собой масштабную приватизацию, проводимую в конце 90-х годов прошлого века. В связи с тем, что природные источники энергии (газ, нефть и иные) являются определяющим фактором развития экономики государства, отсутствие нормы об исключительной собственности государства на них во многом определило вектор развития экономической сферы не только российского государства, но повлияло на экономику как Республики Беларусь, так и Республики Казахстан. Российский исследователь права государственной собственности Е.С. Жилинский отмечает: «Нигде в мире, в том числе в странах бывшей системы социализма, преобразования государственной собственности не имели столь тяжелых последствий для экономики, как в России».

В Конституции Российской Федерации, в отличие от Конституции Республики Казахстан, отсутствует норма об осуществлении правомочий собственника (в том числе в отношении недр и иных природных ресурсов) в соответствии с интересами российского народа и государства, что, на наш взгляд, в связи с возможностью нахождения природных ресурсов в частной собственности, с учетом интеграционных процессов, происходящих между государствами, может в будущем повлечь негативные экономические последствия как для Российской Федерации, так и для Республики Беларусь и Республики Казахстан.

Таким образом, конституционно-правовые режимы собственности на природные ресурсы в Республике Беларусь и Республике Казахстан достаточно близки ввиду наличия конституционного закрепления монополии государственной собственности на указанные объекты.

ПРОБЛЕМЫ В СФЕРЕ ТЕХНИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЕДИНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА (ЕЭП)

О.Г. Ивашина

Елец, НОУ ВПО «Российский новый университет»

Переход нашей страны к инновационному типу социально-экономического развития и ориентация на качественно новое развитие основных экономических институтов требуют коренной модернизации системы обеспечения безопасности продукции и процессов ее производства и обращения. Одним из важнейших инструментов здесь является Федеральный закон от 27 декабря 2002 года №184-ФЗ «О техническом регулировании» (Закон №184-ФЗ). Он определил основные направления реформирования системы, устанавливающей обязательные требования к продукции и процессам ее производства, обращения и эксплуатации, а также алгоритмы контроля за соблюдением этих требований со стороны государства, общества и субъекта хозяйствования, обозначив ее как систему технического регулирования.

1 июля 2010 года завершился семилетний период, в течение которого согласно первоначальной редакции п.7 ст.46 Закона №184-ФЗ должен был быть осуществлен переход от государственной системы стандартизации к установлению техническими регламентами обязательных требований к продукции, процессам ее производства и обращения. Однако процесс формирования системы технического регулирования пока не завершен. Более того, в последнее время проявляются новые факторы, определяющие динамику и направленность процессов формирования, развития и функционирования системы технического регулирования в РФ.

Теоретические и методологические основания проведения реформы технического регулирования оказались недостаточно проработанными, о чем свидетельствуют, в частности, изменения норм Закона №184-ФЗ, определяющие, в виде каких нормативных правовых актов могут приниматься технические регламенты, а также неоднократное утверждение Программы разработки технических регламентов.

Не менее важным фактором, определяющим необходимость совершенствования механизмов управления хозяйственной деятельностью, в частности законодательства о техническом регулировании, является интенсификация интеграционных процессов на постсоветском пространстве.

Интеграционное движение на постсоветском пространстве имеет два понятных вектора. Первый – это интеграция в ЕврАзЭС. Решением президентов Белоруссии, Казахстана и России определены задачи в сфере технического регулиро-

вания в рамках формирования Единого экономического пространства. Соответствующий план действий предусматривает подготовку соглашения о единых принципах и правилах в этой сфере и принятие единых технических регламентов ЕврАзЭС. Вторым вектор – гармонизация норм между Россией, Белоруссией и Казахстаном - с одной стороны и Евросоюзом – с другой.

На постсоветском пространстве в настоящее время существует ряд интеграционных образований, наиболее динамично развивающимися из которых являются Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС) и его ядро – Таможенный союз, в состав которого входят Российская Федерация, Республика Беларусь и Республика Казахстан. Цель указанных интеграционных объединений состоит в эффективном продвижении Договаривающимися Сторонами процесса формирования Таможенного союза и ЕЭП, что позволит не только объединить рынки обращения продукции, рабочей силы и т.д., но и создать гармонизированное национальное и наднациональное правовое регулирование. Значимость указанных интеграционных образований для РФ подчеркивается во многих программных документах.

Одним из важнейших направлений деятельности каждого межгосударственного интеграционного объединения, созданного на постсоветском пространстве, является гармонизация законодательства в сфере технического регулирования. Речь идет об установлении на всем пространстве интеграционного объединения единых обязательных требований к продукции, имеющих прямое действие, и о запрете на установление соответствующих требований в одностороннем порядке. Кроме того, необходимо сформировать единые методы оценки соответствия продукции тем или иным требованиям, правила аккредитации и проведения контроля, а также решить те вопросы, без которых единство экономического пространства не может быть полноценным.

Из сказанного следует, что основными направлениями формирования системы технического регулирования на уровне ЕЭП должны стать:

- установление единых правил, условий и процедур допуска на рынок Единого экономического пространства работ и услуг, происходящих из стран, не входящих в соответствующее межгосударственное объединение;
- создание механизмов единообразного применения требований национальных и межгосударственных технических регламентов и стандартов независимо от видов или особенностей сделок;
- создание единых механизмов применения правил и методов исследований (испытаний) и измерений при проведении процедур обязательной оценки (подтверждения) соответствия;
- создание единой системы и правил аккредитации путем поэтапного сближения положений существующих и создаваемых систем в государствах-участниках интеграционных объединений на постсоветском пространстве;
- установление процедур обращения, получения и использования информации о техническом регулировании во входящих в межгосударственные объединения государствах на основе недискриминационного доступа к ней.

Гармонизация законодательства в сфере технического регулирования государств-членов ЕврАзЭС является одним из важнейших направлений деятельности этого объединения. Однако достижение эффективной гармонизации технических регламентов государств-членов ЕврАзЭС, а, следовательно, и проведение согласованной политики в области технического регулирования в рамках данного межгосударственного интеграционного объединения, сегодня затруднительно по ряду причин, в числе которых прежде всего правовые проблемы.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВОСУДИЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Е.Ф. Ивашикевич
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Среди постсоветских стран первой в учреждении конституционного контроля стала Латвия, объявившая Законом от 11 ноября 1989 года о необходимости учреждения Конституционного Суда (фактически начал действовать в 1997 году). В других государствах на постсоветском пространстве конституционные суды начали функционировать: в России – с 1991 года, в Казахстане, Эстонии, Литве – с 1993 года, в Армении, Беларуси – с 1994 года, Грузии и Таджикистане – с 1996 года, в Азербайджане – с 1998 года. Специальный раздел (глава) «Конституционный контроль» имеется лишь в конституциях четырех стран – Казахстана, Литвы, Молдовы, Украины (в Казахстане – это глава «Конституционный Совет»). В конституциях других стран постсоветского пространства положения о конституционном суде включены в главы: «Судебная власть» (Азербайджан, Армения, Грузия, Россия, Узбекистан), «Суды и правосудие» (Кыргызстан) либо «Суд» (Таджикистан, Беларусь).

Для стран постсоветского пространства характерна европейская модель конституционного контроля, отличающаяся наличием специализированных органов – конституционных судов и конституционных советов, считающихся квазисудами. Этим органам не предоставлено право пересматривать решения верховных судов, в некоторых случаях они могут лишь оценивать их с точки зрения соответствия конституции стран. В связи с этим ряд авторов считает, что даже будучи включенными в судебную систему, конституционные суды в определенном смысле «возвышаются» над ними. Нет специализированного органа конституционного контроля только в Эстонии, где согласно Конституции каждый имеет право при защите своих интересов в судебном порядке потребовать удостоверения любого относящегося к этому делу закона, иного правового акта на соответствие конституции, а может признать не соответствующим ей любой закон или иной нормативный правовой акт. Таким образом, суды общей юрисдикции Эстонии фактически осуществляют конституционный контроль помимо рассмотрения гражданских, уголовных и административных дел.

Численный состав конституционных судов (советов), как правило, небольшой: в Молдове – 6, в Казахстане, Таджикистане – 7, в Грузии, Азербайджане, Армении, Литве, Кыргызстане – 9, в Беларуси – 12, на Украине – 18, в Российской Федерации – 19 судей.

Формирование конституционных судов на постсоветском пространстве происходит парламентами и по смешанной процедуре. Однако, в отличие от стран ЕС, предпочтение отдается парламенту и главе государства при отсутствии законодательного оформления участия органов судейского сообщества и правительства. Например, Конституционный суд Азербайджана избирается Милли Меджлисом по представлению президента. В Армении 5 судей Конституционного суда назначаются Национальным собранием, 4 – президентом; в Кыргызстане судьи утверждаются обеими палатами парламента по представлению президента; в Российской Федерации – назначаются на должность Советом Федерации по представлению Президента; в Беларуси – 6 судей избираются Советом Республики, а 6 назначаются президентом.

Исключением являются Литва, Молдова, Грузия и Украина. Например, в Литве 3 судьи назначаются Сеймом по представлению президента, 3 – по пред-

ставлению председателя Сейма и 3 – председателя Верховного суда. Причем, каждые 3 года состав конституционного суда обновляется на треть. В Молдове вопросы конституционной юстиции решает Конституционный суд, который формируется назначением в равных долях (по 2 судьи) президентом, парламентом и Высшим советом магистратуры; в Грузии по 3 судьи Конституционного Суда назначают Президент и Верховный Суд, а 3 судьи избираются парламентом квалифицированным большинством голосов в 3/5 от общего числа депутатов; на Украине по 6 судей назначаются президентом Украины и Верховной Радой, а 6 избирается съездом судей Украины. Во многом заимствована из Франции модель конституционного контроля в форме Конституционного Совета в Казахстане. Подчеркнуто, что члены Конституционного Совета назначаются с соблюдением принципа разделения властей и принципа частичной сменяемости кадров. Так, Председатель и 2 члена Конституционного Совета назначаются Президентом, два – председателем Сената и два – председателем Мажилиса (половина членов Конституционного Совета обновляется каждые 3 года). Экс-президенты Казахстана имеют право на пожизненное членство.

Срок их полномочий неодинаков: 6 лет - в Казахстане, Молдове, 9 лет – на Украине, Литвы, 10 лет в Грузии, 11 лет – в Республике Беларусь, 12 лет – в России. Как правило, они лишены права ротации (повторного назначения или избрания, непосредственного возобновления в должности). Исключение составляют Республика Беларусь и Казахстан.

Сравнительный анализ компетенции специализированных институтов конституционного контроля позволяет выделить следующие разновидности полномочий. Первое полномочие – контроль конституционности законов и иных нормативных актов. Оно является основным полномочием практически всех конституционных судов.

В Республике Беларусь в соответствии со ст.116 Конституции, ст.5 Закона «О Конституционном Суде Республики Беларусь» Конституционный Суд в порядке конституционного судопроизводства рассматривает вопросы и дает заключения:

1) о соответствии законов, декретов, указов Президента, международных договорных и иных обязательств Республики Беларусь Конституции и международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь;

2) о соответствии актов межгосударственных образований, в которые входит Республика Беларусь, указов Президента, изданных во исполнение закона, Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам и декретам; о соответствии постановлений Совета Министров, актов Верховного Суда, Высшего Хозяйственного Суда, Генерального прокурора Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам;

3) о соответствии актов любого другого государственного органа Конституции, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь, законам, декретам и указам. Следует отметить, что Конституционный Суд рассматривает вопросы о конституционности нормативных правовых актов как в целом, так и отдельных их положений. Это так называемый универсальный конституционный контроль – когда под юрисдикцию конституционных судов попадают все виды нормативных актов. К ним близки полномочия конституционных судов России, Таджикистана и Узбекистана, объектом контроля которых не являются только акты местного самоуправления, а в России проверяются и нормативные акты субъектов федерации по их предмету ведения.

В других странах конституциями установлен ограниченный конституционный контроль. В Армении, Литве и Украине он охватывает лишь законы и акты парламентов, акты Президента и правительства, международные договоры.

Вторым полномочием является толкование конституции (конституционных законов). По мнению правоведа М.В. Баглая, «очень многие сложные вопросы можно отрегулировать, не меняя Конституции, с помощью ее толкования. Исследователь В.А. Туманов считает, что толкование не оставляет конституционную норму в первозданном виде и может существенно ее изменить, иначе оно, само по себе, не имеет смысла. Это мнение не разделяет Т.Я. Хабриева, утверждая, что субъект толкования не вносит ничего нового в разъясняемую норму, а лишь стремится уточнить ее действительный смысл и содержание.

Что касается юридической силы актов толкования конституции, то, как полагает профессор Г.А. Василевич, если Конституционный Суд будет обладать правом толкования Конституции либо проверять конституционность актов толкования, то такие решения Конституционного Суда, по сути, обладают такой же силой, что и сама Конституция. Справедливость подобного мнения подтверждается В.А. Кряжковым и Л.В. Лазаревым в монографии «Конституционная юстиция в Российской Федерации», где они обращают внимание на то, что акты толкования конституции равны по своей юридической силе самой конституции, так как ее толкование является составной частью интерпретируемой нормы и разделяет судьбу этой нормы. На постсоветском пространстве данное полномочие предусмотрено в Азербайджане, Кыргызстане, Молдове, России, Казахстане и Узбекистане. В Республике Беларусь не осуществляется.

Также к компетенции конституционных судов отнесено разрешение споров о компетенции. В соответствии с законодательством конституционными судами разрешаются разногласия между высшими органами власти – в России, Украине, Грузии, Казахстане и Таджикистане; государственными и местными органами власти – в России и Украине; местными органами власти – в России и Украине; судами и органами власти.

К компетенции органов конституционного контроля отнесена защита прав и свобод граждан от их нарушения в деятельности различных органов государства. В законах о конституционных судах ряда стран СНГ в последнее время осуществлен переход от оценки конституционности правоприменительной практики к проверке конституционности законов по жалобам граждан о нарушении их прав и свобод и запросам судов. В частности, в соответствии с Конституцией Российской Федерации Конституционный Суд по жалобам на нарушение конституционных прав и свобод граждан проверяет конституционность закона, примененного или подлежащего применению в конкретном деле, в порядке, установленном федеральным законом. Аналогичное правило установлено в Таджикистане, Грузии. На Украине защита прав и свобод человека может осуществляться косвенно, через процедуру официального толкования Конституции и законов по запросам физических и юридических лиц. В Азербайджане в случае нарушения прав и свобод личности действующими актами гражданин может обратиться в Верховный Суд с просьбой направить запрос в Конституционный Суд. Граждане Грузии могут обратиться с жалобой также к народному Защитнику Грузии. В Киргизии Конституционный Суд принимает решения о конституционности практики правоприменения, затрагивающей конституционные права граждан

К компетенции органов конституционного контроля может быть отнесен:

- контроль за конституционностью выборов президента и парламентариев,

назначением либо проведением референдума, разрешение споров, связанных с конституционностью выборов и референдума (Кыргызстан, Азербайджан);

- контроль за конституционностью общественных объединений (Армения, Грузия, Азербайджан, Молдова). Так, Конституционный суд Украины может рассматривать вопрос о конституционности деятельности и принудительном роспуске политических партий, международных и всеукраинских общественных организаций;

- защита конституции от нарушения ее парламентом (Молдова, Республика Беларусь), президентом, а в некоторых странах другими должностными лицами и судьями. В Кыргызстане Конституционный Суд представляет заключение по вопросу об отстранении от должности Президента Республики, судей Конституционного, Верховного, Высшего арбитражного судов, а также дает согласие на привлечение судей местных судов к уголовной ответственности. Конституционный Суд Украины по представлению Верховной Рады Республики дает заключение о соблюдении Конституции и законов страны Президентом, премьер-министром и другими членами правительства, председателями Верховного суда и Высшего арбитражного суда, Генеральным прокурором, а также дипломатическими и другими представителями Республики в случае возбуждения вопроса о досрочном прекращении их полномочий.

- реализация права вносить Президенту, палатам Парламента, другим государственным органам в соответствии с их компетенцией предложения о необходимости внесения в акты действующего законодательства изменений и дополнений, принятия новых нормативных актов;

- иные полномочия, в том числе связанные с организацией деятельности Конституционного Суда, например, толкование решений Конституционного Суда; выборы заместителя Председателя Суда; приостановление полномочий судьи Конституционного Суда; Регламент; структура и штатное расписание Секретариата Конституционного Суда и другие вопросы.

Органы конституционного контроля лишь в немногих странах могут по собственной инициативе начинать судебный процесс. Такое право предусмотрено в Узбекистане.

Какими бы полномочиями ни был наделен орган конституционного правосудия, его решения всегда получают огромный резонанс и значимость, в том числе и акты толкования соответствующей конституционной нормы. Это представляет еще большую значимость в связи с тем, что решение конституционных судов не может отменить никто. Однако действуют два важных ограничения. Во-первых, это принцип политической сдержанности, означающий рассмотрение конституционным судом исключительно правовых вопросов и отказ от вмешательства в политические вопросы и ситуации. Правда, в последнее время можно привести примеры и фактического «отхода» от этого принципа в ряде стран постсоветского пространства. Во-вторых, действует принцип «связанной инициативы», согласно которому Конституционный Совет не вправе исключительно по собственной инициативе рассматривать вопрос о конституционности нормативных правовых актов.

На современном этапе прослеживаются две основные тенденции в развитии конституционной юстиции: первая состоит в увеличении объема проверяемых на предмет конституционности правовых норм, вторая предполагает расширение круга субъектов и возможностей обращения в органы конституционной юстиции.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ КВАЛИФИКАЦИИ ТАМОЖЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ТАМОЖЕННОМ СОЮЗЕ

Т.С. Изимова

Минск, Академия управления при Президенте Республики Беларусь

История борьбы с таможенными преступлениями неразрывно связана с развитием таможенного дела, экономикой страны, внутренней и внешней торговлей.

В связи с подписанием Республикой Беларусь в 2007 году договора «О создании единой таможенной территории и формировании таможенного союза» и с вступлением в силу 1 июля 2010 года Таможенного кодекса таможенного союза, таможенные органы особое внимание уделяют работе по унификации национального законодательства и нормативных правовых актов таможенного союза.

Вместе с тем возникает множество вопросов относительно функционирования таможенного союза, в том числе касающихся привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в сфере таможенного дела на территории таможенного союза. В рамках работы по подготовке нормативных правовых актов, необходимых для функционирования таможенного союза, возникла необходимость согласования норм действующего уголовного законодательства Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации.

В целях единообразного подхода привлечения к уголовной и административной ответственности, соблюдения принципов равенства перед законом, равенства защиты прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном и административном процессах на территории Таможенного союза подписаны два международных документа: договор «Об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушение таможенного законодательства таможенного союза и государств – членов таможенного союза» и соглашение «О правовой помощи и взаимодействии таможенных органов государств – членов таможенного союза по уголовным делам и делам об административных правонарушениях».

Рассмотрим как определяется понятие «контрабанда» в Уголовных кодексах государств-участников таможенного союза.

В соответствии со ст.228 Уголовного кодекса Республики Беларусь контрабанда (далее – УК Республики Беларусь) – это перемещение в крупном размере через таможенную границу Республики Беларусь товаров и ценностей, запрещенных или ограниченных к такому перемещению, за исключением указанных в части второй данной статьи, совершенное помимо или с сокрытием от таможенного контроля, либо с обманным использованием документов или средств идентификации, либо сопряжённое с не декларированием или заведомо недостоверным декларированием.

Необходимо отметить, что Федеральным законом Российской Федерации от 07.12.2011 года «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» была исключена статья 188 УК Российской Федерации «Контрабанда». В действующий Уголовный кодекс Российской Федерации введены статьи 226.1 «Контрабанда сильнодействующих, ядовитых, отравляющих, взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия или его основных частей, взрывных устройств, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а равно стратегически важных товаров и ресурсов или культурных цен-

ностей» и 229.1 Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры, инструментов или оборудования, находящихся под специальным контролем и используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ».

В Уголовном кодексе Республики Казахстан (далее – УК Республики Казахстан) законодатель закрепил две статьи, касающиеся контрабанды, а именно статья 209 УК Республики Казахстан «Экономическая контрабанда» и статья 250 УК Республики Казахстан «Контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено».

Итак, проанализировав уголовное законодательство Республики Беларусь, Российской Федерации и Республики Казахстан можно сделать вывод, что в настоящее время составы уголовных преступлений в основном схожи, вместе с тем имеются незначительные отличия.

На сегодняшний день, сравнивая ст.ст.226.1 и 229.1 УК Российской Федерации и ч.2 ст.228 УК Республики Беларусь, то необходимо отметить, что законодательство Республики Беларусь определяет предметы контрабанды шире, чем статьи УК Российской Федерации.

В УК Республики Казахстан имеются два схожих состава преступления «Контрабанда» – это «Экономическая контрабанда» и «Контрабанда изъятых из обращения предметов или предметов, обращение которых ограничено». Объекты преступного посягательства этих статей практически совпадают с объектами «Контрабанды» в УК Республики Беларусь и УК Российской Федерации, вместе с тем установлена повышенная ответственность за перемещение наркотических средства или психотропных веществ в особо крупном размере.

В Уголовном законе Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за «Незаконный экспорт или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружений, военной техники» в этой статье более детально перечисляются объекты преступления, в тоже время аналогичное преступление в УК Республики Беларусь «Незаконный экспорт или передача в целях экспорта объектов экспортного контроля» предусматривает ответственность за оконченное перемещение, так и покушение в виде передачи объекта преступления в целях экспорта, уголовная ответственность в УК Республики Казахстан за данное деяние не предусмотрена.

Такое преступление как «Уклонение от платы таможенных платежей, взимаемых с организаций или физических лиц» в УК Российской Федерации предусматривает более квалифицированный состав, чем «Уклонение от уплаты таможенных платежей» в УК Республики Беларусь то есть за уклонение от уплаты таможенных платежей в особо крупном размере, а «Уклонение от уплаты таможенных платежей и сборов» в УК Республики Казахстан предусматривает повышенную ответственность за совершение преступления должностным лицом с использованием служебного положения и организованной группой или преступным сообществом, в остальном эти преступления совпадают.

На сегодняшний день в рамках таможенного союза разрабатывается нормативная правовая база, регулирующая особенности привлечения к уголовной ответственности за нарушение таможенного законодательства таможенного союза и государств-членов таможенного союза.

РАЗЛИЧИЯ И СХОДСТВА ОЦЕНКИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В КОДЕКСАХ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Л.М. Иколенко
Витебск, «УО ВГУ им. П.М. Машерова»

Оценка доказательств – одна из главнейших стадий доказывания во всех видах судопроизводства: административного, гражданского, конституционного, хозяйственного, уголовного. Определенным достижением законодателя, правоприменителя и правовой науки является универсализация вопросов оценки доказательств в перечисленных видах судопроизводства. С принятием новых редакций соответствующих процессуальных законов (кодексов) все больше выявляется единство подходов и последовательность в определении критериев оценки судебных доказательств в Процессуально-исполнительном кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП), Гражданском процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ГПК), Хозяйственном процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – ХПК) и Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее – УПК). Вместе с тем сохраняются и свои особенности, различия и несходства, над которыми следует работать далее.

Например, в ГПК нормы об оценке доказательств выглядят следующим образом: «Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании в судебном заседании всех входящих в предмет доказывания фактов, руководствуясь при этом только законом. Каждое доказательство оценивается с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все доказательства в совокупности – также с точки зрения достаточности для разрешения дела. Ни одно из доказательств не имеет для суда заранее установленной силы (ст.241 ГПК). ХПК содержит похожие нормы и одновременно указывает на взаимосвязь доказательств, на механизм признания доказательства достоверным, на особенности доказательств в суде первой и апелляционной инстанций: «Хозяйственный суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном исследовании доказательств, имеющихся в деле. Никакие доказательства не имеют для хозяйственного суда заранее установленной силы. Хозяйственный суд оценивает относимость, допустимость, достоверность каждого доказательства в отдельности, а также достаточность и взаимную связь доказательств в их совокупности. Доказательство признается хозяйственным судом достоверным, если в результате его исследования, сопоставления с другими доказательствами суд установит, что содержащиеся в нем сведения соответствуют действительности. Хозяйственный суд первой и апелляционной инстанций обязан привести в судебном постановлении мотивы, по которым одни доказательства положены судом в обоснование своих выводов, а другие отвергнуты» (ст.108 ХПК).

ПИКоАП с учетом специфики дел, рассматриваемых в этом судопроизводстве, а также влияния УПК, содержит ещё больше подробностей и, одновременно, норм об относимости и допустимости доказательств: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности – с точки зрения их достаточности для принятия решения по делу об административном правонарушении. Относящимися к делу об административном правонарушении признаются доказательства, посредством которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для данного дела. Не являются относящимися к делу доказательства, которые не способны устанавливать или опровергать подлежащие доказыванию обстоятель-

ства. Допустимыми признаются доказательства, полученные в установленном настоящим Кодексом порядке и из предусмотренных законом источников. Доказательство признается недопустимым, если оно получено с нарушением конституционных прав и свобод гражданина или требований настоящего Кодекса, связанным с лишением или ограничением прав участников административного процесса или нарушением иных правил административного процесса. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу вынесения решения по делу об административном правонарушении, а также использоваться для доказывания любого обстоятельства, указанного в статье 6.2 настоящего Кодекса. Достоверными признаются доказательства, если они соответствуют действительности. В основу процессуальных решений, принимаемых судом, органом, ведущим административный процесс, могут быть положены только достоверные доказательства. Достаточными признаются доказательства, когда их совокупность позволяет установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по делу об административном правонарушении» (ст.6.14.ПКиАП).

Своя специфика уголовно-процессуальных отношений сказывается и на нормах УПК об оценке доказательств: «Каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в их совокупности – с точки зрения достаточности для окончания предварительного расследования и разрешения уголовного дела в судебном разбирательстве. Относящимися к уголовному делу признаются доказательства, посредством которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для данного дела. Не являются относящимися к делу доказательства, которые не способны устанавливать или опровергать подлежащие доказыванию обстоятельства. Допустимыми признаются доказательства, полученные органом, ведущим уголовный процесс, в установленном настоящим Кодексом порядке и из предусмотренных законом источников. Доказательство признается недопустимым, если оно получено с нарушениями конституционных прав и свобод гражданина или требований настоящего Кодекса, связанными с лишением или ограничением прав участников уголовного процесса или нарушением иных правил уголовного процесса. Доказательства, полученные с нарушением закона, не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого обстоятельства, указанного в статье 89 настоящего Кодекса. Достоверными признаются доказательства, если они соответствуют действительности. В основу процессуальных решений, принимаемых органом уголовного преследования или судом, могут быть положены только достоверные доказательства. Достаточными признаются доказательства, когда, их совокупность позволяет установить обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу» (ст. 105 УПК).

Оценка доказательств имеет логическую и правовую сторону. Логическая сторона оценки доказательств состоит в совершении умственных операций по анализу качественных характеристик доказательств, их взаимосвязи. Правовая сторона проявляется в проверке доказательств на предмет их правового соответствия и регулирования, в установлении условий, цели, принципов оценки, внешнего выражения в процессуальных документах.

Суд определяет относимость, допустимость, достоверность и достаточность доказательств. Под относимостью доказательств понимается положение, в соответствии с которым суд должен допускать и исследовать только те доказательства, которые относятся к данному делу, т.е. могут подтвердить или опровергнуть те обстоятельства дела, на которые ссылаются стороны и другие лица, участвую-

щие в деле. Принцип допустимости доказательств состоит в том, что в суде могут быть использованы только предусмотренные законом виды доказательств и определенные средства доказывания не могут использоваться по отдельным категориям гражданских дел. Достоверность доказательств означает, что сведения, которые подтверждаются данными доказательствами, соответствуют действительности. Достаточность доказательств свидетельствует о том, что на их основании можно сделать однозначный вывод о доказанности определенных обстоятельств. Сомнения в достоверности доказательства могут возникнуть при наличии ряда обстоятельств и причин. Некоторые из них связаны с источником доказательственной информации. На качество восприятия источником информации может оказать влияние целый ряд факторов. В частности, способность к адекватному восприятию информации может быть связана с приобретенными профессиональными навыками. Например, достоверность заключения эксперта зависит прежде всего от правильного выбора лица, назначенного в качестве эксперта. Правильность и точность восприятия может зависеть и от психофизиологических особенностей лица, привлекаемого, в частности, в качестве свидетеля, либо от физических свойств предмета, используемого в качестве вещественного письменного доказательства, и тому подобного.

Немаловажное значение имеет изучение способности источника к сохранению информации (полноты, продолжительности), в частности, вещественного доказательства, свидетеля.

Сомнения в достоверности источника письменного доказательства могут возникнуть, например, при наличии исправлений и иных дефектов в его оформлении, в частности, отсутствии необходимых реквизитов в официальных документах, при нарушении порядка составления соответствующих документов или его несоответствии установленной форме и так далее. Достоверность доказательств может подвергаться сомнению не только в связи с изъянами источника доказательственной информации, но и в случае существования двух или более доказательств с противоположным содержанием. При этом достоверность одного и недостоверность другого доказательства устанавливается путем их сопоставления с иными доказательствами, имеющимися в деле, или истребования дополнительных доказательств, способных разрешить противоречие.

Достаточность доказательств – понятие, относящееся к заключительному этапу судебного доказывания. Цель определения достаточности доказательств: в соответствии с качественными характеристиками произвести отбор доказательств, на основе которых можно сделать истинный вывод о наличии или отсутствии искомых фактов. Определить достаточность доказательств – значит, признать установленным то или иное обстоятельство, имеющее значение для дела. Вывод о достаточности является итогом исследования и окончательной оценкой доказательств, итогом, увенчивающим доказательственную деятельность и способным привести к законному и обоснованному решению.

РАЗВИТИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ НА ТЕРРИТОРИИ СТРАН СНГ КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ ИХ ИНТЕГРАЦИИ

В.И. Ильин

Елец, НОУ ВПО «Российский новый университет»

Важным направлением развития интеграционного процесса в странах СНГ является создание условий для свободного передвижения рабочей силы на терри-

тории этих стран. Одним из препятствий на этом пути является склонность органов государственной власти, общественного мнения к ужесточению миграционной политики, что во многом объясняется советским наследием, в котором можно выделить следующие особенности:

- изоляция общества от зарубежных стран;
- низкий уровень международных миграций;
- приоритет политических и административных, а не экономических интересов;
- предпочтение краткосрочных, а не долгосрочных задач;
- примордиальное понимание этничности, коллективных прав этнических групп;
- неоформленность институтов гражданского общества, согласительных процедур между обществом и государством;
- доминирование конфликтного, а не концессуального стиля поведения.

Практическая сторона советского наследия в области миграционной политики также не отличалась ни научной обоснованностью (ее обоснованиями были идеология пролетарского интернационализма, непримиримая борьба с империализмом, мессианские претензии на авангардную роль по отношению ко всему человечеству и т.д.), ни признанием важнейших закономерностей общественного развития, в частности специфики этнического фактора, обладающего большой степенью самостоятельности.

Несмотря на провозглашение принципа плановости экономического и социального развития, в большинстве случаев преобладали стихийные миграционные потоки. Там же, где она проводилась планомерно, она несла на себе печать ограниченности и пороков административного стиля управления. Так, социальное обеспечение миграции так же, как и вся социальная политика, осуществлялось по остаточному принципу, что приводило к столкновению интересов мигрантов и населения принимающих территорий. Чрезмерно высокие темпы переселения одних этносов на территорию других вели к резкому нарушению этнической структуры в пользу мигрантов (например, в Казахстане русскоязычное население составило 65%, в его столице Алма-Ате казахов было всего 17%, что, конечно, приобретало символическое значение), явно превосходили адаптационные возможности коренных этносов и влекли подспудное напряжение, которое сдерживалось разного рода мерами административной и партийной дисциплины. Однако в условиях кризиса и последующего краха этой системы данное напряжение выливалось в недовольство, конфликты, межнациональные столкновения, хаотичную и вынужденную миграцию. Естественно, развитие миграционных процессов на территории СНГ затрудняется многими обстоятельствами. У каждой из стран-участниц СНГ имеется своя специфика в подходах к регулированию данных процессов, в частности связанная с различием в демографической ситуации (трудоизбыточность или дефицитность рабочей силы, разное соотношение долей молодежи и старшего поколения), с религиозными взглядами, традициями. В советский период они, так или иначе, отеснялись на задний план, теперь зачастую приобретают первостепенное значение, поэтому миграционная политика в разных странах несет отпечаток этих изменений. Вместе с тем, постепенно выкристаллизовываются принципы, общие для миграционной политики всех государств-участников СНГ. Один из них – принцип взаимодополняемости, извлечения выгоды из взаимодополняющихся различий, в том числе в сфере перераспределения рабочей силы из трудоизбыточных регионов в регионы с ее дефицитом.

Миграционные процессы играют значительную роль в демографическом и

социально-экономическом развитии Российской Федерации. Здесь миграционный приток компенсировал естественную убыль населения: без переселения граждан бывшего СССР и членов их семей численность постоянного населения страны на начало 2011 года была бы на 7 млн. меньше, а демографическая ситуация в большинстве субъектов Российской Федерации заметно ухудшилась.

Без миграционного притока численность населения в трудоспособном возрасте уменьшится к 2025 году более чем на 10 млн. человек, а в структуре экономически активного населения опережающими темпами будет расти доля лиц старшего возраста. Это приведет к обострению структурных диспропорций на рынке труда, росту иждивенческой нагрузки на сокращающееся активное население, обострению проблем здравоохранения, социального и пенсионного обеспечения, отрицательно скажется на темпах роста экономики и благосостояния населения, скорости перехода экономики на инновационный путь развития, на конкурентоспособность страны и ее место в глобальном мире.

На современном этапе миграционная привлекательность Российской Федерации по сравнению со многими странами приема мигрантов относительно невысока и распространяется преимущественно на граждан государств-участников СНГ. Для ее повышения необходимы серьезные преобразования во всех сферах общественной жизни, выработка и реализация научно обоснованной, эффективной миграционной политики. Это тем более важно, что миграционные ресурсы государств-участников СНГ, ориентированные на Россию, в перспективе будут уменьшаться, в России же будет возрастать потребность в высококвалифицированных кадрах. Свидетельством понимания актуальности развития этого направления интеграции стран СНГ является обсуждение выдвинутой в декабре 2011 года Советом Федерации России «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации», которая, обобщая опыт предшествующих десятилетий, акцентирует внимание на некоторых перспективных направлениях миграционной политики, в частности, на содействии образовательной миграции и академической мобильности. Эта обширная программа включает в себя:

- совершенствование условий для обучения в российских образовательных учреждениях на разных уровнях подготовки российских и иностранных абитуриентов вне зависимости от гражданства и места проживания;
- увеличение контингента студентов в учреждениях высшего и среднего профессионального образования из числа иностранных граждан, преимущественно граждан государств-участников СНГ;
- обеспечение преференций в получении вида на жительство выпускникам российских учреждений высшего и среднего профессионального образования из числа иностранных граждан;
- совершенствование условий пребывания в Российской Федерации иностранных студентов, их социально-культурной адаптации, медицинского страхования, обеспечения безопасности;
- экспорт российских образовательных услуг в страны – источники массовой миграции в российскую Федерацию;
- содействие мобильности специалистов, занимающихся преподавательской, исследовательской и экспертно-аналитической работой в образовательных и научных организациях;
- организационное, информационное и финансовое содействие научным и образовательным организациям в реализации программ международной академической мобильности и в привлечении зарубежных ученых на основе долгосрочных трудовых контрактов.

Подобные инновации и акценты учитывают перспективу построения информационного общества, возможности России в сфере образования и науки, в том числе ее содействия вхождению в Болонский процесс.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Ю.И. Ковалевская

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

Важным документом, определяющим основные направления развития белорусской правовой системы, является Концепция совершенствования законодательства Республики Беларусь, одобренная Указом Президента Республики Беларусь 10 апреля 2002 года №205 (далее – Концепция 2002 года). В ней подчеркивается, что одна из целей повышения эффективности правового регулирования общественных отношений – это «осуществление правовой интеграции национального законодательства с законодательствами других государств, включая унификацию и гармонизацию законодательства Республики Беларусь с законодательствами Российской Федерации, государств – участников Евразийского экономического сообщества, Содружества Независимых Государств». Также отмечается, что «унификация и гармонизация белорусского и российского законодательств в рамках создания Союзного государства как составляющие процесса постепенного сближения правовых систем должны носить характер скоординированного, научно обоснованного и взаимообогащающего их развития, а не механического заимствования и использования правовых норм иных государств». В связи с этим актуальное значение имеет выработка единых подходов к совершенствованию основных отраслей законодательства обозначенных субъектов международных отношений, а также сравнительно-правовой анализ уже существующих национальных концепций, государственных программ, планов.

Структурно Концепция 2002 года состоит из двух частей: Общей и Особенной. В Общей части содержится характеристика состояния белорусского законодательства, негативные и позитивные тенденции его развития, и принципы формирования, прогнозируемые результаты и иные. При этом нужно заметить, что среди результатов отсутствует какое-либо упоминание о достижении определенного уровня правовой интеграции, о которой было заявлено в целях Концепции.

Особенная часть охватывает собой блоки задач по совершенствованию отдельных структурных элементов законодательства Беларуси:

- законодательство о государственном строе;
- гражданское и хозяйственное законодательство;
- законодательство о финансово-кредитной системе;
- законодательство об охране окружающей среды и рациональном использовании природных ресурсов;
- социальное законодательство;
- законодательство о прокуратуре;
- законодательство о нотариате;
- законодательство об административных правонарушениях;
- процессуальное законодательство;
- законодательство об обороне;

- законодательство в области национальной безопасности и охране общественного порядка;
- законодательство о судостроительстве и статусе судей;
- уголовное законодательство;
- уголовно-исполнительное законодательство.

Сталкиваясь с нормативным правовым актом, который имеет Особенную часть, предполагается, что в нем будут содержаться однопорядковые классификационные единицы. Анализ выделенных в Концепции 2002 года направлений позволяет говорить о разнопорядковости её элементов, неясности их взаимосвязей. Это очевидно, если сравнить структуру Особенной части Концепции и Единый правовой классификатор Республики Беларусь, утвержденный Указом Президента Республики Беларусь от 4 января 1999 года (с последующими изменениями). Поскольку Классификатор представляет собой «систематизированный свод кодов и наименований классификационных делений, отражающих отрасли, подотрасли права и правовые институты, сгруппированные по предмету правового регулирования», то, думается, концептуальные основы развития белорусского законодательства должны быть с ним согласованы.

Изучение содержания положений Особенной части Концепции 2002 года показало, что в них обозначены самые общие моменты, в большинстве случаев не отражающие существа необходимых изменений. Обратимся к положениям, касающимся совершенствования гражданского законодательства, которому (вместе с хозяйственным), отведено чуть более десяти строк. Среди них, например, предусмотрена задача по созданию условий для «дальнейшего формирования законодательства, регулирующего отношения в сферах страховой, аудиторской, рекламной, оценочной, концессионной, лизинговой, ипотечной и биржевой деятельности, обращения ценных бумаг, ценообразования, а также государственной антимонопольной политики» и другие.

Что касается России, то Исследовательским центром частного права при Президенте Российской Федерации была разработана Концепция развития гражданского законодательства, одобренная 7 октября 2009 года Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства. Концепция представляет собой внушительный по объему и достаточно подробный по содержанию документ, в котором, как отметил известный российский ученый Садиков О.Н., дана оценка «всем институтам гражданского права, кроме статуса физических лиц (граждан), наследственного права и особенной части обязательственного права. Многие из предложений заслуживают внимания со стороны белорусских ученых и представителей нормотворческих органов, особенно в свете проблемы «интеграции законодательства России и Беларуси». Так в пункте 1.2 российской Концепции отмечена необходимость расширения предмета гражданско-правовой регламентации за счет включения в него корпоративных отношений, а также дано определение данного вида отношений, закреплена возможность применения на субсидиарной основе норм, регулирующих корпоративные отношения, и к юридическим лицам некорпоративного типа, если иное не вытекает из существа таких отношений. Кроме того, в Российской Федерации (да и Казахстане) разработаны отдельные концепции развития корпоративного законодательства.

Таким образом, в настоящее время в Республике Беларусь наблюдается отставание от Российской Федерации в процессе выработки концептуальных основ развития отраслевого законодательства, в частности гражданского. В связи с этим, вполне своевременным является создание в Беларуси в декабре 2011 года.

Совета по вопросам правовой и судебной деятельности при Президенте Республики Беларусь, на заседании которого в мае 2012 года планируется рассмотреть вопрос о выполнении положений Концепции 2002 года и об определении дальнейших направлений совершенствования национального законодательства.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА СОГЛАШЕНИЯ ОБ АЛИМЕНТАХ

О.А. Ковтуненко

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

Соглашение об уплате алиментов относится к числу недостаточно изученных вопросов в теории гражданского и семейного права. В советской и современной юридической литературе отдельные вопросы предоставления внутрисемейного содержания рассматривались и рассматриваются достаточно подробно, они неоднократно затрагивались в научной периодике, в комментариях к гражданскому и семейному законодательству, в учебных пособиях, в диссертационных исследованиях. В тоже время, институт соглашения об уплате алиментов в силу своей новизны, является теоретически не разработанным в семейном праве Республики Беларусь. Все существующие научные разработки касаются либо более широких проблем (имущественных отношений в семье в целом и т.д.). Даже в сравнительно новых учебниках и научных трудах отсутствуют разделы, либо главы, посвященные заключению, исполнению и расторжению соглашения об уплате алиментов.

В процессе эволюции отечественного гражданского и семейного права неоднократно обсуждались проблемы регулирования алиментных отношений родителей и детей, отсутствие норм о прекращении алиментирования несовершеннолетних дееспособных детей, необходимость изменения принципа долевого взыскания алиментов и др. Данная проблематика косвенно затрагивалась в трудах В.И. Бошко, А.И. Загоровского, О.С. Иоффе, Г.М. Каратыш, Н.М. Костровой, Р.Ф. Мажитовой, В.Ф. Масловой, Г.К. Матвеевой, В.А. Рясенцевой, Г.М. Свердловой, В.А. Тарховой, Ш.Д. Чиквашвили, и др.

Значительный вклад в развитие семейного права внесли отечественные ученые. Так, в труде С.П. Гришаева «Семейное право» рассматриваются основные вопросы семейного права: брак, развод, права и обязанности супругов, правоотношения детей и родителей, порядок опеки, усыновления и т.д., приводится анализ семейного права зарубежных стран; Тихиня В.Г. и С.М. Ананич исследовали правовые основы семьи, Л.И. Смагина, В.И. Пенкрат, А.А. Кеник исследовали проблемы прав ребенка и их охраны, В.В. Подгруша исследовал институт брачного договора.

Опубликованные работы, посвященные алиментным отношениям (Пергамента А.И., Капитовой О.В., Тихомирова М.Ю., Тихомировой Л.В., Ильиной О.Ю., Шерстневой Н.С.), рассматривают, как правило, алиментные обязательства между родителями и детьми или между супругами без учета алиментных обязательств между другими членами семьи либо ограничиваются изложением материала Семейного кодекса Российской Федерации. В диссертации Ю.А. Рустамовой «Правовое регулирование алиментных отношений в Российской Федерации и проблемы их совершенствования» в части алиментных обязательств других членов семьи содержится предложение о введении в Семейный кодекс «нормы, предусматривающей обязанность фактических воспитателей по содержанию воспитанников», что было ранее предусмотрено Кодексом о браке и семье РСФСР. Проблематике правового регулирования алиментных обязательств между членами

семьи были посвящены и другие диссертационные исследования. В диссертации Косовой О.Ю. на тему «Семейно-правовое регулирование отношений по предоставлению содержания членам семьи», формулируются положения о том, что право на содержание следует рассматривать в широком смысле, как юридически гарантированную возможность жизнеобеспечения одних лиц за счет других, воплощенную в форме специфического отраслевого субъективного права, в том числе и на алиментирование. Таким образом, в диссертации Косовой О.Ю. алиментные обязательства и вопросы их правовой регламентации рассматриваются лишь как элемент механизма по предоставлению содержания, при этом непосредственно семейно-правовой проблематике алиментных отношений внимание уделяется лишь в некоторой части.

В последнее десятилетие исследованию алиментных правоотношений и соответствующих обязательств были посвящены диссертационные работы и других авторов. В частности, Давыдовой О.А. на тему «Правовое регулирование алиментных отношений в семейном праве РФ», Мамедовой М.К. на тему «Процессуальные особенности рассмотрения дел о взыскании алиментов» и других исследователей.

В то же время многие вопросы остаются в настоящее время недостаточно исследованными и требуют теоретической разработки. В частности, не установлено место алиментного обязательства в системе обязательств; не определена правовая природа алиментного соглашения. Недостаточно теоретически разработаны и проблемы связанные с заключением, исполнением и расторжением соглашения об уплате алиментов.

До сих пор наука семейного права, при всех ее достижениях, не имеет разработанной общетеоретической части, доктринально представляющей весь механизм правового регулирования отношений, возникающих между членами семьи, в том числе и отношений по предоставлению содержания, что делает актуальным исследования в указанном направлении.

В заключении следует отметить, что институт алиментных соглашений все более привлекает к себе внимание не только ученых-теоретиков, но и практических работников. На взгляд автора, определенным шагом на пути его развития может служить разработка новых подходов к изучению правоотношений в данной сфере и развитию института соглашения об алиментах.

ПЕРСПЕКТИВЫ УНИФИКАЦИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВ И ОБЯЗАННОСТЕЙ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ТАМОЖЕННОМ СОЮЗЕ

Н.Л. Королева

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машера»

На сегодняшний день, вопросы унификации таможенного и налогового законодательства государств-участников Таможенного союза, – это первые шаги на пути формирования систем правового регулирования.

Все законодательство, касающееся организации и функционирования таможенного союза можно разделить на 8 блоков, при этом, оно строится на «единых принципах». Таким образом, на уровне Таможенного союза устанавливается лишь общий вектор правового регулирования, а также основные подходы и принципы. Такой подход, по мнению А.В. Асоскова, более близок к способу косвенной унификации.

Стоит отметить, что, по мнению Матвеевой Т.А., если говорить в целом о системе нормативно-правового регулирования в таможенном союзе, то она долж-

на включать, помимо указанных выше источников, таможенные кодексы государств-участников Таможенного союза (именно кодифицированные акты, а не обычные законы); национальные законы, принятые в соответствии с таможенными кодексами; указы президентов, постановления и распоряжения правительств государств-членов таможенного союза, регулирующие таможенные правоотношения, а также нормативные правовые акты таможенных служб государств-участников таможенного союза.

Метод косвенной унификации права предполагает обязанность государств-участников международного договора установить в своем законодательстве правовую норму, содержание которой определено в этом договоре с большей или меньшей степенью подробности. При этом степень конкретизации в международном договоре положений, которые государствам необходимо установить для его исполнения, должна быть максимально высокой для достижения единообразия национальных правовых систем.

Ярким примером такой унификации могут выступать страны-участницы Европейского союза, где члены ЕС имплементируют в свое законодательство общеевропейские установления (правовые акты), что сближает национальное законодательство стран ЕС.

Вместе с тем между государствами-членами Таможенного союза уже складываются необходимые предпосылки для эффективного использования метода унифицированного материально правового регулирования частнопроводного статуса коммерческих организаций.

В связи с этим представляется, что особый акцент в дальнейшем развитии Таможенного союза должен быть сделан на разработке эффективных механизмов правовой унификации с элементами наднационального характера, которые смогли бы успешно дополнить международно-договорный способ создания материально правовых норм о частнопроводном статусе коммерческих организаций, действующих на территории стран-участниц.

Такой акцент может быть и должен быть сделан, по нашему мнению, исходя из того, что, во-первых, у стран-участниц уже есть опыт создания адаптированных к условиям СНГ международных, прежде всего европейских, правовых стандартов – Типовые (модельные) законы Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств. В то же время, полагаем, небезосновательно утверждение У.Зининой, о том, что модельное законодательство СНГ не эффективно, что приводит к использованию не модельных законов СНГ, а европейского (международного) опыта.

Указанный автор предугадала и вторую причину в неизбежной унификации законодательства государств-членов Таможенного союза. Дело в том, что в настоящее время, по мнению А.Коновалова Россия переживает «период становления права, как общественной доминанты в стране... А роль юридической профессии становится во многом новой, более содержательной». Поэтому очевидна и тенденция на фактическое заимствование правового опыта у самой сильной экономики в Таможенном союзе.

В то же время бесспорным является вопрос о подобной классификации юридических лиц. Так, подвергается критике деление юридических лиц на коммерческие и некоммерческие организации, ибо последние также вправе в определенном объеме вести предпринимательскую деятельность. В связи с этим выдвигаются требования об уточнении критериев такого деления. В ответ на предложения о полной отмене представленной классификации, представляется оправданным тезис ее сторонников о том, что различные фонды, учреждения, обществен-

ные организации и т.д. получают неограниченную и необоснованную целевым (ограниченным) характером их правоспособности возможность участия в предпринимательской деятельности. При этом, выдвигается мнение, что в законодательстве должен быть закреплён исчерпывающий перечень не только коммерческих, но и некоммерческих организаций. По мнению В.Лафитского предлагаемое закрытие перечня некоммерческих юридических лиц носит искусственный, догматический характер и не учитывает существующих реалий.

Поскольку предполагается закрепление исчерпывающего перечня всех видов юридических лиц, в том числе некоммерческих организаций, представляется желательным их разделение с точки зрения организационной структуры на корпорации (построенные на началах членства) и иные юридические лица некорпоративного характера. К первым относятся хозяйственные общества и товарищества, производственные кооперативы и большинство некоммерческих организаций, а ко вторым – унитарные предприятия, фонды и учреждения.

Это, по мнению разработчиков проекта, позволит урегулировать в общем виде (и в определенной мере единообразно даже для коммерческих и некоммерческих организаций) не только структуру управления и статус (компетенцию) органов корпораций, но и ряд их внутренних отношений, вызывающих практические споры (возможности оспаривания решений общих собраний и других коллегиальных органов, условия выхода или исключения из числа участников и т.п.).

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

1. Законодательство о юридических лицах государств-участников Таможенного союза будет развиваться при доминировании правовых подходов к его модернизации ученых-цивилистов России.

2. На сегодняшний день необходима актуализация работы по формированию единых принципов правового регулирования юридических лиц в рамках Таможенного союза.

3. Унификация законодательств о юридических лицах должна проходить с использованием опыта модернизации гражданских кодексов европейских стран, а также в контексте сближения с правилами регулирования гражданских отношений в Европейском Союзе.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В ОБЛАСТИ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ

В.А. Криволап

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Целью данной статьи является определение актуальности внесения изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О ценообразовании» в соответствии с другими нормативными актами Республики Беларусь, такими как Директива №4 Президента Республики Беларусь, Соглашение о единых принципах и правилах конкуренции и других актов.

Главной целью деятельности законодательных органов в наше время является совершенствование законодательства для улучшения жизни населения и улучшения функционирования государственных органов, организаций и предприятий. В связи с этим принимаются новые законы, а так же изменяются и дополняются ранее принятые.

31 декабря 2010 года была принята Директива №4 Президента Республики Беларусь «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь». После принятия Директивы стал во-

прос по ее реализации, и уже в конце февраля 2011 года Советом Министров и Национальным банком Республики Беларусь было утверждено Постановление №251/б «Мероприятия по реализации положений Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 года №4». Пунктом 4 данного Постановления регламентировано уточнение полномочий государственных органов, осуществляющих регулирование и контроль в сфере ценообразования путем внесения изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О ценообразовании».

По моему мнению, основными целями подготовки законопроекта по внесению изменений и дополнений являются:

1) приведение Закона Республики Беларусь «О ценообразовании» в соответствие с законодательными актами и международными договорами Республики Беларусь, в том числе с подпунктом 1.1 пункта 1 Директивы Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 года № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь», Указом Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2011 года №72 «О некоторых вопросах регулирования цен (тарифов) в Республике Беларусь» и разделом V Соглашения о единых принципах и правилах конкуренции, ратифицированного Законом Республики Беларусь от 28 декабря 2010 года;

2) совершенствование норм Закона Республики Беларусь «О ценообразовании» с учетом правоприменительной практики.

В частности, в рамках законопроекта я считаю необходимо:

1) уточнить компетенцию Президента Республики Беларусь в сфере ценообразования, предусмотрев его полномочия на определение перечня товаров (работ, услуг), цены (тарифы) на которые регулируются государственными органами (организациями), и государственных органов (организаций), осуществляющих регулирование цен (тарифов) (статья 9);

2) включить Совет Министров Республики Беларусь в число государственных органов, осуществляющих государственное регулирование в сфере ценообразования и определить его полномочия в указанной сфере (статьи 4, 8, 10 и 11);

3) с учетом имеющейся практики закрепить в качестве одного из способов государственного регулирования цен (тарифов) такой способ, как индексация цен (тарифов) и дать определение соответствующего термина (статьи 3 и 8);

4) с учетом проводимой политики либерализации в сфере ценообразования исключить отдельные нормы Закона Республики Беларусь «О ценообразовании», определяющие обязанности и ответственность субъектов ценообразования, в том числе в части исчисления затрат, относимых на себестоимость для целей ценообразования (статьи 13 и 14).

С помощью внесенных изменений и дополнений в Закон «О ценообразовании» следует осуществить переход к рыночным механизмам ценообразования, исключить вмешательство органов государственного управления в процесс ценообразования субъектов предпринимательской деятельности, сохранить государственное регулирование цен только на продукцию организаций-монополистов и социально значимые товары, определяющие уровень жизни населения.

Таким образом, внося определенный изменения в Закон «О ценообразовании» будет сделан еще один не менее значительный шаг к совершенствованию законодательства, а так же практической реализации положений Директивы №4 Президента Республики Беларусь.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ПРИОРИТЕТОВ МНОГОСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СО СТРАНАМИ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

А.С. Кривонощенко

Минск, УО «Академия МВД Республики Беларусь»

С развалом СССР перед бывшими союзными республиками появилась новая проблема – проблема коллективного сотрудничества в сфере обеспечения экологической безопасности. Начались интеграционные процессы, одним из активных участников которых выступила Республика Беларусь.

Среди многосторонних актов, направленных на коллективное сотрудничество в области обеспечения экологической безопасности, в первую очередь необходимо отметить акты СНГ.

В самом Соглашении о создании Содружества Независимых Государств, заключенном 8 декабря 1991 года в Минске, указано, что к сфере совместной деятельности Сторон относится сотрудничество в области охраны окружающей среды, участие в создании всеобъемлющей международной системы экологической безопасности.

Первым документом СНГ, непосредственно направленным на решение экологических проблем, стало Соглашение о взаимодействии в области экологии и охраны окружающей природной среды, которое было заключено в Москве 8 февраля 1992 года. Среди приоритетных направлений деятельности стран-участниц Соглашения выделялась необходимость принятия согласованных правовых актов в области экологии и охраны окружающей природной среды, а также согласованных стандартов и экологических нормативов, обеспечивающих экологическую безопасность и благополучие каждого человека.

Важным шагом на пути правового обеспечения экологической безопасности в рамках СНГ стало принятие 13 июня 2000 года Постановления Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств №15-6 «Об экологической безопасности в государствах-участниках Содружества Независимых Государств». Данным постановлением был одобрен проект Конвенции о коллективной экологической безопасности, а также приняты модельные законы «Об экологическом страховании» и «Об основах экологического предпринимательства».

Государства-участники Конвенции о коллективной экологической безопасности обязались содействовать организации интегрированной международной системы управления экологической безопасностью посредством таких мер как:

- принятие законов об экологической экспертизе, экологическом страховании, аудировании и лицензировании различных видов хозяйственной и иной деятельности;
- сертификации оборудования, технологий и производств по требованиям обеспечения экологической безопасности;
- введения согласованной процедуры присвоения и регламента использования специальных торговых знаков, логотипов и этикеток для продуктов питания и товаров широкого спроса, подтверждающих их экологическую безопасность;
- своевременное информирование общественности по направлениям деятельности в области экологической безопасности;
- обеспечение государственной поддержки образования и приоритетного развития научных исследований в области экологической безопасности, а также ряд многих других мер.

В СНГ также принят ряд других нормативных актов, содержащих в себе нормы, направленные на обеспечение экологической безопасности. К примеру, модельный Экологический Кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств; Соглашение об информационном сотрудничестве в области экологии и охраны окружающей природной среды; модельный закон «Об экологической ответственности в отношении предупреждения и ликвидации вреда окружающей среде»; Соглашение о сотрудничестве в области экологического мониторинга; рекомендательный законодательный акт «О принципах экологической безопасности в государствах содружества» и другие.

В документах Союзного государства Беларуси и России экологической безопасности также уделяется определенное внимание. В частности, в Уставе Союза Беларуси и России указывалось, что в целях реализации задач Союза государства-участники Союза принимают согласованные решения по координации деятельности в области охраны окружающей среды, гидрометеорологии, обеспечению экологической безопасности, ликвидации последствий стихийных бедствий и аварий, прежде всего аварии на Чернобыльской АЭС.

Совместные действия в области экологической безопасности рассматриваются как предмет совместного ведения Союзного государства и государств-участников также и в Договоре о создании Союзного государства.

Как одна из сфер экономического сотрудничества в Договоре между Республикой Беларусь, Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой и Российской Федерацией «Об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях», подписанным в Москве 29 марта 1996 года, закрепляется наращивание сотрудничества в области охраны окружающей среды, включая разработку и принятие единых стандартов экологической безопасности.

В модельном законе «О безопасности», принятом Постановлением Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан №9-9 от 15 октября 1999 года, на соответствующие государственные органы, организации независимо от форм собственности, должностных лиц и граждан возложены следующие обязанности по обеспечению экологической безопасности:

- защита окружающей среды, рациональное использование и охрана природных ресурсов;
- недопущение неконтролируемого ввоза в государство экологически опасных технологий, веществ и материалов;
- предотвращение радиоактивного, химического загрязнения, бактериологического заражения территории страны;
- сокращение масштабов применения экологически опасных и несовершенных технологий;
- ликвидация негативных экологических последствий хозяйственной и иной деятельности.

Модельный закон «Об основах социальной политики», принятый Постановлением Межпарламентского Комитета Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан №12-15 от 19 апреля 2001 года, примечателен тем, что в нем не только закрепляются основные направления социальной политики в области обеспечения экологической безопасности, но и предусматриваются формы их осуществления. В частности, к формам осуществления социальной политики в области обеспечения экологической безопасности относятся:

- обеспечение функционирования системы наблюдения и контроля за состоянием окружающей среды;

- реализация мер по контролю за непревышением предельно допустимых норм загрязнения окружающей среды;
- проведение комплекса профилактических мероприятий по предупреждению нарушений правил экологической безопасности;
- организация и функционирование системы пропаганды и информирования населения о мерах по обеспечению экологической безопасности;
- реализация мероприятий, обеспечивающих соблюдение порядка возмещения гражданам ущерба их здоровью и (или) имуществу вследствие допущенных нарушений правил экологической безопасности.

Таким образом, на основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что экологическая безопасность занимает важное место в интеграционных процессах Республики Беларусь и является одним из приоритетных направлений международного сотрудничества на постсоветском пространстве.

МИРОТВОРЧЕСКИЕ ОПЕРАЦИИ ООН

*Н.О. Крупчан, П.В. Борботько
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Важным инструментом поддержания мира и международной безопасности являются миротворческие операции ООН. Их деятельность основана на целом ряде Резолюций Генеральной Ассамблеи, принятых в соответствии с Уставом Организации. Генеральная Ассамблея регулярно рассматривает вопрос о миротворческих операциях, необходимость в котором обусловлена тем, что проведение миротворческих операций не предусмотрена самим Уставом, а истекает из целей и принципов ООН.

При осуществлении миротворческих операций ООН могут преследоваться следующие задачи:

1. Расследование инцидентов и проведение переговоров с конфликтующими сторонами с целью их примирения;
2. Проверка соблюдения договоренности о прекращении огня;
3. Содействие поддержанию законности и правопорядка;
4. Предоставление гуманитарной помощи;
5. Наблюдение за ситуацией.

Правовое обеспечение миротворческих операций ООН вытекает из подразумеваемых полномочий ООН, направленных на достижение их главной цели: поддержания международного мира и безопасности посредством принятия эффективных коллективных мер. Тот факт, что Устав ООН прямо предусматривает в главе VII определенные меры, представляющие собой принудительную акцию, направленную против агрессора, не может означать исключения или запрещения других действий, предназначенных для того, чтобы обеспечить в иной форме достижения основных целей ООН.

Деятельность ООН по поддержанию мира является выражением коллективной воли государств-членов по оказанию содействия нуждающимся обществам в переходе от состояния вооруженного конфликта к устойчивому миру.

Обязательства стран-членов, касающиеся осуществления данной цели, стали причиной создания Департамента операций по поддержанию мира (ДОПМ).

1 октября 2001 года в штаб-квартире ООН был подписан Меморандум о взаимопонимании между Республикой Беларусь и ООН в отношении участия Беларуси в системе резервных соглашений. В приложении к нему зафиксирована

принципиальная готовность Беларуси предоставить 32 белорусских специалиста для возможного включения в состав сил гражданской полиции ООН. По результатам отбора девять кандидатов были официально зачислены в резерв сил гражданской полиции ООН. С Секретариатом ООН была достигнута договоренность о возможности направления белорусских специалистов на контрактной основе на период от 6 до 12 месяцев в состав миротворческих миссий в Боснии и Герцеговине, Косово и Восточном Тиморе.

Осуществление миротворческой деятельности государствами-членами ОДКБ носит исключительно добровольный характер. Состав, задачи и функции оперативной рабочей группы по подготовке миротворческой операции ОДКБ, комплектование коллективных миротворческих сил, их структура, задачи, функции, материально-техническое обеспечение и финансирование их деятельности, а также статус и полномочия Главы миротворческой миссии определяются отдельными положениями, утверждаемыми Советом коллективной безопасности.

Анализ практики участия специалистов Беларуси в миротворческих миссиях в рамках ООН и региональных организаций свидетельствует о значительном кадровом потенциале Республики Беларусь для участия в операциях по поддержанию мира.

В то же время целесообразна дальнейшая работа по наращиванию в Содружестве потенциала оперативного антикризисного реагирования, включая повышение готовности к превентивным действиям по предотвращению конфликтов и развертыванию миротворческих операций. Этому могут способствовать совершенствование систем обучения и подготовки военного, полицейского и гражданского персонала для участия в миротворческих миссиях, более интенсивное проведение совместных мероприятий оперативной и боевой подготовки миротворческой направленности.

Миротворческие операции – систематизированная и организованная деятельность государств и международных организаций, в том числе с участием военного и гражданского персонала, по вмешательству в локальные и региональные конфликты с целью их предотвращения или прекращения и урегулирования, осуществляемая в соответствии с Уставом ООН, решениями региональных организаций либо в рамках региональных организаций или соглашений, либо на основании двусторонних или многосторонних договоров; миротворческие операции охватывают операции по поддержанию мира, операции по (принудительному) установлению мира и операции по постконфликтному восстановлению мира (миростроительство).

При организации сложных по своему характеру миссий, предусматривающих ведение работы одновременно в политической, военной и гуманитарной областях, ООН использует опыт, накопленный при проведении «традиционных» операций по поддержанию мира. Эти операции, как правило, были нацелены, главным образом, на решение военных задач, таких, как наблюдение за прекращением огня, разъединение противоборствующих сил и создание буферных зон.

В последние десятилетия к выполняющим функции миротворцев ООН военнослужащим присоединились сотрудники гражданской полиции, наблюдатели за проведением выборов, наблюдатели за соблюдением прав человека и другие гражданские специалисты. Диапазон их задач широк – от обеспечения охраны при доставке гуманитарной помощи и самой ее доставки до оказания бывшим противникам помощи в осуществлении сложных по своему характеру мирных соглашений.

ФОРМИРОВАНИЕ ОПТИМАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБЖАЛОВАНИЯ СУДЕБНЫХ АКТОВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Е.В. Кузнецова

Смоленск, НОУ ВПО «Смоленский гуманитарный университет»

Правосудие как социальный институт представляет собой один из сложнейших видов профессиональной деятельности: за каждым судебным делом стоят важнейшие права и интересы участников судопроизводства.

Нормативная модель судопроизводства, включая систему обжалования судебного акта, должна быть оптимальной именно для обеспечения судебной защиты права. Оптимальный (от лат. *optimus* – наилучший) – эффективный, наилучший способ формирования чего-либо. Эффективность правосудия – способность суда как органа государственной (судебной) власти надлежащим образом обеспечивать реализацию целевых установок судопроизводства, в которых выражается его социальное предназначение.

Одним из шагов на пути поиска наиболее эффективной процедуры гражданского судопроизводства, в рамках проводимой в РФ правовой и судебной реформы, стало принятие Федерального Закона от 09.12.2010 года «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации». Данный нормативно-правовой акт стал определенным результатом широко обсуждаемой в процессуальных кругах темы: необходимость унификации работы судов второй инстанции.

Существование в российском гражданском процессе двух способов обжалования и проверки не вступивших в законную силу постановлений суда со множеством схожих свойств вызывало серьезные сомнения. Данная проблема еще усиливалась тем обстоятельством, что в качестве способа обжалования и проверки актов мировых судей служила возможность апелляционного обжалования, тогда как в качестве способа обжалования и проверки постановлений федеральных судов выступала кассация, что вело к нарушению конституционного принципа равенства всех перед законом и судом.

Кроме того, в гражданском процессе до соответствующих изменений не было как такового кассационного производства судебных актов, вступивших в законную силу, т.к. исторически сложившейся в советскую эпоху институт кассации по решениям районных судов после некоторых изменений в постсоветский период представлял в большей степени апелляцию.

Решая указанные проблемы, к тому же законодатель стремится привести гражданские процессуальные нормы России в соответствие с международными принципами и стандартами права, а также соблюдению баланса между недопустимостью пересмотра окончательных судебных решений (принципом правовой определенности) и необходимостью решения важнейших вопросов единства судебной практики и права.

Выбор законодателем модели апелляции, сочетающей в себе черты как полной, так и неполной апелляции (все же с преобладанием полной), свидетельствует о стремлении обеспечить реализацию состоявшихся изменений с оптимальными финансовыми затратами.

Организационные преобразования коснулись Верховного Суда РФ путем создания Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ, а также преобразования Кассационной коллегии ВС РФ в Апелляционную коллегию ВС РФ, осуществляющую проверку не вступивших в законную силу судебных постановлений Верховного Суда РФ, принятых по первой инстанции.

Содержательные изменения связаны, прежде всего, с введением общего апелляционного порядка обжалования судебных решений с периодом подачи апелляционной жалобы в один месяц. Увеличение срока апелляционного обжалования позволяет решить ряд проблем, во-первых, он вполне достаточен для решения практической проблемы несвоевременного получения решения суда. Во-вторых, установление подобного срока создает большие возможности для подготовки, как самой жалобы (представления), так и подготовки к участию в деле.

Кассационный суд теперь становится полностью судом по вопросам права. Основаниями для отмены или изменения судебных постановлений в данном порядке являются существенные нарушения норм материального права или норм процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможны восстановление и защита нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также защита охраняемых законом публичных интересов.

Надзорный порядок стал окончательно исключительным способом обжалования. Функции суда надзорной инстанции теперь исключительно закреплены за Президиумом Верховного Суда РФ.

Изменения, внесенные в главу 42 ГПК, свидетельствуют о возрастающем значении судебной практики как Европейского Суда по правам человека, так и Верховного суда РФ. Статья 392 ГПК различает категории вновь открывшихся и новых обстоятельств. Причем к числу новых отнесены: установление ЕСПЧ нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом конкретного дела в связи с принятием решения, по которому заявитель обращался в Европейский суд; определение (изменение) в постановлении Президиума Верховного Суда РФ практики применения правовой нормы, примененной судом в конкретном деле, в связи с принятием судебного постановления, по которому подано заявление о пересмотре дела в порядке надзора, или в постановлении Президиума Верховного Суда РФ, вынесенного по результатам рассмотрения другого дела в порядке надзора, или в постановлении Плену Верховного Суда РФ.

Введение Федерального закона №353-ФЗ от 09.12.2010 года в действие в целом способствовало оптимизации и рационализации деятельности судов проверочных инстанций, однако неразрешенность ряда вопросов существенно снижает эффективность.

Так новый порядок предусматривает прежнюю четырехзвенную схему проверочных судов при изменении наименования судебных инстанций: двумя уровнями судов кассационной инстанции – Президиумом суда субъекта РФ, Судебными коллегиями Верховного Суда РФ, производство в которых состоит из нескольких этапов; производство в порядке надзора – в Президиуме Верховного Суда РФ при наличии соответствующих условий и оснований отмены.

Дополнительно сохраняется возможность использовать особую процедуру пересмотра судебных постановлений по представлению председателя Верховного Суда РФ или его заместителя (ст.391.11 ГПК РФ). При этом очень сложно дифференцировать основания отмены судебных актов в порядке надзора, предусмотренных ст.391.9 и ст.391.11 ГПК РФ.

При общем повышенном внимании к соблюдению сроков судопроизводства обращает на себя внимание отсутствие указания закона (ст.325 ГПК) на сроки направления лицам, участвующим в деле, копии жалобы (представления) и приложенных к ним документов. Тогда как от установления подобного срока, напрямую зависит реализация другими лицами участвующими в деле, своего права на подачу возражений относительно жалобы (представления).

Полагаем, что не может быть оставлен без внимания вопрос о дальнейшей судьбе решения суда апелляционной инстанции, принятого в случае установления судом апелляционной инстанции нарушений процессуальных норм, влекущих отмену решения суда первой инстанции в любом случае. В данном случае суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам суда первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных гл.39 ГПК РФ.

Согласно ч.5 ст.329 апелляционное определение вступает в законную силу со дня его принятия, соответственно в подобной ситуации лица, участвующие в деле, будут лишены права обжалования решения в ординарном порядке.

В связи с изложенным, думается, что ряд положений принятого закона носят дискуссионный характер и внесенных изменений не достаточно, чтобы сформировать оптимальную систему обжалования, способную эффективно обеспечить судебную защиту прав и интересов, охраняемых законом.

ОСНОВНЫЕ НАЧАЛА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

О.М. Куницкая

Минск, Белорусский государственный университет

В целях дальнейшей либерализации белорусской экономики, повышения ее конкурентоспособности отдельными нормативными правовыми актами предписано сформировать правовую базу государственно-частного партнерства (далее – ГЧП), и в первую очередь, принципов его правового регулирования.

Значение принципов правового регулирования ГЧП заключается в следующем: во-первых, как и принципы вообще, они необходимы для восполнения пробелов в законодательстве, в котором невозможно предусмотреть все частности отношений, возникающих между партнерами; во-вторых, являясь руководящими положениями, они в своей совокупности отражают самые существенные особенности ГЧП.

Специфичность ГЧП выражается в: субъектном составе; официальной, юридической основе взаимодействия сторон; четко выраженной публичной направленности; объединении ресурсов и вкладов сторон; в распределении финансовых рисков, затрат, достигнутых результатов; единстве целей; единых правила взаимодействия сторон ГЧП и др.

В основе правового регулирования ГЧП, как и любых общественных отношений лежат общие принципы права. Учитывая договорную природу отношений, опосредующих ГЧП, регулирование ГЧП будет основываться также на принципах гражданского права и принципах договорного права. В рамках ГЧП возникают предпринимательские отношения, и имеются особенности проявления принципов частного права в сфере предпринимательства.

Авторы Царев Д., Иванюк А. полагают, что было бы правильнее говорить о принципах гражданского права, характерных для отношений с участием публично-правового образования.

Как нам представляется, обоснованность изъятий в реализации отдельных принципов гражданского права в ГЧП связано с участием в нем государственного партнера, имеющего особый гражданско-правовой статус, и высокой социальной значимостью проектов ГЧП.

В научной литературе императивность обнаруживают при осуществлении исследований в области правового регулирования предпринимательства. Необходимость использования публично-правовых элементов при регулировании обяза-

тельствующих отношений с участием публичных образований и отношений по осуществлению публичной собственности является обоснованной.

Императивное вмешательство государства в договорную свободу субъектов обязательственного правоотношения является многоцелевым. Целями такого воздействия являются обеспечение государственной защитой действующего правопорядка и имеющих особую общественную и социальную значимость ценностей в договорном праве в рамках единого имущественного интереса, их упорядочивание и охрана.

Большинство принципов ГЧП обладает специфическими чертами, обусловленными тем, что в частноправовых отношениях указанные принципы проявляются в полном объеме, а в публично-правовых – в ограниченном. При регулировании отношений ГЧП отступления от некоторых принципов гражданского права нельзя считать нарушением прав участников ГЧП.

Применительно к ГЧП ограничение прав должно отвечать требованиям справедливости, быть адекватным, пропорциональным и соразмерным. По нашему мнению, это должно находить свое место в судебной практике, прежде всего в деятельности Конституционного Суда.

Общие (общеправовые) и отраслевые принципы права, такие, как: равноправие субъектов права, свобода договора и предпринимательства, неприкосновенность права собственности, стабильность договорных отношений, недопустимость произвольного вмешательства в частные дела и т.д., безусловно, оказывают воздействие на принципы ГЧП, реализуются через них, однако приобретают специфику, обусловленную особенностями рассматриваемого института, а также особенностями соответствующих отношений, что позволяет отграничить его от других явлений.

К числу принципов, свойственных исключительно институту ГЧП, представляется целесообразным отнести такие принципы, как: оптимальное сочетание частноправовых и публично-правовых интересов; сотрудничество партнеров; конкурентный выбор частного партнера; прозрачность (открытость, транспарентность) и обратная связь; согласование и учет взаимных интересов при распределении между партнерами рисков и ответственности; стимулирование и гарантии и др.

В целом специфика принципов правового регулирования ГЧП, на наш взгляд, предопределена: во-первых, воздействием общих принципов права; во-вторых, особенностями регулируемых отношений; в-третьих, неоднородным характером используемых средств, способов и методов правового регулирования; в-четвертых, специфичной целью института; в-пятых, комплексным его характером.

СУЩНОСТЬ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ РАБОТ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН СНГ

И.М. Куприенко

Минск, УО «Академия МВД Республики Беларусь»

Гармонизация и унификация уголовного законодательства стран СНГ началась с принятием 17 февраля 1996 года на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ Модельного Уголовного кодекса (далее – Модельный УК СНГ). Разработка Модельного УК СНГ осуществлялась во исполнение постановления Межпарламентской Ассамблеи от 28 октября 1994 года «О правовом обеспечении интеграционного развития Содружества Независимых Государств» и в соответствии с постановлением Совета Межпарламентской Ассамблеи от 14 февраля 1995 года №4 «О программном комитете

и рабочих группах по созданию модельных уголовного и уголовно-процессуального кодексов для государств-участников СНГ».

Модельный УК СНГ относится к рекомендательным законодательным актам, содержащий типовые нормы и дающий нормативную ориентацию для законодательства государств-участниц СНГ. Исходя из указанной особенности, разработчики Модельного УК СНГ в ряде случаев стремились избежать ненужной конкретизации и детализации отдельных положений. Виды уголовных наказаний и иных мер уголовной ответственности устанавливаются национальными кодексами государств-участников СНГ.

Не секрет, что в большинстве стран мира политика в области уголовных наказаний склоняется в пользу альтернативных видов наказания и иных мер уголовной ответственности, одновременно выступая против тюремного заключения, поэтому проведем краткий сравнительный анализ сущности одного из самых перспективных видов наказаний – общественных работ.

Необходимо сразу же отметить, что данный вид наказания не используется ни как основной, ни как дополнительный вид наказания, ни как дополнительная обязанность при условно-досрочном освобождении от наказания, или применения иных мер уголовной ответственности, в УК Таджикистана и УК Узбекистана.

Не предусматривается такой вид наказания как общественные работы и в УК Туркменистана. Однако в УК данной страны общественные работы применяются в качестве обязанностей при условном осуждении к лишению свободы с привлечением к труду (ст.69-1 УК Туркмении) и при условном освобождении из мест лишения свободы с привлечением осужденного к труду (ст.75-1 УК Туркмении). Базовым элементом, определяющим карательную сторону указанных иных мер уголовной ответственности, выступает принудительный характер привлечения осужденного к выполнению работ, хотя характер и вид работ не закреплен на законодательном уровне.

В уголовном законодательстве остальных стран-участниц СНГ исследуемый вид наказания именуется по-разному. Так в ряде стран (Республика Армения, Азербайджанская Республика, Республика Беларусь, Украины) именуется как «общественные работы». В УК Кыргызской Республики и Республики Казахстан данный вид наказания называется как «привлечение к общественным работам». В УК Российской Федерации законодатель посчитал необходимым рассматриваемый вид наказания назвать «обязательные работы». УК Республики Молдовы определяет исследуемый вид наказания как «неоплачиваемый труд в пользу общества».

Необходимо признать, что исследование различных наименований наказания в виде общественных работ, позволяет сделать вывод, что законодатели в названиях статей УК подчеркивают его приоритетный признак. Так, для Республики Армения, Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Украины, Кыргызской Республики и Республики Казахстан это публичность. Для Республики Молдова – это бесплатность, и для Российской Федерации – это обязательность для исполнения как со стороны осужденного так и со стороны органов ведающих исполнения данного вида наказания.

В контексте уголовного права одним из основных вопросов, требующих четкого правового разрешения, является определение сущности данного вида наказания. Законодатели различных стран закрепляют определение общественных работ, как наказания, по-разному.

В соответствии с ч.1 ст.51 Модельного УК СНГ общественные работы состоят в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатного труда в пользу общества, вид которого определяется органами, ведающими применением общественных работ.

Согласно ч.1 ст.49 УК Республики Беларусь общественные работы заключаются в выполнении осужденным бесплатного труда в пользу общества, вид которого определяется органами, ведающими применением общественных работ.

Так, в ч.1 ст.56 УК Украины отмечается, что общественные работы заключаются в выполнении осужденным в свободное от работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ, вид которых определяют органы местного самоуправления.

В ч.1 ст.54 УК Республики Армении общественные работы состоят в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время неоплачиваемых работ в пользу общества, определенных компетентным органом или органом местного самоуправления.

УК Республики Молдова в ч.1 ст.67 гласит, что «неоплачиваемый труд в пользу общества состоит в привлечении осужденного в свободное от основной работы или учебы время к работам, определенным органами местного публичного управления».

В законодательстве же остальных стран (Российская Федерация, Азербайджанская Республика, Республика Казахстан) определение общественных работ совпадает и «заключаются в выполнении осужденным в свободное от основной работы или учебы время бесплатных общественно полезных работ», различие же заключается в определении вида работ и органа ведающего применения наказания. В Российской Федерации «вид обязательных работ и объекты, на которых они отбываются, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями», в Азербайджанской Республике «вид таких работ определяется соответствующими органами исполнительной власти, в Республике Казахстан «вид которых определяется местными исполнительными органами или органами местного самоуправления».

В целом, анализируя содержание данного наказания, необходимо отметить общность природы уголовного наказания в виде общественных работ. Каждая страна использует тот комплекс лишений и ограничений, возлагаемых на осужденных при осуждении к соответствующему наказанию, которые являются общепризнанными, и заключаются в принуждении выполнить бесплатно работы в свободное от основной работы время.

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРОЦЕССА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (НА ПРИМЕРЕ ИЗМЕНЕНИЙ И ДОПОЛНЕНИЙ В ОСНОВНОЙ ЗАКОН ФРАКЦИЙ КОММУНИСТОВ И АГРАРИЕВ ВЕРХОВНОГО СОВЕТА XIII СОЗЫВА)

А.В. Курьянович

Минск, УО «Международный университет «МИТСО»

18 сентября 1996 года в «Народной газете» была помещена необычная публикация. Она представляла собой изменения и дополнения в Конституцию республики, предложенные самыми многочисленными фракциями парламента, – коммунистами и аграриями. Появление фактически нового проекта Конституции стала результатом острого политического противостояния Президента А.Г. Лукашенко и Верховного Совета XIII созыва. Конституционные изменения и дополнения, ранее инициированные белорусским лидером, устраняли Верховный Совет с политической арены, заменяя его двухпалатным Национальным собранием. С этим противники Президента согласиться не могли.

Проект коммунистов и аграриев является интересным политико-правовым документом. В нем сплелись противоречия и сложности законодательного про-

песса в стране, хаотичное стремление найти политическую альтернативу сильной президентской власти и др. Многие изменения и дополнения, предложенные фракциями, сводились, по сути дела, к реанимации положений Конституции БССР 1978 года.

«Фирменным знаком» аграрно-коммунистического проекта стала ликвидация института президентства. В результате в проекте обозначились, условно говоря, три центра силы.

Первым центром силы стал Верховный Совет. Все prerogatives парламента, прописанные в редакции Конституции 15 марта 1994 года, сохранились. Разница заключалась в том, что отныне парламент принимал Конституцию и вносил в нее изменения.

Существенно укреплялось положение Председателя Верховного Совета. Он объявлялся высшим должностным лицом государства. Ничего не говорилось о запрете членства спикера в политических партиях и организациях. Со всей очевидностью Председатель Верховного Совета «подминал» под себя судебную власть, присвоив себе право назначения судей областных, городских и районных судов, а также судов областных и городских хозяйственных судов.

В «аграрно-коммунистическом» проекте говорилось, что глава парламента может быть отозван со своего поста только в случае нарушения Конституции, т.е. он не был зависим, например, от парламентского большинства или от других факторов. Причем данная процедура была существенно усложнена. Прежде чем отозвать спикера, соответствующее заключение должен был дать Конституционный Суд. А вот чтобы обратиться в данный орган, нужно было собрать не менее 70 подписей депутатов. Правда, оговаривался такой момент, что в Конституционный Суд могли обратиться не менее двух постоянных комиссий парламента. Однако и эта возможность была скорее гипотетической, нежели реальной.

Некоторую путаницу в проект вносило стремление депутатов оговорить некоторые моменты конкретными цифрами. Так, 173 депутата объявлялись необходимыми двумя третями, хотя при соответствующих расчетах парламентское большинство равнялось 173,3. Трудно понять логику законодателей, предложивших изменять и дополнять Конституцию исключительно двумя третями голосов избирателей на референдуме.

Из проекта фракций коммунистов и аграриев была исключена норма, которая в редакции Конституции 15 марта 1994 года запрещала депутату одновременно быть членом правительства или занимать должность судьи. По этой причине нарушался принцип разделения властей.

Второй центр силы – Совет Министров – декларировался высшим исполнительным и распорядительным органом, полностью, однако, подчиненным Верховному Совету, и занимающим, по образному выражению Г.А. Василевича, «место бедной Золушки». Правительство было лишено даже такого непосредственного права как образование министерств. Вместо этого при Совете Министров могли создаваться в случае необходимости комитеты, главные управления и другие ведомства. Даже по Конституции БССР 1978 года создание и упразднение министерств осуществлялось Верховным Советом по предложению правительства.

Более того, еще одним признаком абсолютной подчиненности парламента стало то, что депутаты утверждали план экономического и социального развития республики и государственного бюджета Республики Беларусь, а также отчетов об их исполнении. Кроме того, правительство в проекте было исключено из числа субъектов, имеющих право обращаться в Конституционный Суд.

В предложенном проекте Совет Министров подвергался давлению со стороны и Верховного Совета и Конституционного Суда. Верховный Совет согласно пункту 18 статьи 79 отменял постановления и распоряжения правительства. Конституционный Суд по статье 109 имел право давать заключения о соответствии Конституции постановлений Совета Министров.

Наконец, третий центр силы концентрировался в Конституционном Суде, который формировался исключительно Верховным Советом из специалистов в области права. При формировании Конституционного Суда было заложено явное противоречие: судьи могли предлагаться депутатами от своего имени либо по поручению государственных органов республиканского значения, что возвышало исполнительную власть над законодательной.

Правда, позиции Конституционного Суда укреплялись тем, что судьи имели право самостоятельно избирать председателя Конституционного Суда и его заместителя сроком на три года. Конституционный Суд также получал право толковать Конституцию и законы, а также по своему усмотрению ставить вопрос о соответствии нормативных актов любого государственного органа, общественного объединения Конституции и законам, международно-правовым актам, ратифицированным Республикой Беларусь.

Вышеотмеченные правовые недостатки свидетельствовали о том, что при внесении изменений и дополнений в конституционный проект со стороны парламентских фракций коммунистов и аграриев отсутствовала их концепция. Эти изменения и дополнения решали не столько стратегическую задачу белорусской государственности, сколько задачу момента, данную проблемную политическую ситуацию с целью перебороть Президента.

Парламентские изменения и предложения в Конституцию можно оценить исключительно как шаг назад по сравнению с проектом Президента, в котором все же был прописан механизм сдержек и противовесов, практически невозможная, но все же отставка Главы государства, наделение законодательной инициативой субъектов различных ветвей власти.

ПРАВОВЫЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

И.А. Лапина, А.А. Цобкало

Минск, Академии управления при Президенте Республики Беларусь

Создание и существование социального государства, т.е. страны, где высшей ценностью является человек как личность, его интересы, права и гарантии, – сложный, многофакторный процесс. В этом процессе воля государства (в виде государственной политики) и воля человека (обусловленная системой социальных ценностей и стереотипов) находятся в тесной связи, порождая комплекс взаимных прав и обязанностей. При этом создается ситуация партнерства, в которой как человек может рассчитывать на государство, так и государство вправе предъявлять определенные требования к гражданину.

Социальная политика, являясь одной из наиболее важных составляющих деятельности общества и государства, находится в сфере его насущных государственных интересов. Необходимость улучшения социального обеспечения и минимизации социального неравенства требуют стабильных темпов экономического роста, постоянного совершенствования правовой системы и повышения эффек-

тивности экономики как материально-финансовой основы преобразований в социальной сфере. Проблемы, связанные с повышением уровня и совершенствованием качества жизни, обеспечением и поддержанием экономической стабильности, реализацией принципов социальной справедливости, являются для современного цивилизованного общества злободневными.

Республика Беларусь – унитарное демократическое социальное правовое государство, где человек, его права, свободы и гарантии их реализации являются высшей ценностью и целью общества и государства. Совершенствование в этом направлении системы социально-экономических отношений, повышение качества человеческого потенциала открывает новые перспективы для экономического развития и является важнейшим фактором экономического роста.

Социальная политика, проводимая различными странами, многообразна. В ее рамках можно выделить ряд основных направлений: политика доходов населения; политика в сфере труда и трудовых отношений; социальная поддержка и защита нетрудоспособных и малообеспеченных семей и граждан; развитие отраслей социальной сферы и их инфраструктуры; социальная защита отдельных групп населения; экологическая, демографическая и миграционная политика. Все направления связаны между собой, что вызывает необходимость проведения сбалансированной социальной политики.

Переход Республики Беларусь к рыночным отношениям внес значительные изменения в регулирование доходов, которые в первую очередь и определяют благосостояние людей. Прежде всего, расширилась самостоятельность регионов и предприятий, а также повысилась значимость рыночных регуляторов. Именно поэтому становится таким важным выработка новой стратегии государства, которая учитывала бы интересы различных групп населения, предусматривала бы эффективную систему занятости и вознаграждения за труд, меры по социальной защите, а, следовательно, обеспечивала бы человеку достойную жизнь. Объектом социальной политики могут быть как отдельные граждане, так и их группы, объединенные конкретными связями и отношениями. Субъектами социальной политики являются те, кто активно взаимодействует в социальной сфере, определяет цели, задачи, приоритеты и нормативно-правовую базу социальной политики и реализует ее. К ним относятся государственные ведомства и учреждения, органы местного самоуправления, различные негосударственные объединения, коммерческие структуры, профессиональные работники, а также отдельные граждане, действующие в рамках гражданской инициативы.

Социальная политика – это система мер, направленных на достижение социальных целей и результатов, связанных с повышением общественного благосостояния, улучшением качества жизни населения и обеспечением социально-политической стабильности, социального партнерства в обществе, которая базируется на ряде принципов. Принципы социальной политики могут реализоваться на практике только при наличии ресурсного и правового обеспечения. Данный процесс можно рассматривать с двух сторон. Во-первых, необходимо обеспечить условия для развития общественного производства, в процессе которого создаются ресурсы, способствующие осуществлению социальной политики. Вместе с тем, ресурсная база зависит от уровня развития производительных сил, и в первую очередь главной из них – человека. Во-вторых, необходим комплекс мер, реализуемых посредством систем образования, здравоохранения, обеспечивающих всестороннее развитие работников, повышение их квалификации и гарантирующих социальную стабильность и безопасность общества.

В любом обществе большинство людей способны самостоятельно обеспечить себе приемлемые условия для жизни. Цель социальной политики в этом случае состоит в создании благоприятной обстановки для трудовой и предпринимательской деятельности. Отсюда вытекает важнейшая функция социальной политики – стимулирующая, которая заключается в содействии процессу формирования рациональной структуры доходов и совершенствования отношений занятости. Это предполагает стимулирование всех видов экономической деятельности в рамках правового поля.

Однако в любом обществе существуют социально уязвимые слои населения. К ним относятся граждане, в силу объективных причин не имеющие возможности удовлетворять свои потребности путем приложения собственных усилий (дети, инвалиды, пенсионеры). Социальная политика в данном случае должна обеспечить помощь и поддержку таким категориям лиц. Это достигается на основе реализации стабилизирующей функции социальной политики, предполагающей перераспределение доходов, развитие системы социальной защиты и социальных гарантий как для населения в целом, так и для каждой из его социальных групп. Совершенствование в этом направлении системы социально-правовых и экономических отношений, повышение качества человеческого потенциала открывают новые перспективы государственного развития. Вместе с тем, улучшение социального обеспечения, совершенствование системы правового регулирования здравоохранения и образования способствуют установлению и поддержанию в обществе социального равенства. Однако эти преобразования требуют устойчивых социально-политических и правовых отношений, а также стабильных темпов экономического роста, что может быть достигнуто только в социальном государстве, где основной «движущей силой» и, одновременно, – ценностью является человек и гражданин.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ УПРАВЛЕНИЯ ИНОСТРАННЫМИ ДЕЛАМИ

*И.А. Ларионов
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Проблемы административно-правовых основ управления иностранными делами относятся к числу наиболее основополагающих и остродискуссионных в административном праве. Данный факт объясняется их важностью и особым правовым регулированием. Безусловно, названные проблемы прямо и непосредственно влияют как на авторитет нашей страны за рубежом, так и интересы рядовых граждан Республики Беларусь, предприятий, фирм, чья работа невозможна без международных отношений, а, значит, во многих случаях и без помощи органов государственного управления, компетентных в административно-правовых основах управления иностранными делами.

Важность исследований в области административно-правовых основ управления иностранными делами доказывает также и тот факт, что качественное, своевременное и эффективное управление в области иностранных дел есть одна из важнейших функций любого государства. Ведь еще знаменитый ученый в области общей теории права Нерсисянц В.С. на первое место среди внешних функций государства ставил именно внешние взаимоотношения с другими странами.

Современное социальное и политическое устройство мира требует динамичного, демократического и продуктивного развития основ управления ино-

странными делами. Однако невозможно построить внешние отношения между странами, если законодательство в этой области не соответствует принципам и практике международного права. Вместе с тем, как отмечает Министерство иностранных дел Республики Беларусь, построение единой системы управления в области иностранных дел состоялось. Однако это не было бы возможным без тесного сотрудничества с аналогичными органами в странах, входящих в Содружество независимых государств. Их слаженная работа позволяет оказывать полную и своевременную информацию не только по визовым вопросам и проблемам пересечения границы, а также осуществлять уверенный отпор международному терроризму, способствовать освобождению своих граждан из плена, рабства. Сегодня смело можно утверждать, что пожелания таких ученых-юристов как Козлов Ю.М., Попов Л.Л., Тихомиров С.В. в отношении формирования сотрудничества и развития совместных структур министерств иностранных дел постепенно находят свое место в законодательстве. Однако несовершенство законодательства в отношении компетенции органов, занимающихся государственным управлением в области иностранных дел, отсутствие на данный момент ряда нормативно-правовых актов, закрепляющих определенные особенности деятельности этих органов, делает данное исследование актуальным не только с точки зрения теоретического изучения данного проблемного вопроса административного права.

Кроме того, в ходе сравнения нормативно-правовой базы, регулирующей основы управления иностранными делами в различных странах, имеется возможность выявить как негативный, так и положительный опыт тех или иных положений, которые в свою очередь в дальнейшем будет возможно применить и в законодательстве Республики Беларусь.

По нашему мнению, законодательство в области управления иностранными делами нуждается в совершенствовании и корректировке.

Полагаем, что четко построенное законодательство в области административно-правовых основ управления иностранными делами, честная и открытая политика на взаимовыгодных началах со своими странами-союзниками и партнерами в мире, которую и проводит Республика Беларусь, закрепляя это в средствах массовой информации в ряде нормативно-правовых актов, и является залогом построения современных и эффективных административно-правовых основ управления иностранными делами.

СОТРУДНИЧЕСТВО В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РАМКАХ СНГ

В.В. Липницкий

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

За прошедшие 20 лет своего существования Содружество Независимых Государств подтвердило свою важную историческую роль в мировых и региональных политических и экономических процессах. СНГ стало платформой многостороннего взаимодействия его участников практически во всех сферах общественных отношений, в частности, в сфере защиты прав, свобод и законных интересов национальных меньшинств.

Одним из первых правовых документов в данной сфере стало «Соглашение по вопросам, связанным с восстановлением прав депортированных лиц, национальных меньшинств и народов», заключенное 9 октября 1992 года. Данное соглашение вступило в силу и действует в восьми государствах СНГ (не ратифицировали Молдова, Российская Федерация, Туркменистан). Протоколом к Соглашению от 26 июня 2003 года срок действия данного документа был продлен на 10 лет.

Данное Соглашение призвано создать необходимые условия для беспрепятственного добровольного переселения депортированных лиц, добровольно возвращающихся в места их проживания на момент депортации. Гарантируются равные с постоянно проживающими там гражданами политические, экономические и социальные права, а также условия для обустройства, трудоустройства, образования, национального, культурного и духовного развития.

Важнейшим документом в области защиты национальных меньшинств, разработанным и принятым в рамках СНГ, явилась Конвенция «Об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам», заключенная в г.Москве 21 октября 1994 года. Данная Конвенция была подписана десятью государствами-участниками СНГ (не подписали Туркменистан и Республика Узбекистан). Однако она была ратифицирована и вступила в силу лишь в пяти государствах – в Республике Беларусь, Азербайджанской Республике, Республике Армения (с 10 января 1997 года), в Кыргызской Республике (с 21 августа 2003 года), в Республике Таджикистан (с 22 февраля 2001 года).

Конвенция гарантирует лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам, широкий круг гражданских, политических, социальных, экономических, культурных прав и свобод, согласующихся с общепризнанными международными стандартами в области прав человека. Закрепляется запрет дискриминации, а также возможность получать помощь от государственных и общественных организаций других Договаривающихся Сторон при соблюдении требований, установленных законодательством государства их местонахождения.

В Конвенции закрепляется определение лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, под которыми понимаются «лица, постоянно проживающие на территории одной Договаривающейся Стороны и имеющие ее гражданство, которые по своему этническому происхождению, языку, культуре, религии или традициям отличаются от основного населения данной Договаривающейся Стороны».

В Заключении ответственного комитета Государственной Думы Российской Федерации на Конвенцию об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам от 14 сентября 2000 года указывается, что «данная Конвенция является ничтожной с момента заключения, поскольку, согласно статье 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, она вступает в противоречие с императивной нормой общего международного права (*jus cogens*)». Здесь имеется в виду то, что определение лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, якобы закрепляет разделение населения по этническому происхождению, языку, культуре, религии или традициям, наличию или отсутствию гражданства, что противоречит принципу уважения и соблюдения прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии. Кроме того, из-под защиты конвенции исключаются лица без гражданства государства проживания, а также граждане государства-участника, постоянно проживающие на территории другого государства участника.

В Заключении указывается на такие недостатки, как наличие в Конвенции терминов неопределенного содержания («основное» население и «отличающееся» население, «национальное законодательство»), что затрудняет однозначное применение Конвенции, а также на полное отсутствие регулирования и обеспечения коллективных прав народов. Снижают эффективность Конвенции также оговорки, сделанные Азербайджаном и Украиной при ее подписании, о верховенстве своего внутреннего права над положениями Конвенции.

Как вывод, ответственный комитет Государственной Думы рекомендовал Президенту страны выступить с инициативой заключения договоров Российской Федерации с государствами-участниками СНГ о защите основных прав и свобод народов Российской Федерации, проживающих в настоящее время вне пределов своей исторической родины, переводя, тем самым, развитие договорного процесса в рамках СНГ в сферу защиты национальных меньшинств в сферу двустороннего сотрудничества.

В статье 13 Конвенции 1994 года закреплено, что наблюдение за ее выполнением возлагается на Комиссию СНГ по правам человека. Следует отметить, что Комиссия не обладает императивными функциями, является консультативным органом Содружества, и полномочна лишь принимать заключения и разрабатывать рекомендации. Это делает механизм реализации положений Конвенции слабым и малоэффективным, что характерно и для защиты прав человека в рамках СНГ в целом. Как результат, государства-участники СНГ обращаются к иным механизмам защиты прав человека в данной области.

Статья 11 Конвенции содержит программную норму о том, что «Договаривающиеся Стороны будут содействовать процессу кодификации прав национальных меньшинств на двустороннем, региональном и универсальном уровнях», а также «будут использовать опыт нормотворческой деятельности международных организаций в сфере защиты прав национальных меньшинств». Данная норма намечает и закладывает пути дальнейшего развития сотрудничества стран СНГ в сфере защиты прав национальных меньшинств. Однако каких-либо существенных соглашений в данной сфере после 1994 года в рамках СНГ достигнуто не было, кодификационные работы не велись. Более того, относительно небольшое количество государств, ратифицировавших Конвенцию 1994 года, отсутствие действенного механизма по реализации положений Конвенции, декларативный и неконкретизированный характер норм уменьшают ее значение и вес на постсоветском пространстве.

Развитие сотрудничества в рамках СНГ в сфере защиты прав национальных меньшинств не нашло отражения ни в Аналитическом докладе «Итоги деятельности СНГ за 20 лет и задачи на перспективу», принятом к сведению Советом глав государств СНГ 3 сентября 2011 года, ни в «Концепции дальнейшего развития Содружества независимых государств», одобренной решением Совета глав государств СНГ от 5 октября 2007 года, хотя в последней и ставится целью реализация основополагающих международных принципов и стандартов в области демократии и прав человека, а также развитие сотрудничества в сфере недопущения на пространстве СНГ межкультурных конфликтов.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что попытка создания регионального специального правового документа, комплексно регулирующего отношения в сфере национальных меньшинств, который мог бы сравниться по размаху и значению с европейской Рамочной конвенцией о защите национальных меньшинств 1995 года, не увенчалась успехом. Конвенция СНГ об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам 1994 года, без оговорок действует лишь на ограниченной территории (четыре государства с совокупным населением около 30 млн. чел.) и имеет весьма слабый механизм реализации. Защита прав и свобод национальных меньшинств постепенно выпадает из внимания органов Содружества и переносится в область двустороннего сотрудничества государств и иных международно-правовых механизмов.

СУБЪЕКТЫ ТЕХНИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ

И.И. Лузгин

Новополоцк, УО «Полоцкий государственный университет»

Оценивая перспективы развития технико-криминалистического обеспечения (ТКО), нельзя не обратиться к таким понятиям, как «специальные знания», «специалист» и «эксперт». Очевидно, что система «материя-информация-мера-познание» применительно к системе «наука-техника-общество-человек» предопределяет наличие и использование в большинстве областей науки, техники, искусства, ремесла технических, в том числе и технико-криминалистических методов и средств (ТКСМ), в равной мере предполагая как навыки, так и умения работы с ними, входящими в систему ТКО как её элемент. Объективность взаимосвязи между приборами, приспособлениями, инструментами, материалами и методами их использования в рамках системы ТКО отражающее как их внутреннее, так и целевое единство не вызывает сомнений. Тем самым в правоохранительной деятельности ТКСМ, – необходимый компонент использования прикладного криминалистического знания как системы обеспечения качественного расследования и более того, – судебного исследования преступлений в целом.

В условиях равнодоступности для правоохранительной и преступной сфер итогов использования научных знаний (выраженных в форме результатов НТП) причина необходимости специальных знаний для эффективности расследования лежит в самом их наличии. Как, факторе, обуславливающем и предопределяющем эффективность правоохранительной деятельности в рамках антагонистически взаимодействующих систем. Как взаимосвязь процесса совершенствования эффективности расследования преступлений в силу совершенствования технологий их совершения. Указывая на системное расширение проявления общего в частном, – фактор объективизации процесса доказывания служащий целям роста содержательности доказательств предоставляемых участниками сторон и развитию состоятельности судопроизводства не по форме, а по существу.

Деление знаний на специальные по характеру приобретения, как и с точки зрения их «специальности» на теоретические и эмпирические, фундаментальные и прикладные для эффективной систематизации ничего, в сущности, не дает. Так как в этом плане все они в различной форме, но, так или иначе, входят в деятельность любого из субъектов обеспечивающих процесс расследования. Находя своё воплощение в их непосредственной работе от уровня служебных обязанностей до документов нормативно-правовых.

Наиболее эффективна систематизация специальных знаний, по двухосновным характеристикам, – целевому назначению и их отраслевому происхождению (по цели применения специальные знания могут быть криминалистическими, но специальными по отрасли из которой они были интегрированы в криминалистическую среду, где изменилась лишь методика использования, став целевой). Рациональность такой системы состоит в том, что в этом случае субъектами расследования и судопроизводства легко могут быть определены как сферы потребности в тех или иных специальных знаниях, так и требуемый их уровень, имеющий конкретный круг воплощения. Даже если в силу редкости обращения к ним криминалистика не сочла для себя необходимым их интегрировать в свою среду.

Но такими знаниями, прежде всего, обладают специалисты-криминалисты и эксперты-криминалисты в силу степени востребованности и системности их знаний (знания+умения+навыки) работающие в системе ТКО в условиях постоянной готовности и реализуемости, обеспечиваемых ими задач расследования, что и

предопределяет их приоритетное положение в системе субъектов ТКО. Более того, применение средств ТКО в конкретных областях деятельности может иметь свою специфику. А сложность современных технических средств и методов требующих навыков работы с ними могут не только затруднить их использование на практике лицами, не имеющими соответствующей подготовки, но и по своему правовому статусу не обладающими для этого соответствующими полномочиями. Что может не только не обеспечить качество выполнения конкретной задачи, но и изменить правовой статус доказательств, вплоть до полной их утраты в том числе.

Так как функции предопределяют форму органов и деятельности субъектов, обеспечивающих расследование, в том числе, именно они составляют их сущность, отражённую для каждого из них в законе или иных подзаконных актах в зависимости от уровня, степени, меры и формы их участия в данном процессе. А в силу его системности на фундаментальном уровне, как и на целевом он предопределяет и системную субъектно-функциональную взаимообусловленность действий всех его участников, предопределяя эффективностью их функциональную взаимосвязь.

В основе одной из возможных форм организации ТКО находятся ТКСМ сформированные по их функционально-целевому назначению, которые можно представить как средства: обнаружения следов и иных объектов; фиксации; изъятия; предварительного исследования; судебно-экспертного исследования доказательств, то в зависимости от этого, можно представить и некоторые формы использования специальных знаний. Которые с точки зрения их законодательного закрепления могут быть как отражёнными в законе с определением порядка их использования, так и лишь указанными в нём, но не имеющими указаний на порядок их использования, а так же и не указанными вовсе. В этом случае за краткой формой изложения выступает содержание, указывающее на степень доказательности характера применения специальных знаний субъектами ТКО. На практике имеющих и иные формы их применения (оказание технической помощи, консультации, предварительные исследования и т.д.) отражающие необходимость наличия и иных, – непроцессуальных форм взаимодействий обеспечивающих уровень оперативности решений в процессе выполнения практических задач. В то же время, процессуально закреплёнными субъектами применения технико-криминалистических средств являются следователь, прокурор, суд, работники дознания, специалист, эксперт.

Тем не менее, с точки зрения современного уровня ТКО не следует в равной мере соотносить возможности всех субъектов применения технико-криминалистических средств, которыми выступают сотрудники оперативных подразделений, лица, производящие дознание, следователь, прокурор, суд, специалист, эксперт, с понятием «специалист» в его истинном значении. Так как в нашем понимании, не каждый из них обладает специальными знаниями, в подлинном смысле этого слова, а лишь обладает правом применять технические средства в определенных случаях и в пределах своих полномочий и умений.

Таким образом, из вышеперечисленных субъектов, на наш взгляд, «специальными знаниями» обладают лишь только специалист и эксперт. Разделяя категории этого понятия, мы считаем, что субъектами ТКО как квалифицированной формы применения системы ТКСМ имеющей важное значение для разрешения различных категорий дел следует признавать лишь лиц – носителей специальных знаний, – специалистов и экспертов. А всех прочих лиц – лишь субъектами применения (применителями) технико-криминалистических средств.

Таким образом, специалист в целом – это лицо, обладающее специальными

знаниями в вышеуказанном их качестве (устойчивые знания, навыки, умения в области науки, техники, искусства, ремесла, не являющиеся общеизвестными и не относящиеся к профессиональным (юридическим) знаниям), не заинтересованное в исходе дела, оказывающее содействие в раскрытии и расследовании преступлений и использующий в этих целях весь арсенал ТКСМ системы ТКО и являющийся его субъектом. В составе экспертно-криминалистических подразделений обладающий системными криминалистическими знаниями. Каковым он выступает и в должности эксперта, но в силу отведённой законом ему роли, обеспечивающий на уровне специальных знаний, выполнение, в том числе и экспертных задач.

ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВМЕСТНЫХ РАССЛЕДОВАНИЙ ОРГАНАМИ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ СТРАН СНГ

Ю.А. Матвейчев

Могилев, Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь

Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (далее – Конвенция), заключенная странами-участницами СНГ в 2002 года, допускает создание совместных следственно-оперативных групп (ст.63). Проведенный нами опрос следователей и оперативных работников подразделений всех уровней (от районных до центральных аппаратов) показал, что никто из них участия в работе таких групп не принимал. Основной причиной такой ситуации является несовершенство правовой регламентации порядка создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп.

В странах-участницах Европейского союза институт совместных расследований является реально действующим. В соответствии со ст.13 Конвенции Европейского союза о взаимной правовой помощи по уголовным делам между странами-участницами по взаимному согласию компетентные органы двух или более государств могут организовать группу совместного расследования (joint investigation team). Здесь, начиная с 2005 года, постоянно проводятся встречи национальных экспертов по проблемам деятельности таких групп. В их итоговых документах отмечалось, что, как минимум, в 2005 году работали 3 такие группы, в 2006 году – 11, в 2007 – уже 35.

Представляется, что опыт Европейского союза в части проведения совместных расследований можно использовать в странах СНГ. Какая модель группы могла бы быть эффективной? Попытаемся обозначить свое видение основных принципов ее построения и на их основе сформулировать проект соответствующей нормы.

1. В состав совместной группы целесообразно допустить включение не только должностных лиц органов, компетентных проводить уголовное расследование, но и осуществлять оперативно-розыскные мероприятия.

2. В качестве основания создания группы может рассматриваться необходимость производства процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий на территории двух или более государств.

3. Группа создается совместным постановлением руководителей компетентных учреждений юстиции, должностные лица которых входят в ее состав. В постановлении указывается состав подгрупп от каждой из сторон и их руководители, один из которых назначается руководителем совместной группы расследования.

4. Руководитель совместной группы расследования принимает уголовное дело к своему производству, организует ее работу. Ему принадлежит исключительное право принятия основных решений по уголовному делу.

Руководитель подгруппы принимает решение о привлечении в качестве обвиняемого и избрании меры пресечения в отношении граждан своей страны, если они находятся на ее территории. По окончании расследования уголовное дело в отношении них выделяется в отдельное производство и направляется в суд государства гражданской принадлежности. Необходимость включения такого положения обусловлена тем, что в соответствии с п. «а» ч.1 ст.89 Конвенции выдача не производится, если лицо, выдача которого запрашивается, является гражданином запрашиваемого государства.

5. Следственные и иные процессуальные действия, оперативно-розыскные мероприятия осуществляются членами подгруппы той страны, на территории которой они проводятся.

6. Заинтересованные участники уголовного процесса должны быть ознакомлены с составом совместной группы расследования, изменениями в ее составе и им разъяснено право на отвод любого должностного лица из состава группы.

С учетом изложенного, предложим следующую редакцию ст.63 Конвенции:

«Статья 63

Совместные группы расследования.

1. В целях быстрого и всестороннего расследования уголовного дела, когда следственные и иные процессуальные действия, оперативно-розыскные мероприятия необходимо проводить на территории двух или более Договаривающихся Сторон, может быть создана совместная группа расследования.

2. Члены совместной группы расследования должны быть должностными лицами учреждений юстиции Договаривающихся Сторон, компетентными осуществлять расследование уголовных дел.

3. В случае необходимости производства по уголовному делу оперативно-розыскных мероприятий в совместную группу расследования могут быть включены должностные лица органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

4. Создание, изменение состава совместной группы расследования производится постановлением руководителей компетентных учреждений юстиции Договаривающихся Сторон, должностные лица которых входят в ее состав. В постановлении указывается состав подгрупп от каждой из Договаривающихся Сторон и их руководители, один из которых назначается руководителем совместной группы расследования.

5. Подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик, их представители должны быть ознакомлены с составом совместной группы расследования, изменениями в нем, и им разъясняется право на отвод любого должностного лица из состава группы. Ходатайства об отводе рассматриваются в соответствии с внутренним законодательством Договаривающейся Стороны, от которой включено в группу должностное лицо.

6. Руководитель совместной группы расследования принимает уголовное дело к своему производству, организует ее работу, руководит действиями членов группы, в соответствии с внутренним законодательством своей Договаривающейся Стороны принимает решения о соединении и выделении дел, прекращении производства по уголовному делу в целом или его части, приостановлении или возобновлении производства по уголовному делу, привлечении лица в качестве обвиняемого, решает вопросы о продлении срока расследования, взятии лица под стражу и продлении срока его содержания под стражей, направлении уголовного дела в суд за изъятиями, установленными частью 7 настоящей статьи.

7. Руководитель подгруппы от каждой из Договаривающихся Сторон организует работу и руководит действиями ее членов.

В соответствии с внутренним законодательством руководитель подгруппы от каждой из Договаривающихся Сторон принимает решения о привлечении в качестве обвиняемого, взятии под стражу и продлении срока содержания под стражей, прекращении уголовного преследования в отношении граждан своей Договаривающейся Стороны, находящихся на ее территории. По окончании предварительного расследования уголовное дело в отношении такого лица или группы лиц выделяется в отдельное производство и направляется для осуществления уголовного преследования в компетентное учреждение юстиции Договаривающейся Стороны, гражданами которой он или они являются, в порядке, предусмотренном статьей 92 настоящей Конвенции.

8. Следственные и иные процессуальные действия, оперативно-розыскные мероприятия осуществляются членами подгруппы той Договаривающейся Стороны, на территории которой они проводятся. Присутствие или участие в них членов подгруппы другой Договаривающейся Стороны допускается в порядке, определенном частью 3 статьи 8 настоящей Конвенции.

9. При производстве следственных и иных процессуальных действий, оперативно-розыскных мероприятий члены совместной группы расследования применяют законодательство своей Договаривающейся Стороны. Применение законодательства другой Договаривающейся Стороны допускается в порядке, определенном частью 1 статьи 8 настоящей Конвенции».

Предлагаемая норма может использоваться в качестве модельной при заключении иных двухсторонних и многосторонних договоров о правовой помощи по уголовным делам.

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИНТЕГРАЦИИ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

О.В. Мезинова

Елец, НОУ ВПО «Российский новый университет»

Распад Союза Советских Социалистических Республик оказался поворотным моментом в развитии всех выделившихся из его состава суверенных государств. Казалось, что решить накопившиеся в период совместного хозяйствования противоречия можно, не только избавившись от идеологического диктата, но и полностью разрушив существующую систему экономического и политического управления. В этой связи огромные надежды возлагались на Содружество Независимых Государств как новую форму объединения двенадцати бывших советских республик.

Однако по прошествии времени стало очевидно, что успехи в развитии всех суверенных государств на постсоветском пространстве гораздо скромнее ожидавшихся, а Содружество Независимых Государств, которое на первых порах воспринималось как способ сохранения единого прежде экономического пространства, отнюдь таковым не является.

Тяжелые последствия распада СССР отразились не только на экономике выделившихся стран, возникли значительные проблемы в национально-культурной сфере, обострились межэтнические противоречия, связанные с построением национальных государств. И это при условии имевшегося опыта мирного сосуществования этносов, веками проживавших на близких территориях.

Конечно, возникавшие конфликты были прямым следствием проводившейся в СССР национальной политики, подчиненной идеологическим догмам. Провозглашение «дружбы народов» сопровождалось репрессивными акциями по отношению к отдельным этносам, а насаждавшаяся замена религии коммунистической

идеологией зачастую провоцировала разрушение национальных традиций и национальных культур в целом. Естественно, что подобный опыт совместного проживания воспринимался негативно, и сепаратистские устремления национальных республик были детерминированы проводившейся в Советском Союзе политикой.

Подобное негативное отношение в момент распада СССР распространилось и на саму идею какой бы то ни было интеграции на постсоветском пространстве. Опыт Советского Союза воспринимался как историческое доказательство невозможности эффективного национально-культурного развития страны в рамках существования сверхдержавы.

Однако стоит учитывать, что Советский Союз не являлся единственным примером объединения разнородных в национальном и политическом отношении этнических сообществ. Более того, Советский Союз создавался на обломках Российской империи, представлявшей собой исторически сложившееся государственно-территориальное образование, занимавшее значительную часть Евразийского континента и отстаивавшее интересы входивших в его состав этносов на международной арене.

Российская империя создавалась постепенно, включая в свой состав граничащие с ней территории и оказывая на них значительное цивилизационное влияние. Причем присоединение территорий зачастую осуществлялось мирным путем. Таковыми были добровольное присоединение Левобережной Украины в середине XVII века; включение в состав Российской империи Грузии, выступившей с прошением о протекторате; вхождение в состав России части Казахских земель и др.

Включение в состав Российской империи новых территорий не означало уничтожение национальных традиций этносов, проживавших на этих территориях. Для национальных окраин существовало особое законодательство, не распространявшееся на великорусские губернии. Управление национальными территориями осуществлялось с учетом уровня их экономического и политического развития, которое было неоднородным. Так, в прибалтийских губерниях крепостное право было отменено на 40 с лишним лет раньше, чем в губерниях великорусских, а вошедшему в начале XIX века в состав Российской империи Царству Польскому Александром I была дарована Конституция.

Естественно, и уровень спаянности различных территорий и этносов в составе Российской империи был неодинаков. Более тесные связи объединяли представителей восточнославянских народов, имевших помимо общих этнических корней единую религию и ментальное сходство. Соответственно, можно говорить и о различных уровнях интеграции в условиях Российской империи: этническом, религиозном, экономическом, политическом.

Октябрьская революция 1917 года и провозглашенный в ее ходе лозунг большевиков о праве наций на самоопределение отчетливо продемонстрировал наличие этих уровней. Первыми воспользоваться предоставленным им правом решили народы, недавно вошедшие в состав империи и связанные с нею исключительно в политическом аспекте. В их числе – Финляндия, активно добивавшаяся самостоятельности еще до свержения монархии. Примечательно, что включение в состав СССР Карело-Финской ССР также было результатом военных действий, а сама союзная республика в состав СССР так и не интегрировалась. Данный пример показателен как иллюстрация несостоятельности объединения этнических сообществ без объективных, исторически сложившихся предпосылок.

Если говорить об истории возникновения Советского Союза, то и это образование складывалось в течение относительно длительного времени после распада Российской империи, когда были осознаны все преимущества объединения: экономические, геополитические, национально-культурные.

В этой связи, исходя из оценки имеющего исторического опыта и проявления современных политико-экономических тенденций, не без оснований можно утверждать, что интеграционные процессы будут нарастать и на постсоветском пространстве. В данном случае также могут проследиваться несколько уровней интеграции. На настоящий момент локомотивом интеграционных процессов в рамках Содружества Независимых государств выступают Российская Федерация и Республика Беларусь. Это вполне объяснимо, поскольку у названных государств наиболее оптимальные возможности объединения в силу этнического родства, общей истории, близости культурно-цивилизационных основ, множественности совпадений в сфере ментальности и национальной самоидентификации. Именно объединяющие процессы данных государств призваны создать ядро последующей интеграции других стран-участниц СНГ в более спаянное сообщество.

Кроме того, более тесное взаимодействие стран в рамках Содружества Независимых Государств должно осуществляться с учетом не только позитивного, но и негативного опыта объединения, с учетом тех издержек, которые привели в свое время к распаду и Российской империи, и Советского Союза. Необходимо избавляться от политики доминирования какого-либо государства в осуществлении глубоких партнерских отношений, идеологического диктата, «железного занавеса».

Только полный паритет и взаимный учет национальных интересов должен стать основой нового жизнеспособного интегрированного пространства, которое позволит усилить позиции каждой страны, входящей в его состав. Это усиление позиций объективно необходимо всем выделившимся из СССР суверенным государствам в целях сохранения и укрепления своего суверенитета, в том числе, конечно, оно необходимо и Российской Федерации.

Без развития интегративных процессов данное усиление оказывается практически невозможным, нивелируется способность преодолевать разъединяющие центробежные силы и возникающие национальные конфликты, строить экономически развитые и подлинно демократические государства. Интеграционные процессы, помимо того, отвечают вызовам времени и национальным запросам, стремлению государств и их народов к постоянному поступательному развитию во всех сферах общественной жизни.

О ТВОРЧЕСКОМ ПРАВОСОЗНАНИИ

О.П. Михайлова

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Категория «творчество» в настоящее время является одной из наиболее исследованных концептуальных научных единиц. Она достаточно широко применяется для анализа различных сфер человеческой деятельности: науки, искусства, педагогики. Однако данная категория крайне редко используется при изучении такого важнейшего социального феномена как правосознание. Сложившееся положение дел во многом можно объяснить широко распространенным мнением о том, что как правосознание, так и вся правовая деятельность в целом должна носить формально строгий характер, а творчество может применяться лишь в качестве некоторого вторичного вспомогательного средства.

На наш взгляд, указанная точка зрения неадекватно выражает саму метафизическую сущность правосознания. Подвергнув ее всесторонней критике, выдающийся русский мыслитель И.А. Ильин пришел к выводу о том, что важнейшей основой любого здорового правосознания является творческое состояние человеческой души. «Оно, – по его мнению, – принимает действующие законы не для

того, чтобы формально проводить их в жизнь, превращая правопорядок в мертвую бюрократическую работу, в сухое педантство, в явную несправедливость; но для того, чтобы оживлять отвлеченные формулы закона из той духовной глубины, где живет чувство права, человечность и любовь. Здоровое правосознание творит право не только тогда, когда изобретает новые, лучшие законы, но и тогда, когда применяет действующие законы к живым отношениям людей».

Отметим, что еще в Древнем Риме при сохраняющихся приоритетах чисто формальной стороны законодательства, существовало такое понимание сущности права, которое во многом аналогично пониманию И.А. Ильина. *Jus est ars boni et aequi* (Право – это искусство добра и справедливости) – этими словами в античные времена римляне выражали свое отношение к праву. Таким образом, творческое правосознание служит тем основополагающим механизмом, с помощью которого в правовой сфере достигается органически целостное единство феноменологической внешней формы и метафизической сущности правовых норм. По мнению российского ученого Б.А. Кистяковского, последние, хотя и во многом детерминируют внешнее поведение человека, «сами не являются чем-то внешним, так как они живут прежде всего в нашем сознании и являются такими же внутренними элементами нашего духа, как и этические нормы. Только будучи выраженными в статьях законов или примененными в жизни, они приобретают и внешнее существование».

Конечно, само понимание справедливости имеет ярко выраженный темпорально-этнический характер, то есть существенно отличается в рамках различных конкретно-исторических эпох существования народов. Вот почему в сфере правосознания творчество всегда носит ситуативный характер. В наиболее ярком виде в правоведческой практике данная ситуативность проявляется в процессе интерпретации таких юридических терминов, которые по самой своей сущности носят достаточно расплывчатый семантический характер (например, к ним можно отнести широко применяемый в трудовом законодательстве термин «дискриминация»).

Субъективность такого основания правосознания как справедливость во многом компенсируется влиянием другого основания, о котором говорил И.А. Ильин, – любви. Многие выдающиеся мыслители указывали на реальность закона любви, как основы жизни практически всех людей. Так, например, ирландский католический философ К.С. Льюис называл его «естественным законом человеческой природы». «Человек, – полагал он, – не может не подчиняться тем законам, которые он разделяет с другими телами и организмами. Но тот закон, который присущ только человеческой природе и который не распространяется на животных, растения или на неорганические тела, – такой закон человек может нарушить по своему выбору. Этот закон называли «естественным», потому что люди думают, что каждый человек знает его инстинктивно и поэтому никого не надо учить ему».

Отмеченное нами понимание закона любви позволяет рассматривать ее в качестве важнейшего объективного элемента социо-онтологического бытия личности. Конечно, в такой сфере человеческой жизнедеятельности как наука, творчество напрямую не зависит от деятельности данного закона. Ученый-физик, изучая, например, электромагнитное поле, не испытывает никакого чувства любви к этому полю. В художественном творчестве любовь к объектам данного творчества носит уже достаточно выраженный характер. Так, например, многие авторы литературных произведений не скрывали своей любви к героям этих произведений. В наибольшей же степени, на наш взгляд, данный характер должен проявляться в правовой сфере. Именно любовь, являясь одной из важнейших основ пра-

вового творчества, способна диалектически преодолеть ситуативную ограниченность последнего и придать ему универсально-номологический характер. Таким образом, творческое правосознание, во-первых, выходит за пределы чисто формально-логического понимания действующего законодательства, а, во-вторых, ограничивает субъективный произвол, волюнтаризм отдельных индивидов в интерпретации общих юридических положений.

Очевидно, что в эпоху стабильного развития социума творческий потенциал правосознания, как правило, используется в значительно меньшей степени по сравнению с периодами радикального изменения всех сфер общественной жизни. Для объяснения данного феномена необходимо вспомнить о том, что одним из способов практической актуализации творческого потенциала является инновационная деятельность человека. Возрастание уровня интенсивности этой деятельности в указанный период жизни общества является адекватной реакцией субъекта деятельности на внешние изменения объекта. Таким образом, реальная юридическая деятельность будет представлять собой суперпозицию объективных и субъективных векторов общественного развития. В том же случае, когда указанные вектора разнонаправлены, в социуме начинают широко распространяться нигилистические взгляды по отношению к юридической сфере человеческой жизнедеятельности в целом. При однонаправленности этих векторов, напротив, происходит не только внешнее укрепление правопорядка, но и позитивное изменение отношения к праву в целом.

В заключение необходимо отметить, что для конкретных субъектов правовой деятельности существуют свои специфические ограничения на творческое правосознание. Так, например, такие непосредственные участники судебных процессов как судьи, должны ограничивать рамки своего творчества, применением действующего законодательства к конкретной ситуации и к конкретным людям, но не создавать своих собственных законов. Еще древние римляне считали, что *Judicis est jus dicere, non dare* (Обязанность судьи исполнять закон, а не создавать его). Однако даже исполнение может носить творческий характер.

ОТДЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ВЗЫСКАНИИ РАСХОДОВ, ЗАТРАЧЕННЫХ ГОСУДАРСТВОМ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ГОСУДАРСТВЕННОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ

Е.А. Михасёва

Минск, Белорусский государственный университет

Уже более 5 лет в Республике Беларусь действует Декрет Президента Республики Беларусь от 24.11.2006 года №18 «О дополнительных мерах по государственной защите детей в неблагополучных семьях» (далее – Декрет №18), на основании которого была определена новая модель работы по защите детей, находящихся в социально опасном положении, а также создана действенная система обеспечения государственных интересов.

Декрет №18 и изданные в его развитие нормативные правовые акты закрепили эффективную систему гарантий выполнения родителями обязанности по возмещению расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении. Законодательство Республики Беларусь предусматривает несколько способов возврата государству расходов, затраченных им на содержание детей. Родителями предоставлено право возместить указанные

средства в добровольном порядке. В случае отказа от добровольной уплаты, расходы взыскиваются по судебному постановлению (в исковом, либо приказном производстве) или на основании исполнительной надписи нотариуса.

Если размер заработной платы и приравненных к ней в соответствии с Гражданским процессуальным кодексом Республики Беларусь (далее – ГПК) доходов обязанного лица, возмещающего расходы по содержанию детей в добровольном порядке, не позволяет ему в течение шести месяцев в полном объеме выполнять данные обязательства, взыскатель обязан обратиться в суд с заявлением о взыскании расходов с обязанного лица.

Ч.5 п.9 Декрета №18 устанавливает определенные критерии разграничения того, когда дела изучаемой категории будут рассматриваться в исковом производстве, а в каком случае будут подлежать разрешению в порядке приказного производства. В случае, когда обязанное лицо не работает, возмещение расходов по содержанию детей осуществляется в порядке приказного производства. Если же место жительства обязанного лица неизвестно, возмещение расходов по содержанию детей осуществляется в порядке искового производства.

Кроме того, Декрет №18 отдельно подчеркивает, что в порядке искового производства возмещение расходов по содержанию детей осуществляется также в случаях, предусмотренных ГПК (при рассмотрении исков о лишении родительских прав, об отобрании ребенка без лишения родительских прав), и в случаях, когда заявление о взыскании расходов по содержанию детей не подлежит рассмотрению в порядке приказного производства либо когда отсутствуют документы, необходимые для совершения исполнительной надписи нотариуса.

В соответствии с действующей редакцией п.13 ч.1 ст.394 ГПК в приказном производстве могут быть разрешены требования о взыскании расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, с лица, обязанного возмещать такие расходы, неработающего либо работающего, но не в полном объеме в течение шести месяцев возмещающего в добровольном порядке по его заявлению указанные расходы. В случаях, когда место жительства данного лица неизвестно, взыскание с него таких расходов осуществляется в порядке искового производства.

Следует отметить, что до внесения изменений в 2010 году данная норма имела частично иное содержание, и в целях упрощения процедуры взыскания расходов, обеспечения оперативности вынесения судебных постановлений и возврата государству затраченных средств дела о взыскании расходов на содержание детей при неизвестности места жительства обязанного лица рассматривались в приказном производстве. Такой подход не принес ожидаемого результата, так как, не выяснив, где находятся само обязанное лицо, обеспечить реальное исполнение вынесенных постановлений было практически невозможно.

С нашей точки зрения, внесенные изменения позволят увеличить качество и усилить эффективность рассмотрения и разрешения дел изучаемой категории. К примеру, в процессе розыскных мероприятий может быть выяснено, что обязанного лица уже нет в живых, оно объявлено умершим, безвестно отсутствующим либо признано недееспособным, у него имеется заболевание, при котором родители не могут выполнять родительские обязанности и т.д. Это предопределяет окончание процесса без вынесения решения (путем вынесения определения о прекращении производства по делу либо оставлении заявления без рассмотрения), что в свою очередь сократит количество решений, которые объективно не могут быть исполнены.

Представляется, что в ближайшее время сократиться количество судебных

дел о взыскании расходов на содержание детей, рассматриваемых в приказном производстве. Произойдет это в связи с тем, что 20.11.2011 года вступил в силу Указ Президента Республики Беларусь от 11.08.2011 года №366 «О некоторых вопросах нотариальной деятельности» (далее – Указ №366). Документом расширен перечень оснований, по которым задолженности по денежным обязательствам можно будет взыскать посредством совершения нотариусом исполнительной надписи.

Новеллы Указа №366 сохранили действие принципа диспозитивности, установленного ст.18 ГПК, в части предоставления права выбора вида судопроизводства взыскателю, однако определили обязательный внесудебный порядок по целому ряду оснований, в том числе о взыскании расходов на содержание детей.

В соответствии с абз.19 ч.1 п.1 Указа №366 нотариусы с соблюдением порядка и условий, предусмотренных законодательными актами, совершают исполнительные надписи о взыскании с работающих обязанных лиц расходов, затраченных государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, в случае уклонения указанных лиц от возмещения данных расходов.

Примечательно, что в соответствии с п.2 Указа №366 требования, предусмотренные в ч.1 п.1 Указа, не подлежат рассмотрению в общих судах в порядке приказного производства. Следовательно, в случае обращения взыскателей в суд с требованиями о взыскании расходов на содержание детей с работающих обязанных лиц, но уклоняющихся от их возмещения, в приказном производстве после 20.11.2011 года, судья обязан вынести определение об отказе в принятии заявления о возбуждении приказного производства с разъяснением досудебного порядка взыскания расходов посредством совершения нотариусом исполнительной надписи.

Учитывая неполное совпадение оснований взыскания расходов на содержание детей, закрепленные в ст.394 ГПК и п.1 Указа №366, при отсутствии уклонения обязанного лица от возмещения расходов, данные средства могут быть взысканы в приказном производстве. В связи с этим считаем необходимым внести соответствующие изменения в ст.394 ГПК, приведя ее нормы в соответствие с положениями Указа №366.

В целом рассмотренные изменения следует оценивать как адекватные сущности изучаемой категории дел, позволяющие упростить и ускорить процесс взыскания расходов на содержание детей. Тем не менее, считаем необходимым исключить из ст.398 ГПК положение, закрепленное в ч.9 и предусматривающее обязанность суда направлять определение о судебном приказе о взыскании расходов на содержание детей, в котором решены вопросы трудоустройства должника, в течение трех рабочих дней после его вынесения в органы внутренних дел и органы по труду и социальной защите, которое является неверным, так как такое определение может быть отменено, если от должника в течение десяти дней со дня получения копии определения поступят возражения против заявленного требования.

Полагаем, что в настоящее время приказное производство для рассмотрения и разрешения дел о взыскании расходов на содержание детей должно использоваться с учетом:

- 1) изъятия положений гл.31 ГПК, касающихся рассмотрения и разрешения таких дел при неизвестности места жительства обязанного лица, так как в настоящее время взыскание в приказном производстве сумм расходов с обязанных лиц, место жительства которых неизвестно, недопустимо;

- 2) требований Указа №366 об обязательном внесудебном порядке взыскания расходов на содержание детей в случае уклонения работающего обязанного лица от их уплаты.

СВОЙСТВЕННИКИ КАК СУБЪЕКТЫ СВИДЕТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

О.Л. Мороз

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Гражданские процессуальные кодексы БССР, РСФСР 1964 года не упоминали о праве каких-либо лиц отказаться от дачи показаний. По мнению ряда авторов это являлось отражением доминирующих в тот период воззрений относительно основополагающих принципов судопроизводства, в частности, принципа объективной истины, в соответствии с которым суд был обязан, не ограничиваясь представленными материалами и объяснениями, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного выяснения действительных обстоятельств дела. Считалось, что введение в закон норм, предусматривающих освобождение от обязанности свидетельствовать родственников сторон и других лиц, нецелесообразно, поскольку это может затруднить установление объективной истины по делу.

Институт свидетельского иммунитета в национальном законодательстве был возрожден в 1994 году с принятием Конституции Республики Беларусь, правовая основа которого заложена в ст.27 Конституции и конкретизировано это право в ст.94 ГПК Республики Беларусь. В соответствии с указанной нормой Конституции «никто не должен принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников». Прежде всего, это право связано с возможностью отказаться от самообвинения.

Что касается близких родственников и членов семьи, то в силу родственных отношений они заинтересованы в исходе дела. С одной стороны, свидетель осознает обязанность говорить правду, а с другой, в силу родства, желает помочь близкому человеку, дать выгодные для него показания. Давление на родственников угрозой привлечения к уголовной ответственности за невыполнение ими обязанностей свидетеля вело бы к нарушению общечеловеческих принципов морали, распаду семьи, разрушению родственных отношений.

Как уже было отмечено выше в основе освобождения от свидетельства лежит принцип свободы от самообвинения из соображений этического характера. Но этим ограничиваться не следует. Такая ситуация возможна, но не типична для гражданского судопроизводства, направленного прежде всего на защиту имущественных, а также некоторых неимущественных прав и законных интересов граждан. Следовательно, свидетельский иммунитет должен распространяться на все сведения, которые могут принести имущественный вред свидетелю или его близким родственникам, а также повлечь уголовную ответственность для названных лиц.

Таким образом, необходимость существования в законодательстве института свидетельского иммунитета обусловлена его социальной значимостью, проявляющейся в предоставлении гражданину гарантий защиты его права на неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, в укреплении нравственных основ правосудия. Положение о свидетельском иммунитете имеет и важное прикладное значение, поскольку связано с проблемой предупреждения лжесвидетельства.

Свидетельский иммунитет родственников широко распространен в законодательстве зарубежных стран. Так, согласно Закону о доказательствах 1968 года, в гражданском судопроизводстве Англии считается недопустимым обязывать свидетеля сообщать информацию, если она создает опасность уголовного преследования или возобновления отбытия наказания. Названный закон предоставил при-

вилегию супругу лица, выступающего в качестве свидетеля. Муж имеет право протестовать против вопроса, если честный ответ нанесет вред его жене.

ГПК Болгарии относит к субъектам свидетельского иммунитета родственников по прямой линии, братьев, сестер, супруга стороны. Венгерское законодательство распространяет указанное право на родственников по прямой восходящей или нисходящей линии, его (ее) брата и сестру, супруга брата или сестры. В Румынии освобождены от свидетельства родственники стороны до третьей степени родства, включая разведенного супруга. В бракоразводных процессах и процессах, касающихся гражданского состояния, можно заслушивать родственников и близких сторон, за исключением детей разводящихся супругов.

Немецкое законодательство предусматривает право свидетеля отказаться от дачи свидетельских показаний по двум основаниям: по личным причинам и по предметным причинам. В первом случае свидетель вправе не давать показания по личным причинам, если он имеет родственные связи с одной из сторон, либо ему в силу служебного или профессионального положения были доверены факты, которые требуют сохранения тайны, а также в некоторых других случаях, предусмотренных §383 ГПК ФРГ. По предметным причинам свидетель может отказаться от дачи свидетельских показаний, например, по вопросам, ответы на которые могут привести к прямому правовому ущербу, обесчестить или создать угрозу преследования для свидетеля, его родственников или близких, а также в других случаях, предусмотренных §384 ГПК ФРГ.

Как было указано ранее, право отказа от дачи свидетельских показаний в случаях, предусмотренных ст.94 ГПК Республики Беларусь предоставлено с целью сохранения родственных и семейных отношений.

Однако, необходимо отметить, что человеческие отношения весьма многообразны. Как правило, не только между супругами, близкими родственниками, но и свойственниками имеется особая моральная и материальная общность, отмечается стремление оказывать содействие друг другу в удовлетворении материальных и нематериальных потребностей. Следует согласиться с Д.И. Мейером, который полагал, что «брак производит сближение не только между супругами, но и между их родственниками...».

Еще в римских Дигестах императора Юстиниана, составленных в 533 году н.э., титул №2 книги №22 запрещал принудительный вызов для свидетельствования против тестя, зятя, отчима, пасынка, двоюродного брата, двоюродной сестры, двоюродного племянника и тех, кто находится в более близкой степени родства или свойства.

И в наше время отношения родства, супружества и свойства во многом определяют этически допустимые способы реализации задач правосудия. Таким образом, исходя из этических и нравственных соображений, полагаем, что к числу лиц, в отношении которых можно отказаться от дачи показаний необходимо отнести свойственников (т.е. близких родственников одного из супругов). Причем полагаем, что свидетельский иммунитет должен действовать и в «обратном направлении»: близким родственникам супруга (супруги) также должно быть предоставлено право отказаться от дачи показаний против невестки (зятя).

На основании вышеизложенного предлагается внести изменения в ст.94 ГПК Республики Беларусь и изложить ее в следующей редакции:

Статья 94. Право свидетеля отказаться от дачи показаний:

«Свидетель вправе отказаться от дачи показаний против самого себя, членов своей семьи, близких родственников, свойственников, супруга (супруги)».

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ

*О.В. Морозова, А.А. Бочков
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Эффективность любого явления заключается в достижении каких-либо результатов с минимально возможными издержками. Большинство авторов, исходя из понимания права как средства воздействия на общественные отношения, считают, что эффективность правовой нормы определяется степенью достижения целей, поставленных перед правовым регулированием.

Таким образом, понятие эффективности нормативного правового акта (далее – НПА) может быть определено как соотношение между фактическим результатом его действия и теми целями, для достижения которых этот НПА был принят. Следовательно, без выявления этих целей оценить эффективность НПА невозможно.

Установление целей правовых норм не представляет каких-либо сложностей лишь тогда, когда они непосредственно указываются в самих нормативных актах. Такие указания могут включаться в преамбулу нормативного акта, в его вводные статьи, в текст постановления об утверждении данного НПА. В одних случаях цель называется прямо, в других – косвенно (например, путем указания на причины, послужившие поводом к изданию акта).

В тексте многих нормативных правовых актов цели их принятия не оговариваются. Это объясняется разными причинами: очевидностью цели, множественностью целей, отсутствием каких-либо обязательных требований, связанных с техникой оформления нормативных актов, и т.д. Тем не менее и в таких случаях официальные указания на цели издания НПА обычно можно обнаружить, анализируя справки и объяснительные записки тех органов, по инициативе или предложению которых обсуждались его проекты.

Задачи, связанные с определением эффективности конкретных нормативных правовых актов, безусловно, предполагают выявление и анализ целей издания соответствующих нормативных актов независимо от того, выражены они в официальной форме или нет. В свете изложенного приобретает значение проблема упорядочения обязательной официальной фиксации целей правовых норм.

В Республике Беларусь данная проблема отчасти разрешается посредством норм ст.50 Закона «О нормативных правовых актах Республики Беларусь», регламентирующей порядок внесения проекта НПА в нормотворческий орган (должностному лицу). Так, к проекту нормативного правового акта по общему правилу прилагается обоснование необходимости его принятия (издания), которое должно содержать информацию о целях подготовки проекта.

В 2006 году Национальным центром законопроектной деятельности при Президенте Республики Беларусь (реорганизован в 2007 году в Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь) разработаны и утверждены Методические рекомендации по подготовке обоснований необходимости принятия законов Республики Беларусь и прогнозированию последствий их принятия. Согласно п.п.2,3 методических рекомендаций обоснование к проекту закона представляет собой документ, подтверждающий необходимость и приоритетность подготовки проектов законов Республики Беларусь и направленный на повышение качества подготавливаемых проектов законов посредством прогнозирования возможных последствий их принятия. В обоснование также включается информация о правовых, социальных, экономических и иных предпосылках принятия закона.

Указом Президента Республики Беларусь от 11 августа 2003 года №359 «О

мерах по совершенствованию нормотворческой деятельности» утверждены Правила подготовки проектов нормативных правовых актов. Согласно п.п.24,26,62 названных Правил для подготовки проекта акта следует уяснить цель его принятия (издания). В начале подготовки проекта акта может разрабатываться его концепция на основе целей подготовки проекта акта. Проект акта может иметь преамбулу, содержащую информацию о причинах, условиях и целях его принятия (издания).

Таким образом, позиция законодателя в настоящее время заключается в том, что определение целей нормативного правового акта обязательно при его подготовке, однако в самом тексте НПА эти цели могут не указываться.

Необходимо учитывать, что те цели, которые непосредственно даны в нормативных актах или обоснованиях к ним, зачастую чрезмерно широки или, наоборот, неполны, т.е. непригодны для того, чтобы служить критерием оценки эффективности конкретных правовых норм. Следовательно, даже если НПА более или менее подробно говорит о целях принимаемых норм и институтов, выявление этих целей, установление их связей и соподчинения требуют теоретической работы, телеологического анализа.

Правотворчество преследует различные цели, которые могут быть классифицированы по различным основаниям. Одной из наиболее распространенных классификаций является деление целей на юридические и материальные.

Юридическая (формальная) цель правотворчества состоит в неуклонном претворении в жизнь принимаемых правовых актов. Исходя из этого, юридический критерий эффективности нормативного правового акта можно определить как степень реализации данного НПА, т.е. соблюдения и исполнения субъектами правоотношений зафиксированных в нем норм права. Собственно юридическая эффективность НПА зависит от его юридико-технических характеристик, упорядоченности законодательства, уровня правовой культуры общества и др.

Необходимо иметь в виду, что укрепление законности, обеспечение высокого технического уровня законодательства и т.п. – не самоцель права, а средство достижения иных целей, которые носят материальный характер и касаются общественных отношений за пределами правовой области. Материальные цели могут носить социальный, политический, экономический, идеологический характер и позволяют выделить соответствующие критерии эффективности нормативных правовых актов.

Основным, на наш взгляд, критерием эффективности НПА является социальный критерий, поскольку правотворчество призвано, непосредственно либо опосредованно, выражать волю народа и его интересы. Любой НПА направлен на урегулирование общественных отношений, их упорядочение и придание им статуса «правоотношений». Социальная значимость тех отношений, которые регулируются нормативным правовым актом, характеризует его сущность и оказывает влияние на его эффективность. Необходимо обеспечить подготовку и принятие таких НПА, которые были бы научно обоснованы и соответствовали бы целям развития законодательства на основе отражения объективных потребностей общества. При этом социальные цели, которые преследует государство при конструировании конкретной правовой нормы, могут в значительной степени отличаться от целей и интересов отдельных субъектов (граждан, организаций, социальных групп, коллективов). Обе эти цели совпадают лишь в идеальном случае. Вместе с тем, наибольшая эффективность реализации правовой нормы достигается при совпадении целей отдельной личности и общества, сочетании общечеловеческих и социально-групповых интересов в условиях стабильности общественных

отношений. Таким образом, социальный критерий эффективности нормативного правового акта демонстрирует, в первую очередь, сбалансированность индивидуальных, групповых, общественных и государственных интересов.

Политический критерий эффективности НПА показывает, насколько полно и глубоко в нем отражаются политические аспекты развития общества, насколько точно нацелены содержащиеся в нем нормы на реализацию конституционных принципов, обеспечение политической стабильности в государстве, развитие правовой государственности и гражданского общества. Главной политической предпосылкой эффективности и одновременно целью нормативных правовых актов является отсутствие в обществе межнациональных, религиозных, политических и иных противоречий, моральное и социально-политическое единство общества, воля и интересы которого находят адекватное выражение в нормах права и практике их применения.

Экономический критерий эффективности нормативного правового акта (в юридической литературе также используется термин «экономичность») является наиболее объективированной, наглядной его характеристикой. Экономичность НПА определяется соотношением двух величин – экономической ценности полученного результата и величины произведенных в связи с изданием и реализацией НПА затрат. Указанное соотношение не всегда может быть «расчетным», поскольку полученный результат и произведенные затраты не могут быть выражены в сопоставимых единицах (например, при попытке соотнесения с денежными затратами таких социальных ценностей, как охрана жизни и здоровья граждан). Вместе с тем, экономичность НПА может быть рассчитана, когда его нормы прямо или косвенно предусматривают сокращение каких-либо расходов. Так, Концепция совершенствования системы мер уголовной ответственности и порядка их исполнения, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 23.12.2010 года №672, содержит рекомендации по назначению уголовных наказаний, в том числе с учетом экономической эффективности их применения. По данным Генеральной прокуратуры Республики Беларусь в ходе реализации названной Концепции количество осужденных к лишению свободы в стране к концу первого полугодия 2011 года составило 6702 человека, что на 1682 человека меньше по сравнению с аналогичным показателем 2010 года. Применение данного вида наказания в отношении 1682 осужденных даже на минимальный срок – шесть месяцев – повлекло бы затраты в размере 4 348 642 800 рублей из расчета, что содержание одного осужденного в месяц обходилось в 430 900 рублей. Вместе с тем, данная величина не является абсолютным показателем экономичности Концепции, поскольку не учитывает количество затраченных на всех стадиях правового регулирования материальных средств, человеческой энергии, времени, а также иных показателей.

Идеологический критерий эффективности нормативного правового акта характеризует его воспитательное, идеологическое воздействие, направленное на формирование правового сознания. Поэтому эффективность действия НПА в данном разрезе выражается не только поведенческими показателями, но и показателями, характеризующими правосознание. Идеологическое воздействие права начинается с момента издания нормативных правовых актов. Предписания норм права оказывают влияние на сознание личности, на ее интересы, мотивы, цели, волю – т.е. весь механизм социально-психологической регуляции. Это воздействие способствует формированию определенных социальных установок, ценностных ориентации, направленности личности, объективируясь в конечном счете в ее поведении, деятельности. Примером НПА, содержащих эффективные идео-

логические установки, могут служить декреты первых лет Советской власти («О мире», «О земле» и др.). Их издание не могло мгновенно изменить объективную действительность, они не могли быть реализованы сразу и полностью. Вместе с тем, в них был «намечен путь», политическая установка новой власти, что сыграло большую роль для пропаганды, идеологического воспитания и последующего государственного строительства. Следовательно, учет пропагандистских, идеологических целей нормативных правовых актов также позволяет оценить их действительную эффективность.

В заключение отметим, что наибольшая эффективность НПА достигается, когда все его цели – и ближайшие, и отдаленные – достигнуты с минимальным ущербом для общества, наименьшими экономическими затратами, в оптимальные сроки.

Предложенный в настоящей работе перечень критериев эффективности НПА не является исчерпывающим, поскольку ее определение представляет собой сложный, многогранный процесс. Строгий «подсчет» результатов действия НПА не всегда возможен, так как регулируемые общественные отношения не всегда подлежат количественной оценке; эффективность НПА не равна простой совокупности эффективности отдельных его норм; зачастую не представляется возможным установить, являются ли происходящие с предметом правового регулирования изменения результатом действия именно права, а не каких-либо иных факторов. Таким образом, вопросы эффективности нормативных правовых актов нуждаются, безусловно, в дальнейшем исследовании.

ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УПК РОССИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н.Е. Муллахметова

Смоленск, НОУ ВПО «Смоленский гуманитарный университет»

Проблемы возмещения вреда, причинённого преступлением, остаются актуальными для юридической науки уже много лет, и это вполне объяснимо. Так, В 2010 году в России ущерб от преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) составил 262,26 млрд. руб., а в январе-октябре 2011 года – 188,29 млрд. руб. Причём две трети ущерба (63,0%) приходится на преступления, зарегистрированные в центрах субъектов Российской Федерации. И это только верхняя, видимая часть айсберга, ведь по-прежнему актуальна проблема латентности преступлений.

Ст.52 Конституции РФ гарантирует потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причинённого ущерба. В ст.60 Конституции Республики Беларусь закреплено, что с целью защиты прав, свобод, чести и достоинства граждане в соответствии с законом вправе взыскать в судебном порядке как имущественный вред, так и материальное возмещение морального вреда.

В настоящей статье мы рассмотрим в сравнительном контексте положения УПК России и Республики Беларусь о гражданском иске в уголовном процессе.

Начнём с того, что законодатели названных стран по-разному подходят к кругу лиц, которых можно признавать потерпевшими. По ст.42 УПК РФ потерпевшими могут быть физические и юридические лица. Согласно ст.49 УПК Республики Беларусь (далее – УПК Республики Беларусь) потерпевшим признается лишь физическое лицо, которому предусмотренным уголовным законом общественно опасным деянием причинен физический, имущественный или моральный вред и в отношении которого орган, ведущий уголовный процесс, вынес постановление (определение) о признании его потерпевшим. По УПК Республики Бе-

ларусь юридические лица могут приобретать статус только гражданского истца (или ответчика), как было предусмотрено в ранее действовавшем российском УПК. Причём согласно ч.3 ст.52 УПК Республики Беларусь допускается прекращение участия лица в качестве гражданского истца на основании мотивированного постановления, если будет установлено, что исковое заявление подано ненадлежащим лицом, либо по иным причинам отсутствуют основания для его пребывания в положении гражданского истца. В УПК РФ не закреплён аналогичный порядок для прекращения статуса потерпевшего или гражданского истца, хотя в п.4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 года №17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» разъясняется, что «когда по поступившему в суд уголовному делу будет установлено, что лицо признано потерпевшим без достаточных к тому оснований, предусмотренных статьёй 42 УПК РФ, суд выносит постановление (определение) о том, что такое лицо ошибочно признано потерпевшим по данному делу, и разъясняет ему право на обжалование принятого судом решения в кассационном (апелляционном) порядке».

В отличие от УПК РФ, нормы о гражданском иске в УПК Республики Беларусь объединены в отдельную главу (гл.17 УПК). Отметим, что УПК РФ в ст.44 не предполагает возможность заявления гражданского иска и не определяет механизм его разрешения, если вред причинён лицом, в отношении которого суд применяет принудительные меры медицинского характера (в ст.442 УПК РФ вопрос о гражданском иске не указан). Но в п.2 названного выше ППВС РФ №17 применительно к определению потерпевшего отмечается, что вред потерпевшему может быть причинён как преступлением, так и запрещённым уголовным законом деянием, совершённым лицом в состоянии невменяемости. Белорусский законодатель урегулировал данный вопрос в ч.1 ст.149 УПК: гражданский иск может быть заявлен физическим или юридическим лицом, понесшим вред от преступления или предусмотренного уголовным законом общественно опасного деяния невменяемого.

Согласно ч.2 ст.52 УПК Республики Беларусь, если в момент подачи лицом искового заявления достаточные основания для признания его гражданским истцом отсутствуют, указанное решение принимается немедленно по установлению таких оснований. В УПК РФ момент признания лица гражданским истцом не уточняется. Однако Государственная Дума РФ в первом чтении рассмотрела законопроект о внесении изменений в УПК РФ, в соответствии с которым предлагается принимать решение о признании лица гражданским истцом не позднее 10 суток со дня предъявления гражданского иска.

Обратим внимание ещё на одно значимое положение, касающееся института гражданского иска. В УПК Республики Беларусь закреплено право суда по собственной инициативе разрешить вопрос о возмещении вреда, причинённого преступлением, если гражданский иск остался непредъявленным, а также принимать меры по обеспечению иска (ч.8 ст.149, ч.2 ст.156 УПК Республики Беларусь). Аналогичных норм в УПК РФ не предусмотрено, хотя в ранее действовавшем УПК РСФСР они были закреплены (ч.4 ст.29, ст.233 УПК РСФСР). Видимо, российский законодатель стремился подчеркнуть действие принципа состязательности, но указанное право суда, по нашему мнению, не противоречит данному принципу. В части решения вопроса о принятии мер по обеспечению иска можно провести аналогию с позицией, изложенной в Постановлении Конституционного Суда РФ от 22.03.2005 года №4-П относительно продления судом срока содержания под стражей по собственной инициативе. Конституционный Суд пояснил, что это не означает, что суд принимает на себя функции стороны обвинения, а связано

с необходимостью обеспечения условий дальнейшего производства по уголовному делу.

В УПК РФ и Республики Беларусь предусмотрено право гражданского истца отказаться от иска (п.11 ч.4 ст.44 УПК РФ и ст.154 УПК Республики Беларусь). Такое право может быть реализовано в любой момент производства по делу до удаления суда в совещательную комнату. Очевидно, что отказ от иска может быть обусловлен оказанием давления на гражданского истца, наличием угроз в его адрес, поэтому ч.5 ст.154 УПК Республики Беларусь содержит правило о том, что вынужденный отказ от иска не принимается. Обоснованным представляется мнение тех учёных, которые считают необходимым внести в УПК РФ положение, согласно которому органы, ведущие судопроизводство, не могут принять отказ от иска, если он противоречит закону либо приводит к нарушению чьих-либо прав и охраняемых законом интересов. Логично было бы предусмотреть также возможность признания иска гражданским ответчиком. В отличие от российского, белорусский законодатель включил в число прав гражданского ответчика право признать иск (п.19 ч.1 ст.55 УПК Республики Беларусь). Полагаем, что установление в УПК порядка и последствий признания гражданским ответчиком иска позволило бы снять некоторые вопросы, возникающие на практике. Так, согласно гл.40 УПК РФ может быть применён особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением. При этом закон не уточняет, означает ли согласие с обвинением также полное признание гражданского иска.

Таким образом, можно констатировать, что многие вопросы, связанные с институтом гражданского иска в уголовном процессе, в УПК Республики Беларусь урегулированы более чётко по сравнению с российским УПК.

ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ СОВМЕСТНЫХ МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛЕДСТВЕННО-ОПЕРАТИВНЫХ ГРУПП

В.А. Нечаева, Ж.А. Шилко

Могилев, Могилевский высший колледж МВД Республики Беларусь

Республика Беларусь как одно из государств-участников СНГ активно осуществляет региональные международные программы сотрудничества правоохранительных органов в борьбе с преступностью.

При расследовании преступлений собственные возможности правоохранительных органов ограничены границами государств, в то время как преступные организации распространяют свои связи далеко за их пределы. В таких условиях эффективная работа по уголовным делам о транснациональных преступлениях невозможна без оказания взаимной правовой помощи. Республика Беларусь является участником Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, подписанной странами СНГ в 2003 году в г.Кишиневе (далее – Конвенция).

В соответствии с положениями ст.63 Конвенции, в целях быстрого и всестороннего расследования преступлений, совершенных одним или несколькими лицами на территориях двух и более Договаривающихся Сторон либо затрагивающих их интересы, могут создаваться совместные следственно-оперативные группы. Ее члены непосредственно взаимодействуют между собой, согласовывают основные направления расследования, проведение следственных действий, розыскных или оперативно-розыскных мероприятий, обмениваются полученной информацией. Координацию их деятельности по согласованию осуществляет инициатор создания совместной следственно-оперативной группы либо один из ее членов. Следственные действия, розыскные или оперативно-розыскные мероприятия

осуществляются членами совместной следственно-оперативной группы той Договаривающейся Стороны, на территории которой они проводятся.

Следует отметить, что использование форм взаимодействия, предусмотренных ч.4 ст.63 Конвенции вполне возможно и без создания совместной следственно-оперативной группы. Иными словами, она не дает каких-то новых возможностей в сравнении с оказанием международной помощи в обычном порядке. По нашему мнению, подобная ситуация требует внесения изменений в ст.63 Конвенции, которые позволят повысить эффективность международного сотрудничества правоохранительных органов стран СНГ. И в этом отношении за положительным опытом можно обратиться к странам Европейского союза.

Ст.13 Конвенции Европейского союза о взаимной правовой помощи по уголовным делам между странами-участницами Европейского союза предусмотрено, что по взаимному согласию компетентные органы двух или более Сторон могут организовать группу совместного расследования для определенной цели и на ограниченный период, который может быть расширен, для проведения расследования в одном или нескольких государствах – Сторонах, организовавших группу. Состав группы определяется в соглашении. Группа совместного расследования может, в частности, быть организована, если:

- расследования уголовных преступлений, проводимые Стороной, требуют сложных и встречных расследований, требующих взаимодействия с другими Сторонами;

- несколько Сторон проводят расследования уголовных преступлений, в которых обстоятельства дела неизбежно влекут за собой координированные действия вовлеченных Сторон.

Просьба об организации группы совместного расследования может быть сделана любой заинтересованной Стороной. Группа организовывается в одном государстве – Стороне, в котором предполагается проведение расследования. Просьба об учреждении группы совместного расследования должна содержать предложения о составе группы.

Группа совместного расследования действует на территории учредивших ее государств в соответствии со следующими основными условиями:

- руководитель группы является представителем компетентного органа, участвующего в уголовном расследовании, государства – Стороны, в котором группа действует. Руководитель группы действует в рамках его компетенции согласно национальному законодательству;

- группа осуществляет операции в соответствии с законодательством Стороны, на территории которой она действует. Члены и второстепенные члены группы выполняют задания руководителя группы, принимая во внимание условия, установленные их собственными органами в соглашении об учреждении группы;

- Сторона, на территории которой действует группа, заключает необходимые организационные соглашения для проведения операций.

В составе группы выделяют «членов» (участников группы совместного расследования из государства – Стороны, на территории которого группа действует) и «второстепенных членов» (участников из других государств – Сторон).

Второстепенные члены группы совместного расследования вправе присутствовать при осуществлении следственных мер Стороной проведения операций. Руководитель группы может в соответствии с законодательством Стороны, на территории которой действует группа, принять иное решение.

Второстепенным членам группы совместного расследования в соответствии с законодательством Стороны, на территории которой проводятся операции, мо-

гут быть поручены руководителем группы задания по осуществлению некоторых следственных мер, если это одобрено компетентными органами Стороны проведения операции и второй Стороной.

Если группе совместного расследования требуется проводить следственные меры на территории одной из Сторон, учредившей группу, члены группы, направленные в группу этой Стороной, могут запросить свои компетентные органы о принятии таких мер. Эти меры считаются в этой Стороне подверженными условиям, которые применялись бы, если бы их принятие было затребовано в рамках внутреннего расследования.

Если группе требуется помощь Стороны, не являющейся ее учредителем, или помощь третьего государства, просьба о помощи может быть сделана компетентным органом государства проведения операции компетентному органу другого соответствующего государства в соответствии с применяемыми документами или договоренностями.

Второстепенный член группы совместного расследования может в соответствии с его национальным законодательством и в рамках его или ее компетенции, предоставлять группе информацию, доступную Стороне, направившей его или ее для уголовного расследования, проводимого группой.

Информация, законно полученная членом или второстепенным членом группы совместного расследования, которая не доступна компетентным органам соответствующей Стороны иным образом, может быть использована в следующих целях:

- в целях, для которых группа была учреждена;
- при наличии предварительного согласия Стороны, которой была получена информация, для раскрытия, расследования и судопроизводства других уголовных преступлений. В согласии может быть отказано только в случаях, если такое использование может создать угрозу уголовному расследованию в соответствующей Стороне или в отношении которого Сторона может отказать во взаимной помощи;
- для предотвращения чрезвычайных и серьезных угроз общественной безопасности и последующего инициирования уголовного расследования;
- в других целях в рамках договоренностей между Сторонами, учредившими группу.

Представляется, что аналогичная модель совместных расследований могла бы быть использована странами-участницами СНГ, для чего необходимо внести изменения в Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам.

ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНА И РОССИИ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Л.Н. Николаева

Смоленск, НОУ ВПО «Смоленский гуманитарный университет»

После распада Союза ССР в отношениях между бывшими союзными республиками присутствует не только стремление к суверенизации, но и в той или иной степени проявляются интеграционные процессы. Наиболее тесного межгосударственного сближения на постсоветском пространстве достигли Россия, Белоруссия и Казахстан. Отражением высокой степени российско-белорусско-казахстанской интеграции являются Таможенный союз, Единая таможенная территория, а с 1 января 2012 года стартовал важнейший интеграционный проект –

Единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана (ЕЭП).

Одним из главных событий 2010 года, несомненно, является создание Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России.

В соответствии с Договором от 06.10.2007 года «О создании единой таможенной территории и формировании Таможенного союза», в г.Минске 27 ноября 2009 года представителями Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации был подписан Договор о Таможенном кодексе Таможенного союза, устанавливающий единые правила таможенного регулирования в данных государствах.

Российской Федерацией Договор был ратифицирован федеральным законом от 02.06.2010 года №114-ФЗ и вступил в силу с 01 июля 2010 года.

5 июля 2010 года Президенты России, Казахстана и Белоруссии объявили о том, что в Таможенный союз вошли все три государства.

Следует отметить, что практическая реализация функционирования Таможенного союза была связана с рядом серьезных проблем и препятствий. Показательно, что соглашения о Таможенном союзе подписывались его участниками едва ли не трижды, прежде чем это объединение начало реально функционировать. В конечном счете, именно логика тесного, взаимовыгодного сотрудничества, понимание общности стратегических национальных интересов привели Россию, Белоруссию и Казахстан к формированию Таможенного союза.

Президент РФ Дмитрий Медведев, в одном из интервью, заявил, что в новейшей истории Российского государства ещё не приходилось решать задач, по своей масштабности сравнимых с созданием Таможенного союза. При этом он подчеркнул, что создание межгосударственных механизмов не является самоцелью, и их предназначение состоит в том, чтобы облегчить условия для ведения бизнеса.

Создание Таможенного союза означает: объединение государственных таможенных территорий в общую таможенную территорию; проведение согласованной таможенной политики и формирование единого таможенного права, действующего на территории всех государств-членов таможенного союза.

Правовые отношения, связанные с перемещением товаров через таможенную границу таможенного союза, регулируются в соответствии с таможенным законодательством таможенного союза, которое состоит из:

- 1) Таможенного кодекса таможенного союза (далее – ТК ТС);
- 2) международных договоров государств-членов таможенного союза, регулирующих таможенные правоотношения в таможенном союзе;
- 3) решений Комиссии таможенного союза, регулирующих таможенные правоотношения в таможенном союзе, принимаемых в соответствии с ТК ТС и международными договорами государств-членов таможенного союза (п.1 ст.3 ТК ТС).

Комиссия таможенного союза – единый постоянно действующий регулирующий орган таможенного союза, основной задачей которого является обеспечение условий функционирования и развития таможенного союза. Решением Межгоссовета ЕврАзЭС от 27.11.2009 года №15 установлено, что решения Комиссии таможенного союза, носящие обязательный характер, подлежат непосредственному применению в государствах-членах таможенного союза, то есть имеют прямое действие.

Таможенное регулирование в таможенном союзе осуществляется в соответствии с таможенным законодательством таможенного союза, а в части, не урегулированной таким законодательством, до установления соответствующих правоотношений на уровне таможенного законодательства таможенного союза, – в соответствии с законодательством государств-членов таможенного союза (п.2 ст.1

ТК ТС). Положения ТК ТС имеют преимущественную силу над иными положениями таможенного законодательства таможенного союза.

Однако следует отметить, что, несмотря на то, что интеграционные процессы в рамках правового поля Таможенного союза (далее – ТС) набирают обороты (общий Таможенный кодекс ТС; Единая таможенная территория, отмена контроля на внутренних границах между государствами-членами Таможенного союза, Единое экономическое пространство России, Беларуси и Казахстана), предстоит еще немало сделать в области гармонизации и унификации законодательства в сфере экономики и торговли с тем, чтобы термины «Единая таможенная территория», «Единое экономическое пространство» практически полностью отвечали своему содержанию.

Так, Счетная палата РФ (далее – СП) обращает внимание на несовершенство законодательства в рамках Таможенного союза, которое приводит к тому, что Россия оказывается в неравной ситуации. По итогам проверки Счетной палатой выяснилось, что в таможенном законодательстве имеется большое количество отсылочных норм к национальным законодательствам государств-членов Таможенного союза. Отсутствие единообразия в таможенном администрировании, по мнению главы комиссии по взаимодействию со СП Совета Федерации Сергея Иванова, отрицательно сказывается на деятельности хозяйствующих субъектов и создает негативное восприятие интеграционных процессов. В качестве примера сенатор указал на то, что из-за отсутствия четкого единого законодательства увеличивается объем поступлений товаров третьих стран в Казахстан с дальнейшим перемещением их на территорию России без доплаты таможенных пошлин. Отсутствие единой четкой законодательной базы затрудняет контроль ввоза на территорию России товаров, которые были выпущены в других государствах - членах Союза по ставкам, ниже ставок единого таможенного тарифа, и подлежащих таможенному декларированию с доплатой таможенных платежей при ввозе в РФ. С. Иванов высказался за доработку таможенного законодательства в направлении максимальной унификации и за уменьшение количества отсылок на законодательства стран, входящих в Таможенный союз.

После проведения сравнительного анализа таможенного оформления наиболее налогооблагаемых товаров в России и Казахстане (выявлена разница в уровне таможенной стоимости идентичных товаров, которая составляет в среднем 47%, а разница в таможенных платежах составляет миллиарды долларов), в Счетной палате пришли также к мнению, что необходимо как можно скорее провести унификацию законодательства в рамках Таможенного союза и установить четкие критерии в области таможенно-тарифной политики.

К числу приоритетных задач относится также упрощение таможенных операций и совершенствование таможенного контроля на территориях Особых экономических зон. В рамках ТС действует соглашение по ОЭЗ, но полной унификации законодательства в этой области пока нет.

Таможенные службы России, Белоруссии и Казахстана подготовили более 500 поправок в общий Таможенный кодекс «тройки». Эти изменения должны максимально упростить прохождение таможенных процедур и улучшить деловой климат. В настоящее время между ведомствами трех стран идут консультации по срокам внедрения новых правил. Об этом сообщил участникам международной конференции Ассоциации европейского бизнеса (Москва, 10.02.2012 года) глава Федеральной таможенной службы Андрей Бельянинов.

«Мало унифицировать ставки пошлин и нормы права, необходимо добиться, чтобы законодательство одинаково понималось и применялось во всех трех стра-

нах», – считает начальник Главного управления организации таможенного оформления и контроля ФТС РФ Дмитрий Некрасов. Для достижения этой цели огромное значение имеет Объединенная коллегия таможенных служб государств-членов Таможенного союза, которая начала свою работу несколько месяцев тому назад. Она будет играть ключевую роль при практическом переходе на единые принципы таможенного администрирования. Мониторинг применения таможенных процедур и правил, обсуждение общих решений, оперативное урегулирование проблем – все это входит в задачи этого совместного органа.

Завершающим звеном устойчивого интеграционного альянса, по мнению В.В. Путина, должно стать создание Евразийского экономического союза в форме политической надстройки, позволяющей консолидировать весь спектр постсоветских международных организаций и экономических структур. В перспективе декларируется возможность установления новым объединением режима свободной торговли с ЕС и заключения соответствующих соглашений со странами АТР (объединением ШОС, Китаем, участниками зоны АСЕАН+).

СООТНОШЕНИЕ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО И КОММЕРЧЕСКОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА

Д.Н. Николичев
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Управление, как деятельность связанная с организацией имущественного интереса участников гражданского оборота по реализации товара, выполнении работ, оказании услуг на современном этапе приобретает актуальное значение. Как показывает современная практика, управленческие процессы осуществляют профессиональные участники гражданского оборота. Такие лица действуют в имущественном интересе собственника или лиц представляемых на основании определенного объема полномочий. Анализ материального содержания и правовой характеристики коммерческого и управленческого представительства, позволит установить их сходство и различие, а так же возможность взаимодополнения в правовом регулировании.

Коммерческое и управленческое представительство:

- являются видами представительства, в основании которого лежит договорное обязательственное отношение представительского типа;
- нормы как управленческого, так и коммерческого представительства по своему юридическому назначению носят общий характер и применимы к частным случаям представительства в определенных социально-экономических отношениях;
- так же объединяет две юридические модели и профессиональная направленность деятельности лиц осуществляющих функции представителя;
- по характеру правовых связей отношения носят долговременный характер.

Противоположные признаки в исследуемых отношениях связаны в основном с теми фактами и правовым обеспечением, которые указывают на видовую особенность соответствующего института. Исходя из ст.185 Гражданского Кодекса Республики Беларусь к отношениям коммерческого представительства законодательство предусматривает специальные требования к субъектному составу, характеру сделок совершаемых коммерческим представителем, объему прав и обязанностей представителя. Одновременно закрепляя общий характер норм коммерческого представительства, распространяя их действие на отдельные сферы предпринимательской деятельности.

Управленческому представительству присущи свои признаки, позволяющими выделить его из отношений представительского типа, в том числе коммерческого:

- наличие в отношениях между представителем и представляемым области усмотрения, в осуществлении права и исполнении обязанностей, позволяющей управленческому представителю наряду с классической природой полномочий, (право на совершение конкретных сделок и юридических действий, определенных волей представляемого), совершать собственные действия, своей волей, по своему усмотрению, в имущественном интересе представляемого;

- производный характер отношений управленческого представительства от имущественных прав и обязанностей представляемого, в которых границы полномочий управленческого представительства определяются существом правомочий (прав и обязанностей) представляемого;

- отношения управленческого представительства обладают двойственной относительно-абсолютной природой, с одной стороны между представляемым и представителем имеют место договорные отношения (относительная природа), с другой стороны представитель обладает определенными правомочиями во внешнем обороте по отношению к неопределенному кругу лиц (абсолютная природа);

- целью отношений управленческого представительства является самостоятельная деятельность представителя направленная на осуществление функций управления (организация имущественного интереса представляемого), что юридически позволяет ему своей волей осуществлять правомочия владения, пользования и распоряжения имуществом (имущественными правами и обязанностями) представляемого, в т.ч. формировать отношения с третьими лицами.

Можно говорить, что отношение управленческого представительства это особая область отношений, предметом правового регулирования которой является, возможность представителя своей волей и самостоятельным решением, определять последовательность действий по осуществлению прав и исполнению обязанностей (осуществлять организационно-управленческие функции), а так же формировать отношения с третьими лицами (заключать договоры, совершать иные сделки), в интересах представляемого. Таким образом, управленческое представительство возможно определить как, представительство, предметом которого выступает формирование отношений волей представителя в интересах представляемого.

Несмотря на различия, в правовом обеспечении двух видов представительских отношений можно сделать определенный вывод о допустимости распространения действия правил управленческого представительства на отношения коммерческого представительства. Такое допущение возможно, при наличии ряда условий, которые не искажают существо коммерческого представительства, а дополняют или создают предпосылку для такого применения норм.

На наш взгляд определенные дополнения должны произойти в оформлении юридического содержания отношений коммерческого представительства. Последнее, касается прежде всего, объема полномочий коммерческого представителя, который необходимо подчинить правилу предусмотренному для управленческого представительства.

Существо изменений объема полномочий коммерческого представителя связано с закреплением за представителем возможности самостоятельно и своей волей осуществлять коммерческое представительство в определенной сфере деятельности по организации и управлению имущественным интересом представляемого. Речь идет о том, что полномочие коммерческого представителя выходят за формальные рамки полномочий определенных договором или доверенностью. В

тоже время ограничение находит место в указании на назначение представленных полномочий и цели коммерческого управления (поручения). Безусловно, изменение в объеме и существе полномочий коммерческого представителя, как существенное условие, придающее модификацию (дополнение) отношениям коммерческого представительства должно найти непосредственное отражение в соглашении участников коммерческого (управленческого) представительства.

Действующие нормы, (ст.185, 863 Гражданского Кодекса Республики Беларусь), о коммерческом представительстве косвенно допускают определенную свободу в действиях коммерческого представителя (право отступать в интересах доверителя от его указаний без предварительного запроса об этом), однако при совершении таких действий коммерческий представитель обязан в разумный срок уведомить представляемого (доверителя) о допущенных отступлениях.

При условии закрепления норм направленных на регулирование отношений управленческого представительства в гражданском праве, получает дополнительное развитие и правовое обеспечение ряд институтов представительского типа. Соответствующая связь проявляется в представительской деятельности коммерческого представителя, экспедитора, поверенного, которые от имени представляемых осуществляют организационно-управленческие полномочия в определенных сферах экономических отношений. Такое положение, возможно закрепить на нормативном уровне сформулировав правило следующего содержания: к отдельным видам отношений договорного представительства, применяются правила управленческого представительства, если договором или соглашением сторон не предусмотрено иное, а предмет соглашения позволяет определить назначение предоставленных представителю прав и цель управления.

РОЛЬ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО СОЗДАНИЮ И ИСПОЛЬЗОВАНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ФОРМИРОВАНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКИ

В.А. Никольский

*Москва, Московский государственный университет
экономики, статистики и информатики (МЭСИ)*

Затянувшийся период ориентации экономики России преимущественно на сырьевые ресурсы не способствует признанию России полноправной участницей международных экономических отношений. Давно назрела необходимость сместить акцент в сторону развития технического прогресса и наукоемких отраслей производства. Еще в своем послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 ноября 2009 года Д.А. Медведев в числе системных шагов по формированию инновационной экономики отметил необходимость формирования комфортной среды для осуществления в России исследований и разработок мирового уровня, что предполагает создание постоянно действующего механизма поддержки соответствующих специалистов, привлечение к работе в России наиболее авторитетных российских и зарубежных учёных, а также предпринимателей, имеющих опыт коммерциализации подготовленных разработок.

Следует отметить, что достижение намеченных целей сопряжено со стремлением России активно участвовать в мировых интеграционных процессах, включая вступление во Всемирную торговую организацию.

С учетом названных тенденций в последнее время в России можно наблюдать увеличение использования в гражданском обороте результатов интеллекту-

альной деятельности. Но ориентация на инновационную экономику предполагает значительное рост количества результатов интеллектуальной деятельности, а особенно в области важнейших инновационных процессов включая повышение энергоэффективности экономики. При этом необходимо наличие хорошо отлаженного и работающего механизма стимулирования создания результатов интеллектуальной деятельности, а также регулирования возникновения, осуществления и защиты прав на эти результаты.

В Российской Федерации в настоящее время основным стержневым элементом правового регулирования подобного механизма является Часть четвертая Гражданского кодекса РФ, которая, хоть и является большим шагом вперёд в области правового регулирования создания и использования результатов интеллектуальной деятельности, но всех проблем законодательного регулирования в данной области она не решила. Несомненным плюсом кодификации является объединение в одном нормативном правовом акте всего массива норм, связанных со сферой интеллектуальной собственности, и обеспечение внутренней согласованности этих норм. К недостаткам кодификации можно отнести наличие на фоне значимых новелл законодательного регулирования многих норм, заимствованных из ранее действовавшего законодательства. Кроме того, в связи с принятием части четвёртой Гражданского кодекса РФ немного изменений внесено в структуру общих положений части I Гражданского кодекса с целью закрепить специфику статики и динамики прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Таким образом, представляется обоснованным дальнейшее совершенствование законодательства в области правового регулирования результатов интеллектуальной деятельности в виде уточнения отдельных общих и специальных положений об интеллектуальных правах. При этом необходимо учитывать следующие специфические черты, характерные для области общественных отношений, связанной с созданием и использованием результатов интеллектуальной деятельности.

1-я черта. Научно-технический прогресс является следствием появления, с одной стороны, позитивных, а, с другой стороны, – негативных общественных отношений в сфере создания и использования результатов интеллектуальной деятельности. Результаты интеллектуальной деятельности имеют свою существенную специфику, заключающуюся в их нематериальной природе. Соответственно к декомпозиции прав правообладателя на результат интеллектуальной деятельности не применима классическая триада правомочий собственника, осуществляющего обычные имущественные права, поскольку, результат умственной деятельности может одновременно использоваться неограниченным числом лиц (причём без согласия автора и/или правообладателя). Данная особенность результатов интеллектуальной деятельности влечет простоту нарушения прав и законных интересов авторов и правообладателей, которая усугубляется развитием технического прогресса, в результате воздействия следующих факторов:

- экономической доступности и технологического совершенствования технических средств для воспроизведения результатов интеллектуальной деятельности, их копирования (размножения) и т.п.;
- наличия общественных отношений, в том числе связанных с использованием исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, которые в полной мере пока не урегулированы законодательством.
- наличия результатов интеллектуальной деятельности, возникновение прав на которые, а также их использование и защита не могут быть обеспечены в рамках имеющегося законодательства в сфере интеллектуальной собственности (так как данным результатам не предоставляется правовая охрана).

2-я черта. Основным критерием оценки эффективности правового регулирования в области интеллектуальной собственности следует признать соблюдение оптимального баланса интересов творческой личности, владельца исключительного права, общества и государства. Суть данного критерия состоит в том, что общество и государство (с помощью нормативно-правового регулирования) стимулируют авторов к созданию и раскрытию ими результатов своей умственной деятельности (обнародованию авторских произведений, патентованию изобретений и т.п.) путем предоставления им определенного набора интеллектуальных прав, а также гарантий возможности их осуществления.

В то же время, общество заинтересовано в более свободном использовании отдельных результатов интеллектуальной деятельности (в том числе для личного использования гражданами, а также для научных, образовательных и иных подобных целей), что предполагает наличие определённых ограничений на возникновение и осуществление исключительных прав авторами и/или владельцами этих прав (включая предоставление принудительных лицензий), а также возможность свободного использования третьими лицами чужих результатов интеллектуальной деятельности без соблюдения специальной процедуры возникновения исключительных прав на них.

Таким образом, законодатель постоянно должен балансировать на грани соблюдения общественных интересов по наличию и доступности результатов интеллектуальной деятельности, с одной стороны, и интересов лиц, творческим трудом которых создаются эти результаты, либо правообладателей, с другой стороны.

3-я черта. Результаты интеллектуальной деятельности могут становиться объектами правоотношений только тогда, когда в соответствии с конкретными предписаниями закона этим результатам придаётся определенная форма выражения, а также соблюдается определенная процедура, с которой закон связывает возникновение исключительных прав на указанные результаты.

В основном, для возникновения исключительных прав, достаточно наличие у результата интеллектуальной деятельности следующих признаков:

- 1) является продуктом умственной деятельности, созданным творческим трудом (отсутствие плагиата);
- 2) имеет объективную форму выражения;
- 3) данному результату в соответствии с действующим законодательством предоставляется правовая охрана.

В то же время в силу специфики отдельных результатов интеллектуальной деятельности (изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки и т.п.), возникновение прав на эти результаты контролируется государством и зависит от соблюдения определённых формальностей, представляющих собой процедуру признания государством исключительных прав на конкретный результат интеллектуальной деятельности. Роль такой процедуры исполняет государственная регистрация, которая предусмотрена законом в отношении отдельных результатов интеллектуальной деятельности.

Учитывая изложенное, все основания возникновения исключительных прав можно поделить на следующие основные группы в зависимости от необходимости совершения определенных регистрационных действий:

- 1) государственная регистрация результатов интеллектуальной деятельности для возникновения исключительных прав на них не требуется. В рамках данной группы исключительные права возникают непосредственно с момента создания и выражения в объективной форме результата интеллектуальной деятельности (соблюдение каких-либо формальностей не требуется).

2) государственная регистрация результатов интеллектуальной деятельности для возникновения исключительных прав на них необязательна и носит факультативный (формальный) характер. Лицо, обладающее исключительные права на данные результаты интеллектуальной деятельности, для дополнительной защиты этих прав вправе (но не обязано) зарегистрировать результат интеллектуальной деятельности.

3) государственная регистрация результатов интеллектуальной деятельности для возникновения исключительных прав на них обязательна.

РАЗГРАНИЧЕНИЕ СТАДИЙ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ ОТ ПОКУШЕНИЯ НА ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В.С. Ничипорук, Н.О. Пахотин

Брест, УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

В настоящее время остается спорным вопрос о критериях разграничения стадии приготовления к преступлению от покушения на совершение преступления. Правильное установление стадии совершения преступления имеет большое значение и влияет на квалификацию содеянного, выбор форм реализации уголовной ответственности и др. По этому поводу сложились различные точки зрения. Некоторые авторы считают, что разграничивать виды неоконченного преступления следует по объективной стороне. В данном случае критерием отграничения приготовления от покушения является начало выполнения объективной стороны преступления – объективный критерий. Другие же исследователи придерживаются той точки зрения что, помимо объективного критерия, имеет место и субъективный критерий.

Понятия стадий «приготовление к преступлению» и «покушение на преступление» содержится в Уголовном кодексе Республики Беларусь.

Так, согласно ст.13 Уголовного кодекса Республики Беларусь приготовлением к преступлению признается приискание или приспособление средств или орудий либо иное умышленное создание условий для совершения конкретного преступления.

В соответствии со ст.14 Уголовного кодекса Республики Беларусь покушением на преступление признаются умышленное действие или бездействие лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

В данных определениях приготовление к преступлению и покушение на преступление содержат только объективный критерий. Покушение отличается от приготовления характером совершенных деяний, а в преступлениях с материальным составом – и близостью наступления общественно опасных последствий. При покушении деяние непосредственно направлено на совершение преступления, а при приготовлении только создаются условия для совершения преступления. При покушении создается, как правило, непосредственная опасность причинения вреда объекту, ибо осуществляется деяние, которое само непосредственно может привести к окончанию преступления, в том числе и к наступлению последствий в материальных составах преступлений. При приготовлении же во всех случаях создается лишь опосредованная опасность, поскольку действия при приготовлении к преступлению никогда не могут сами по себе, без совершения иных действий, причинить вред объекту, привести к окончанию преступления и наступлению, в частности, общественно опасных последствий в преступлениях с материальным составом. В связи, с этим покушение по сравнению с пригото-

нием при прочих равных условиях имеет большую степень общественной опасности.

В уголовном законодательстве некоторых стран содержится понятие покушения и его видов при этом упор делается на объективный либо субъективный критерий. Так, в ч.2 ст.15 Уголовного кодекса Украины закреплено: «Покушение на совершение преступления является оконченным, если лицо выполнило все действия, которые считало необходимым для доведения преступления до конца».

Ст.11 Уголовного кодекса Республики Беларусь определяет понятие преступления, используя объективные и субъективные признаки, а именно наличие общественно опасного деяния, запрещенного под угрозой наказания, а также вины. Как было сказано выше, понятия стадий приготовления к преступлению и покушения на преступление закреплены в Уголовном кодексе Республики Беларусь. В данных понятиях отражён только объективный признак – наличие запрещенного уголовным законодательством общественно опасного деяния. Однако при разграничении стадий приготовления от покушения необходимо использовать как объективные, так и субъективные признаки, закрепленные в ст.11 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

При приготовлении лицо умышленно создает условия для совершения конкретного преступления и сознает, что своими действиями не выполняет объективную сторону преступления. Таковыми условиями могут быть приискание средств или орудий совершения преступления, приспособление средств или орудий либо иное умышленное создание условий для совершения конкретного преступления. При покушении лицо умышленно совершает деяние, непосредственно направленное на совершение преступления, и при этом сознает, что выполняет деяние, входящее в объективную сторону посягательства, однако, преступление не доводится до конца по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного.

Например, преступник намеревается выстрелить из пистолета в потерпевшего, но пистолет случайным образом дает осечку либо выбивается из рук случайным прохожим. В данном случае охраняемый уголовным законом объект не начинает претерпевать изменения, что характерно для стадии приготовления, однако, виновный, совершая действия, сознавал, что выполняет объективную сторону преступного посягательства, а значит, содеянное следует квалифицировать как покушение на убийство.

С учетом вышеизложенного предлагаем ч.1 ст.13 и ч.1 ст.14 Уголовного кодекса Республики Беларусь представить в следующей редакции:

«Приготовление к преступлению признается приискание или приспособление средств или орудий либо иное умышленное создание условий для совершения конкретного преступления, не входящих в объективную сторону преступления».

«Покушением на преступление признаются умышленное действие или бездействие лица, непосредственно входящие в объективную сторону преступления, совершенные лицом, сознающим это обстоятельство, если при этом преступление не было доведено до конца по независящим от этого лица обстоятельствам».

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОВТОРНОСТИ И ПРОДОЛЖАЕМЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПРОЦЕССЕ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДЕЯНИЙ

О.О. Новик

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Одним из наиболее распространенным проблемным вопросом в судебной и следственной практике связанный с множественностью преступлений является

вопрос о разграничении повторных и продолжаемых преступлений при их квалификации. Он возникает практически тогда, когда повторность предусмотрена Уголовным кодексом в качестве квалифицирующего признака состава преступления.

В соответствии со статьей 41 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года (далее – УК) повторность преступлений признаётся совершение двух и более преступлений, предусмотренных одной и той же статьёй Особенной части УК.

Понятие же продолжаемого преступления, впрочем, как и других единичных преступлений, законом не унифицировано. Однако в силу определённой сложности отграничения продолжаемого преступления от повторного преступления, понятие продолжаемого преступления выработано теорией уголовного права и судебной практикой.

Так, по мнению Э.А. Саркисовой: «продолжаемое преступление – это преступление, которое складывается из двух или более тождественных действий (актов бездействия), разделенных во времени, охватываемых единым умыслом и направленных на достижение единого преступного результата».

Более развёрнутое определение продолжаемого преступления даёт В.И. Кuryков: «продолжаемое преступление – это преступление, состоящее из ряда одинаковых (тождественных) деяний, направленных на один и тот же объект, объединенных единой целью, единым способом совершения деяния, относительно небольшими промежутками времени между деяниями, одинаковыми мотивами, наступление одинаковых последствий каждого деяния».

Н.А. Бабий в качестве продолжаемого преступления использует термин «преступление с повторными деяниями». Под которым понимает, совершение в течении определённого промежутка времени нескольких тождественных или однородных деяний, каждое из которых в отдельности не является преступлением.

В пункте 25 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь №15 от 21 декабря 2001 года «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищении имущества» разъяснено, что продолжаемым хищением следует считать неоднократное противоправное безвозмездное завладение имуществом с корыстной целью, складывающееся из ряда тождественных преступных деяний, если они совершены при обстоятельствах, свидетельствующих о наличии у лица общей цели и единого умысла на хищение определённого количества материальных ценностей.

При сопоставлении вышеизложенных определений продолжаемого преступления, общим признаком данного понятия, можно выделить такой признак как незначительный разрыв во времени между тождественными деяниями. Однако временной разрыв в деяниях присутствует и при повторности преступлений. И именно данный признак, как правило, и вызывает в следственно-судебной практике проблемный вопрос отграничения продолжаемых преступлений от повторных, ибо сама проблема отграничения выступает тогда, когда различные явления и предметы объективной действительности обладают сходством, общими свойствами.

Проиллюстрируем примером из практики. Ч., работая водителем в научно-производственном предприятии «Дохран», в период с 5 по 19 мая 2000 года похитил свыше 1000 литров бензина. Суд квалифицировал содеянное Ч. по ч.2 ст.211 УК как присвоение имущества лицом, которому оно вверено, совершенное повторно.

Квалификацию хищений бензина по признаку повторности в данном случае нельзя признать правильной, поскольку обстоятельства дела свидетельствовали о том, что действия Ч. носили продолжаемый характер, состояли из ряда тожде-

ственных преступных деяний, направленных к одной цели, поэтому совершенное им преступление является продолжаемым, а не повторным.

При разграничении повторных и продолжаемых преступных проявлений следует иметь в виду, что в отличие от повторности преступлений продолжаемое преступление не всегда выражается в совершении нескольких актов, каждый из которых представляет собой преступный акт. В судебной практике нередко встречаются продолжаемые преступления, характеризующиеся рядом актов, которые, будучи взяты в отдельности, не являются преступлением, например систематический вынос из цеха завода в разное время незначительных по своей стоимости отдельных деталей телевизора.

В свете вышеизложенного целесообразно сделать вывод о том, что продолжаемое преступление с точки зрения его объективных признаков может проявиться в двух формах: в форме продолжения начатого деяния, т.е. совершения одного преступления в несколько приемов, когда каждый из эпизодов, взятый в отдельности, не содержит состава преступления, и в форме повторения деяний, т.е. последовательного осуществления нескольких одинаковых актов, каждый из которых заключает в себе состав преступления.

Следующим не менее важным вопросом, требующим выяснения при разграничении повторного и продолжаемого преступления является вопроса о том, были ли объединены совершенные действия единой целью. При повторности преступления такая цель отсутствует, в то время как для умышленных продолжаемых преступлений она характерна. Такая цель обусловлена единством умысла, пронизывающего все эпизоды продолжаемого преступления.

Таким образом, целесообразно сформулировать положение о том, что совершаемые виновным отдельные одноплановые акты при продолжаемом преступлении соединяются в единую преступную цепь заранее поставленной конечной целью и общим преступным намерением.

Ещё одна трудность разграничения повторного и продолжаемого преступления заключаются в выяснении того, является ли умысел общим для всего ряда общественно опасных деяний, совершенных субъектом, или каждое из этих деяний совершено с самостоятельным умыслом.

Разграничению повторности от продолжаемого преступления способствует выявление и других обстоятельств, относящихся к объективной стороне преступления, в частности установление времени, истекшего после совершения первого и последующих общественно опасных деяний. Наличие значительного промежутка времени между совершением этих деяний нередко свидетельствует о том, что имели место самостоятельные преступления, которые в совокупности должны быть оценены как повторные. Игнорирование этого порой приводит к ошибкам в квалификации преступлений.

Таким образом, сходство продолжаемых преступлений и повторности преступлений заключается в том, что и те, и другие предполагают совершения не одного, а нескольких однородных или тождественных деяний, каждое из которых подпадает под признаки определённой статьи УК. Однако в отличие от повторности, продолжаемое преступление характеризуется глубокой внутренней связью, отсутствием значительных промежутков между эпизодами, связанным воедино преступным замыслом виновного (наличием одной и той же формой вины, одинаковым мотивом и единой цели).

ВОЕННОСЛУЖАЩИЕ КАК СУБЪЕКТЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

*Т.В. Однорогая
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Нормы административного права подлежат соблюдению всеми гражданами Республики Беларусь, в том числе и военнослужащими. При этом военнослужащие обязаны их исполнять не только во внеслужебное время, но и, как правило, на службе. По этой причине в случае нарушения указанных норм военнослужащие подлежат ответственности юридической (в том числе и административной).

Военнослужащего как субъекта административной ответственности можно отнести к особому субъекту. Такая необходимость возникает, когда в нормативных актах указано значительное число признаков, имеющих определенное юридическое значение, но не входящих в состав административных правонарушений. В данную группу признаков входят: место службы, возраст, и т.д. Вопросы ответственности военнослужащих, лиц, на которых распространяется действие дисциплинарных уставов и положений о дисциплине регулируются особыми правилами. Целесообразно обобщить названные признаки и на этой основе выделить особый вид субъекта административной ответственности. Такие признаки, во-первых, не являются конструктивными, не входят в состав правонарушения; во-вторых, не определяют квалификацию содеянного, к ним не применяются некоторые меры административного взыскания. В-третьих, как и признаки общего субъекта, они предусмотрены нормами Общей части кодекса об административных правонарушениях; в-четвертых, выделение этих признаков служит обеспечению гибкого и дифференцированного подхода к ответственности, ее индивидуализации.

Административная деликтоспособность особых субъектов, как правило, сужена: к ним не применяются некоторые меры административного взыскания, установлена особая процедура рассмотрения дела, используются специальные меры взыскания. В отдельных случаях деликтоспособность таких субъектов альтернативна: органы административной юрисдикции могут вместо наложения взыскания передать материалы о правонарушениях для привлечения виновных к дисциплинарной ответственности.

Таким образом, особый субъект административной ответственности – это лицо, обладающее предусмотренными нормой права юридически значимыми признаками, не включенными в состав правонарушения, но влияющими на размер, вид взыскания, порядок привлечения к ответственности.

И так, несмотря на кажущуюся определенность в вопросах административной ответственности военнослужащих, законодательство в этой сфере еще далеко не совершенно.

Так, согласно ст.4.7 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП) военнослужащие несут ответственность за административные правонарушения на общих основаниях. При этом в статье не дается исчерпывающий перечень этих правонарушений. Таким образом, за совершение административных правонарушений военнослужащие могут нести дисциплинарную ответственность со всеми вытекающими отсюда последствиями, а именно: совершенно другой процессуальный порядок – дисциплинарное производство, другие санкции – дисциплинарные взыскания.

В Общевоинском уставе Вооруженных сил Республики Беларусь (далее – Устав) такая соразмерность не предусмотрена. Дисциплинарное взыскание налагается по усмотрению командира (начальника) с учетом различных факторов, та-

ких как наличие и степень вины правонарушителя, причины и условия, способствовавшие совершению проступка, обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность и т.д.

Формулировки Устава весьма расплывчаты, в них нет конкретного указания, как командир (начальник), налагающий взыскание, должен учитывать названное факторы, нет критериев, по которым можно определить, какое дисциплинарное взыскание по тяжести соразмерно совершенному административному правонарушению. В отличие от административного в дисциплинарном производстве выбор санкции, применяемой к правонарушителю, прямо не ограничен тяжестью правонарушения, как это сделано Особенной частью КоАП, и будет определяться субъективным мнением командира (начальника), налагающего взыскание, в зависимости от объема его дисциплинарной власти и воинского звания правонарушителя.

Кроме того, Устав не содержит понятия и форм вины. На практике при назначении взыскания за административное правонарушение командир (начальник) военнослужащего-правонарушителя, устанавливая наличие и форму вины, как правило, будет руководствоваться бытовым представлением о вине, а не юридическим, что может привести к необоснованному наложению взыскания. Также на субъективное мнение командира (начальника) при наложении взыскания могут повлиять личные взаимоотношения с подчиненным-правонарушителем, что практически исключено в административном производстве.

Как специальные субъекты административной ответственности в КоАП выделяются должностные лица. Понятие «должность» по С.И. Ожегову – это служебная обязанность, служебное место, а по В.И. Далю, «должность» – от слова «долг»; должностной человек – служащий, кто на государственной или частной службе, обязанный должностью.

В КоАП должностные лица указаны субъектами административной ответственности более чем в 200 случаях. В соответствии со ст.1.1, КоАП является единственным законом об административных правонарушениях, действующим на территории Республики Беларусь. Нормы других законодательных актов, предусматривающих административную ответственность, подлежат включению в КоАП.

Для целей единообразного и точного применения терминов, используемых в КоАП, в нем содержится и законодательное определение должностного лица. Так, в соответствии со ст.1.3 КоАП: «должностное лицо – физическое лицо, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющее организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, либо лицо, уполномоченное в установленном порядке на совершение юридически значимых действий, а также государственный служащий, имеющий право в пределах своей компетенции отдавать распоряжения или приказы и принимать решения относительно лиц, не подчиненных ему по службе».

Это определение одновременно очень обширное, и недостаточно понятное в смысле полноты охвата возможных субъектов административной ответственности. Возникает вопрос, каких военнослужащих в контексте данной статьи можно считать должностными лицами, что подразумевает законодатель под организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями? Однако и здесь много неясностей.

В КоАП нет определения, что такое организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции. В законодательстве, в правовой теории и правоприменительной практике также нет единства в отношении указанных понятий: либо они вообще не раскрываются, либо толкуются неодинаково. Применительно к административным правонарушениям эти понятия не нашли своего

раскрытия. Поэтому многие обращаются по аналогии к схожим понятиям. Таким образом, возникает целый ряд вопросов: каких военнослужащих можно отнести к должностным лицам в контексте КоАП Республики Беларусь, как соотносятся особые субъекты административной ответственности – «военнослужащие» и «должностные лица», должны ли воинские должностные лица нести административную ответственность согласно ст.4.7. КоАП Республики Беларусь как военнослужащие или согласно КоАП как должностные лица.

Подводя итог, хотелось бы отметить, что отсутствие в КоАП общей нормы о его действии по кругу лиц, о субъектах административной ответственности, а также норм о персонализации ответственности в разрезе каждого состава административного правонарушения нужно рассматривать, как недостаток. Поэтому целесообразно при совершенствовании КоАП указать в необходимых статьях субъективный состав конкретных правонарушений, четко разграничить виды юридической ответственности.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ БАЗЫ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В СТРОИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

С.А. Парменов

Минск, Министерство архитектуры и строительства

Решение задач административного процесса в области строительства осуществляется посредством доказывания, которое включает в себя выявление, процессуальное оформление и исследование доказательств.

Доказывание осуществляют должностные лица, составляющие протоколы об административных правонарушениях, органы административной юрисдикции и судьи, рассматривающие дела об административных правонарушениях. Эти лица являются субъектами доказывания, то есть они играют в доказывании не разовую или эпизодическую роль, а постоянную либо в течение длительного времени (хотя бы в пределах одной стадии процесса). В то же время они выполняют надзорно-контрольные функции в целях обеспечения деятельности уполномоченного лица по возбуждению и рассмотрению дел об административных правонарушениях.

В административном процессе по делам об административных правонарушениях в строительстве субъектами доказывания являются: должностные лица, уполномоченные составлять протоколы об административных правонарушениях; должностные лица и органы, уполномоченные рассматривать дела об административных правонарушениях; судьи; физические лица, в отношении которых ведется административный процесс; законные представители юридических лиц, в отношении которых ведется административный процесс; потерпевшие – физические лица, представители юридических лиц (если таковые имеются); защитники и представители, участвующие в деле; прокурор.

Доказательствами по делу об административном правонарушении являются любые фактические данные, на основании которых судья, орган, должностное лицо, в производстве которых находится дело, устанавливают наличие или отсутствие события административного правонарушения, виновность лица в его совершении, а также иные обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела. Эти данные устанавливаются протоколом об административном правонарушении, иными протоколами, предусмотренными КоАП, объяснениями лица, в отношении которого ведется административный процесс, показаниями потерпевшего, свидетелей, заключениями эксперта, иными документами, а также

показаниями специальных технических средств, вещественными доказательствами. Таким образом, доказательства по делу об административном правонарушении в строительной сфере представляют собой фактические данные, т.е. сведения о каких-либо фактах (обстоятельствах дела). Они служат средством установления истины по делу.

Доказательства, используемые в процессе по делам об административных правонарушениях в строительной сфере, имеют правовой характер, а это означает, что:

- в качестве доказательств по делу об административном правонарушении в строительной сфере могут быть использованы факты и сведения, полученные в установленном законом порядке;

- при рассмотрении дела об административном правонарушении в строительной сфере используются доказательства, предусмотренные законом;

- в каждом конкретном деле об административном правонарушении в строительной сфере должны быть использованы доказательства, имеющие значение для всестороннего, объективного и правильного рассмотрения этого дела.

Любая информация может рассматриваться как доказательство, если:

- 1) в ней содержатся данные о наличии или отсутствии административного правонарушения в области градостроительства, характеристика правонарушителя, обстоятельства и причины совершенного деяния, необходимые для правильного рассмотрения дела;

- 2) доказательства используются в том виде, в каком они получены.

Сведения о правонарушении в строительной сфере, полученные из источников, не предусмотренных законодательством, не могут быть положены в основу правоприменительного акта.

Используемые доказательства должны быть относимыми. Это означает, что вывод по делу об административном правонарушении в строительной сфере может быть сделан на основании тех доказательств, которые относятся к данному делу. В частности, не должны признаваться относимыми сведения о ценах на строительные материалы, используемые в строительстве; сведения об условиях гражданско-правовых сделок между застройщиком, заказчиком, исполнителем работ и т.д.

В отличие от уголовного процесса доказательства оцениваются по внутреннему убеждению субъекта административной юрисдикции. Требования проверять доказательства путем сопоставления их с другими доказательствами КоАП не устанавливает. По нашему мнению, это существенный недостаток правового регулирования административно-юрисдикционного процесса.

Для установления истины по делу об административном правонарушении в области строительства необходимо использовать широкий круг доказательств, так как информация о правонарушении может содержаться в различных источниках.

В строительной сфере носителем информации выступают графики, цифры, чертежи, заключение экспертов, мнение специалистов. Решение о производстве дополнительной экспертизы может быть принято органом архитектуры и градостроительства, так как перед началом строительства любого объекта обязательно проводится экспертиза. Лица, заинтересованные в результатах дела, могут также проводить экспертизу за свой счет, и результаты независимой экспертизы будут рассматриваться в качестве доказательств по делу об административном правонарушении в области строительства.

Кроме того, в области строительства предметами административного правонарушения могут быть объекты строительства, их элементы, возведенные с от-

клонением их параметров от административно-технических норм (ГОСТов, СНиПов и прочих нормативов).

Прямые доказательства раскрывают суть дела об административном правонарушении в строительной сфере. Косвенные доказательства устанавливают какой-либо побочный факт, служат предпосылкой раскрытия сути дела. Для процесса применения диспозиции административно-правовой нормы характерно использование главным образом прямых доказательств. Например, для получения разрешения на строительство жилого дома или надворных построек необходимо в органы архитектуры и градостроительства представить определённые законодательством документы. Разрешение на строительство будет выступать в качестве доказательства законной деятельности лица, осуществляющего строительство. При отсутствии прямых доказательств в решении дела об административном правонарушении в строительной сфере могут быть использованы косвенные доказательства, закон не ограничивает их применение, и они могут быть положены в основу вынесения правоприменительного акта.

Особое значение в установлении объективной истины по делу об административном правонарушении в строительной сфере имеют вещественные доказательства. Это обусловлено тем, что при рассмотрении дел об административных правонарушениях в строительной сфере широко применяются лабораторные исследования и техническая экспертиза. По нашему мнению, они имеют решающее значение, поскольку высокое развитие технических средств проведения экспертизы вещественных доказательств (грунта, машин и механизмов, строительных материалов, проектной документации и т.д.) позволяет говорить о том, что именно вещественные доказательства позволяют установить объективную истину по делу об административном правонарушении в строительстве, и являются «главными» доказательствами (а иногда и единственно необходимыми) в делах об административных правонарушениях в строительной сфере.

КОНСТИТУЦИОННОЕ РЕГЛАМЕНТИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ КАК ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

А.П. Петров

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Существование и деятельность социального государства тесно связано с такими общественными явлениями как демократия, гражданское общество, правовое государство, свобода и равенство, права человека.

Понятие «социальное государство» в широком смысле означает сосуществование людей в обществе и государстве, законодательное сглаживание противоречивых интересов. В узком – обеспечение достойных условий жизни людей, повышение их благосостояния и, прежде всего, заботу о бедных и слабых, признание неприкосновенных и неотчуждаемых прав личности. Это обеспечение равных, справедливых возможностей для достижения благосостояния каждого человека.

В качестве социального признается государство, которое берет на себя обеспечение общепринятого (не ниже среднего) уровня жизни своих граждан, удовлетворение в объеме соответствующих его возможностям, социально-экономических и культурных прав граждан.

Социальное государство стремится обеспечить каждому своему гражданину достойный человека прожиточный минимум. В части второй ст.21 Конституции

закреплено, что «Каждый имеет право на достойный уровень жизни, включая достаточное питание, одежду, жилье и постоянное улучшение необходимых для этого условий». При этом государство стремится обеспечить, чтобы каждый взрослый имел возможность зарабатывать на себя и на содержание своей семьи. Вмешательство государства следует лишь тогда, когда такая возможность по разным причинам не может быть реализована и потребности человека не могут быть удовлетворены надлежащим образом.

Социальное государство призвано создавать условия для обеспечения граждан работой, перераспределять доходы через государственный бюджет, обеспечивать людям прожиточный минимум, содействовать увеличению числа мелких и средних собственников, охранять наемный труд, усиливать стимул к росту личного благосостояния.

Социальное государство оказывает поддержку образованию, здравоохранению, социальному обеспечению, трудоустройству, развитию культуры. Особое внимание такое государство должно уделять наиболее уязвимым в социальном плане категориям граждан: инвалидам, пенсионерам, молодежи, семьям с невысоким уровнем доходов, многодетным матерям и другим малообеспеченным гражданам.

Наиболее выпукло черты социального государства находят отражение в его социальной политике, которая в соответствии с Конституцией Республики Беларусь (ч.2 ст.2) направлена на «создание условий для свободного и достойного развития личности».

Социальная политика представляет собой часть общей политики государства, которая регулирует отношения между социальными группами, между обществом в целом и его членами, связанными с изменениями в социальной структуре общества, ростом благосостояния граждан, улучшении их жизни. Главной задачей социальной политики Беларуси является достижение благосостояния человека и общества, обеспечении равных и справедливых возможностей для развития личности.

Решение задач социальной политики во многом зависит от уровня развития экономики. Чем выше уровень экономического развития, тем большие возможности имеет государство для решения социальных задач. Социальная сфера не отграничена от других сфер общественной жизни. Все сферы общественной жизни в реальной деятельности настолько переплетены, что во многих случаях можно с полным основанием говорить не столько о социальных, сколько о социально-экономических, социально-политических и подобных явлениях и процессах.

Социальное развитие белорусского общества во многом определяется основными направлениями социальной политики Республики Беларусь, реализация которых на практике обеспечит создание основных элементов социальной государственности в Республике Беларусь. В их число входят: охрана труда и здоровья людей; установление гарантированной минимальной заработной платы; обеспечение государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан; развитие системы социальных служб, установлении государственных пенсий, пособий и иных гарантий социальной защиты.

Государство уделяет внимание обеспечению безопасности жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности, предусматривает социальную защиту работников, занятых на работах с вредными условиями труда.

Наряду с охраной труда, важной составной частью социальной политики государства является охрана здоровья граждан. Это комплексный институт,

включающий подготовку медицинских кадров, многочисленные социальные, организационные, экономические, научно-медицинские, санитарно-эпидемиологические и профилактические меры. Поощряется деятельность, способствующая укреплению здоровья человека, развитию физической культуры и спорта.

Установление минимальной заработной платы в размерах, обеспечивающих прожиточный минимум, – своего рода форма вмешательства государства в жизнедеятельность рынка с тем, чтобы обеспечить защиту некоторых наиболее уязвимых категорий работников.

Минимальная заработная плата является законодательно закреплённой минимальной гарантией оплаты труда работника, позволяющая ему приобретать минимально необходимый для обеспечения жизнедеятельности набор различных товаров, услуг и других благ.

В соответствии со ст.32 Конституции, брак, семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой государства.

Государство осуществляет особую защиту и заботу о содержании и воспитании детей. Родители обязаны содержать и воспитывать своих детей до совершеннолетия, равно как трудоспособные дети должны заботиться о своих нетрудоспособных родителях.

Дети пользуются от рождения равной правовой и социальной защитой вне зависимости от происхождения и гражданского состояния родителей.

В Беларуси, к сожалению, не все дети имеют возможность жить в семье и пользоваться заботой родителей. Заботу о детях – сиротах и детях, лишённых родительских прав, берет на себя государство и общество. Оно обеспечивает содержание, воспитание и образование таких детей, поощряют благотворительную деятельность по отношению к детям.

Государство осуществляет заботу об инвалидах и пожилых гражданах. В целях улучшения материального положения инвалидов и приобщения их к участию в общественно-полезном труде государство создает систему специальных производств для работы в них инвалидов; обеспечивает инвалидов специальными средствами передвижения, средствами лечебной физкультуры, протезами и т.п. Республика Беларусь устанавливает и развивает систему социальных льгот для инвалидов, участников Великой Отечественной войны; расширяет сеть домов-интернатов для престарелых и инвалидов, повышает уровень их благоустройства и социально-бытового обслуживания.

Демократизация современного белорусского общества, гуманизация общественных процессов предопределило развитие специальных служб социального обеспечения и социальной защиты, призванных помочь различным слоям населения в решении их насущных проблем и вопросов.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что социальное государство осуществляет свои цели и принципы в форме правовой государственности и идет по пути гуманизации общества, стремится наполнить правовые нормы более справедливым содержанием. Оно призвано обеспечивать благо индивида: социальную безопасность, материальные условия свободы и достойного существования каждого человека. Социальное государство непосредственно занимается распределением общественного богатства, но при этом не должно подрывать такие основы рыночного хозяйства, как частная собственность, конкуренция, предприимчивость, индивидуальная ответственность и т.п., не должно порождать массового социального иждивенства.

АНАЛИЗ ПРАКТИКИ ИЗДАНИЯ И ПРИМЕНЕНИЯ ВРЕМЕННЫХ ДЕКРЕТОВ ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*М.С. Петрова
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Президент Республики Беларусь уполномочен издавать декреты двух видов: декреты, право на издание которых делегировано Президенту Парламентом, и временные декреты.

Поскольку с вступлением в силу изменений и дополнений в Конституцию Республики Беларусь 1994 года на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года, предусмотревших издание декретов Президентом Республики Беларусь, декреты, право на издание которых делегировано Президенту Парламентом, ни разу не издавались, автор не будет уделять особое внимание исследованию данного вида актов. В издании декретов указанного вида и не было необходимости, так как в этой же ст.101 Конституции закреплено, что «в силу особой необходимости Президент по своей инициативе либо по предложению Правительства может издавать временные декреты, имеющие силу закона».

Проведя подробный анализ изданных декретов, автором были сформированы некоторые статистические данные. За 15 лет (с 11 декабря 1996 года по 1 января 2012 года) Президентом Республики Беларусь было издано 313 временных декретов, большинство из которых (162 декрета) являются действующими в настоящее время. Однако в последние 4 года (2008-2011 годы) наблюдается постепенное уменьшение количества издаваемых актов данного вида (за указанный период более чем в два раза), при этом большинство из них вносит изменения и дополнения в ранее принятые декреты, а не регулирует новые общественные отношения. Данный факт может свидетельствовать о том, что Глава государства (органы государственного управления в его лице) начал более ответственно подходить к использованию им права издания декретов.

Однако проведенный анализ свидетельствует также и о том, что при подготовке декретов органами государственного управления для последующего подписания их Президентом допускаются неточности, противоречия и несоблюдение иерархичности нормативно-правовых актов.

Так, следует обратить внимание на следующий проблемный момент. В силу ст.101 Конституции временные декреты должны быть в трехдневный срок представлены для последующего рассмотрения Палатой представителей, затем Советом Республики. Эти декреты сохраняют силу, если они не отменены не менее двух третей голосов от полного состава каждой из палат.

В странах, где принимаются декреты (ордонансы, указы и т.п.) Главой государства, декрет считается принятым, если он утвержден Парламентом, т.е. за него проголосовало половина состава Парламента. В Республике Беларусь, как видно из приведенных норм ст.101 Конституции, декрет Президента не утверждается, а сохраняет силу.

По моему мнению:

1) сбор не менее двух третей голосов от полного состава каждой из палат для отмены принятого декрета, по сравнению с половиной состава Парламента для его утверждения, является довольно сложной процедурой, даже исходя из чисто физического фактора, т.к. на заседаниях не всегда присутствует полный состав палат;

2) утверждение декрета Главы государства Парламентом, а не сохранение его силы, является более демократичной процедурой;

3) в период работы сессий палат Парламента депутатов и членов Совета Республики необходимо отвлекать на проверку Декретов Президента, что свидетельствует о формальном подходе к ее проведению.

На данный момент ни один декрет Президента палатами Национального собрания отменен не был. 18 декабря 2002 года Палата представителей впервые в практике белорусского Парламента приняла решение об отмене декрета, однако это решение не было поддержано Советом Республики, который принял данный декрет к сведению.

Вызывает интерес следующее. Частью третьей ст.101 Конституции предусмотрено, что палаты Парламента могут регулировать законом отношения, возникшие на основе декретов, которые отменены. В отношении временных декретов Президента Республики Беларусь установлен усложненный порядок их отмены (квалифицированным большинством) по сравнению с принятием обычных законов. Таким образом, указанное положение Конституции фактически полностью блокирует дальнейшую законодательную деятельность Парламента в сфере, урегулированной временным декретом.

Действующее законодательство не дает ответа на вопрос, вправе ли Глава государства в случае отмены временного декрета Парламентом издать новый декрет аналогичного содержания. Во всяком случае, правовых препятствий для этого не усматривается. В то же время такой подход сводит на нет право законодательного органа на отмену временных декретов.

Существует также проблема определения пределов правового регулирования рассматриваемых правовых актов. В отличие от декретов, издаваемых на основании делегированных полномочий, Конституция прямо не ограничивает сферу общественных отношений, в которой возможно регулирование временными декретами.

В ст.101 Конституции приведен перечень вопросов, решение которых не допускается путем издания декретов. Данный перечень ограничений несомненно относится и к временным декретам, хотя прямого указания на это в Конституции не имеется.

Однако 13 августа 1997 года Президент подписал Декрет №15 «Об уточнении показателей бюджета Республики Беларусь на 1997 года», в котором он перераспределил средства бюджета, а уточнение показателей бюджета – это исключительная прерогатива Национального Собрания Республики Беларусь.

4 апреля 2006 года Президент подписал декрет №5 «О внесении изменений в состав Наблюдательного совета Парка высоких технологий». Из названия декрета и его текста видно, что данный акт не носит нормативного характера и в полной мере мог бы быть оформлен указом Президента. Необходимо законодательно разграничить вопросы, регулируемые декретом, указом и иным актом Президента.

Еще одним «белым» пятном в практике издания нормативных актов Президентом Республики Беларусь является вопрос об установлении сроков действия временных декретов. Сам термин «временный декрет» предполагает непостоянный характер правового регулирования общественных отношений этими актами, но в законодательстве нигде не закреплён данный аспект, и становится неясен временный характер декретов. Ясно только, что рано или поздно декреты должны быть трансформированы в законы, но каким образом также остается непонятным, в силу невозможности регулирования отношений, установленных декретом.

Если сравнить этот аспект нормотворчества в Республике Беларусь с другими европейскими странами, то в большинстве из них, где существует практика

принятия нормативных актов главами государств (декреты, декреты-законы, ордонансы) вопрос урегулированный декретом, как правило, в межсессионный период, выноситься на обсуждение в ближайшую сессию парламента, и там решается судьба декрета: либо на его основе издается закон, либо он утрачивает силу.

Для решения данного вопроса необходимо либо четко указывать временные рамки в самом декрете, либо на уровне закона установить конкретный временной период действия временного декрета (например, 6 месяцев со дня вступления его в силу). За это время Национальное Собрание должно принять закон, регулирующий отношения, изложенные в декрете Президента. Это не противоречит ст.101 Конституции, которая закрепляет, что Палаты могут регулировать законом отношения, на основе декретов, которые отменены.

Возвращаясь к статистическим данным, следует отметить, что на сегодняшний день действуют декреты, принятые еще в 1997 году. В целом же, из общей массы принятых декретов на 1 января 2012 года действующими являются 162 декрета (в том числе 30 декретов, принятых более 10 лет назад.), 149 – утратили силу (в силу разных причин, в том числе включения их положений в законы или кодексы), 2 – не применяются.

При создании четкой сбалансированной системы законодательства (к чему собственно и стремится Республика Беларусь) необходимо пристальное внимание уделять вопросу соблюдения иерархии нормативных правовых актов. Спорное место занимает расположение временных декретов Президента Республики Беларусь в данной схеме относительно Конституции и законов.

На этот счет мнения в юридической науке расходятся. Некоторые юристы считают, что временные декреты, как форма чрезвычайного законодательства, согласно ст.101 Конституции имеют силу закона, но не более. Другие ученые говорят о подзаконности всех декретов Президента, так как из ст.7 Конституции вытекает принцип верховенства права, одним из атрибутов которого несомненно является верховенство закона, а ст.6, закрепляет принцип разделения властей и недопустимости совмещения в одном лице или государственном органе функций различных ветвей власти. Также в юридической науке существует мнение о том, что временные декреты носят надзаконный характер. В соответствие с этим они приводят аргументы о том, что вывод об их соотношении с законами можно сделать исходя из части третьей ст.101 Конституции. Данная норма предусматривает, что декреты сохраняют силу, если они не отменены большинством не менее двух третей голосов от полного состава каждой из палат Национального собрания. Таким образом, если декрет не отменен Парламентом квалифицированным большинством голосов, то он действует даже в случае коллизии его с законом, что корреспондируется и с частью третьей ст.137 Конституции. Фактически временные декреты в иерархии правовых актов поставлены Конституцией выше законов.

В соответствии со ст.137 Конституции Республики Беларусь Конституция обладает высшей юридической силой. Другие нормативные акты издаются на основе и в соответствии с ней, и в случае расхождения Конституции с другими актами она имеет преимущество.

Толкование данной нормы выглядит вполне однозначным и четким на первый взгляд. Но вызывает некоторое недоумение ч.2 ст.101 Конституции, а именно та ее часть, которая говорит о недопустимости делегирования полномочий Президенту на издание декретов, предусматривающих изменение и дополнение Конституции, ее толкование. Законодателем совершенно четко формулируется, что такие изменения не смогут вноситься декретами, изданными на основе закона, делеги-

рующего Президенту законодательное право на его издание, (далее – делегированные декреты). В это же время, компетенция деятельности временных декретов в данных вопросах не оговаривается. Конечно, было ошибочным сделать из этого вывод о том, что временными декретами могут вноситься изменения и дополнения в Конституцию, а также производиться ее толкование. В таком случае данный вид нормативных правовых актов имел бы большую юридическую силу по сравнению с самой Конституцией, что недопустимо. Из данной коллизии норм Конституции совершенно ясно вытекает необходимость более четкого законодательного урегулирования данного вопроса.

Часть 3 ст.137 Конституции устанавливает, что в случае расхождения декрета или указа с законом закон имеет верховенство лишь тогда, когда полномочия на издание декрета или указа были предоставлены законом. Иными словами, в случае коллизии делегированного декрета и закона, закон имеет высшую юридическую силу. Но, как уже говорилось выше, данный вид декретов ни разу не издавался, тогда как декреты, изданные в силу особой необходимости по инициативе самого Президента (временные), получили довольно широкое распространение. Вызывает некоторое непонимание тот факт, что при подобной практике издания временных декретов, их юридическая сила и место в системе законодательства четко не определены ни в Конституции, ни в иных нормативных правовых актах.

В то же время ч.3 ст.101 Конституции устанавливает, что временные декреты в трехдневный срок с момента их подписания Главой государства должны быть представлены в Палату представителей и Совет Республики для последующего их рассмотрения, и, в случае, если они не отменены большинством не менее двух третей голосов от полного состава каждой из палат данные акты сохраняют силу. Нормы указанной статьи Конституции позволяют сделать вывод, что в иерархии нормативных правовых актов временные декреты ставятся законодателем выше законов. Об этом наиболее ярко свидетельствует то, что для вступления в силу закона, его должно принять Национальное собрание Республики Беларусь, в то время, как декрет сохраняет силу, пока его не отменит все то же Национальное собрание, причем не менее чем, двумя третями голосов от полного состава каждой из палат, что представляется довольно сложным в силу определенных организационно-политических условий.

Кроме того, в той же части ст.101 Конституция ограничивает возможность Национального собрания – законодательного органа Республики Беларусь – регулировать отношения, возникшие на основе декрета, пока тот не отменен, несмотря на то, что временные декреты и принимаются с целью временной регламентации определенных отношений до тех пор, пока не будет принят соответствующий закон. Вот и получается замкнутый круг: закон не может быть принят, пока сохраняет силу декрет (так устанавливает Конституция), но и декрет не может быть отменен, пока не принят нужный закон (это вызовет несоблюдение одного из основных принципов законодательства – о непрерывности регулирования возникших отношений).

В силу всего вышеизложенного возникает вопрос о правильности употребления в Конституции и Законах Республики Беларусь термина «декрет, имеющий силу закона», предполагающего, что и законы и декреты должны иметь равную юридическую силу, в то время как, Конституция фактически располагает данные нормативные акты в следующей последовательности относительно их верховенства друг к другу: временные декреты, законы, делегированные декреты.

Таким образом, в настоящее время законодательная система Республики Беларусь, кроме Конституции – Основного Закона, включает три вида актов (вре-

менные декреты, законы, делегированные декреты), имеющих силу закона, однако различающихся по своему положению в иерархии нормативных правовых актов. Декреты Президента носят как подзаконный, так и надзаконный характер. Кроме вопросов о соответствии такой практики принципам гражданского общества (а именно принципу разделения властей), в данной ситуации возникают определенные затруднения в правотворческой и правоприменительной деятельности. Решение этой проблемы заключается в четком определении юридической силы каждого вида нормативного правового акта на законодательном уровне.

Исходя из вышеуказанного аспекта, вытекает следующий проблемный вопрос о правомерности внесения изменений и дополнений в нормативные акты другими актами, имеющими не идентичный статус.

Так, 6 октября 2006 года Президент подписал указ №605 «О некоторых вопросах государственной регистрации общественных объединений и их союзов (ассоциаций)», которым внес изменения и дополнения в декреты Президента Республики Беларусь от 26 января 1999 года №2, от 18 апреля 2001 года №9, от 27 марта 2002 года №8, от 11 сентября 2003 года №20, от 26 января 1999 года №2, от 16 марта 1999 года №11. И такие указы Президентом принимались неоднократно.

За всю практику издания Главой белорусского государства нормативных актов, в 15 декретов изменения и дополнения были внесены указами, а в 90 декретов изменения и дополнения вносились как декретами, так и законами и указами.

Следует отметить, что и сами декреты изменяли и дополняли не только равные себе по значению и иерархии акты. Дважды декретами были внесены изменения в законы.

Полагаю, что данный аспект также должен быть четко регламентирован законодательно. Закон «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» должен содержать норму о том, что изменения и дополнения в различные нормативно-правовые акты могут вноситься лишь аналогичными актами (в указ – указом, в декрет – декретом, в закон – законом).

Существуют и другие проблемные вопросы в данной сфере такие, как:

- введение процедуры контрассигнирования актов Главы государства главой Парламента или иным должностным лицом, ответственным за реализацию данного акта. В общетеоретическом плане контрассигнатура («министерская подпись») или институт контрассигнования (контрассигнация) означает подписание премьер-министром или уполномоченным министерства правового акта главы государства или Парламента, придающее такому акту юридическую силу и возлагающее на лицо, которое его подписало, юридическую и политическую ответственность за исполнение данного акта.

- повышение качества проводимой криминологической экспертизы проектов нормативных актов Главы государства, т.к. это приведет к сокращению вносимых изменений и дополнений в уже действующие декреты и др.

В соответствии с вышеизложенным необходимо сделать вывод, что практика издания Президентом Республики Беларусь нормативных актов, в частности декретов, имеющих силу закона, не является четкой регламентированной процедурой, она имеет большое количество пробелов и требует значительной доработки. А законность и совершенность в этой связи некоторых из изданных актов вообще следует поставить под сомнение.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРИЗНАНИЯ И ПРИВЕДЕНИЯ В ИСПОЛНЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ АРБИТРАЖНЫХ РЕШЕНИЙ

А.Г. Петушок

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

Отличительными чертами современного мира являются формирование целостности мирового хозяйства и его глобализация. Вместе с тем, данные процессы объективно влекут увеличение споров, возникающих между субъектами различных стран.

Дела с участием иностранных граждан и организаций по праву считаются наиболее сложными. Так как в них встречаются и общие проблемы об участии одних только резидентов, и совершенно специфические вопросы.

Не всегда очевидно даже то, судебные органы какого государства могут рассматривать то или иное дело. Во-первых, в законодательстве данного государства могут присутствовать весьма специальные положения, регулирующие отношения резидентов с нерезидентами. Во-вторых, может оказаться, что отношения сторон фактически регулируются законом не того государства, где рассматривается спор, а совсем другого. В этом случае суду придется решать дело не на основе своих, хорошо ему известных законов, а применять право иностранного государства! Именно в случае с нерезидентом может возникнуть особенно много сложностей с исполнением решения суда: не так-то просто привлечь к ответу того, кто находится за пределами досягаемости судебного исполнителя.

Хозяйственные дела с участием иностранных лиц весьма актуальны в современных условиях. Сюда относятся споры по внешнеэкономическим контрактам, споры в связи с деятельностью иностранных инвесторов на территории Беларуси, а также все дела с участием иностранных компаний.

Первым делом надо понять, в суд какого государства надо обращаться для разрешения возникшего спора.

Разумеется, каждая страна самостоятельно решает вопрос о подсудности тех или иных дел своим судам. В случае экономических споров в качестве основного правила предполагается подача иска по месту нахождения ответчика. Однако возможны и варианты: подача иска в стране, где имеется филиал организации-ответчика или какое-либо ее имущество. Дела, связанные с правами на недвижимость, рассматриваются только по месту нахождения недвижимости. Таким образом, детальное решение вопроса подсудности применительно к каждому конкретному случаю можно найти только в законодательстве страны, в суд которой планирует обратиться истец.

Вполне обычна в международной практике ситуация, когда суды сразу нескольких государств считают себя компетентными рассматривать то или иное дело. Истец может выбрать, в суд какой страны обратиться. Однако, следуя международному договору или внутреннему законодательству, суд может отказать в рассмотрении дела, если обнаружится, что тот же вопрос уже рассматривается или рассмотрен судом другого государства.

Вопросы компетенции судов того или иного государства регулируются не только его внутренним законодательством, но и международными договорами, в которых оно участвует. Подсудность может определяться и соглашением сторон, участвующих в деле. В контракты нередко включается так называемая «пророгационная оговорка», то есть договоренность о том, каким судом должно рассматриваться дело. Для отказа в его рассмотрении на этом основании обычно не требуется даже международный договор: государства уважают

исключительную подсудность по закону друг друга, по принципу международной вежливости или взаимности. Предварительным условием для исполнения решения иностранного суда иногда является требование наличия взаимности в отношении решений отечественных судов.

Согласно нормам хозяйственного процессуального законодательства Республики Беларусь, решения иностранных судов и иностранные арбитражные решения признаются и приводятся в исполнение хозяйственными судами в Республике Беларусь, если признание и приведение в исполнение таких решений предусмотрено законодательством или международным договором Республики Беларусь либо, также, на основе принципа взаимности.

Международный коммерческий арбитраж является эффективным средством разрешения споров. Преимущество международного коммерческого арбитража состоит в его конфиденциальности. Однако наиболее очевидным достоинством международного коммерческого арбитража является возможность принудительного исполнения арбитражного решения в соответствии с Нью-Йоркской конвенцией о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 года. Она является поистине универсальным международным договором. В ней участвуют 136 государств.

Однако актуальной является следующая проблема: Нью-Йоркская конвенция не создала единообразного режима приведения арбитражных решений в исполнение. В соответствии с ней процедура принудительного исполнения осуществляется в соответствии с процессуальным законодательством страны, где испрашивается исполнение.

Вопрос об отказе в исполнении иностранного арбитражного решения может возникнуть и в том случае, когда арбитражное соглашение недействительно по закону, которому они это соглашение подчинили, а при отсутствии такого указания – по закону страны, где решение было вынесено.

Значимую роль при разрешении споров, осложненных иностранным элементом, имеют международные нормы. Так, например, Вашингтонская конвенция о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами 1965 года принята с целью защиты прав инвесторов (физических и юридических лиц) от «иммунитета» государства-реципиента. Такая защита предусматривает изъятие инвестиционных споров из юрисдикции национальных судов и передачу их на рассмотрение специально созданного Международного центра по урегулированию инвестиционных споров (МЦУИС). В рамках МЦУИС предусмотрено осуществление двух видов разбирательств: примирительная и арбитражная процедуры. Примирительная процедура направлена на достижение соглашения между сторонами. Результатом арбитражной процедуры является вынесение решения. Решение арбитража обязательно для спорящих сторон и не подлежит обжалованию. Каждое государство-участник Конвенции обязано обеспечить исполнение вынесенного решения в соответствии со своим национальным законодательством, регулирующим исполнение судебных решений.

Арбитраж самостоятельно решает вопрос о своей компетенции.

Вопросы о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда или иностранного арбитражного решения в Республике Беларусь решаются хозяйственным судом по заявлению стороны спора, рассмотренного иностранным судом, или стороны третейского разбирательства.

В рассмотрении дел, осложненных иностранным элементом, актуальным является также вопрос «по какому праву». Если отношения осложнены иностранным элементом, то не только суды нескольких государств могут иметь право на

рассмотрение дела, но и несколько разных правовых систем могут претендовать на регулирование самих отношений.

Исполнение решения иностранного суда осуществляется как вынесенного белорусским судом, без каких-либо оговорок. Такое исполнение производится при облегченной процедуре его проверки.

Важным основанием для отказа в признании и приведении в исполнение иностранного арбитражного решения является противоречие его публичному порядку Республики Беларусь.

Несмотря на существование эффективного способа альтернативного разрешения споров, осложненных иностранным элементом, в международном коммерческом арбитраже, признание и приведение в исполнение его решений, а также иностранных судебных решений в Республике Беларусь является возможным, но достаточно сложным процессом с большим количеством требующих учета нюансов.

ИГОРНЫЙ БИЗНЕС КАК ВИД ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Т.М. Пехота

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

Актуальность и необходимость теоретико-правовых исследований в юридической науке резко возросли в современный период в связи с объявлением государственной независимости Республики Беларусь, возросшей проблемой определения ее места в мировом сообществе и активным проведением в последние десятилетия реформирования различных отраслей права. Безусловно, переход к новым рыночным отношениям также оказал влияние на научные исследования относительно недавно появившихся видов предпринимательской деятельности, в том числе и игорного бизнеса.

В последнее время изучение вопросов формирования и развития игорного бизнеса в Республике Беларусь является весьма актуальным. Повышенный интерес к рассматриваемой деятельности объясняется кардинальными изменениями, происходящими в сфере игорной индустрии, как следствие принятых нормативных правовых актов, регулирующих предпринимательскую деятельность в целом, и игорный бизнес, в частности. Однако, несмотря на трансформацию, затронувшую игорный бизнес, с доктринальной позиции по-прежнему остается дискуссионной проблематика о тождестве игорного бизнеса и предпринимательской деятельности и, тем самым, возникает проблема определения правовой категории «игорный бизнес», что, несомненно, отрицательным образом может отразиться на правоприменительной практике.

В научной и учебной литературе большинство ученых-правоведов определяют игорный бизнес как вид предпринимательской деятельности. Так, В.М. Берекет в своих исследованиях предлагает понимать под игорным бизнесом лицензированный вид предпринимательской деятельности юридических и физических лиц, направленный на систематическое получение прибыли в процессе содержания и эксплуатации игорных заведений, игорного оборудования, игровых автоматов с денежно-вещевым выигрышем и без выигрыша, а также проведения каких-либо иных игр в сфере предпринимательства. Сходной позиции придерживается и В.Н. Дорогих.

Е.В. Ковтун, как один из самых известных исследователей современности азартных игр, исключает термин «игорный бизнес» и дает толкование понятию «деятельность по организации и проведению азартных игр и пари», которая, по мнению автора, заключается в осуществлении все той же предпринимательской

деятельности, но не являющейся реализацией товаров, работ или услуг, а связанной с извлечением организатором игорного заведения дохода от участия в азартных играх и (или) пари в виде выигрышной ставки. В тоже время М.С. Степашина подчеркивает, что целью азартных игр является, в первую очередь, удовлетворение потребности в риске и азарте, и поэтому потеря денежных средств должна восприниматься как своеобразная плата за удовольствие, которое именно в качестве услуги создает организатор игорного заведения. Согласно теории и практики предпринимательства объектом любой предпринимательской активности является товар, продукт, услуга, т.е. то, что может удовлетворить чью-либо потребность в чем-либо и что предлагается на рынке для приобретения, использования и потребления. Изложенное позволяет сделать вывод, что в данном случае азартная игра выступает объектом, в отношении которого осуществляется предпринимательская деятельность по оказанию услуг в сфере игорного бизнеса. Более того, к примеру, в некоторых казино взимается плата за вход в игорное заведение, что также обеспечивает доход организаторам игорных заведений помимо выигрышных ставок. Это своего рода приобретение права доступа к участию в азартных играх.

По мнению Р.А. Севостьянова игорный бизнес также следует понимать как предпринимательскую деятельность зарегистрированных на территории Российской Федерации юридических лиц по организации и (или) проведению азартных игр, направленной на извлечение дохода в виде платы за участие в играх. В основу такой трактовки игорного бизнеса положен анализ норм действующего российского законодательства, регулирующего этот вид деятельности, которая является вполне доступной в понимании и логичной. В целом анализ законодательства Республики Беларусь и большинства стран-участниц СНГ показал, что понятие игорного бизнеса сводится к отождествлению его с предпринимательской деятельностью.

Вместе с тем существует противоположный взгляд на проблему. К примеру, согласно позиции О.Ю. Ускова считается ошибочной точка зрения, что игорный бизнес следует рассматривать как вид предпринимательской деятельности. По мнению автора, предпринимательская деятельность – это, прежде всего, посредничество, косвенно признак которого в современном понятии предпринимательской деятельности нашел свое отражение в указании на то, что целью этой деятельности является получение прибыли, тогда как прибыль и представляет собой разницу между вложенными в приобретение каких-либо благ средствами и средствами, вырученными от их последующего отчуждения. Исходя из анализа обозначенной проблемы следует согласиться с О.Ю. Усковым, что организаторы азартных игр не осуществляют никакой посреднической деятельности, не приобретают товары, фонды или рабочую силу с целью их последующего отчуждения, и, тем самым, не получают прибыль (хотя согласно экономическому словарю игорный бизнес представлен как развитая игорная индустрия, бизнес, направленный на получение прибыли от организации азартных игр). Следовательно, как утверждает автор, отсутствие признака посредничества в деятельности организатора азартных игр влечет и отсутствие в его деятельности предпринимательского риска, суть которого заключается в потенциальной возможности отчуждения приобретенных предпринимателем благ по цене, которая ниже цены их приобретения, т.е. образования в итоге его деятельности отрицательной разницы (убытков). При этом О.Ю. Усков отмечает, что организатор азартных игр все же действует самостоятельно, а потому, как и любая самостоятельная деятельность, она в большей или меньшей степени также строится на основе риска. Однако это со-

всем не тот риск, который имел в виду автор: если предприниматель несет риск убытков как отрицательной разницы, то организатор азартной игры рискует лишь возможностью неполучения дохода от своей деятельности ввиду простого отсутствия игроков (например, в связи с непопулярностью определенной игры). В таком случае у него не образуются убытки, поскольку даже те средства, которые он вложил в организацию азартных игр, изначально не предназначались для последующего отчуждения; они являются его собственностью, прибавляют его актив.

Однако такая позиция О.Ю. Ускова вызывает сомнения, т.к. его суждение о предпринимательской деятельности только как посреднической представляется неверным. Следуя взглядам Н.С. Матвеевой, предпринимательская активность, являясь частью экономической деятельности, связана с процессами производства, реализации, обмена, потребления и, соответственно, не сводится лишь к посредническим услугам. Кроме того, акцентируя внимание на игорном бизнесе, отметим, что организатор игорного заведения имеет основные и оборотные фонды, нанимает персонал для оказания услуг в сфере игорного бизнеса, и, тем самым, несет определенный риск, вложив капитал для получения систематического дохода. В противном случае деятельность по перевозке грузов, пассажиров, оказанию парикмахерских услуг и т.д. также не является предпринимательской, т.к. субъект хозяйствования в данном случае рискует не получить доход ввиду отсутствия клиента.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, можно прийти к заключению, что под игорным бизнесом следует понимать осуществление предпринимательской деятельности организатором игорного заведения на основе специального разрешения (лицензии), выданного компетентным органом, направленной на систематическое извлечение дохода в виде выигрыша, платы за организацию, проведение или участие в азартных играх.

РОЛЬ НАУКИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА

Н.А. Плещенко

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

В правовой науке проблема суверенитета государства всегда являлась актуальной. Традиционно под государственным суверенитетом понимается независимость государства в международных отношениях и верховенство внутри страны. Как известно понятие суверенитета по своему историческому развитию понятие политическое и только в последствии превратившееся в правовое. Историческое исследование суверенитета показывает, что понятие суверенитета связано с борьбой государства с такими общественными силами как:

- церковь (христианская церковь в связи с ее широким распространением стремилась к господствующей власти);
- феодальная власть (крупные землевладельцы (сюзерены) обладали крупной политической властью, при этом почти не подчинялись государственной власти, имея только определенные вассальные обязательства к королю, на них не лежала обязанность повиновения государственной власти, что превращало данные территории в самостоятельные государственные образования);
- идея всемирного государства (оставшаяся еще от Римской империи, подразумевает идею государства, которое должно включать все народы христианского мира юридически подчиненными Римской империи).

В средневековье в процессе борьбы государства с церковью, феодализмом и

идеей всемирного государства образовалось национальное государство и появилось понятие суверенитета.

Однако, несмотря на то, что в античном государстве отсутствовало понятие суверенитета, это не делало его несuverенным. Античное государство выступало как единственный самостоятельный союз в человеческом обществе, охватывая при этом все сферы человеческой жизнедеятельности. Следовательно, и необходимости в данном понятии не было.

Основным положением теорий суверенитета является то, что суверенитет государства выступает имманентным качеством самого государства, понятие которого используется в правовой науке, внутригосударственном и международном праве для характеристики специфических свойств, присущих только государству.

В свою очередь вторая половина XX века характеризуется столкновением двух противоречивых тенденций: национального обособления и интеграции государств. Главенствующее место в теории суверенитета начинают занимать представления о том, что суверенитет имеет относительный характер. Незыблемость государственного суверенитета начинает ставиться под сомнение. Данный процесс, прежде всего, связан с такими явлениями как глобализация и интеграция.

Глобализация стала одним из самых актуальных вопросов современного мира. В основе глобализации как объективного процесса лежат исторические предпосылки и результаты научно-технического прогресса, которая изначально рассматривалась как экономическое явление, но в настоящее время воздействует и на другие сферы, в том числе на политическую и правовую.

Вследствие нарастания интеграционных и глобализационных процессов появляются теории, направленные на ограничение и отрицание суверенитета государства и общепризнанного принципа международного права – суверенного равенства. Ряд исследователей в своих теориях обозначают, что суверенитет со временем будет исчезать в связи с передачей государством суверенных прав, полномочий международным организациям.

Что касается Республики Беларусь, то с принятием 27 июля 1990 года Декларации о государственном суверенитете Республики Беларусь, где был провозглашен полный государственный суверенитет Белоруссии, что означало верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти республики в границах ее территории, правомочность ее законов, независимость республики во внешних отношениях, начался новый этап развития государственного строительства. Принципиально важным для закрепления государственного суверенитета явилось и принятие 15 марта 1994 года Конституции Республики Беларусь.

Статья 1 Конституции Республики Беларусь закрепляет обладание Республикой Беларусь верховенством и полнотой власти на своей территории, самостоятельное осуществление внутренней и внешней политики. Республика Беларусь защищает свою независимость и территориальную целостность, конституционный строй, обеспечивает законность и правопорядок.

Однако формальное провозглашение суверенитета государства не имеет практической значимости без наличия эффективного правового механизма его реализации, без развитой системы юридических и конституционных гарантий.

В юридической литературе имеются работы, посвященные отдельным аспектам проблемы суверенитета, определению данного понятия, представлено ряд разработок его сущности и содержания, исследован исторический аспект развития данного понятия. Однако комплексного изучения указанной проблематики не предпринималось, многие теоретические аспекты проблематики суверенитета являются изученными не в полной мере.

На сегодняшний день существует практическая потребность в разработке

законных и эффективных приемов и рекомендаций в области механизма обеспечения государственного суверенитета, его защиты, гарантий реализации.

Полагаем, что, несмотря на наличие во второй половине XX века десувенизации, отрицания суверенитета и признания его архаизмом, никакие международные обязательства не умаляют универсальной правоспособности государства. Ограничение свободы действий государства, вытекающее из его международно-правовых обязательств, представляет собой не ограничение государственного суверенитета, а ограничение правоспособности государства, т.е. ограничение в осуществлении определенных прав. Рамки реализации государственных прав обусловлены, прежде всего, взаимной заинтересованностью государств уважать суверенитет и права других государств. При этом следует определить, до какого предела можно ограничивать суверенитет путем передачи суверенных полномочий, чтобы государство сохранило свою идентичность.

Таким образом, в связи с тем, что в Республике Беларусь идет напряженный процесс поиска путей построения суверенного государства, происходит изменение форм и переосмысление ценностей и значения многих правовых институтов и механизмов, наука конституционного права должна быть направлена на изучения феномена суверенитета, разработки понятия механизма обеспечения государственного суверенитета, совершенствования правовой защиты суверенитета и выделения гарантий, в целях сохранения и обеспечения суверенитета.

Несмотря на то, что в последние годы указанная тематика разрабатывается учеными теории права, конституционного и международного права, далеко не все проблемы в этой области исследованы. Недостаточно разработаны общетеоретические основы, отсутствует системность в определении признаков и свойств суверенитета, существуют различные представления о формах и способах осуществления суверенитета, существуют проблемы нормативного правового закрепления суверенитета.

Необходимо найти новые пути совершенствования подходов к определению и сущности суверенитета применительно к новым историческим условиям и новым приоритетам.

Придерживаемся мнения, о том, что государственный суверенитет должен оставаться основой конституционного строя современных государств, интеграция не преследует цель разрушения национальных государств, подрыв основ государственного суверенитета. Естественным стремлением каждого государства следует рассматривать защиту своего суверенитета и независимости.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ АДВОКАТСКОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ ГРАЖДАН

М.А. Плиговка
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Белорусская адвокатура, как и вся юстиция в целом, имея глубокие исторические корни и традиции, прошла длительный и сложный путь своего развития. Изменения в политической системе и экономических отношениях, обретение нашей республикой подлинного суверенитета обусловили проведение судебно – правовой реформы, демократизацию всех институтов общества и государства, в том числе и адвокатуры, увеличение численности адвокатов, их специализацию, повышение профессионализма. Теперь важно сохранить и приумножить все ценное, что приобретено на этом пути, обеспечить полное соответствие профессиональных и этических норм адвокатской деятельности международно-правовым стандартам.

Вместе с тем, белорусское законодательство требует дальнейшего развития и совершенствования. В настоящее время существуют многие проблемные вопросы, требующие своего разрешения на законодательном уровне.

В настоящее время участие адвоката в уголовном судопроизводстве становится более результативным. Надлежащая правовая регламентация адвокатского расследования как процедуры (по аналогии, например с США) обеспечит состоятельность предварительного производства, что пойдет на пользу делу правосудия.

Еще одной проблемой, которая на практике затрудняет реализацию принципа равенства сторон, является то, что суд предварительно знакомиться со всеми материалами уголовного дела, собранными только одной стороной. Но в этом случае при наличии равенства сторон сторона обвинения имеет безусловное право представлять в суд любую совокупность доказательств и лиц, необходимых для исследования в рамках судебного следствия, а сторона защиты это же право может реализовать только под условием. Сторона защиты, имеющая в принципе равные права на самостоятельное формирование списка своих свидетелей защиты и иных необходимых лиц (например, специалиста, эксперта и др.), юридически и фактически лишена данного права на этапе предварительного расследования. Реализация такого безусловного права (которым обладает и, конечно, пользуется сторона обвинения) в дальнейшем превращается в условную, когда уже в судебной стадии необходимо заявление ходатайств (удовлетворение или неудовлетворение которых зависит от мнения участников процесса и суда).

Законодательное исправление данного противоречия может быть осуществлено по аналогии с российским УПК. В соответствии с ч.4 ст.217 УПК Российской Федерации, по окончании ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела следователь выясняет у них необходимость приглашения в судебное заседание для допроса и подтверждения позиции стороны защиты свидетелей, экспертов, специалистов. К обвинительному заключению прилагается список подлежащих вызову в судебное заседание лиц со стороны обвинения и защиты с указанием их места жительства и (или) места нахождения. Прокурор в соответствии с ч.2 ст.221 УПК Российской Федерации вправе дополнить или сократить список лиц, подлежащих вызову в суд, за исключением списка свидетелей со стороны защиты. Подобная норма должна иметь место и в уголовном законодательстве Республики Беларусь.

В корректировке нуждаются также и отдельные положения законов Республики Беларусь «О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним», «О почтовой связи» и «О нотариате и нотариальной деятельности». В указанных законодательных актах не предусмотрены обязанности нотариусов, операторов почтовой связи и организаций по государственной регистрации недвижимого имущества и прав на него предоставлять адвокатам документы (сведения, информацию) в связи с оказанием юридической помощи. Отмеченные законодательные пробелы на практике используются в качестве основания для отказа в предоставлении необходимых документов (сведений, информации) адвокатам по их запросам. Поэтому порядок реализации адвокатами права, предусмотренного п.3 ч.2 ст.17 Закона Республики Беларусь «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», на законодательном уровне нуждается в конкретизации. Более четкое определение процедуры исполнения корреспондирующих этому праву обязанностей создаст для адвокатов реальную возможность получать сведения о совершенных нотариальных действиях, обобщенную информацию о принадлежащих конкретному лицу правах на объекты не-

движимого имущества, об адресных данных пользователей услуг почтовой связи, о почтовых отправлениях и их содержании.

Еще одной проблемой, требующей решения на законодательном уровне, является отсутствие реального контроля за содержанием протокола – единственного процессуального документа, составляемого в ходе судебного разбирательства, документа, который является единственным источником, содержащим всю совокупность доказательств, необходимых для принятия итогового решения по делу. В существующем нормативном регулировании уголовного процесса контроль носит так называемый последующий характер, когда замечания на протокол можно заявлять только по окончании судебного разбирательства и вынесении приговора. Даже если все замечания целиком или определенной частью будут судьей удовлетворены, он уже процессуально не способен внести соответствующие коррективы в вынесенный и оглашенный приговор.

Возможный выход из создавшегося логического противоречия, существующего уже довольно длительное время, – смещение характера контроля над содержанием протокола судебного разбирательства с последующего на предварительный, т.е. необходимо внести изменения в УПК, которые бы предусмотрели обязанность суда при рассмотрении дела по существу предоставлять сторонам для ознакомления протокол судебного заседания по окончании судебного следствия, но до стадии судебных прений, ведь стороны должны готовить свои выступления в прениях только исходя из материалов, полученных, добытых и исследованных в ходе только судебного следствия.

Использование компьютерных технологий позволит осуществлять запись (звuko-, видео-) показаний и одновременно выводить ее содержание на компьютер, практически заменяя техническую работу секретаря заседания. Использование в практике подобных разработок позволит в полной мере преодолеть имеющиеся противоречия в правовой процедуре судебного разбирательства, устранить существование статей УПК, предусматривающих процедуру ознакомления с протоколом судебного заседания и заявление замечаний на содержание протокола. Кассационная и надзорная инстанции получают возможность исследовать ход, содержание и результаты рассмотрения уголовного дела не опосредованно, а непосредственно, при необходимости прослушивать или просматривать элементы компьютерной записи процесса.

Хотелось бы также отметить, что действующее законодательство не содержит подробную процессуальную регламентацию последнего слова обвиняемого. Оно закрепляет положения о том, что в процессе выступления обвиняемого с последним словом недопустима постановка любых вопросов от любого участника уголовного процесса; содержит запрет на ограничение времени выступления и право председательствующего останавливать обвиняемого, если в его выступлении приводятся обстоятельства, не имеющие значения для рассматриваемого уголовного дела. Следовало бы более детально проработать основные положения данной стадии судебного следствия, т.к. зачастую последнее слово обвиняемого оказывает прямое влияние на исход дела.

В заключении отметим, что лицензии на занятие адвокатской деятельностью выдается сроком на 5 лет и действует на всей территории Республики Беларусь, и срок действия по его окончании может быть продлен по заявлению лицензиата неоднократно. Однако процедура продления лицензии на право оказания правовой помощи каждые пять лет не способствует устойчивости правового положения адвоката, вносит неопределенность и нервность в его трудовую жизнь. А именно стабильность статуса – одна из слагаемых эффективной деятельности в любой

сфере, в том числе и в профессиональной работе адвокатов. Процедура продления лицензии на право оказания правовой помощи через каждые пять лет не способствует устойчивости правового положения адвоката, вносит неопределенность и нервозность в его трудовую жизнь. Поэтому, следовало бы восстановить правило о бессрочной выдаче лицензии на право занятия адвокатской деятельностью, как это было зафиксировано в статье 12 Закона «Об адвокатуре» в первоначальной редакции.

Законодательное устранение указанных проблем будет способствовать совершенствованию организационных и правовых основ всей судебной системы, повышению эффективности адвокатской деятельности, и, следовательно, обеспечению действенной защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ И ЗАКОНОПРОЕКТАХ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ВНУТРЕННЕЙ ТОРГОВЛИ И ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ

Д.В. Плоскунов

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Концепция реализации государственной политики в сфере внутренней торговли и общественного питания на 2011-2015 годы утверждена приказом Министра торговли Республики Беларусь от 29 декабря 2011 года №178.

Актуальность рассматриваемого вопроса заключается в том, что, несмотря на положительные тенденции в сфере торговли и общественного питания, остаются нерешенными многие вопросы, такие как недостаточно динамичное развитие торговой инфраструктуры, проблема обеспечения субъектов торговли оборотными средствами, проблема качества и безопасности товаров и услуг на потребительском рынке страны. Кроме того, Концепция рассматривает вопрос существования групп населения с низкими доходами, поэтому требует особого внимания и вопрос обеспечения доступности товаров и услуг.

Концепция определяет цели, задачи и приоритетные направления развития розничного товарооборота торговли и общественного питания, потребления важнейших продовольственных и непродовольственных товаров, расширения и совершенствования инфраструктуры розничной и оптовой торговли, общественного питания, совершенствования технической и технологической политики, финансово-кредитного обеспечения торговых организаций, а также принципы государственного регулирования в сфере торговли и общественного питания.

Структурно Концепция состоит из введения, 6 глав, некоторые из которых подразделяются на пункты, а также из приложения-перечня мероприятий по выполнению Концепции. Указанный перечень содержит более 50 мероприятий. Первыми среди них идут мероприятия по разработке проектов Законов Республики Беларусь «О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь», «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О защите прав потребителей» и «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь от 27 августа 2008 года «О государственном регулировании производства и оборота алкогольной, непивцевой спиртосодержащей продукции и непивцевого этилового спирта».

Так, подготовка проекта Закона Республики Беларусь «О государственном регулировании торговли и общественного питания в Республике Беларусь» предусмотрена пунктом 30 плана подготовки законопроектов на 2011 год, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 6 января 2011 года №10. Подготавливаемый

законопроект направлен на создание системы мер по государственному регулированию торговли и общественного питания, поскольку технологические вопросы организации и осуществления торговли и общественного питания в Республике в достаточной степени урегулированы иными законодательными актами, в первую очередь Гражданским кодексом Республики Беларусь. Следует отметить, что подобные законодательные акты приняты в Российской Федерации и Республике Казахстан.

Проект Закона Республики Беларусь «О внесении дополнений и изменений в Закон Республики Беларусь «О государственном регулировании производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта» направлен на дальнейшее совершенствование государственного регулирования производства и оборота алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта, приведение отдельных норм в соответствие с законодательными актами, принятыми после вступления в силу указанного Закона.

Кроме того, на основании предложений Комитета государственного контроля Республики Беларусь, предлагается уполномочить Министерство по налогам и сборам не только на утверждение форм балансов и деклараций, но и порядок их заполнения и представления.

Вносимые дополнения предусматривают уточнение реквизитов деклараций и балансов в соответствии с действующей практикой их представления в части источников поступления и целей использования алкогольной, непивной спиртосодержащей продукции и непивного этилового спирта в процессе их производства и оборота.

В целях либерализации экономической деятельности проектом Закона предусматривается изменение сроков представления деклараций. Предлагается также внесение дополнения, разъясняющего порядок представления балансов и деклараций в случае, если срок их представления приходится на нерабочий день.

Подготовка законопроекта «О внесении изменений и дополнения в Закон Республики Беларусь «О защите прав потребителей» обусловлена необходимостью совершенствования правового регулирования деятельности общественных объединений потребителей по оказанию услуг потребителям.

В настоящее время общественные объединения потребителей возмещают расходы на осуществление своей деятельности за счет потребителей, с которыми заключают договоры, предусматривающие внесение соответствующей платы. Предпринимательской деятельностью такое возмещение расходов не является и в этой связи предусмотренный статьей 20 Закона Республики Беларусь «Об общественных объединениях» запрет на осуществление объединениями предпринимательской деятельности не нарушается.

В соответствии с Законопроектом предлагается дополнить Закон «О защите прав потребителей» статьей 48, закрепляющей нормы, регламентирующие осуществление общественными объединениями потребителей деятельности по защите прав потребителей. Так, в соответствии с ч.3 указанной статьи расходы, связанные с осуществлением деятельности, указанной в подпунктах 1.9 и 1.10 пункта 1 статьи 47 Закона Республики Беларусь «О защите прав потребителей» (обращение по поручению потребителя с претензией к изготовителю, продавцу, поставщику, их представителю, исполнителю, ремонтной организации; обращение с иском в суд в защиту прав потребителя; представление и защита в суде прав и законных интересов потребителя), взимаются со стороны, виновной в нарушении прав потребителя, то есть с изготовителя (продавца, поставщика, представителя,

исполнителя, ремонтной организации). Кроме того, с потребителями общественные объединения потребителей работают исключительно на безвозмездной основе. Для защиты добросовестных изготовителей (продавцов, поставщиков, представителей, исполнителей, ремонтных организаций) законопроектом предусматривается в качестве обязательного условия последующего возмещения расходов общественному объединению потребителей необходимость заявления потребителем предварительно (до обращения в общественное объединение) соответствующих требований изготовителю (продавцу, поставщику, представителю, исполнителю, ремонтной организации).

Законопроектом также уточняется порядок предъявления претензий при продаже некачественного товара в случае, если изготовитель такого товара находится за пределами Республики Беларусь. В таком случае потребитель вправе будет обратиться напрямую к поставщику или представителю изготовителя, продавца, поставщика.

Таким образом, в Республике Беларусь законодательство в сфере внутренней торговли и общественного питания приводится в соответствие с теми требованиями времени, которые перед ним возникают. Здесь следует особо отметить и момент приведения законодательства в соответствие с основными особенностями развития отечественной экономики и построения белорусской экономической модели.

ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

А.Б. Погребняк

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Интеграционные процессы – одна из основных тенденций современного мира. Эти процессы в полной мере коснулись и сферы высшего образования и получили свое наименование как Болонский процесс. В рамках этого процесса идет поиск достижения больших степеней сравнимости и совместимости образовательных систем различных стран. Вырабатываются единые подходы к обеспечению качества высшего образования, к разработке учебных программ. Создание единого европейского образовательного пространства будет способствовать решению многих проблем: таких как мобильность студенческой и преподавательской аудитории, возможность свободного трудоустройства выпускников, признание ученых категорий и дипломов и т.д.

Можно по-разному относиться к Болонскому процессу: положительно или оценивать его критически, однако его нельзя игнорировать, к нему необходимо приспособляться. Этот процесс уже начался и набрал достаточные темпы. Теперь вопрос заключается не в том участвовать в нем или нет, а в том как и в качестве кого участвовать. История неоднократно доказывала, что бездумное повторение и копирование опыта западных преобразований в любой сфере не только не дает положительных результатов, но и может привести к негативным последствиям. Только учет национальных особенностей, собственного опыта, достижений и успехов, при критическом осмыслении опыта других стран, позволит осуществить реформирование сферы высшего образования наиболее эффективно и с наименьшими потерями.

Интеграция в европейскую систему высшего образования очень сложный и противоречивый процесс, связанный именно с наличием больших и существенных различий между европейской и бывшей советской системами образования. Именно поэтому совместная деятельность в этом направлении стран-участников постсоветского пространства приобретает важнейшее значение. Учет уже накоп-

ленного опыта реформирования систем высшего образования, успехов и неудач, должно способствовать планомерному и эффективному продвижению в этом направлении.

Высшие школы государств постсоветского пространства исторически имеют много общего и значительно отличаются от систем высшего образования западных государств, а поэтому их интеграция и трансформация в европейскую систему тоже дело общее. Основными особенностями систем высшего образования стран СНГ, и в первую очередь Белоруссии и России, являются следующие.

Во-первых. В странах СНГ исторически сложилось объединение осуществления академического образования и профессиональной подготовки, т.е. получение учащимся академической и профессиональной квалификации осуществляется одновременно. В то время как в большинстве европейских государств получение академической квалификации не совпадает ни в пространстве ни во времени с получением квалификации профессиональной. Диплом бакалавра – это документ об освоении определенной программы и получении академической квалификации, что дает право на продолжение образования, либо по академической ориентации, только на более высоком уровне, либо на подготовку по профессионально ориентированной программе и получении профессиональной квалификации.

Во-вторых. Процесс образования в странах СНГ неразрывно связан с процессом гражданского воспитания, в то время как в европейских вузах преобладает концепция высшего образования как разновидности сферы услуг. Само понятие интеллигенции предполагает не только высокий профессионализм, но и гражданственность, ответственность перед страной, патриотизм, приобщение и приверженность к историческим и духовным ценностям Отечества. Такой подход и неразрывность процессов образования и воспитания жизненно необходим в современных условиях открытости образования и свободы перемещения специалистов. Создается вполне реальная угроза одностороннего передвижения образовательного ресурса на Запад. Лучшие наши ученики и выпускники поедут за границу, и есть реальная опасность превратить открытость образования в легализацию «утечки мозгов».

В-третьих. Одним из главных достоинств советской и постсоветской высшей школы была и остается фундаментальность вузовской подготовки, особенно на младших курсах. Сегодня фундаментальность образования является основой профессиональной гибкости трансформации на протяжении всей профессиональной жизни. Вторым таким достоинством высшей школы на постсоветском пространстве является исследовательская ориентация образования. Нацеленность именно на научные компетенции, а не только на образовательные, является основным отличием от Болонских приоритетов.

Это и многое другое обязывает очень ответственно и взвешенно относиться ко всем реформам, проводимым или планируемым в области высшего образования. Есть вполне реальная угроза и опасность потерять достоинства отечественного высшего образования, не приобретя еще пока преимуществ западноевропейского образования. И здесь важно обобщение и анализ опыта и результатов, положительных и отрицательных, имеющихся в вопросах реформирования высшей школы во всех странах постсоветского пространства. Примеров ответственного отношения за принимаемые решения в области реформирования высшего образования может служить тот факт, что, несмотря на вступление в 2003 году России в Болонский процесс, до настоящего времени в научных и академических кругах не прекращаются его обсуждения и споры.

Объединению усилий стран СНГ в этом направлении способствует принятие

в 2001 году Международной программы реализации Концепции формирования единого общего образовательного пространства стран СНГ и создание комиссии «Стандарт» Совета по содружеству в области образования государств-участников СНГ. Проводится большая работа и в рамках специально созданной Международной исследовательской группы по сравнительным исследованиям систем и образовательных стандартов высшего образования государств-участников СНГ, в состав которой входят и специалисты Республики Беларусь.

ПРИОРИТЕТЫ МНОГОСТОРОННЕГО СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

*Т.В. Преснякова, Е.В. Рубникович
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Прошло несколько лет со времени выхода Республики Беларусь на мировую арену в качестве нового самостоятельного субъекта международных отношений. Можно сказать, для становления молодой государственности, обретения своего места в мире прошедшие годы были принципиально важными и плодотворными. Во многом это связано с нынешней ситуацией на мировой арене. Хотелось бы заметить, что при распаде СССР составляющие его союзные республики, став суверенными, независимыми государствами, свернули с избранного Советским Союзом пути и решили следовать курсом всего человечества.

Развитие двусторонних отношений со странами СНГ является одним из основных внешнеполитических и внешнеэкономических приоритетов Республики Беларусь. Эта приоритетность обусловлена совокупностью исторических, экономических, политических и культурных факторов.

Беларусь стремится к построению взаимовыгодных отношений с государствами-участниками СНГ. При этом важнейшей сферой сотрудничества является торгово-экономическое взаимодействие. Ключевыми торговыми партнерами являются Украина, Казахстан, Азербайджан, Туркменистан и Молдова, на долю которых приходится более 92% белорусского экспорта в регионе СНГ (без учета России).

Страны имеют перспективы дальнейшего углубления сотрудничества через развитие производственной и научно-технической кооперации, расширение взаимодействия в агропромышленном комплексе, в сфере транспорта, науки, культуры, образования, спорта и туризма.

Особенность правового положения Республики Беларусь как субъекта частно-правовых отношений международного характера сводится к его праву на иммунитет от иностранной юрисдикции. Законодательство Республики Беларусь базируется на принципах абсолютного государственного иммунитета: Республика Беларусь не является участником международных договоров, ограничивающих понятие судебного иммунитета – Европейской конвенции о государственном иммунитете 1972 года, Конвенции Организации Объединенных Наций о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности 2004 года.

Гражданский процессуальный кодекс (ст.553) и Хозяйственный процессуальный кодекс (ст.239) закрепляют предоставление иностранному государству полный юрисдикционный иммунитет. Однако указанные положения не отвечают интересам национальных субъектов гражданского права – физических и юридических лиц, поскольку без согласия иностранного государства они не могут предъявлять ему иски. И, наоборот, субъекты иностранного права могут предъявлять иски к Белорусскому государству в своих судах, не спрашивая на то его со-

гласия, на основе своих законов или судебной практики, связанной с теорией ограниченного иммунитета, если, конечно, такие иски основаны на коммерческой деятельности государства.

Вместе с тем, предоставляя иностранному государству полный юрисдикционный иммунитет, законодательство предусматривает, что нормативный правовой акт или международный договор могут устанавливать изъятия из принципа абсолютного иммунитета государства.

Не смотря на то, что иммунитет распространяется на многие государства Европейского союза, на страны СНГ эти правила также распространяются. Это связано с тем, что после распада СССР законодательство многих стран базируется на советском законодательстве.

Во многих странах СНГ, также, как и в Республике Беларусь под субъектным составом гражданского правоотношения понимаются его участники. Участниками гражданских правоотношений являются не только граждане (физические лица) и юридические лица. Одни участники правоотношений – обладают правом и называются управомоченными лицами, другие несут обязанности и называются обязанными лицами, однако в большинстве случаев они являются лицами, одновременно управомоченными и обязанными.

Состав участников гражданского правоотношения может меняться в результате правопреемства, т.е. при переходе в определенных случаях прав и обязанностей от одного лица – правопреемника к другому – правопреемнику. Момент определения субъектов гражданских правоотношений имеет достаточно большое значение, так как, в настоящее время во внешнеэкономической деятельности республики все большее значение придается расширению торгово-экономического сотрудничества со многими странами. На уровень крупномасштабного сотрудничества в самых различных сферах и глубокого взаимопонимания за весьма короткий срок после обретения Республикой Беларусь независимости вышли белорусско-венесуэльские отношения.

Оба государства станут развивать интенсивное сотрудничество в области промышленности, инвестиций, торговли, разработки природных ресурсов, науки, технологий, сельского хозяйства и транспорта, в приоритетном плане содействовать тесным контактам между представителями их деловых кругов. Будет также развиваться широкомасштабное партнерство в области культуры, искусства, образования, средств массовой информации, спорта, туризма. Стороны договорились о сотрудничестве в региональных и мировых организациях, включая ООН, для обеспечения мира и процветания путем совместной работы в областях, представляющих взаимный интерес, таких, как поощрение торговли, охрана окружающей среды, нераспространение оружия массового уничтожения.

Нельзя также не упомянуть Таможенный союз Республики Беларусь, Казахстана и Российской Федерации, который по прогнозам многих политологов и экономистов является довольно успешным и долгосрочным. Эти страны, которые простираются на постсоветском пространстве, добились достаточно много в своих начинаниях на различных правовых уровнях.

В последние годы на качественно новый уровень вышло двустороннее сотрудничество Беларуси и Туркменистана. Дипломатические отношения между странами установлены 21 января 1993 года. С октября 1995 года в Минске функционирует Посольство Туркменистана. С 2002 года в Ашхабаде действует Посольство Республики Беларусь в Туркменистане.

Республика Беларусь стремится углублять экономические, научно-технические, культурные, гуманитарные и иные связи с иностранными фирмами,

иностранными государствами, другими организациями, обладающими правами юридических лиц, гражданами других государств. Республика Беларусь заинтересована в иностранных инвестициях, экспортирует и импортирует различные товары.

В соответствии с Инвестиционным кодексом Республики Беларусь в Беларуси создаются предприятия с иностранными инвестициями (в основном с постсоветского пространства) или полностью иностранные предприятия. Растут объёмы международных перевозок, расширяются расчётные и кредитные операции с участием иностранных субъектов, увеличивается число поездок граждан в Беларусь, граждане Республики Беларусь вступают в браки с иностранными гражданами и т.д. В этих условиях могут возникать различные споры, рассматриваемые с применением норм гражданского права не только в Республике Беларусь, но и национального права других государств. Суды Республики Беларусь в ряде случаев должны применять нормы гражданского права других государств. Всё это свидетельствует о важности изучения гражданского и торгового права зарубежных государств, поскольку приходится применять их нормы права на практике.

Участие в работе универсальных и специализированных, глобальных и региональных международных организаций и интеграционных объединений в настоящее время объективно является одним из важнейших направлений внешней политики белорусского государства.

В эпоху глобализации мировой экономики, нарастания новых глобальных вызовов и угроз требуются действенные международные многосторонние механизмы реагирования на эти проблемы и регулирования происходящих экономических, социальных и политических процессов. Эту роль и выполняет многостороннее сотрудничество.

К многостороннему сотрудничеству также относится взаимодействие Республики Беларусь с международными структурами, членом которых наша страна не является (ЕС, НАТО, ШОС и др.), участие белорусских делегаций в многосторонних международных форумах самой различной направленности.

ТАМОЖЕННЫЙ СОЮЗ БЕЛАРУСИ, РОССИИ И КАЗАХСТАНА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

*Т.В. Преснякова, А.С. Юшков
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Экономические потрясения, возникающие в последние годы то в одной, то в другой стране на постсоветском пространстве, отсутствие сколько-нибудь ощутимых результатов в преодолении кризисных явлений вынуждают политиков все чаще обращаться к опыту совместного ведения хозяйства в условиях управляемой интеграции. Даже в благополучные в экономическом отношении страны давно уже избрали для себя путь многоступенчатой интеграции, ведущей в конечном итоге, по замыслу её инициаторов, к политическому сближению. Именно межгосударственным, экономическим, торговым, валютно-финансовым объединениям, западные страны в немалой степени обязаны своим стабильным и поступательным развитием. И основной задачей для объединения национальных хозяйств экономики явилась выработка единой таможенной политики.

И первым шагом на этом пути было создание Таможенного союза Белоруссии, России и Казахстана. Таможенный союз – это форма торгово-экономической интеграции, предусматривающая единую таможенную территорию в пределах которой во взаимной торговле товарами не применяются таможенные пошлины и

ограничения экономического характера за исключением специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мер.

Основными целями создания таможенного союза является:

- развитие торговых отношений между сторонами-участниками;
- создание благоприятных условий для развития благоприятного бизнес-климата;
- рост товарооборота между странами;
- создание на территории Белоруссии, России, Казахстана некоего аналога Евросоюза.

Существует много точек зрения за и против таможенного союза. Какие же выгоды несет в себе Таможенный союз:

- снятие барьеров для осуществления поставок нефтепродуктов и нефти, транспортировки газа и электроэнергии. Это особенно важно, так как собственных ресурсов и запасов у Беларуси нет;
- возможность доступа к услугам компаний монополистов, осуществляющих поставки газа. Доступ предоставляет не только пользование услугами данных компаний на особых условиях, но также возможность ценообразования для страны и влияния на тарифную политику;
- упрощенное таможенное оформление сборных грузов для перевозки внутри стран;
- снижение цен на продукты;
- общее повышение качества жизни граждан страны;
- российские инвестиции в предприятия Беларуси.

Но не все так гладко и хорошо, как кажется на первый взгляд. Есть и существенные минусы от вступления в Таможенный союз. Многие экономисты и политологи считают, что страну ждут следующие минусы от вступления в Таможенный союз для Беларуси:

1. 30% белорусских предприятий могут оказаться под угрозой закрытия. По прогнозам специалистов через несколько лет действия Таможенного союза треть белорусских предприятий может быть просто закрыта или в лучшем случае выкуплена российскими компаниями. Дело в том, что в России существуют более производительные компании, выпускающие аналогичную продукцию по более низким ценам. Белорусские предприятия на общем рынке просто не смогут конкурировать с ними.

2. Повышение ввозных пошлин на импортные легковые автомобили.

3. Закрытие рынка Беларуси для многих иностранных товаров, например, подержанных автомобилей, импортной бытовой техники, все то, что традиционно пользуется большим спросом среди белорусов благодаря более доступной цене.

4. Беларусь, обладая экономикой в 16 раз меньше чем у России, не может быть в данном союзе полноправным партнером. А значит, что страна будет обязана играть по правилам более крупных участников союза – России и Казахстана.

Таким образом сделать однозначный вывод о пользе Таможенного союза для Беларуси нельзя. В этом предприятии трех стран есть и свои подводные камни, которые мы надеемся, со временем или не сбудутся, или найдутся пути их решения.

К актуальным вопросам регулирования внешнеэкономической деятельности относятся вопросы, касающиеся выхода нового таможенного законодательства. Таможенный кодекс таможенного союза – это новый законодательный акт, который регулирует экономические отношения между странами участниками, контролирующими деятельность таможенных органов и позволяет решать вопросы судебного характера.

Основные положения таможенного кодекса закрепляют:

- в пределах единой таможенной территории отменяются таможенные пошлины и ограничения экономического характера;
- к товарам ввозимых из третьих стран применяется единый таможенный тариф на основании единой товарной номенклатуры.

Эти положения являются более спорными, так как таможенный кодекс таможенного союза отличается от таможенных кодексов России, Белоруссии и Казахстана, а значит, и меняются требования к оформлению различных таможенных бумаг и документов.

К основным направлениям политики таможенного союза можно отнести:

1. Расширение территории таможенного союза. Подразумевает включение в таможенный союз таких стран как Киргизия, Таджикистан, Молдова.
2. Изменение сырьевой модели экономик России и Казахстана.
3. Появление новых возможностей для развития бизнеса.
4. Увеличение качества и ассортимента товаров.
5. Снижение цен на энергоносители.
6. Сокращение сроков перевозки из Китая в Европу в 4 раза.
7. Создание на территории Республики Беларусь логистического центра Восток-Запад.

К итогам создания Таможенного союза можно отнести то, что внешнеторговый оборот по сравнению с 2010 годом увеличился на треть.

Положительное сальдо составило 260 млрд. долларов, что превысило показатели прошлого года на 71,9 млрд. Суммарный объем внешней торговли составил 913 млрд. долларов. За предыдущий год белорусский экспорт в Россию вырос на 20%, а в Казахстан на 15%.

Подводя итоги можно сказать, что появление регионального таможенного союза на постсоветском пространстве важнейшее геополитическое достижение, дающее конкретные выгоды экономически интегрируемых государств.

ЗАМЕЧАНИЕ И ВЫГОВОР КАК ВИДЫ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЙ, ПРИМЕНЯЕМЫХ К ОБУЧАЮЩИМСЯ

А.Н. Пробейголова

Вит ебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Кодекс Республики Беларусь «Об образовании» учредил такой институт как дисциплинарная ответственность обучающихся. Видами мер дисциплинарного воздействия, применяемые к обучающимся, являются замечание и выговор (ст.128 п.п.1.1, 1.2 Кодекса Республики Беларусь «Об образовании»). До принятия кодифицированного нормативного акта данные виды дисциплинарных взысканий закреплялись в ст. 30 Закона о профессионально-техническом образовании, а также в ст.29 Закона Республики Беларусь о высшем образовании.

В настоящее время эти формы дисциплинарного воздействия установлены Кодексом Республики Беларусь «Об образовании».

Рассматриваемые виды дисциплинарных взысканий применяются к обучающимся, достигшим 14-летнего возраста, а к обучающимся с особенностями психофизического развития по достижении ими 17 лет. В случае не достижения обучающимся данного возраста к нему будут применены меры педагогического воздействия (например, беседа, обсуждение проступка на педагогическом совете и т.д.).

В настоящее время в законодательстве отсутствуют основания для примене-

ния указанных взысканий, что является значительным пробелом в указанной сфере. Следовало бы установить, за какие проступки, какие могут последовать взыскания. Это гарантировало бы соразмерность ответственности совершенному противоправному деянию и уменьшило бы риск самоуправства со стороны руководителей учреждений образования, поскольку именно они выбирают меру воздействия на виновного. При этом, естественно, не нужно забывать о возможности рецидива, когда за один и тот же проступок, совершенный в течение определенного времени, взыскание ужесточается. То есть, за совершение ещё одного дисциплинарного проступка в течении года, при наличии у обучающегося замечания, следует применение выговора как меры дисциплинарного воздействия.

При выборе руководителем учреждения образования меры дисциплинарного воздействия (замечания или выговора) им должны учитываться степень тяжести совершенного дисциплинарного проступка, а также причины его совершения обучающимся, обстоятельства, при которых он был совершен, и, конечно же, поведение виновного до его совершения.

При применении к обучающемуся таких дисциплинарных взысканий, как замечание и выговор, также должен учитываться принцип презумпции невиновности – обучающийся, привлекаемый к дисциплинарной ответственности, считается невиновным, пока его вина не будет доказана и установлена приказом о применении меры дисциплинарного взыскания, изданным руководителем учреждения образования (ст.130 Кодекса Республики Беларусь «Об образовании»). Таким образом, гарантируется соблюдение прав и законных интересов обучающихся, а также защита чести и достоинства обучающегося, пока не будет доказана его виновность.

Обучающийся, к которому применяются замечание и выговор, имеет право ознакомиться со всеми материалами дела, которые подтверждают его вину, давать объяснения по поводу совершенного им проступка, получать юридическую помощь, а также ознакомиться и, в случае несогласия, обжаловать приказ о наложении дисциплинарного проступка.

Поводами для применения рассматриваемых дисциплинарных взысканий могут служить сообщения местных исполнительных и распорядительных органов, правоохранительных органов, а также любых иных государственных органов и организаций, докладные записки педагогических работников учреждения образования, а также лиц, которые осуществляют охрану данных учреждений. Однако для проверки достоверности указанных сообщений либо докладных записок (во избежание клеветы, предотвращения предвзятости к обучающимся со стороны вышеуказанных лиц) требуется создать специальный орган, либо комиссию. Приступать же к рассмотрению дисциплинарного проступка следует только после письменного разрешения такой комиссии.

При применении замечания или выговора к несовершеннолетнему обучающемуся руководитель образовательного учреждения обязан сообщить одному из его законных представителей о возможности привлечения этого несовершеннолетнего обучающегося к дисциплинарной ответственности, также запрашиваются объяснения с виновного, которые он имеет право предъявить в течении пяти рабочих дней.

Данное объяснение позволяет ему понять причину совершения данного проступка. При отказе от дачи объяснения тремя лицами из числа работников учреждения образования или обучающихся, возраст которых достиг 18 лет, составляется акт. Данный отказ не является препятствием для наложения дисциплинарного взыскания.

За один дисциплинарный проступок следует только одно дисциплинарное взыскание.

Применение мер дисциплинарной ответственности происходит на основании материалов, которые должны содержать фактические доказательства совершения дисциплинарного проступка.

Обучающийся может быть подвергнут применению к нему замечания, выговора не позднее одного месяца со дня обнаружения дисциплинарного проступка, не считая времени его болезни, каникул, отпуска. Однако привлечение к дисциплинарной ответственности не может быть совершено позднее шести месяцев со дня совершения дисциплинарного проступка.

Применение рассматриваемых мер к несовершеннолетнему обучающемуся возможно не ранее семи календарных дней после направления уведомления одному из его законных представителей.

Решение о применении мер дисциплинарного воздействия (замечания, выговора) оформляется руководителем учреждения образования в виде приказа, который содержит в себе сведения об обучающемся, привлекаемом к дисциплинарной ответственности, форме вины (умысел или неосторожность), о совершенном дисциплинарном проступке, доказательстве вины и указание меры дисциплинарного воздействия. Обучающийся знакомится с указанным приказом под роспись в течение трех календарных дней (время болезни, каникул, отпуска не учитывается), но если он не ознакомлен с приказом, то считается, что он не подвергался мерам дисциплинарной ответственности.

Отказ же от ознакомления с приказом оформляется актом, который подписывается тремя работниками из учреждения образования или обучающимися, достигшими 18 лет.

Следует отметить, что сведения о применении меры дисциплинарного воздействия вносятся в личное дело обучающегося.

В течение одного месяца после отчисления обучающийся либо законный представитель несовершеннолетнего обучающегося имеют право обжаловать решение о применении к нему дисциплинарного взыскания в виде замечания или выговора в суд или вышестоящую организацию.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА ФРАНЧАЙЗИНГА В КОНТЕКСТЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

А.А. Пуп

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

Динамика развития рыночных отношений на постсоветском пространстве выявила наличие новых прогрессивных форм ведения бизнеса, распространение которых опережает их легализацию и детальную законодательную регламентацию, однако, учитывая их исключительную важность для национальной экономики и международного сотрудничества, требует соответствующего правового обеспечения.

Одной из таких форм ведения предпринимательской деятельности является франчайзинг; известный также в современной правовой теории как «франшизинг» или «франчайз».

В практике коммерческой деятельности США франчайзинг получил развитие в 30-е годы XX века, в других государствах – в 70-е годы XX века, и рассматривался западной правовой доктриной как разновидность договора об исключительной продаже товаров, согласно которому продавец предоставляет покупателю исключительное право продажи товаров на определенной территории или указан-

ной клиентуре. Специфика договора о франшизе определялась условиями о коммерческой, технической и организационной помощи при продаже покупателем товаров и (или) оказании услуг третьи лицам.

Несмотря на то, что договор франчайзинга в настоящее время получил распространение и признан самостоятельным объектом правового регулирования более чем в 80 странах мира, законодательная база, регулирующая франчайзинговые отношения, разработана лишь в некоторых из этих стран.

Законодательство Европейского Союза идет по пути унификации и гармонизации норм гражданского законодательства в области франчайзинговых отношений.

В праве Европейского Союза регулирование франчайзинга обеспечивается рекомендациями Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), Этическим кодексом Международной франшизной ассоциации, а также региональными актами международного законодательства.

При этом право ЕС долгое время не содержало специального регулирования отношений франчайзинга. В 1986 году Европейский Суд Справедливости принял первое решение о действительности договора франчайзинга и признал его не противоречащим законодательству ЕС о конкуренции.

В СССР франчайзинг стали использовать с конца 1980-х годов. Первым иностранным франчайзером, пришедшим в Советский Союз, стала американская компания «PepsiCo». Предприятия по производству напитков "Пепси-кола" были построены в нескольких городах СССР. А реализовывалась произведенная продукция через сеть фирменных киосков.

В Российской Федерации франчайзинг интенсивно развивается с начала 1990-х годов. В настоящее время на российском рынке представлены порядка 30 известных иностранных брэндов, которыми владеют такие компании, как «Buskin Robbins», «Xerox», «Kodak», «Benetton», «Pizza Hut», «Subway» и многие другие.

Институт франчайзинга был легализован и получил свое закрепление в правовой системе Республики Беларусь с принятием Гражданского кодекса 1998 года.

Из приведенного в Гражданском кодексе Республики Беларусь определения видно, что в качестве основы договора франчайзинга законодатель Республики Беларусь указывает на его предмет, а именно лицензионный комплекс, то есть определенный перечень лицензий, которые правообладатель должен передать пользователю в рамках указанного договора.

Предметом договора франчайзинга является передача правообладателем права на использование лицензионного комплекса («делового комплекса») для использования в предпринимательской деятельности пользователя. Предоставление права на использование лицензионного комплекса сопряжено с выполнением дополнительных обязательств правообладателя по отношению к пользователю. Следует обратить внимание на то, что право использования фирменного наименования правообладателя и нераскрытой информации, в том числе секретов производства (ноу-хау), является обязательным элементом лицензионного комплекса. Понятие «нераскрытая информация» применимо к информации технического, организационного или коммерческого характера, а также к секретам производства (ноу-хау). Таким образом, стороны договора франчайзинга, особенно если речь идет о торговом франчайзинге, будут вынуждены придумывать секреты производства (в случае их отсутствия), без которых нет предмета договора, а сам договор может быть признан незаключенным. В связи с данным обстоятельством, на наш взгляд, представляется необходимым внесение изменений в статью 910 Гражданского кодекса Республики Беларусь в части определения предмета догово-

вора франчайзинга: признать положение о передаче нераскрытой информации факультативным. Иные объекты интеллектуальной собственности (изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, компьютерные программы) могут быть включены в лицензионный комплекс, если это предусмотрено договором франчайзинга. Таким образом, в законодательстве возникает коллизия: индивидуальный предприниматель является стороной договора (в соответствии со статьей 910 Гражданского кодекса), однако не обладает правом на использование фирменного наименования. В связи с этим, считаем целесообразным разрешить сложившуюся ситуацию принятием нормы, позволяющей индивидуальному предпринимателю использовать фирменное наименование.

Характер и объем прав и обязанностей сторон договора франчайзинга не является равноценным, хотя отдельные из них корреспондируют друг другу. Для договора франчайзинга характерно то, что обязательство, возникающее у пользователя, включает в себя обязанности не только перед правообладателем, но и перед третьими лицами, с которыми он вступает во взаимоотношения при осуществлении предпринимательской деятельности с использованием исключительных прав, деловой репутации и коммерческого опыта правообладателя.

Ограничение прав сторон, вступающих (вступивших) во франчайзинговые отношения, объясняется, прежде всего, характером этих отношений, суть которых заключается в том, что, расширяя один и тот же вид предпринимательской деятельности, выпуская (предлагая) на рынок один и тот же товар (работы, услуги), создается реальная почва для конкуренции. Вместе с тем, стороны франчайзинга выступают не как конкуренты, а как партнеры, которые избегают конкуренции, разделив между собой сам рынок, что, в конечном итоге, достигается через ограничение собственных прав.

Таким образом, франчайзинг рассматривается как разновидность договорно-обязательственных отношений, а также как особая, отвечающая потребностям современного рынка философия предпринимательства, как новая, прогрессивная система организации бизнеса и этики деловых отношений. Эту точку зрения поддерживает Комитет по малому бизнесу Палаты представителей Конгресса США, считая франчайзинг наиболее динамичным видом бизнеса после изобретения коммерческой корпорации сто лет назад. Ныне франчайзинг, считает Комитет, – «доминирующая сила» в сфере распределения товаров и услуг, «волна будущего» на американском рынке. По оценке журнала «Тайм», проводимой Комитетом, в XXI веке франчайзинг станет «главным методом ведения бизнеса».

Данными выводами обусловлена необходимость унификации и гармонизации гражданского законодательства на постсоветском пространстве, с учетом положительного опыта западных стран и потребностей национальной экономики.

К ВОПРОСУ О КОРРУПЦИИ

Н.В. Путова

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Коррупция стала масштабной проблемой современности. Ни одно государство, независимо от его социально-экономического и политического устройства, не имеет абсолютного иммунитета к коррупции.

Подписание в 2003 году Конвенции Организации Объединенных Наций «Против коррупции» и реализация идеи создания Международной ассоциации антикоррупционных учреждений – это результат глубокого осознания мировым сообществом серьезной опасности, которую таит в себе коррупция.

Поддерживая и развивая инициативы по борьбе с коррупцией на националь-

ном, региональном и международном уровнях, Республика Беларусь одним из первых государств-участников ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции.

В 2001 году утверждена Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, в которой борьба с коррупцией определена в качестве одного из приоритетных направлений деятельности государства.

В 2002 году принята первая специализированная Государственная программа по усилению борьбы с коррупцией на 2002-2006 годы. В настоящее время действует Государственная программа по борьбе с преступностью и коррупцией на 2010-2012 годы.

В 2000-2005 годах Республики Беларусь ратифицировала ряд важнейших международных конвенций: Конвенцию ООН против коррупции и транснациональной организованной преступности, Конвенцию Совета Европы об уголовной и гражданско-правовой ответственности за коррупцию.

Выполняя свои международные обязательства, а также учитывая давно назревшую необходимость в выработке новых методов предупреждения и пресечения коррупции, Республика Беларусь принимают меры по дальнейшему совершенствованию антикоррупционного законодательства.

В июле 2006 года принят Закон «О борьбе с коррупцией». Данный закон устанавливает правовые основы государственной политики в сфере борьбы с коррупцией, направлен на защиту прав и свобод граждан, общественных интересов от угроз, вытекающих из проявлений коррупции, обеспечение эффективной деятельности государственных органов, иных организаций государственных должностных и приравненных к ним лиц, путем предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия правонарушений, создающих условия для коррупции и коррупционных правонарушений, устранения их последствий.

В соответствии с Законом, борьбу с коррупцией осуществляют органы прокуратуры, Следственный комитет Республики Беларусь и государственной безопасности, как самостоятельно, так и во взаимодействии между собой, с иными государственными органами и организациями, а также при содействии граждан Республики Беларусь.

Как показывает практика, наиболее распространенными коррупционными преступлениями являются хищения, злоупотребления властью, служебный подлог, получение и дача взятки, получение незаконного вознаграждения госслужащим, не являющимся должностным лицом. На долю этих составов преступлений приходится почти 40% от общего числа выявленных коррупционных преступлений. Такая же динамика сохраняется практически ежегодно.

На основе анализа практики применения уголовного закона, вносятся в соответствующие государственные органы предложения о совершенствовании законодательства о борьбе с коррупцией.

Статьями 9, 10 и 27 Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» установлена обязанность государственных органов и иных организаций участвовать в борьбе с коррупцией в пределах своей компетенции в соответствии с законодательством Республики Беларусь и передавать государственным органам, осуществляющим борьбу с коррупцией, информацию, связанную с фактами, свидетельствующими о коррупции.

Однако следует констатировать, что данные требования Закона должным образом не исполняются. Практически от кредитно-финансовых организаций, государственных органов по регистрации имущества, нотариальных органов не поступает информация о вышеуказанных фактах, что не способствует повышению эффективности работы по предупреждению и пресечению такого обществен-

но опасного коррупционного проявления, как легализация материальных ценностей, приобретенных не законным путем.

В соответствии с абзацем 2 части 1 статьи 5 Закона о борьбе с коррупцией эффективная борьба с коррупцией может быть обеспечена только при условии надлежащего планирования и координации антикоррупционной деятельности. В целях координации этой деятельности в организациях должны быть созданы специальные антикоррупционные комиссии. Вместе с тем, как показывают прокурорские проверки, такие комиссии созданы не везде, а там где созданы – их работа зачастую носит формальный характер и не отвечает их предназначению.

Вместе с тем, основными задачами таких комиссий являются разработка мероприятий по устранению причин и условий порождающих нарушения антикоррупционного законодательства, внесение предложений по проведению проверок, ревизий и инвентаризаций, заслушивание отчетов руководителей структурных подразделений о проводимых ими мероприятиях и принимаемых мерах по предотвращению коррупционных проявлений, подготовка предложений по внесению изменений и дополнений в локальные нормативные акты предприятий и организаций с целью усиления профилактики таких проявлений.

Борьбу с коррупцией необходимо осуществлять не только правоохранительным органам. Первоочередной задачей для всех руководителей, и в первую очередь государственных органов и организаций, должно быть обеспечение кадровой чистоты коллектива, юридической и моральной чистоплотности каждого сотрудника.

За 10 месяцев 2011 года в Витебской области зарегистрировано 311 фактов коррупционных преступлений, что на 5,4 процента выше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года.

Основное количество таких правонарушений выявлено в промышленности – 78, а также в сельском хозяйстве – 31, по 26 в сферах торговли, государственного управления, образования.

Из 1 770 коррупционных преступлений, зарегистрированных в республике за 7 месяцев текущего года, 522 преступления, или 29,4%, выявлено в системах министерств.

Наиболее подверженными коррупции на протяжении нескольких лет остаются министерства образования, архитектуры и строительства, промышленности, транспорта и коммуникаций, сельского хозяйства и продовольствия.

В системе Минстройархитектуры зарегистрировано в 2009 году – 84 коррупционных преступления, 2010 году – 91, за 7 месяцев 2011 года – 58. К уголовной ответственности привлечено 96 работников, из них в 2009 году – 19, 2010 году – 46, за 7 месяцев 2011 года – 31.

Такие опасные формы коррупции, как взяточничество и хищение путем злоупотребления служебными полномочиями, нередко совершались непосредственно руководителями организаций. Установлены неединичные факты использования должностными лицами труда подчиненных работников для выполнения строительных и иных работ в личных целях, служебного транспорта и служебных телефонов, незаконного получения государственными служащими премиальных выплат от организаций частной формы собственности и др.

Распространены факты ненадлежащего подбора кадров на руководящие, материально-ответственные и другие коррупционно-рискованные должности.

Руководителями не всегда уделялось должное внимание установлению и устранению причин и условий, способствующих коррупции, а меры, принятые по выявленным фактам, зачастую ограничивались привлечением виновных лиц к

дисциплинарной ответственности.

Работа созданных в министерствах антикоррупционных комиссий нередко являлась формальной. Не практиковалась разработка специализированных эффективных мероприятий, направленных на предупреждение конкретных, наиболее распространенных коррупционных правонарушений.

Таким образом, антикоррупционные мероприятия должны проводиться систематически и целенаправленно. Это позволит не только своевременно пресекать факты коррупции, но и выявлять, а также устранять причины и условия, ей способствующие.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В БЕЛАРУСИ И РОССИИ

В.И. Пушкин

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Существенное отличие совершенствования гражданского законодательства в Беларуси и Российской Федерации заключается в том, что изменение гражданского законодательства в Республике Беларусь носит практически необходимый, спонтанный характер. В Российской Федерации 21 июля 2008 года подписан Указ «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации», который предусматривает разработку концепций развития гражданского законодательства и внесение в Гражданский кодекс изменений и дополнений с учетом опыта применения и толкование его судами в правоприменительной практике. Реализация указанных задач возложена на Совет при Президенте по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства и Исследовательский центр частного права при Президенте. Иными словами, совершенствование гражданского законодательства в России обрело комплексный и системный характер. Планируется изучить правоприменительную практику, выявить недостатки старого Гражданского кодекса и обобщить все поступившие предложения по его дальнейшему совершенствованию, а затем внести изменения и дополнения, позволяющие стабилизировать гражданское законодательство на более длительную перспективу.

Так уже сегодня Советом и Исследовательским центром предложено в корне пересмотреть Раздел II Гражданского кодекса Российской Федерации. Раздел II назывался «Право собственности и другие вещные права». Он у нас в законодательстве называется так же и имеет такую же структуру как в Российской Федерации. В России предлагается дать новое название раздела – «Вещное право», чтобы акцентировать внимание не только на праве собственности, но и на других вещных правах, которые имеют сегодня не менее важное значение.

С изменением названия раздела изменению подлежит и его структура и содержание. В структуре, например, предлагается выделить четыре подраздела: подраздел 1 «Владение», подраздел 2 «Общие положения о вещных правах», подраздел 3 «Право собственности», подраздел 4 «Ограниченные вещные права». Следует обратить внимание на то, что подраздел «Владение» включает в себе не только вопросы и отличие владения от права собственности, но и определяет владельческие способы защиты, которые есть в зарубежном частном праве и были когда-то в царском российском законодательстве.

Учитывая, что владения у нас довольно развито, например, право пожизненного наследуемого владения земельным участком, залог и т.п. владение без права собственности и возникновения субъективного права, то и для законодательства Республики Беларусь такие изменения способствовали бы дальнейшему сближе-

нию законодательства с Российской Федерацией и его совершенствованию.

Какие сиюминутные изменения необходимо внести в Гражданский кодекс Республики Беларусь, чтобы, во-первых, устранить некоторые формально-логические и парадоксальные неточности; во-вторых, сблизить гражданские кодексы Беларуси и России.

Обратимся к такому вопросу как дееспособность малолетних. Всем известно, что до введения нового законодательства эта категория несовершеннолетних была полностью недееспособной. И даже после принятия в 1998 году нового Гражданского кодекса некоторые авторы в учебной литературы писали о недееспособности малолетних. Затем все же обратили внимание на ст.27 Гражданский кодекс Республики Беларусь и ст.28 Гражданского кодекса Российской Федерации, указывающих на три вида сделок малолетних, которые они имеют право совершать самостоятельно. Называть эту дееспособность стали по аналогии с подростковой частичной. На мой взгляд, лучше использовать термин «относительная дееспособность». Это обусловлено тем, что, представляя возможность самостоятельного совершения сделок малолетним, законодатель оградил их от имущественной ответственности по сделкам и возложил ее на родителей, усыновителей или опекунов. Указанные лица в соответствии с законом отвечают также за вред, причиненный малолетними.

Итак, статьи 27 и 28 Гражданского кодекса соответственно Республики Беларусь и России в сути своей совпадают, но ч.1 п.2, указанных статей, необходимо привести к единству. Это скорее касается белорусского законодательства.

Гражданский кодекс не определяет понятие малолетних и подростков. Это мы находим в КоБС. В ст.179 указанного кодекса сказано: «Лицо с момента рождения до достижения им восемнадцати лет считается несовершеннолетним.

Ребенок по достижении им четырнадцати лет считается малолетним.

Несовершеннолетний: в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет считается подростком».

В Гражданском кодексе с учетом сказанного, записано, что несовершеннолетний в возрасте до четырнадцати лет вправе самостоятельно совершать определенные сделки, п.2 ст.27. Выходит, что еще в пеленках ребенок обладает некой дееспособностью. Это и приводит к тому, что отдельные авторы вынуждены писать о полной недееспособности малолетних.

В ГК РФ записано более объективно. Там относительной дееспособностью обладают малолетние в возрасте от шести до четырнадцати лет, т.е. малолетние делятся на две группы: первая – до шести лет – полностью недееспособная; вторая – от шести до четырнадцати лет – относительно (частично) дееспособная.

Второй пример соотношения гражданского законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации. Он касается вопроса о формах собственности. Имеет он существенное значение для всего второго раздела ГК, включен он также в первый раздел Конституции Республики Беларусь.

В п.1 ГК РФ записано: «В Российской Федерации признаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». Думается предельно ясно.

Обратимся к п.1 ст.312 ГК Республики Беларусь. В ней сказано: «Собственность может быть государственной и частной». Если попытаться уяснить смысл нормы с помощью правил формальной логики, то выясняется довольно интересная картина. Собственность может быть, следовательно, собственность может и не быть государственной и частной. А какая тогда есть? Правда смысл нормы можно выявить путем сопоставления ее с теми историческими условиями, в кото-

рых она была принята, т.е. применить историческое толкование. История есть история, но время не стоит на месте.

Изменить эту норму довольно сложно. Ведь Гражданский кодекс должен соответствовать Основному Закону Республики Беларусь, поэтому надо изменить ч.1 ст.13 Конституции Республики Беларусь, в которой записано: «Собственность может быть государственной и частной». Статья 13 входит в первый раздел. В соответствии с ч.3 ст.140 раздел первый и другие разделы Конституции могут быть изменены только путем референдума.

Еще один вопрос возникает, когда знакомимся с изменениями, внесенными в ГК Республики Беларусь Законом Республики Беларусь от 19 июля 2005 года.

Обратимся к юридическим лицам и к вопросу общей совместной собственности. Речь пойдет о крестьянском (фермерском) хозяйстве. В РФ крестьянское (фермерское) хозяйство не относят к юридическим лицам. О нем говорится в главе 16 «Общая собственность». В указанной главе определена собственность данного хозяйства (ст.257) рассмотрен порядок ее раздела (ст.258), а также возможность образования членами крестьянского (фермерского) хозяйства юридического лица в виде хозяйственного товарищества или кооператива (ст.259).

В ст.257 указано, что имущество крестьянского (фермерского) хозяйства принадлежит его членам на праве совместной собственности. В совместной собственности членов хозяйства находятся представленный в собственности этому хозяйству или приобретенный земельный участок, насаждения и иные постройки, мелиоративные и другие сооружения, продуктивный и рабочий скот, птица, сельскохозяйственная и иная техника и оборудование, транспортные средства, инвентарь и другое имущество, приобретенное для хозяйства на общие средства его членов.

Четко и ясно определено и все остальное, в том числе и раздел земельного участка.

А теперь обратимся к белорусскому законодательству по вопросу крестьянского (фермерского) хозяйства, его месте и собственности. Ст.260 из главы 16 «Общая собственность» очень близка к законодательству РФ кроме одного, а именно: право собственности или другое вещное право на землю у фермеров отсутствует. На какой основе она принадлежать членам крестьянского (фермерского) хозяйства можно только узнать из других законодательных актов.

Было бы неправильно остановиться только на этом, потому что с тех пор белорусское законодательство претерпело изменения на основе тенденции роста унитарных предприятий. Ст.260 и 261 ГК Республики Беларусь Законом от 19 июля 2005 года были исключены, а крестьянское (фермерское) хозяйство стало юридическим лицом и включено в §4. Унитарные предприятия. Статья 115(1) ГК Республики Беларусь гласит: «Крестьянским (фермерским) хозяйством признается коммерческая организация, созданная одним гражданином (членами одной семьи) внесшим (внесшими) имущественные вклады, для осуществления предпринимательской деятельности по производству сельскохозяйственной продукции, а также по ее переработке, хранению, транспортировке и реализации, основанной на его (их) личном трудовом участии и использовании земельного участка, предоставленного для этих целей в соответствии с законодательством об охране и использовании земель».

Далее указано, что для целей настоящего параграфа определены члены семьи в соответствии с законодательством о браке и семье.

Согласно ст.59 КоБС семья является объединением лиц, т.е. на одно лицо никак не тянет. К тому же, если обратить внимание на ч.2 ст.59 и ст.29 ЖК, то

можно рамки семьи расширить.

Итак, возникает довольно сложная ситуация: если одним лицом (гражданином) создана коммерческая организация – это частное унитарное предприятие (ЧУП); если семьей – это объединение лиц, т.е. имеем дело с хозяйственным полным товариществом, либо с производственным кооперативом. А где же крестьянское (фермерское) хозяйство? Оказывается все гораздо проще.

В унитарном предприятии (ст.113 ГК) имущество принадлежит собственнику, в полном товариществе участники несут субсидиарную ответственность своим имуществом по обязательствам товарищества (ст.66 ГК), в производственном кооперативе участники вносят имущественные паевые взносы (ст.107 ГК).

А теперь вновь созданное крестьянское (фермерское) хозяйство: частным унитарным предприятием не может, потому что собственность принадлежит юридическому лицу (ст.115(2) ГК); полным хозяйственным товариществом быть не может, потому что члены хозяйства не отвечают по обязательствам крестьянского (фермерского) хозяйства (ч.2, п.2, ст.115 (1) ГК); производственным кооперативом быть не может, так как участники, во-первых, являются членами одной семьи или вообще один участник, а в кооперативе минимум три, во-вторых, члены кооператива вносят паевые взносы, а участники крестьянского (фермерского) хозяйства имущественные вклады (ст.ст.107, 115(1) ГК). Следовательно, возникает какой-то новый вид юридического лица.

Таким образом, на трех небольших примерах мы видим отсутствие интеграционных процессов в частном праве РФ и Республики Беларусь. В некоторых моментах даже наблюдается определенный регресс, а не сближение.

Но дело не в нем. Вопрос можно поставить прямо: возможно ли создание интеграционного межгосударственного гражданского законодательства? Со всей ответственностью можно ответить на этот вопрос отрицательно.

В мире еще нет такого законодательства. В Европе степень экономической и политической интеграции гораздо выше, чем у нас с Россией и Казахстаном, но еще никто не говорит о том, что возможна интеграция Наполеоновского кодекса Франции с Германским гражданским уложением. Нужно ясно и четко понимать, что гражданское законодательство, да и другие отрасли права, носит национальный характер. Отношения между независимыми странами строятся на основе межгосударственных соглашений, которые дополняют и обязывают изменять национальное законодательство, но не изменяют его национальную природу.

ПОНЯТИЕ ЭКСТРЕМИЗМА

С.О. Рамазанова

Минск, НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

В последние годы одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед мировым сообществом является проблема противодействия экстремизму. Термин, который еще несколько десятилетий назад употреблялся редко и только в специальной литературе, в настоящее время не сходит со страниц газет, звучит в радио и телепередачах. Это обусловлено тем, что особая опасность современного экстремизма состоит в деятельности экстремистских организаций (группировок), нередко направленной на подрыв основ конституционного строя и безопасности любого государства; нарушение его территориальной целостности; дестабилизацию социально-политической ситуации в стране; унижение человеческого и национального достоинства; разжигание (возбуждение) социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды; нарушение прав и свобод

граждан; нанесение вреда основным ценностям демократического общества.

Для эффективной борьбы с экстремизмом, а также для работы по профилактике экстремизма, необходимо выработка научного понятия данного негативного социального явления с целью ограничения экстремистской деятельности от любой другой.

Существует различные подходы к трактовке понятия экстремизм. Так, Доктор Питер Т. Колеман и доктор Андреа Бартоли в своей работе «Addressing Extremism» предложили определять экстремизм как деятельность (а также убеждения, отношение к чему-то или кому-то, чувства, действия, стратегии) личности, далёкие от обычных общепринятых.

Доктор юридических наук Е.Б. Кургузкина считает, что экстремизм – вид общественного и индивидуального мировоззрения, основанного на идеологии крайне радикального толка, состоящей в провозглашении (с обоснованием и произвольно) ненависти или вражды, также унижении человеческого достоинства человека или группы лиц по признаку пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, культурным и духовным традициям, нравам, обычаям, идеологическим и политическим различиям, а равно принадлежности к какой-либо социально группе.

Р.М. Узденов, кандидат юридических наук, предлагает определять экстремизм как социальное негативное явление, проявляющееся в совокупности общественно опасных уголовно-наказуемых деяний, совершаемых с определенной системой взглядов, воззрений, убеждений, возведенных в культ, с целью достижения определенного результата, предусмотренного этой системой взглядов, в какой-либо области общественных отношений, существующий порядок которой описывается экстремистами. Таким образом, в научном сообществе нет единого понимания социально опасного явления «экстремизм».

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 года даёт следующее определение экстремизма (п.3 ч.1 ст.1): экстремизм – какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, и преследуемые в уголовном порядке в соответствии с национальным законодательством стран-участниц.

В «Модельном законе о противодействии экстремизму», принятом на тридцать втором пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ экстремизм определяется как – посягательство на основы конституционного строя и безопасность государства, а также нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, осуществляемые вследствие отрицания правовых и (или) иных общепринятых норм и правил социального поведения.

В Республике Беларусь законодательное определение понятия «экстремизм (экстремистская деятельность)» содержится в Законе Республики Беларусь от 21.07.2008 года «О противодействии экстремизму», в соответствии с которым под экстремизмом (экстремистской деятельностью) понимаются следующее противоправные деяния:

1. Деятельность политических партий, других общественных объединений, религиозных и иных организаций (далее - организации) либо граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства (далее, если не указано иное, - граждане) по планированию, организации, подготовке и совершению дей-

ствий, направленных на насильственное изменение конституционного строя и (или) территориальной целостности Республики Беларусь, захват или удержание государственной власти неконституционным путем, создание незаконных вооруженных формирований, осуществление террористической деятельности, разжигание расовой, национальной или религиозной вражды или розни, а также социальной розни, связанных с насилием или призывами к насилию, унижение национальной чести и достоинства, организацию и осуществление массовых беспорядков, хулиганских действий и актов вандализма по мотивам расовой, национальной, религиозной вражды или розни, политической или идеологической вражды, а равно по мотивам вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности, пропаганду и публичное демонстрационное, изготовление и распространение нацистской символики или атрибутики;

2. Воспрепятствование законной деятельности государственных органов, в том числе Центральной комиссии Республики Беларусь по выборам и проведению республиканских референдумов, избирательных комиссий, комиссий по референдуму или комиссий по проведению голосования об отзыве депутата, а также законной деятельности должностных лиц указанных органов или комиссий, совершенное с применением насилия, угрозы его применения, обмана, подкупа, а равно применение насилия либо угроза насилием в отношении близких указанных лиц в целях воспрепятствования законной деятельности этих должностных лиц или принуждения к изменению характера такой деятельности либо из мести за выполнение ими служебных обязанностей;

3. Публичные призывы к указанным деятельности и действиям, их финансирование либо иное содействие в их осуществлении, в том числе путем предоставления недвижимого имущества, средств электросвязи, учебных, полиграфических, иных материально-технических средств или информационных услуг.

Полагаем, что данный подход в определении понятия «экстремизм (экстремистская деятельность)» является сложным для восприятия, охватывает деяния, существенно отличающиеся друг от друга по объекту посягательства, характеру и степени общественной опасности. Вне сомнения, экстремизм представляет собой совокупность деяний, но вместе с тем не просто деяний, перечисленных в Уголовном кодексе в качестве уголовно – наказуемых, а деяний, объединенных специальным мотивом и определенной целью.

Таким образом, считаем необходимым при определении понятия «экстремизм (экстремистская деятельность)» в обязательном порядке указывать специальный мотив и цель совершения уголовно-наказуемых деяний.

К ВОПРОСУ О КРИТЕРИЯХ КОНСТИТУЦИОННОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО АКТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Н.А. Раханова

Минск, Белорусский государственный университет

1. В научной литературе понятие «критерий конституционности» используется в двух различных значениях: (а) как источник права («эталон»), содержащий нормы конституционного характера, на предмет соответствия которым оценивается тот или иной объект (правовой акт, действие); (б) как условие (правило), при соблюдении которого и установлении искомого соответствия объект оценки признается конституционным.

2. По вопросу определения «эталона (стандарта) конституционности» устоялось две основных позиции, определяемые как однополярный и многополярный подход. Сторонники первого полагают, что критериями конституционности выступают только нормы Основного Закона по причине необходимости более высокого уровня правовой охраны Конституции в связи с ее особыми юридическими свойствами и функциями. В то же время конституционная практика многих государств, продвигаясь по пути расширения сферы конституционного контроля, допускает оценку соответствия проверяемых правовых актов не только Конституции, но и иным источникам конституционного права, причем диапазон таких источников в зависимости от уровня конституционного контроля может быть достаточно широким (органические законы, решения международных судебных органов, конституционные акты субъектов федерации).

3. В отношении законодательных актов Основным Законом Республики Беларусь установлено два «эталона конституционности» – собственно Конституция и международно-правовые акты, ратифицированные Республикой Беларусь (абз.2 ч.4 ст.116 Конституции), и такая формулировка при ближайшем рассмотрении не является однозначной.

Во-первых, следует принимать во внимание то, что термин «ратификация» имеет принципиальные различия в содержании по праву международных договоров и в соответствии с национальным законодательством. Исходя из этого, спорной представляется позиция законодателя о приоритетном (конституционного уровня) положении именно ратифицированных международных договоров и использовании их в качестве «эталона» конституционности. С точки зрения международного права юридическая сила и значимость договора не определяется способом выражения согласия государства на его обязательность. Если же обратиться к требованиям белорусского законодательства, то необходимость ратификации договора обусловлена вторжением акта в сферу законодательного регулирования или предполагаемым ограничением государственного суверенитета (ст.19 Закона о международных договорах). Однако такие же последствия может повлечь международный договор, согласие на обязательность для Республики Беларусь которого выражается путем присоединения к договору или правопреемства в отношении такого договора. Имплементация соответствующих норм в национальную правовую систему Беларуси осуществляется посредством такой же парламентской процедуры, как и норм ратифицированных договоров.

Во-вторых, не достаточно четко решен вопрос о самостоятельности международно-правовых актов как критериев конституционности. В частности, может ли законодательный акт признаваться неконституционным только на основании его несоответствия ратифицированному международному договору, т.е. при отсутствии очевидных противоречий нормам Основного Закона?

Дело в том, что в силу требований статьи 8 Основного Закона Республики Беларусь заключение международных договоров, которые противоречат Конституции, не допускается, из чего следует, что международные договоры надконституционными не являются и в силу норм абз.2 ч.4 ст.116 Основного Закона Республики Беларусь могут быть оценены на предмет соответствия Конституции. При этом Декретом Президента Республики Беларусь от 26 июня 2008 года №14 «О некоторых мерах по совершенствованию деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь» был установлен не обязательный, а факультативный контроль международных актов. Таким образом, безоговорочность конституционности указанных международно-правовых актов может быть поставлена под сомнение.

В то же время не подлежит сомнению существование международно-правовых норм, которые должны быть установлены в качестве «эталона конституционности». Речь идет об общепризнанных принципах международного права, приоритет которых закреплен в части первой статьи 8 Конституции Республики Беларусь, несмотря на то, что приведенная норма и вызывает разногласия в белорусской правовой доктрине относительно сущности и конкретного перечня соответствующих принципов.

Таким образом, конституционность законодательного акта Республики Беларусь в контексте исследования критериев-эталонов предполагает его соответствие Конституции Республики Беларусь и (или) общепризнанным принципам международного права.

4. Однако вопрос определения критериев конституционности будет раскрыт не полностью, если упустить из виду иной смысл понятия «критерий», который также активно используется в юридической литературе при исследовании соответствующих проблем.

В статье 11 Закона Республики Беларусь «О Конституционном Суде Республики Беларусь» такие критерии объединены в четыре группы:

- 1) по содержанию норм;
- 2) по форме нормативного акта;
- 3) с точки зрения разграничения компетенции между государственными органами;
- 4) по порядку принятия, подписания, опубликования и введения в действие.

Теоретически количество этих критериев и вовсе может быть сведено к двум – формальному (форма акта, компетенция субъекта, процедура) и материальному (содержательному), но ни их обобщение, ни достаточно подробная детализация не проясняют в полной мере вопроса о том, что значит «конституционность нормативного (следовательно – и законодательного) акта».

Необходимо учитывать, что содержательные критерии являются достаточно абстрактными и представляют собой совокупность наиболее сложных параметров оценки: практически невозможно перечислить их исчерпывающим образом, поскольку такая деятельность всегда сопряжена с исследованием как буквального смысла конституционно-правовых норм, так и значения, придаваемого им официальным и иным толкованием, а также сложившейся правоприменительной практикой.

К ВОПРОСУ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВА В РЕГУЛИРОВАНИИ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОКАЗАНИЕМ РИЕЛТОРСКИХ УСЛУГ

Н.И. Рудович

Минск, УО «Академия МВД Республики Беларусь»

Одной из основных задач государства в сфере осуществления предпринимательской деятельности является обеспечение и защита прав потребителей в различных сферах экономической деятельности. В соответствии с действующим законодательством потребитель имеет право на государственную защиту своих прав, в том числе на обращение в суд и другие уполномоченные государственные органы за защитой нарушенных прав или интересов, охраняемых законодательством, а государство гарантирует защиту прав и законных интересов потребителей.

Особое внимание следует уделять тем видам предпринимательской деятельности, которые имеют высокую степень потенциальной опасности нанесения при

их осуществлении ущерба правам, законным интересам, здоровью граждан, обороне и безопасности государства, культурному наследию страны. К таким видам предпринимательской деятельности следует отнести и риэлтерскую деятельность, которая постоянно сопряжена с риском значительных имущественных потерь в силу высокой стоимости объектов недвижимости.

В настоящее время для совершения сделки купли-продажи недвижимого имущества, подготовки проекта договора требуются достаточная юридическая квалификация, знание основных положений гражданского права, особенностей правового режима недвижимого имущества, ряда положений жилищного и семейного законодательства.

В соответствии с действующим законодательством и требованиями, предъявляемыми к данному виду экономической деятельности, потребитель риэлтерской услуги имеет право на качественное оказание услуги риэлтором. Требования о качестве услуг в каждом конкретном случае будут различными. Они напрямую зависят от тех условий, которые предусмотрены в договоре оказания риэлтерских услуг (т.е. будут зависеть от особенностей предмета договора). Белорусский законодатель справедливо предусматривает, что качественное оказание риэлтерских услуг потребителю может обеспечиваться не только нормативными правовыми актами Республики Беларусь, но и обязательствами риэлтерской организации, предусмотренными договором на оказание риэлтерских услуг.

В большинстве случаев основной практической деятельностью риэлтерских фирм является консультирование сторон по подготовке сделки и физическое сопровождение сторон собственно во время заключения сделки, государственной регистрации прав, а также расчетов между сторонами. Следует отметить, что в ходе совершения сделок с недвижимым имуществом могут потребоваться приватизация жилого помещения, приобретение права собственности на земельный участок, оформление наследства, содействие в подготовке документов для перевода жилых помещений в нежилой фонд и т.д. При этом риэлтор должен предоставить клиенту правовую информацию, касающуюся юридических действий, которые ему необходимо совершить для исполнения указаний клиента. За предоставление неполной или недостоверной информации клиенту риэлтор должен нести ответственность, предусмотренную действующим законодательством.

Необходимо также отметить, что при совершении сделок с недвижимым имуществом, стороны вступают в правоотношения самостоятельно, и соответственно при возникновении дальнейших разногласий у продавца и покупателя риэлторы остаются в стороне. Их нельзя привлечь к судебной ответственности в качестве третьей стороны. Даже за предоставление недостоверной или неполной информации привлечь риэлтора к ответственности удастся лишь в редких случаях, а объем возмещения обычно ограничивается стоимостью услуги (уплаченной ценой).

Одновременно риэлтор должен предоставить полную информацию о предоставляемых услугах. Когда клиент только обращается к риэлтору, не заключив с ним договор оказания риэлтерских услуг, риэлтор обязан разъяснить клиенту весь комплекс предоставляемых им услуг, исходя из требований клиента. При этом могут оговариваться примерные сроки оказания услуг и их стоимость. Когда потребитель готов заключить договор оказания риэлтерских услуг, риэлтор обязан предоставить ему всю информацию об условиях данного договора. Тем не менее, эффективность защиты прав потребителя риэлтерской услуги во многом зависит от активности органов, осуществляющих государственное регулирование в рассматриваемой сфере.

Дополнительной гарантией соблюдения прав потребителей риэлтерской услуги является лицензирование данного вида деятельности. Соответствие предъявляемым требованиям требует от риэлтерской организации помимо материального обеспечения условий работы (помещение, сейф, средства связи и т.д.) принять на работу специалистов, обладающих специальными знаниями в сфере недвижимости.

Министерство юстиции, как орган государственного управления, отвечающий за лицензирование риэлтерской деятельности, уделяет большое внимание функционированию предпринимательских структур в данной сфере. Данным органом государственного управления принято множество нормативных актов ведомственного характера, предусматривающих порядок проведения хозяйственных операций, в процессе осуществления предпринимательской деятельности риэлтерскими организациями.

Первым специальным нормативным актом, определившим сущность понятий «риэлтерская деятельность», «риэлтерская организация», «риэлтерские услуги», «риэлтерский договор» и т.д., а также порядок осуществления данного вида предпринимательской деятельности в нашем государстве, является Указ Президента Республики Беларусь от 09.01.2006 года №15 «О риэлтерской деятельности в Республике Беларусь». Данным документом утверждены также Правила осуществления риэлтерской деятельности в Республике Беларусь, регулирующие отношения между риэлтерской организацией – продавцом услуг и их потребителем – юридическими и физическими лицами.

Указ определяет риэлтерскую деятельность как посредническую деятельность коммерческой организации по содействию при заключении, исполнении, прекращении договоров на строительство (в том числе долевое), купли-продажи, мены, аренды, иных сделок с объектами недвижимости, правами на них (за исключением организации и проведения аукционов и конкурсов). Более подробный перечень, составляющий предмет риэлтерской услуги определен законодательством Республики Беларусь.

На практике взаимоотношения между участниками рынка недвижимости намного шире, чем те, которые составляют предмет риэлтерской услуги, предусмотренный законодательством. Например, агентство недвижимости не может представлять интересы своего клиента в суде, так как, во-первых, это вид работы не входит в перечень составляющий предмет риэлтерской услуги, и, во-вторых, на этот вид деятельности необходима отдельная лицензия – лицензия на осуществление адвокатской деятельности либо юридических услуг. Поэтому риэлтерские компании привлекают на договорных началах адвокатов, оценщиков, других специалистов, что в конечном итоге, повышает стоимость оказанной услуги.

В заключение следует отметить, что как бы ни было совершенно законодательство, все же случаются ситуации, когда пробелы в правовом регулировании не позволяют разрешить спорную ситуацию. Цель заключения соответствующего договора состоит в том, что все они позволяют: сделать отношения сторон более определенными, снять основания для споров в будущем по поводу самого факта совершения сделки и ее содержания. Все это объективно повышает роль договорного регулирования правоотношений между исполнителем и потребителем риэлтерской услуги.

ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПРАВА В СДЕЛКАХ С ПРЕДПРИЯТИЯМИ

О.А. Рузакова

*Москва, Московский государственный университет
экономики, статистики и информатики (МЭСИ)*

Система договоров в сфере интеллектуальной собственности может быть определена на основании различных признаков, в том числе признаков направленности, цели, результата договора, исключительных прав и определенного вида объекта. Система договоров, в основе которой в качестве ключевого выступает признак направленности в качестве системообразующего, отражена в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, включает в себя следующие договоры.

1. Договоры об отчуждении исключительных прав, которые включают в себя договоры об отчуждении исключительных прав на произведения науки, литературы и искусства, объекты смежных прав, объекты патентных прав, на средства индивидуализации (товарный знак), на селекционные достижения, топологии интегральных микросхем, секретов производства (ноу-хау).

2. Лицензионные договоры включает в себя лицензии на предоставление прав на использование произведения науки, литературы и искусства, объекты смежных прав, патентного права, прав на товарные знаки, коммерческие обозначения, топологии интегральных микросхем, селекционные достижения.

3. Договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности (договоры заказа), в том числе объектов исключительных прав (договор авторского заказа, договор заказа на создание объектов смежных прав, договор заказа на создание топологии интегральных микросхем, селекционных достижений).

Названные договоры представляют собой договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами.

4. Иные договоры, взаимосвязанные с вышеперечисленными и входящие в число договоров в сфере интеллектуальной собственности, объектом которых также могут выступать исключительные права, но не направленные на их создание и использование контрагентом по договору, включают в себя:

- договор доверительного управления исключительными правами;
- договор коллективного управления исключительными правами;
- брачный договор;
- договор простого товарищества;
- договор залога;
- сделки с предприятиями и другие.

Условия об исключительных правах могут содержаться в предварительных договорах, например, условия договоров, заключаемых в период государственной регистрации объекта, в том числе в период временной охраны объекта патентного права. Так, в случае подачи в федеральный орган исполнительной власти по интеллектуальной собственности заявки, удовлетворяющей требованиям действующего законодательства, у заявителя возникает право на приоритет объекта патентного права, товарного знака, но возникновение исключительного права будет подтверждено только при условии государственной регистрации объекта.

Исключительные права могут быть предметом сделок с предприятиями как имущественными комплексами, в состав которых они могут входить согласно ст.132 ГК РФ. Предприятие может быть предметом:

- договора купли продажи;
- договора мены;

- договора дарения;
- договора аренды;
- договора доверительного управления;
- договора ипотеки и некоторых других сделок.

Гражданский кодекс РФ, а также иные нормативные правовые акты предусматривают переход исключительных прав в составе предприятия.

Отчуждение исключительных прав или предоставление прав на использование объекты в составе предприятия подчиняется как нормам, регулирующим указанные сделки, так и нормам, регулирующим договоры о распоряжении исключительными правами.

В литературе неоднократно отмечалось, что некоторые объекты в составе предприятия (долги, права требования, исключительные права) неразрывно связаны с субъектом, а не с предприятием как объектом, и данные объекты «специфичны для каждого участника предпринимательской деятельности», а не предприятия как объекта, в связи с чем хотелось бы обратить внимание на следующие особенности исключительных прав в составе предприятий.

1. Существенная специфика характера договоров о распоряжении исключительными правами по сравнению с другими объектами, входящими в состав предприятия и невозможность их объединения одним режимом с договорами, объектами которых выступают материальные блага.

2. Отсутствие прямой взаимосвязи между исключительными правами и движимым, недвижимым имуществом, входящим в состав предприятия, за исключением коммерческого обозначения. Исключительные права связаны с субъектом (собственником или иным титульным владельцем предприятия), а не объектом прав. В то же время некоторые виды имущественных прав, зачастую не относящихся к разряду исключительных, напрямую связаны с предприятием, например, право преждепользования, переход которого согласно п.2 ст.1362 ГК РФ связан с предприятием, и на котором имело место использование тождественного решения или были сделаны необходимые к этому приготовления.

3. К исключительным правам могут быть применены далеко не все нормы, регулирующие сделки с материальными объектами, например, исключительные права не могут быть предметом аренды.

4. Исключительные права автоматически не переходят в составе предприятия, их отчуждение или предоставление должно быть специально оговорено правообладателем, и должно подчиняться правилам соответствующих договоров о распоряжении исключительными правами, в том числе требованиям государственной регистрации. Целесообразнее было бы применять в отношении исключительных прав режим тех прав, которые получены на основании разрешения (лицензии) на занятие соответствующей деятельностью и по общему правилу не подлежащие передаче в составе предприятия, если иное не установлено законом или иными правовыми актами (п.3 ст.559, п.2 ст.656 ГК РФ), а для исключительных прав целесообразно добавить «или договором». В связи с этим заслуживает поддержки позиция о введении в законодательство термина «технологический имущественный комплекс», который включает в себя лишь материальные объекты, без имущественных прав, в том числе исключительных, и обязанностей, которые связаны с субъектом, но не объектом прав.

5. В том случае, если в состав предприятия входят права использования, приобретенные в соответствии с лицензионным договором (обязательственные права), то их передача подчиняется правилам о переходе прав требования с соблюдением прав кредиторов, предусмотренных в частности, ст.562, 657 ГК РФ.

6. Спорным является вопрос о переходе в составе предприятия таких прав, которые не являются оборотоспособными или ограничены в обороте, например, права на наименования мест происхождения товара, коллективный товарный знак. Данные объекты связаны с определенными видами товаров. Согласно п.4 ст.1519 ГК РФ распоряжение исключительным правом на наименование места происхождения товара, в том числе путем его отчуждения или предоставления другому лицу права использования этого наименования, не допускается. В связи с этим не вполне логичным видится привязка исключительных прав в составе предприятия к объекту и отделение от них права на наименование места происхождения товара, которое непосредственно связано с местностью, где находится предприятие как имущественный комплекс и особыми свойствами товара, которые обеспечиваются путем их выпуска на данном предприятии. Видится допустимым, отчуждение данного права вместе с предприятием по аналогии с правом преждепользования. Подобные положения касаются и коллективного товарного знака.

7. До недавнего времени спорным являлся вопрос о передаче прав на фирменное наименование в составе предприятия. Данная проблема была снята ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ» путем замены термина «фирменное наименование» словами «коммерческое обозначение» как средства индивидуализации предприятия как объекта, а не субъекта.

8. Учитывая направленность сделок с предприятием как имущественным комплексом, предназначенным для осуществления предпринимательской деятельности и связь исключительных прав с их субъектом, за исключением коммерческого обозначения, необходимо сделать вывод, о том, что сделки с предприятиями в целом не следует относить к классу договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами, за исключением договоров, включающих условия о распоряжении правами на коммерческие обозначения. В то же время при распоряжении правами на результаты интеллектуальной и приравненной к ней деятельности в составе сделок с предприятиями такой договор видится как комплексный, объединяющий режимы материальных и нематериальных объектов, не всегда учитывающий особенности последних (например, особенности регистрации договоров о распоряжении правами на объекты промышленной собственности), в связи с чем поддерживается позиция о разграничении сделок с технологическим имущественным комплексом и сделок с правами на результаты интеллектуальной и приравненной к ней деятельности (примером тому – положения главы 77 о единых технологиях). При объединении правовых режимов в одном договоре необходимо рассматривать такой договор в качестве смешанного.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ СНГ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А.В. Русакович

Минск, Белорусский государственный университет

В начале XXI века международная система приобрела ряд новых очертаний, вызванных в первую очередь процессами глобализации. В отечественной и зарубежной научной литературе существуют различные трактовки глобализации. По мнению российского ученого П. Цыганкова, основные ее проявления сводятся к нескольким группам факторов: становление экономической системы, функционирующей по единым правилам, в масштабах всей планеты; нарастание финансовых и информационных трансграничных потоков, неподвластных государственному

регулированию; эрозия и ослабление национально-государственного суверенитета в результате возрастающей проницаемости межгосударственных границ; размывание границ между «внутренними» и «внешними» политическими, экономическими информационными процессами; распространение западных стандартов поведения, образа жизни, потребления; формирование идеологии «глобализма», предназначенной обосновать неизбежность происходящих изменений, их позитивный характер. Вместе с тем исследователи отмечают, что параллельно глобализации в мире наблюдаются и другие процессы – «регионализации», «фрагментации» международных отношений. В целом термин «глобализация», как подчеркивают российские авторы, отражает мирохозяйственные процессы, в то же время политическая составляющая глобализации является более сложной и неоднозначной.

Мировой финансово-экономический кризис обозначил новые составляющие глобальных угроз, поставил на порядок дня проблему модернизации основы мироэкономического регулирующего механизма и вызвал необходимость определенной корректировки внешнеполитической линии всех участников международных отношений.

Процессы глобализации, характерные для мирового развития, в полной мере характерны для Содружества Независимых Государств, которое в прошлом году отметило двадцатилетний юбилей. Заявленные при создании СНГ цели и задачи имели в определенной степени амбициозный и вместе с тем прагматично-конъюнктурный характер. На начальной стадии формирования СНГ высказывались различные мнения в отношении будущего: от предсказания его распада до уверенности в том, что СНГ превратится в один из мировых центров силы.

Непростой путь Содружества Независимых Государств в полной мере отражает сложности и проблемы, с которыми столкнулись государства постсоветского пространства за два последних десятилетия. Государства СНГ занимают важное место в системе международных отношений и обладают значительным потенциалом, однако уровень экономического развития не позволяет активно влиять на тенденции мирового развития.

В 2000-х годах на пространстве СНГ завершилось формирование регионов, которые различаются по своей геополитической ориентации, традициями исторического развития, цивилизационными особенностями: Россия как доминант постсоветского пространства, государства Восточной Европы (Беларусь, Молдова, Украина), Кавказ (Азербайджан, Армения, Грузия (вышла из СНГ в 2009 году), Центральная Азия (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан). В 2000-е годы российское руководство сформировало новые подходы в отношении стран СНГ, реализация которых усиливала политическое и экономическое присутствие России на постсоветском пространстве. В рамках реализации этой концепции было осуществлено переформатирование пространства СНГ, это относилось прежде всего к организациям, в которых Россия играла ведущую роль. На базе договора о Таможенном союзе Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана в октябре 2000 года было создано Евразийское экономическое сообщество (ЕврАзЭС). В 2002 году было осуществлено преобразование Договора о коллективной безопасности в Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В 2006 году происходит слияние ЕврАзЭС и организации «Центрально-Азиатское сотрудничество». Проект формирования Союзного государства Беларуси и России также продолжал реализовываться, но в силу ряда причин не является приоритетным для России. Значительное внимание Россия уделяет развитию двусторонних отношений со странами СНГ.

Альтернативные проекты интеграции на постсоветском пространстве также получили дальнейшее развитие – в 2006 году на Киевском саммите ГУАМ (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдова) была преобразована в Организацию за демократию и экономическое развитие – ГУАМ и был подписан ее Устав.

В октябре 2007 года страны-участники СНГ на саммите в Душанбе приняли Концепцию дальнейшего развития СНГ и План основных мероприятий по ее реализации. В качестве основной цели СНГ было определено формирование в долгосрочной перспективе интегрированного экономического и политического объединения заинтересованных государств, обеспечивающего эффективное развитие каждого его участника. В рамках реализации концепции страны СНГ продолжили работу по формированию зоны свободной торговли на постсоветском пространстве. В октябре 2011 года главами правительств восьми стран СНГ (Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан, Украина) был подписан Договор о зоне свободной торговли. Данное соглашение формирует новый фундамент торгово-экономических отношений в рамках Содружества Независимых Государств.

В 2010 году Беларусь, Казахстан и Россия согласовали подходы в отношении формирования Таможенного союза, и в июле 2010 года Договор о Таможенном кодексе вступил в силу. В конце 2010 года три страны подписали пакет соглашений по формированию Единого экономического пространства. Предложенный Россией проект создания Евразийского союза также встретил поддержку и в ноябре 2011 году Президенты России, Беларуси и Казахстана подписали Декларацию о евразийской экономической интеграции. В документе стороны заявили о переходе к следующему этапу интеграции – Единому экономическому пространству: «Стороны будут стремиться завершить к 1 января 2015 года кодификацию международных договоров, составляющих нормативно-правовую базу Таможенного союза и Единого экономического пространства, и на этой основе создать Евразийский экономический союз». В декларации отмечено, что дальнейшее развитие интеграции трех стран отвечает их национальным интересам, способствует решению общих задач по повышению благосостояния и качества жизни граждан, устойчивому социально-экономическому развитию, модернизации и усилению национальной конкурентоспособности в рамках глобальной экономики. Следует также отметить, что новые объединения (Единое Экономическое пространство) и договоры (Договор о зоне свободной торговли) формируются с учетом принципов Всемирной торговой организации.

Современное состояние СНГ позволяет учитывать национально-государственные интересы всех государств-участников, которые в силу геополитических, цивилизационных, культурных, исторических, внешнеполитических и иных факторов могут существенно различаться. Современный статус СНГ формирует минимальный уровень взаимодействия в рамках данной организации: в политической сфере – сохранение постсоветской геополитической реальности, укрепление региональной безопасности, формирование региональных стандартов развития политических аспектов государственности, проведения выборов; в экономической сфере – формирование и функционирование Зоны свободной торговли; развитие сотрудничества в культурной, образовательной, научной и других областях. В то же время ряд государств, используя различные объединения на пространстве СНГ, реализует проекты более продвинутой интеграции.

ЭВОЛЮЦИЯ ИНСТИТУТА ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В ДРЕВНЕМ РИМЕ

А.В. Рыжик

Москва, Российский государственный социальный университет

Сложная система вещных отношений, возникнувшую в период республики и слагавшаяся из нескольких переплетающихся между собой исторических пластов (вещные права, квинитские, преторские, peregrinские и провинциальные), представляла, конечно, множество практических неудобств. Задачей империи и здесь является уравнивание исторически разнородного и упрощение.

Что касается право собственности, то из четырех указанных видов его прежде всего отпадал вид собственности peregrinской; закон Каракаллы 212 года, даровавший всем подданным Римской империи право гражданства, этим самым уничтожил необходимость ее отдельного существования. Но она недаром существовала в прошлом: ее свободное от всяких местных особенностей содержание и циркулирование в обороте оказало большое влияние на самое понятие и построение собственности римской.

С установлением при Диоклетиане нового административного деления территории и с уничтожением прежнего юридического значения провинций исчезла и система особых провинциальных вещных прав. Подчинение всего (и италийского) землевладения новым поземельным податям (*capitatio terrena* и *capitatio humana*) лишила *solum Italicum* прежних податных привилегий.

Таким образом, в период монархии сохранялось еще различие между собственностью квинитской и преторской (bonитарной). Но это различие, главным образом сказывавшееся в различии исковых средств защиты (*rei vindicatio* – *actio Publiciana*), почти совершенно утратило свое практическое значение с тех пор, как формулярный процесс заменился бесформальным экстраординарным процессом. Да и главный источник квинитской собственности – формальное приобретение *res mancipi* давно сделалось анахронизмом. И можно сказать, что деление собственности на *dominium ex jure Quiritium* и *in bonis esse* на практике было давно забыто, когда Юстиниану пришлось вспомнить об этом по поводу кодификации. Составляя «*Digesta*», компиляторы встретились с этими различиями в сочинениях классических юристов, и дабы покончить с ними, обратились к Юстиниану. Двумя своими указами Юстиниан формально уничтожает эти остатки старины. Один из этих указов – указ 530 года: («*de nudo ex jure Quiritium tollendo* – об устранении «голых прав» по праву квинитов) – уничтожает различие между собственностью квинитской и bonитарной. Текст этого указа характерен: по словам Юстиниана, квинитское право ничем не отличается от загадки и никогда не может быть зримо («*nihil aenigmate discrepat nec umquam videtur nec in rebus apparet*»; оно только пустое слово, отпугивающее студентов: отныне не должно быть никакого различия между собственниками, всякий есть: «*plenissimus et legitimus dominus* – полнейший и законный собственник». Другой указ 531 года, посвященный реформе института давности, в конце касается вопроса о *res mancipi* и *res mancipi* и уничтожает это деление во избежание «*inutiles ambiguitates* – бесполезных двусмысленностей. Так умерли эти пережитки глубокого народного дества, казавшиеся современниками Юстиниана уже только: «*antique subtilitatis ludibrium* – заблуждение архаичной изощренности».

Также выходят из употребления в течение этого периода и старые квинитские способы передачи права собственности – *mancipatio* и *in jure cessio*, которые упоминаются еще в 355 году, но в «*Digesta*» они уже заменены на *traditio* или аналогичными терминами.

Единственным способом перенесения право собственности по договору остается *traditio*. Но римское право и теперь стоит на той точке зрения, что вещное право (собственности) может быть передано только этим особым вещным актом *traditio*; простого соглашения сторон для этого недостаточно; «*traditionibus usucapionibus dominia rerum, non nudis pactis transferentur* – права на вещи передаются традициями и приобретениями по давности, не голыми договорами» – гласил указ Диоклетиана.

Но, провозгласив этот совершенно правильный теоретически принцип, римское право не дало ему надлежащего развития. Особый вещный акт при переходе права собственности в другие руки желателен для того, чтобы все третьи лица могли по тому или иному внешнему признаку легче судить о том, кто собственник данной вещи. По отношению к движимым вещам переход владения (*traditio*) может служить таким достаточным признаком; не стесняя свободы оборота, трудно требовать большего. Иначе обстоит дело по отношению к недвижимости; они являются наиболее важными объектами оборота, на них могут покоиться важные права других лиц (сервитуты, закладные права и т.д.). Все это привело современное право к установлению принципа публичности для актов на недвижимость, принципа, нашедшего себе наиболее полное выражение в институте поземельных книг. Всякая переуступка права собственности, всякое установление сервитута или ипотеки должны быть отмечены особой записью в официальных поземельных книгах, вследствие чего всякое заинтересованное лицо, справившись в них, может иметь верные сведения о юридическом положении интересующего его имения.

Римское право в этом направлении надлежащего шага не сделало. Движимость и недвижимость для него стоят на одной доске. Хотя старая *mancipatio* и не представляла полных гарантий публичности в описанном смысле, но все же она была более публична, чем бесформальная *traditio*; и в этом отношении отпадение *manipatio* являлось даже шагом назад. О совершившейся *traditio* огромного имения мог почти никто не знать; прежний собственник мог еще долго в широких кругах считаться за собственника и заключать новые сделки о том же имении; разумеется, все эти сделки окажутся впоследствии ничтожными, но они оставят после себя массу вреда и разорений. Отсутствие публичности составляет поэтому едва ли не самое слабое место римского права, которое пришлось затем уже самостоятельно исправлять новым народам.

Нужно, однако, сказать, что недостаток этот уже сознавался римскими императорами, и некоторые попытки в смысле усиления публичности могут быть отмечены. Так, заслуживает указания закон императора Константина, которым предписывалось совершать *traditio* имения в присутствии соседей – так, чтобы «*contractus solemniter explicatur* – договор заключался торжественно» и чтобы «*certa et vera proprietas vicinis praesentibus demonstrantur* – верное и действительное право собственности присутствующим соседям было продемонстрировано». На западе, по-видимому, был довольно распространен обычай торжественного ввода во владение – *solemnis locorum introductio*, даже иногда с записью в окладные книги (*libri censuales*). Но все это были обычаи юридически необязательные. И только в одной части римского государства дело обстояло иначе – именно Египте. Там уже в I веке н.э. имелись вполне организованный институт обязательной регистрации актов о недвижимости, своего рода институт поземельный книг. В главном городе каждого округа существовало официальное учреждение под начальством особого специального лица. Для совершения какого-либо акта на недвижимость (продажа, залог и т.д.) необходимо предварительное удостоверение

указанного учреждения о том, что такое-то лицо является собственником данной недвижимости и что на ней нет никаких ограничений, которые бы препятствовали совершению предложенного акта. На основании такого удостоверения нотариус совершает самый акт, но это акт должен быть представлен затем в «библиотек» для занесения в особый реестр, который и служит источником сведений о юридическом положении недвижимости.. Каким образом установился такой порядок в Египте – вопрос не вполне выясненный: высказывается даже мысль о том, что он был заведен самими римлянами после установления владычества над Египтом. Существование этого порядка мы наблюдаем (по документам) еще в начале IV века, но удержался ли он долее, неизвестно. Во всяком случае, этот любопытный опыт, почти современный поземельной записи, остался в Римской империи местным явлением Египта и не повлиял на общеимперское римское право.

Существенной реформе подвергся в период империи институт давности. Цивильная *usucapio* была неприменима в отношениях между перегинами и в провинциях, а между тем давность была там нужна в такой же степени, как и в цивильных отношениях. Вследствие этого там возникает свой институт давности – так называемая *longi temporis praescriptio*. Общее происхождение ее, однако, иное, чем цивильный *usucapio*. Отправной идеей *longi temporis praescriptio* была не идея приобретения права собственности путем продолжительного владения (приобретательная давность), а идея погашения иска собственника вследствие долговременного непредъявления иска (погасительная давность). Отсюда безразличие в сроках для движимости и недвижимости: *longi temporis praescriptio* требует истечения 10 лет, если истец и ответчик живут в одной провинции (*inter praesentes*) и 20 лет, если в разных (*inter absentes*), но движимость или недвижимость не имеет значения. Далее, предъявляя возражение о погашении иска, ответчик может приписать ко времени своего владения и время владения своего предшественника (*accessio temporis*). Но самое существенное заключается в том, что *longi temporis praescriptio* являлась первоначально только возражением (*praescripti pro reo*) против иска собственника или третьих лиц (если она попадает к ним по истечении срока *praescriptio*) владелец не имел. Но этот недостаток был восполнен впоследствии; владельцу стали давать не только возражение, но и *actio ad rem vindicandam* (иск, направленный на видикацию вещи у любого третьего лица), вследствие чего *longi temporis praescriptio* получила характер давности приобретательной и стала находить себе применение даже в отношении между *cives romani*.

Таким образом, в период монархии по отношению к давности фактически дело обстоит так: в Италии действовала по общему правилу цивильная *usucapio*, в провинциях *longi temporis praescriptio*. Но такая двойственность уже перестала оправдываться реальными условиями; в частности, двухлетний срок цивильный *usucapio* для недвижимости, достаточный в то время, когда территория Рима была невелика, решительно оказывался слишком кратким, когда он распространился на всю Италию. Ввиду всего этого Юстиниан особым указом 531 года *de usucapione transformanda* – об изменении приобретения по давности владения – комбинировал обе исторические давности следующим образом: для движимых вещей действует *usucapio*, но с удлинением срока до 3 (трех) лет, а для недвижимости *longi temporis praescriptio* в 10 или 20 лет, причем условия давностного владения (*bona fides*, *justus titulus* и *res habilis* – добросовестность, законное основание, способность вещи быть приобретённой давности владения) в обоих случаях одни и те же. Так образовалась так называемая *praescriptio ordinaria*.

Но рядом с нею Юстинианом была создана *praescriptio extraordinaria* или *longissimi temporis praescriptio*. Император Феодосий II указом 424 года установил

общую погасительную давность в 30 (а для некоторых исков в 40) лет; по истечении этого срока истец уже не может предъявлять своего иска. Вследствие этого для лица, владеющего чужой вещью, создалось такое же положение, какое мы видели при первоначальной *longi temporis praescriptio*: он мог отразить иск собственника, но не имел средства для получения вещи назад, если она вышла из его рук. Юстиниан указом 528 года сделал то, что было раньше сделано по отношению к *longi temporis praescriptio*: он дал такому владельцу и иск. Вследствие этого возникла вторая давность, более продолжительная по времени, но более льготная по условиям: для нее требуется только *bona fides* владельца; таким образом, лицо, которое не могло приобрести вещь путем обыкновенной давности (например, вследствие отсутствия *justus titulus* или вследствие того, что вещь была *res furtiva*), приобретало ее путем давности чрезвычайной.

Кроме указанных основных реформ в области способов приобретения права собственности, императорское время дало также несколько специальных постановлений, регулирующих некоторые другие случаи приобретения права собственности. Такой указ Адриана, подтвержденный Юстинианом, о судьбе найденного клада (*thesaurus*): половина принадлежит нашедшему, половина – собственнику земли, в которой клад найден. Таково решение Юстиниана, устранившее старый спор между прокулианцами и сабинианцами о судьбе вещи, сделанной из чужого материала (*specificatio*): прокулианцы собственность на вещь отдавали тому, кто совершил *specificatio*, сабинианцы – тому, кому принадлежал материал; Юстиниан взял среднее решение: вещь принадлежит хозяину материала, если она может быть возвращена в прежний вид, и спецификанту, если не может.

В области прав на чужие вещи наиболее существенным результатом законодательной деятельности позднейших императоров явилось завершение развития права вещной наследственной аренды, намеченного уже в *jus in agro vectigali* преторского права.

В период империи с этим *jus in agro vectigali* стал развиваться другой вид такой аренды по имени *emphyteusis*. В огромных императорских имениях (*fundi patrimoniales*) земли – чаще всего неводеланные – стали раздаваться арендаторам внаем за известный ежегодный оброк (*canon*). Первоначально этот наем был бессрочным только фактически, но затем он делается таковым и юридически. С течением времени обычай раздавать земли в вечную аренду распространяется и на частных владельцев, и сфера применения этого института расширяется. Мало-помалу незначительные различия, быть может, отделявшие *jus in agro vectigali* от эмфитевтической аренды, сгладились, и ко времени Юстиниана мы имеем уже один из институтов этого рода, обыкновенно называющийся *emphyteusis*. (В «*Digesta*» вследствие этого мы находим интерполяционные вставки – например: «*sed et qui vectigalem, id est emphyteuticum, agrum possidet, possessor intelligitur*» – но и кто по праву *vectigalem*, то есть *emphyteuticum*, владеет полем, считается владельцем»; фраза «*id est emphyteuticum* – то есть эмфитевзиса» – интерполяция.

В то же время императорское законодательство точнее определило природу эмфитевтического отношения и его содержание. Среди классических юристов вопрос о природе договора относительно сдачи *agro vectigali* возбуждал разногласия: одни считали этот договор наймом вещи, *locatio-conductio*, другие – куплей-продажей, *emptio-veditio*. Вопрос этот имел для арендаторов большое практическое значение: если этот договор найма, тогда по общим правилам *locatio-conductio* арендатор в случае каки-либо чрезвычайных бедствий (неурожая и т.п.) мог требовать сложения арендной платы (*remissio mersedis*); если же этот договор купли-продажи, то нет. Император Зенон (476-484 годы) устранил эти разногла-

сия, решив, что установление *emphyteusis* есть не наем и не продажа, а «*jus tertium*»; то есть контракт особого рода, причем вопрос о *remissio mersedis* был разрешен им отрицательно. Далее Юстиниан установил, что в случае неуплаты оброка в течение трех лет хозяин имеет право отнять участок у владельца (*jus privationis*), а в случае продажи эфитевтой своего права хозяин имеет или право преимущественной покупки (*jus protimiseos*) или право на пошлину в размере 2% продажной цены (*laudemium*).

Что касается закладного права, то из трех форм залога, известных классическому праву Рима, – *fiducia*, *pignus*, *hypotheca*, – старейшая форма *fiducia*, отпала вместе с отпадением *mancipatio* и *in jure cessio*; таким образом, ко времени Юстиниана существуют только две последние. Кроме того, что *pignus* включает в себе передачу владения, *hypotheca* нет, других различий между этими формами не замечается, так что Марциан мог сказать: «*inter pignus et hypothecam tantum nominis sonus differt* – пигнус и ипотеку отличает между собой только звучание имени». В качестве наиболее любопытных явлений позднейшего времени в области залоговых отношений должны быть указаны следующие.

Закладное право и теперь устанавливается простым соглашением между сторонами. Если, как было указано, даже *traditio* при передаче права собственности недостаточно гарантировала оборот на недвижимость от злоупотреблений, то для установления ипотеки даже такой *traditio* не требовалось, вследствие чего возможность злоупотреблений на этой почве была еще больше. Давая ссуду под залог имения, кредитор никогда не мог быть уверен, что на это имение уже существует целого ряда ипотек. Даже более того: легко были возможны злоупотребления в том отношении, что при приближении взыскания по ипотеке должник мог установить подложные (задним числом) ипотеки в пользу третьих лиц; раскрыть такую подложность при соглашении этих лиц с должником было, разумеется почти невозможно. Чтобы парализовать подобные злоупотребления, император Лев указом 472 года постановил, что при стечении нескольких ипотек преимущество должны иметь тез из них, которые установлены в письменном документе, совершенном с участием официального нотариуса (*instrumenta publice confecta*): дата таких документов считается прочной. Но указ Льва только отодвигает неформальные ипотеки на второй план при столкновении; поскольку такого столкновения нет, и они имеют полную силу; принципом остается что ипотека может быть установлена и *nuda conventione* – простым соглашением.

Кроме закладных прав, устанавливаемых договором, в римском праве появляются закладные права, возникающие непосредственно в силу закона – *hypotheca legalis* (римские юристы игнорировали здесь молчаливое соглашение и говорили о *pignus tacite contractum* – молчаливое согласие относительно установления залогового права, и чем далее, тем случаев подобного рода встречается больше. Так, например, обычай закладывать *illata* квартирантов с течением времени превратился в законное закладное право домохозяина, само собой подразумевающееся. Так же точно возникли: законное закладное право собственника сельского участка на плоды его (сжатый хлеб и т.д.) по поводу неисправностей арендатора; закладное право опекаемого на имущество опекуна; закладное право фиска по поводу его требований к частным лицам и т.д. Законодательство позднейших императоров щедро расточало подобные привилегии, естественно, понижая их ценность и до крайности ослабляя силу требований непривильгированных.

Наконец, следует отметить развитие так называемых генеральных ипотек – *hypotheca generalis*. Рядом с обыкновенным залогом, устанавливаемым на одну определенную вещь (принцип специальности залога) появляются ипотеки на все

вообще имущество лица. Такие генеральные ипотеки принадлежат уже *ipso jure* (в силу закона – *hypotheca legalis*) казне на имущество ее должников, опекаемому на имущество опекуна, жене на имущество мужа по поводу приданного и т.д. При общей расшатанности реального кредита законодательство пыталось еще таким путем подкрепить требования, по его мнению, нуждающиеся в особом покровительстве, но лишь ухудшало этим общее положение еще более.

Недостаток публичности вещно-правовых актов на недвижимость на почве общего экономического упадка привел римскую залоговую систему в состояние чрезвычайно неудовлетворительное. В решениях классических юристов и в области залога мы находим множество чрезвычайно ценного, но все это только изящная отделка, орнаменты здания, которое должно было новым временем быть перестроено на новых началах – публичности и специальности залога, ибо только эти начала могут быть основанием здоровой системы.

СИСТЕМА ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ПРИМЕНЕНИЕМ ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В.В. Самойлова

*Москва, Московский государственный университет
экономики, статистики и информатики (МЭСИ)*

Экономический кризис неблагоприятно повлиял не только на отдельные элементы правового статуса рядового гражданина, но и на население Российской Федерации в целом. Сегодня в России можно с полной очевидностью зафиксировать продолжающийся экономический и демографический кризис как неразрывно связанные друг с другом явления, угрожающие настоящему и будущему существованию народа и страны. Резкий подъем смертности за последние годы привел к дополнительной потере Россией погибшими и преждевременно умершими свыше 4 млн. человек, а двукратный спад рождаемости к потере не менее 12 млн. потенциальных граждан.

Современная экономическая ситуация в нашей стране, впрочем как и во многих других странах, характеризуется с одной стороны кризисными явлениями в области финансов и других сферах, а с другой стороны ростом научно-технического прогресса, связанного с информатизацией, развитием интеллектуального потенциала, новых технологий в различных сферах. «На долю новых знаний, по существу, нового информационного ресурса, воплощаемых в технологиях, оборудовании, образовании кадров, организации производства в развитых странах, приходится от 70 до 85% прироста ВВП».

Договорные отношения в сфере применения вспомогательных репродуктивных технологий входят в предмет гражданского права.

В науке существуют разные подходы к определению соотношения договорных форм оказания медицинских услуг и применения ВРТ.

Так, Д.К. Рашидханова рассматривает «вмешательство в репродуктивные процессы человека как профессиональную медицинскую услугу, оказываемую пациенту медицинской организацией на договорной основе при условии добровольного информированного согласия пациента, консенсуальности, взаимности. Субъектами договора возмездного оказания медицинских услуг являются пациент, медицинская организация, имеющая лицензию на оказание соответствующих услуг, и третьи лица (супруг суррогатной матери, доноры репродуктивных тканей и др.). Предметом договора является совершение профессиональных медицинских действий по искусственному оплодотворению, имплантации эмбриона, стерили-

зации, искусственному прерыванию беременности и т.п. Результатом вспомогательных репродуктивных технологий является состояние здоровья, достигнутое надлежащим оказанием медицинской услуги».

Н.А. Ардашева пишет, что «медицинская услуга никак не может быть объектом вспомогательных репродуктивных технологий. Медицинская услуга представляет собой вид медицинской помощи гражданам, а ВРТ – это метод терапии бесплодия. Чтобы определить объект медицинской услуги, нужно ее конкретизировать. Если это консультация врача, то объектом будет факт установления диагноза или заключение о необходимости того или иного вида лечения. Если это диагностическое исследование, например забор крови, то объектом будет наличие в крови вирусов или отсутствие их».

Приказ Минздравсоцразвития РФ от 09.01.2007 года №5 «Об утверждении стандарта медицинской помощи больным, нуждающимся в экстракорпоральном оплодотворении, культивировании и внутриматочном введении эмбриона при бесплодии трубного происхождения (при оказании высокотехнологичной помощи)», Приказ Минздравсоцразвития РФ от 10.04.2006 года №265 «Об утверждении стандарта медицинской помощи больным с женским бесплодием маточного происхождения и с женским бесплодием, связанным с отсутствием овуляции» рассматривает названные процедуры в качестве медицинской услуги.

Применение ВРТ, как осуществляемое исключительно с участием медицинских организаций, обладающих соответствующими лицензиями, подпадает под действие договорных отношений в сфере медицинских услуг в соответствии с главой 39 ГК РФ.

Является ли договор о вынашивании и рождении ребенка суррогатной матерью медицинской услугой. Как отмечается Н.А. Ардашевой, «в чистом виде оно не является медицинской услугой. Услуги по вынашиванию ребенка, зачатого с помощью искусственного оплодотворения и имплантации эмбриона в полость матки суррогатной матери, оказываются не медицинским учреждением, а женщиной, заключившей договор с супругами».

О.Б. Кожеурова, рассматривая вопрос о соотношении медицинских услуг и использование ВРТ, считает, что «результат искусственного оплодотворения и суррогатного материнства является объектом правоотношений по репродуктивным технологиям. Отличием данного вида обязательства от обязательства по оказанию иного вида услуг (например, образовательные услуги) состоит в том, что при использовании ВРТ овеществленный результат, т.е. ребенок, не может быть гарантирован, однако договор будет считаться исполненным (искусственное оплодотворение произведено, т.е. сторона исполнила свое условие договора). И в договоре не предусмотрено повторение попыток искусственного оплодотворения до достижения его желаемого результата. Договор гарантирует лишь проведение самой процедуры искусственного оплодотворения. Соответственно объектом правоотношений по производству вспомогательной репродукции человека в данном случае является сама деятельность по осуществлению искусственного оплодотворения. Деятельность медицинского учреждения может не иметь материализованного результата (рождение ребенка), но представляет юридически значимый интерес для заказчика. В данном случае сама услуга – искусственное оплодотворение – самостоятельный объект правоотношений по производству ВРТ. В данном случае результаты данной деятельности неотделимы от самой деятельности и потребляются в ее процессе, именно поэтому они именуется медицинскими услугами.

То же самое касается и суррогатного материнства. Объектом правоотношений по программе «суррогатное материнство» является предоставление услуги

суррогатной матери по вынашиванию ребенка, зачатого в результате искусственного оплодотворения. Однако, как и в случае простого искусственного оплодотворения, гарантий передачи родившегося ребенка родителям-заказчикам договор не обеспечивает. Соответственно предметом договора является вынашивание зачатого в результате искусственного оплодотворения ребенка».

По мнению С.П. Журавлевой, «договор о суррогатном материнстве по своей правовой природе является многосторонней сделкой (договором), взаимным, консенсуальным, безвозмездным, свободным гражданско-правовым договором».

Б.Н. Жуков полагает, что «соглашение о суррогатном материнстве нельзя рассматривать в качестве гражданско-правового договора и, соответственно, к нему недопустимо применение гражданского законодательства о договорах».

Ю.А. Дронова отмечает, что «договор на оказание платных медицинских услуг, а именно программы суррогатного материнства, является договором возмездного оказания услуг на определенных условиях. Договор программы суррогатного материнства имеет многосторонний характер и заключается между:

- будущими генетическими родителями ребенка (лицами старше 21 года противоположного пола);
- суррогатной матерью (женщиной в возрасте от 21 до 39 лет, имеющей одного и более детей, по возможности не состоящей в родственных отношениях с родителями ребенка);
- медицинским учреждением, имеющим лицензию на подобный вид деятельности.

Если суррогатная мать остается анонимной, то целесообразно заключить договор:

- между суррогатной матерью и медицинским учреждением, где будут проводиться перенос эмбриона и дальнейшее наблюдение за протеканием беременности;
- между этим медицинским учреждением и генетическими родителями.

Кроме бесплодной пары и суррогатной матери участниками договора могут быть супруг суррогатной матери, врач, который должен провести операцию по искусственному оплодотворению, акушер, психиатр и психолог».

Думается, что услуги медицинских работников не являются самостоятельными видами услуг. Стороной, оказывающей такого рода услуги, является медицинская организация, а в договоре стороны могут указать то физическое лицо – врача, психолога, акушера, которые непосредственно будут оказывать услуги, но самостоятельной стороной в договоре они от этого не становятся.

Е.С. Митрякова предлагает законодателю «принять во внимание бесспорное сходство договора о суррогатном материнстве с договором возмездного оказания услуг и включить его в перечень договоров, на которые распространяется действие главы 39 Гражданского кодекса РФ».

Приведенный Т.Е. Борисовой сравнительный анализ существа договора суррогатного материнства с иными видами гражданско-правовых договоров подтверждает правильность вывода о необходимости выделения его в отдельный самостоятельный вид договора».

Д.В.Огородов и М.Ю. Челышев рассматривают договор о суррогатном материнстве в качестве смешанного. «К смешанным следует причислять договоры, сочетающие элементы как уже известных закону договоров, так и элементы непоименованных договоров. В частности, это могут быть договоры, оформляющие институт суррогатного материнства (договоры о вынашивании детей), в которых наряду с самим предметом могут содержаться и условия о купле-продаже, оказании услуг и др.».

Хотелось бы согласиться с мнением А.А. Пестриковой, которая считает, что «договор, заключаемый между суррогатной матерью и супругами, регулирует два типа отношений, возникающих между ними: неимущественные и связанные с ними имущественные (речь идет только о возмездных договорах). Следовательно, и правовое регулирование этих отношений должно быть различным.

Имущественные отношения, возникающие по договору о суррогатном материнстве, по правовой природе ближе всего к договору возмездного оказания услуг. Согласно ст.779 ГК РФ по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги, а заказчик обязуется оплатить эти услуги. Перечень договоров, предусмотренных ч.2 ст.779 ГК РФ является открытым, что делает возможным применение положений гл.39 ГК к договору суррогатного материнства. Кроме того, ст.421 ГК РФ предполагает возможность заключения договора, содержащего элементы различных договоров. Следовательно, возмездные отношения, возникающие между сторонами, можно регулировать гражданско-правовыми методами».

Необходимо разграничивать договоры об оказании медицинских услуг, к которым могут относиться и услуги по использованию ВРТ, обязательным участником которого является медицинская организация, и договор об оказании иных услуг между заказчиками и другими лицами, не являющимися медицинской организацией, в частности, договор с суррогатной матерью. Последний необходимо рассматривать как межотраслевой договор, если он носит возмездный характер, непоименованный в гражданском праве, и как семейно-правовой, если он носит безвозмездный характер. К другим договорам может быть отнесен договор между заказчиками и донорами – лицами, предоставляющими генетический материал. В том случае, если генетический материал предоставляется медицинской организацией, специального договора между донором и заказчиком не требуется.

Определяя систему договорных отношений по применению ВРТ при реализации репродуктивных прав, необходимо отметить основную цель (направленность) таких договоров – возникновение родительских правоотношений между заказчиками и ребенком, как генетически и биологически происходящим от заказчиков (одного из них), так и не являющимся таковым. Предлагается выделить следующие виды договоров по признаку субъектного состава и критериев получения генетического материала:

- договоры заказчиков с физическими лицами, использование генетического материала которых или предоставление которыми услуги по вынашиванию и рождению ребенка, создают для заказчиков родительские правоотношения с рожденными в результате применения таких методов ребенком (договоры суррогатного материнства, договоры с донорами). Данные договоры по своей природе с точки зрения гражданского права являются непоименованными и имеют полиотраслевой характер;

- договоры об оказании медицинских услуг с медицинской организацией, с помощью услуг которых и применения ВРТ, женщина-заказчик получает возможность вынашивания и рождения ребенка, являющегося генетически и биологически ребенком заказчиков, либо на основании генетического материала других или услуг суррогатной матери, за которые отвечает медицинская организация и в результате использования которых возникают родительские отношения. Данные договоры носят гражданско-правовой характер;

- сочетание элементов договоров, включающих в себя соглашение с медицинской организацией об оказании медицинских услуг с использованием ВРТ и другими лицами, генетический материал или услуги по вынашиванию и рожде-

нию ребенка которых используется и представляющих собой смешанные полиотраслевые договоры.

Репродуктивные права граждан, связанные в том числе с преодолением бесплодия, включая использования ВРТ, являются предметом межотраслевого регулирования. Эти права обеспечиваются не только нормами семейного, но также и международного, гражданского, административного, трудового законодательства, законодательства в сфере социального обеспечения и даже уголовного.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ПРЕСТУПНЫХ ДОХОДОВ

А.И. Сафонов

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

В последние десятилетия отмывание доходов приняло международный характер и превратилось в политический фактор, деструктивно влияющий на авторитет государственной власти ряда стран. Отмывание денег и другого имущества, полученных преступным путем, стало глобальной угрозой экономической безопасности государств, что требует принятия согласованных мер как на национальном, так и на наднациональном уровнях.

В ряде международно-правовых актов предписывается устанавливать в рамках национального законодательства юридическую ответственность за искажение природы финансовых средств, полученных от незаконной деятельности и иное способствование их проникновению в экономику страны.

Большое внимание уделяется обеспечению изъятия конфискации доходов, полученных от преступной деятельности; а также повышению эффективности правовой помощи и сотрудничества правоохранительных органов в процессуальных и внепроцессуальных формах, и взаимодействию финансово-банковских структур для создания препятствий операциям по отмыванию денег.

Мировым сообществом накоплен значительный межгосударственный опыт борьбы с отмыванием доходов и разработана общая международно-правовая концепция противодействия этому явлению, нашедшая свое отражение в таких важнейших международно-правовых документах, как:

Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года (Венская конвенция); Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 года (Страсбургская конвенция); Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Палермская конвенция); Директива Совета Европы 1991 года №91/308/ЕЕС «О предотвращении использования финансовой системы в целях отмывания денег», 40 и 8 специальных рекомендаций ФАТФ, принятых в 1990 году с последующими изменениями и дополнениями.

Положения вышеперечисленных документов были частично дополнены Конвенцией Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 года, Конвенцией Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 года и другими международно-правовыми документами.

В настоящее время организованная преступность, к сожалению, превратилась в один из серьезных факторов угрозы экономической безопасности Беларуси, России и других государств как на постсоветском пространстве, так и в общепланетарном масштабе.

В конце 80-х годов прошлого века в рамках международного сообщества сложился широкий консенсус по поводу того, что криминализация отмывания денег является важным компонентом стратегии борьбы с преступностью. Конвенция Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года (Венская конвенция) стала первым универсальным международным договором, направленным на развитие сотрудничества в сфере борьбы с «отмыванием денег» и пресечение преступной деятельности, приносящей максимальные доходы.

Венская конвенция предусматривает, что государства-участники обязаны квалифицировать во внутреннем законодательстве в качестве преступления «отмывание» имущественных ценностей, полученных от правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, а также регламентирует международное сотрудничество, включая выдачу. В положениях Конвенции отражена концепция, согласно которой одним из основных условий эффективной стратегии борьбы против международного оборота наркотиков является необходимость обеспечения правоохранительных органов адекватными средствами для подрыва финансовой основы криминальных групп. Положения этой Конвенции являются отражением этой потребности, хотя собственно термин «отмывание денег» ввиду его относительной новизны и сложности перевода не был использован в тексте. Тем не менее, само понятие сформулировано весьма подробно.

Согласно ст.3 Конвенции под легализацией доходов от преступной деятельности понимаются: конверсия или передача имущества, если известно, что такое имущество получено в результате правонарушения; сокрытие или утаивание подлинного характера, источника, местонахождения, способа распоряжения, перемещения, подлинных прав в отношении имущества, полученного преступным путем; с учетом конституционных положений и основных принципов правовых систем государств приобретение, владение или использование незаконно приобретенного имущества; участие, соучастие или вступление в преступный сговор в целях совершения вышеперечисленных правонарушений и покушение на совершение таких правонарушений, а также пособничество, подстрекательство, содействие или консультирование при их совершении.

После принятия Венской конвенции был отмечен значительный прогресс в процессе консолидации мирового сообщества в противодействии проникновению нелегальных доходов и легальную экономику.

На Восьмом конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в 1990 году в Гаване, было предложено принять рабочее определение «отмывания» незаконных капиталов, разработанное Группой международных финансовых действий (FATF/GAFI): преобразование или передача собственности, если известно, что такая собственность возникла в результате преступления, с целью сокрытия или маскировки незаконного происхождения собственности или оказания помощи любому лицу, которое вовлечено в совершение такого преступления или преступлений, с тем, чтобы избежать правовых последствий его действий; сокрытие или маскировка подлинного характера, источника, местонахождения, расположения, перемещения, прав в отношении собственности или права собственности, если известно, что такая собственность возникла в результате преступления; приобретение, владение или использование собственности, если на момент получения известно, что такая собственность возникла в результате преступления или акта участия в таком преступлении.

Таким образом, международно-правовое сообщество разработало перечень основных деяний, образующих отмывание криминальных доходов. Это послужило отправной точкой для дальнейшей, более детальной, научной разработки данного понятия и реализации его в ряде международных и национальных законодательных актов.

Положения Венской конвенции получили дальнейшее развитие в Конвенции Совета Европы «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности», принятой в Страсбурге 8 ноября 1990 года (Страсбургская конвенция) и ставшей основной правовой базой европейского сотрудничества в противодействии этому виду преступной деятельности.

Обязательство по криминализации отмывания денежных средств и иного имущества, полученных от преступной деятельности, отражены и в Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности, принятой в Палермо, Италия, 12-15 декабря 2000 года.

В белорусской научной литературе, проблеме борьбы с легализацией преступных доходов, к сожалению, уделяется мало внимания. Несмотря на обилие публикаций юристов, экономистов, социологов, публицистов по вопросам борьбы с «отмыванием», эта проблема, к сожалению, весьма далека от своего решения.

Таким образом, Республике Беларусь необходимо вырабатывать собственные и более активно имплементировать самые позитивные наработки международного сообщества в области противодействия легализации преступных доходов.

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Т.В. Сафонова, О.В. Морозова
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

В настоящее время в Республике Беларусь нет закона, комплексно регулирующего правоотношения в сфере защиты персональных данных, однако попытки установить для них особый правовой режим уже предприняты. 10 мая 2009 года вступил в силу Закон Республики Беларусь «Об информации, информатизации и защите информации» №455-З (далее – Закон), который впервые использовал термин «персональные данные».

Закон устанавливает, хотя и недостаточно определенно, правовой режим персональных данных и относит их к информации, распространение и (или) предоставление которой ограничено.

Однако законодатель не разъясняет, какая именно информация составляет (может составлять) персональные данные, что является серьезным упущением рассматриваемого Закона.

Если обратиться к международным договорам, то, например, Конвенция Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» определяет персональные данные как информацию, касающуюся конкретного или могущего быть идентифицированным лица.

Директива 95/46/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите прав частных лиц применительно к обработке персональных данных и о свободном движении таких данных» понимает под персональными данными любую информацию, связанную с идентифицированным или идентифицируемым физическим лицом.

Закреплённые в международных документах понятия не позволяют в полной мере определить, какая именно информация о личности нуждается в охране от

незаконного сбора и обработки, а также характер вреда, который может причинить распространение такой информации.

Закон Российской Федерации «О персональных данных» от 27 июля 2006 года №152 – ФЗ определяет персональные данные как любую информацию, прямо или косвенно относящуюся к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных), а также устанавливает примерный перечень таких данных: фамилия, имя, отчество, год, месяц, дата и место рождения, адрес, семейное, социальное, имущественное положение, образование, профессия, доходы, другая информация.

На наш взгляд, все вышеприведённые определения «персональных данных» являются недостаточно полными. Под персональными данными следует понимать исключительно те сведения, разглашения или утрата которых могут причинить моральный или материальный ущерб личности, или создать угрозу ее безопасности.

Для предотвращения подобных негативных последствий законодательными актами, направленными на защиту персональных данных, как правило, устанавливаются меры ответственности. Например, Закон Российской Федерации «О персональных данных» предусматривает гражданскую, уголовную, административную, дисциплинарную и иную предусмотренную законодательством Российской Федерации ответственность для лиц, виновных в нарушении требований указанного закона.

Кроме того, персональные данные (например, паспортные данные, сведения о месте жительства, семейном положении, данные медицинской карты и др.) должны обладать способностью к учету и обработке: сбору, записи, систематизации, накоплению, хранению, уточнению (обновлению, изменению), извлечению, использованию, передаче (предоставление, доступ), блокированию, уничтожению персональных данных.

Таким образом, персональные данные мы предлагаем определять как информацию, касающуюся физического лица, которое может быть идентифицировано на основании этой информации, разглашение или утрата которой может причинить моральный или материальный ущерб лицу, создать угрозу его безопасности.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*Т.В. Сафонова, С.В. Падалинский
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Изменения, происходящие в информационной сфере, характеризуются высокой интенсивностью и динамичностью, затронуты процессами глобализации.

Информационная сфера превращается в системообразующий фактор жизни людей, общества и государства. Усиливается роль и влияние средств массовой информации и глобальных коммуникационных механизмов на экономическую, политическую и социальную ситуацию в стране.

Информационное противоборство выступает новой самостоятельной формой глобальной конкуренции. Распространяется практика целенаправленного информационного давления, наносящего существенный ущерб национальным интересам Республики Беларусь.

В Республике Беларусь реализуются демократические принципы свободы слова, права граждан на получение информации и ее использование. Государство создает не-

обходимые условия для развития средств массовой информации и национального сегмента глобальной сети Интернет. Во все сферы жизнедеятельности общества активно внедряются современные информационно-коммуникационные технологии.

В условиях открытости информационного пространства страны и возрастающей конкуренции в информационной сфере, качество и популярность белорусского национального контента остаются недостаточными.

В настоящее время в Республике Беларусь не сформировано законодательство об информационной безопасности. Однако, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь 9 ноября 2010 года №575 Концепция Национальной безопасности Республики Беларусь (далее – Концепция) содержит правовые основы обеспечения информационной безопасности страны.

По информационной безопасности понимается состояние защищенности сбалансированных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз в информационной сфере.

Угрозы информационной безопасности носят комплексный и взаимосвязанный характер. Отдельные источники способны порождать спектр информационных угроз.

Республика Беларусь преследует собственные национальные интересы в информационной сфере, к которым Концепция относит:

- реализация конституционных прав граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации;
- формирование и поступательное развитие информационного общества;
- равноправное участие Республики Беларусь в мировых информационных отношениях;
- преобразование информационной индустрии в экспортно-ориентированный сектор экономики;
- эффективное информационное обеспечение государственной политики;
- обеспечение надежности и устойчивости функционирования критически важных объектов информатизации.

На наш взгляд, обеспечение информационного суверенитета страны должно являться одним из приоритетных национальных интересов Республики Беларусь.

В Республике Беларусь осознаны ряд угроз информационной безопасности, которые Концепция делит на внешние и внутренние.

Внешними источниками угроз национальной безопасности являются:

- открытость и уязвимость информационного пространства Республики Беларусь от внешнего воздействия;
- доминирование ведущих зарубежных государств в мировом информационном пространстве, монополизация ключевых сегментов информационных рынков зарубежными информационными структурами;
- информационная деятельность зарубежных государств, международных и иных организаций, отдельных лиц, наносящая ущерб национальным интересам Республики Беларусь, целенаправленное формирование информационных поводов для ее дискредитации;
- нарастание информационного противоборства между ведущими мировыми центрами силы, подготовка и ведение зарубежными государствами борьбы в информационном пространстве;
- развитие технологий манипулирования информацией;
- препятствование распространению национального контента Республики Беларусь за рубежом;

- широкое распространение в мировом информационном пространстве образцов массовой культуры, противоречащих общечеловеческим и национальным духовно-нравственным ценностям;

- попытки несанкционированного доступа извне к информационным ресурсам Республики Беларусь, приводящие к причинению ущерба ее национальным интересам.

Внутренними источниками угроз являются:

- распространение недостоверной или умышленно искаженной информации, способной причинить ущерб национальным интересам Республики Беларусь;

- зависимость Республики Беларусь от импорта информационных технологий, средств информатизации и защиты информации, неконтролируемое их использование в системах, отказ или разрушение которых может причинить ущерб национальной безопасности;

- несоответствие качества национального контента мировому уровню;

- недостаточное развитие государственной системы регулирования процесса внедрения и использования информационных технологий;

- рост преступности с использованием информационно-коммуникационных технологий;

- недостаточная эффективность информационного обеспечения государственной политики;

- несовершенство системы обеспечения безопасности критически важных объектов информатизации.

Приоритетным направлением является совершенствование нормативной правовой базы обеспечения информационной безопасности и формирования комплексной государственной системы обеспечения информационной безопасности, в том числе путем оптимизации механизмов государственного регулирования деятельности в этой сфере.

Нейтрализации ряда внутренних источников угроз национальной безопасности способствует информационное обеспечение государственной политики, совершенствование конституционно-правовых основ государственной информационной политики Республики Беларусь.

Защиту от внешних угроз национальной безопасности в информационной сфере обеспечивает участие Республики Беларусь в международных договорах, регулирующих на равноправной основе мировой информационный обмен, в создании и использовании межгосударственных, международных глобальных информационных сетей и систем.

Технологическая эволюция становится источником принципиально новых угроз, предоставляя недоступные ранее возможности негативного влияния на личность, общество и государство, которые должны быть учтены в процессе разработки концепции государственной информационной политики Республики Беларусь.

В условиях глобализации и развития новых направлений международного сотрудничества, важным фактором обеспечения устойчивого развития государства становится успешное вовлечение Республики Беларусь в интеграционные процессы. Важным шагом здесь является развитие интеграционных процессов между Республикой Беларусь и Российской Федерацией в информационной сфере.

Немаловажным также является создание модельного законодательства по вопросам информационной безопасности в рамках Содружества Независимых Государств.

К ВОПРОСУ О НАКАЗАНИИ ЗА ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ БЕЗ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ

*О.В. Сергейчик
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Борьба с коррупцией является на сегодняшний день актуальной для нашего общества. Коррупция разрушает доверие населения к власти, по сути, сводит на нет все ее решения, направленные на создание свободного, демократического общества. По данным неправительственной международной организации по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции Transparency International в 2011 году самый низкий индекс восприятия коррупции (Corruption Perceptions Index, CPI определяет уровень коррупции в госсекторе – от «0» (высокий уровень коррупции) до «10» (коррумпированных чиновников почти нет)) из стран постсоветского пространства в странах Балтии: Эстонии (CPI – 6.4 баллов), Литве (CPI – 4.8 баллов), Латвии (CPI – 4.2 балла), а самый высокий индекс в Туркменистане и Узбекистане (CPI – 1.6 балла). В 2011 году Беларусь опустилась на 143 место и находится в одной группе с такими странами, как Нигерия, Уганда, Россия и Азербайджан с индексом 2.4 балла. В 2010 году Республика Беларусь занимала 127 место.

Одним из опасных проявлений коррупции является взяточничество. Получение взятки (ст.430 Уголовного Кодекса) определено в системе Особенной части Уголовного Кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) как преступление против интересов службы, оно является наиболее опасным и распространённым из коррупционных преступлений.

В Уголовном кодексе БССР, принятом в 1928 году, за получение взятки без отягчающих обстоятельств предусматривалось единственное наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет (ч.1 ст.207 УК).

В Уголовном Кодексе БССР 1960 года (далее – УК 1960 года) ответственность за получение взятки устанавливалась ст. 169. За получение взятки устанавливается наказание лишением свободы на срок до 5 лет. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 25 июня 1962 года «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Республики Беларусь» были внесены изменения и дополнения, существенно ужесточавшие ответственность. За получение взятки без отягчающих обстоятельств был установлен минимальный срок лишения свободы в 3 года и увеличен максимальный срок этого наказания с 5 лет до 10 лет.

Некоторое смягчение наказания произошло в 1986 году, когда Указом Президиума Верховного Совета БССР от 6 июня 1986 года №842-XI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь» из ч.1 ст.169 УК 1960 года было исключено указание на минимальный срок лишения свободы – 3 года. В УК Республики Беларусь 1999 года ответственность за получение взятки предусматривается ст.430. В первоначальной редакции УК Республики Беларусь несколько смягчил уголовную ответственность за данное преступление, предусмотрев за его совершение без отягчающих обстоятельств наряду с лишением свободы альтернативные наказания (арест, ограничение свободы). Новшеством по сравнению с УК 1960 года стало введение такого дополнительного наказания как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Из-за необходимости приведения национального законодательства в соответствие с Европейской конвенцией об уголовной ответственности за коррупцию, Законом Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Уголов-

ный и Уголовно-процессуальный Кодексы» от 22 июля 2003 года №227-3 была усилена уголовная ответственность за получение взятки. Это преступление, совершенное без отягчающих обстоятельств, наказывалось теперь только лишением свободы на срок до 7 лет (ранее – до 6 лет). Еще более расширено само понятие получения взятки, поскольку таковым оно признается, когда должностное лицо принимает материальные ценности не только для себя, но и для близких.

Законом от 18 июля 2007 года №266-З «О внесении изменений и дополнений в Уголовный Кодекс Республики Беларусь» указанные дополнительные наказания в виде конфискации имущества и лишения права занимать определенные должности стали предусматриваться во всех частях ст.430 УК Республики Беларусь как обязательные.

Последние изменения в УК Республики Беларусь были внесены 15 июля 2009 года с принятием Закона Республики Беларусь от 15 июля 2009 года №42-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь по вопросам уголовной ответственности и оперативно-розыскной деятельности». Данным законом были внесены изменения и в ст.430 УК Республики Беларусь. Так в санкцию ч.1 ст.430 УК Республики Беларусь было добавлено более мягкое наказание, чем лишение свободы – ограничение свободы. Такое же наказание содержится санкция УК Казахстана.

Следует отметить, что в настоящее время значительная часть уголовных кодексов республик, которые входили в состав СССР предусматривает в санкциях за получение взятки без отягчающих обстоятельств два наказания, максимальное количество наказаний – три (Казахстан).

Альтернативные санкции, содержащие указание не только на лишение свободы, но и на более мягкие наказания за получение взятки без отягчающих обстоятельств, предусмотрены также в УК Республики Молдова, Украины, Литовской Республики и др. Указанные кодексы предусматривают в качестве альтернативы лишению свободы штраф или лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

Например, санкцией ч.1 ст.290 УК Российской Федерации, предусмотрено альтернативное лишению свободы наказание в виде штрафа в размере от двадцатипятикратной до пятидесятикратной суммы взятки с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет.

В УК Туркменистана за получение взятки по ч.1 ст.184 предусмотрен в качестве альтернативного наказания лишению свободы такой вид наказания как возложение обязанности проживания в определенной местности на срок от 5 до 8 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 3 лет с конфискацией имущества или без таковой.

Причем в Уголовных кодексах Эстонии, Латвии (за взяточничество (ст.320)), Азербайджана, Таджикистана, Грузии, Кыргызстана (за взятку-подкуп (ст.311), за получение взятки за предоставление должности (ст.312)) не предусмотрены альтернативные наказания лишению свободы.

Большинство кодексов предусматривают дополнительные наказания: лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (за исключением Латвии). В УК Латвии, Туркменистана, Кыргызстана, Республики Беларусь, Казахстана предусмотрено дополнительно наказание – конфискация имущества.

Полагаем, что борьба с коррупцией должна вестись не только и не столько с помощью наказания в виде лишения свободы.

Представляется, что для должностных лиц существенным карательным воздействием будет и такое наказание, как лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначаемое только в качестве обязательного. Полагаем, что если бы ч.1 ст.430 УК Республики Беларусь предусматривала наряду с лишением свободы альтернативные ему более мягкие наказания (штраф или лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью), то это в большей мере отвечало бы принципу справедливости, используемого для реального противодействия коррупции.

КАМПРАМІС У КРЫМІНАЛЬНА-ПРАВОВЫМ ПРОЦІДЗЕЯННІ ХАБАРНІЦТВУ ПАТРАБУЕ ПЕРАГЛЯДУ

С.А. Сілаеў

Кемерава, Кемераўскі дзяржаўны ўніверсітэт

Дзеючыя крымінальныя кодэксy Расіі (заўвагі да арт. 291 і 291¹) і Беларусі (заўвагі да арт.431 і 432) прадугледжваюць спецыяльную падставу звальнення ад крымінальнай адказнасці для асобаў, якія далі хабар або пасярэднічалі ў хабарніцтве, прычым дадзеныя нормы сфармуляваны як імператывыя. Аналагічны падыход высочваецца і ў заканадаўстве шэрага замежных краін, напрыклад Польшчы (§6 арт.229, §3 арт.230а). Пры гэтым многія айчыныя спецыялісты адзначаюць дваістую прыроду аналізаванага інстытута у той частцы, што датычыцца хабарадавальніка: вымагальніцтва незаконнага ўзнагароджання больш нагадвае абставіны, выключаючыя злачыннасць учынку (пільную патрэбу), тады як добраахвотнае паведамленне аб здзейсненым подкупе шмат каму ўяўляецца «канкрэтным станоўчым посткрымінальным учынкам», прычым такім, які сам праз сябе загладжвае нанесеную злачынствам шкоду. Абгрунтаўваючы дадзенае заканадаўчае рашэнне, вучоныя звычайна пішуць, што хабарніцтва часта мае характар промыслу, а таму пакіданне бяскарным хабарадавальніка быццам неабходна, каб папярэдзіць тоесныя злачынствы, спыніць незаконнае ўзбагачэнне хабарніка і прадухіліць магчымую эскалацыю ягонай грамадска-небяспечнай дзейнасці (напрыклад, у выглядзе ўчынення за хабар незаконных дзеянняў), а таксама выявіць як мага больш фактаў карупцыі. Характэрна, што апошні аргумент (неабходнасць забяспечыць даказванне па справах аб хабарніцтве) нейкім аўтарам здаецца ледзь не адзіным і дастатковым для прызнання аналізаванай нормы абгрунтаванай у крымінальна-палітычных адносінах.

Нельга не адзначыць яшчэ адзін момант, які яднае ўсіх прыхільнікаў гэткага «кампрамісу». Х.Д. Алікпераў, напрыклад, адкрыта піша: «...заканадаўца імкнецца з двух ліх выбраць меншае, бо ўсведамляе ўтапічнасць задачы праваахоўных органаў адначасова забяспечваць даказванне віны... хабарадавальніка і хабараатрымальніка... Каб разарваць кругавую паруку ўдзельнікаў хабару і зыходзячы з таго, што для грамадства і яго членаў найбольшую небяспечнасць складае хабараатрымальнік, заканадаўца прапануе хабарадавальніку звальненне ад крымінальнай адказнасці наўзамен яго дапамогі ў раскрыцці хабараатрымальніка. Інакш кажучы, шляхам пагаднення з адным з удзельнікаў злачынства ён імкнецца адхіліць або спыніць небяспечнейшыя злачынствы, якія могуць прынесці больш ліха, чым дзеянні гэтых асоб». Як відаць з прыведзенай цытаты, уся ідэя «кампрамісу» будуюцца на памылковай пасылцы, быццам прадажны чыноўнік заўсёды і ва ўсіх выпадках небяспечнейшы за таго, хто яго падкупляе. Ідэя гэта трывала «атабарылася» ў масавай свядомасці, і грамадзянская супольнасць упарта не жадае пераглядаць стэрэатыпы, якія

склаліся ў век Асветы і бадай найбольш поўна і эмацыянальна выказаны Ж.-П. Маратам, паводле якога карупцыйныя злачынствы «ўчыняюцца у адносінах да безабаронных людзей, няшчасных, што не могуць адстойваць свае патрабаванні. Жадаючы ўзбагаціцца за кошт іхніх крыхаў, хабарнік часта, і прытым заўсёды свяшчэнным іменем закона, адбірае ў такіх людзей апошнія сродкі, тады як прыгнятальнік, злоўжываючы ўладаю, парушае у адносінах да іх грамадскі давер і ператварае ў тыранію тую абарону, якую абавязаны даваць ім урад. Даводзячы такім чынам гэтых няшчасных да галечы і вымушаючы іх ненавідзець уладу, пад якою яны живуць, хабарнікі і прыгнятальнікі пазбаўляюць грамаду мноства карысных членаў і даюць ёй шмат небяспечных». Адным словам, карупцыя – гэта параджэнне ліхадзейскага намеру карупцыянераў, злавесных *homines corruptici*, ад якіх церпяць і пакутуюць «мірныя абывацелі». Аднак сучасная крыміналогія даволі скептычна ставіцца да такіх поглядаў, сцвярджаючы, што сённяшняе карупцыя – не вынік падкопаў нейкіх «ворагаў народа» і нават не пабочны эффект пануючай сацыяльна-эканамічнай сістэмы, а яе неад'емная частка: калі карупцыя робіцца сістэмай, гэта значыць не толькі тое, што палітыкі – маральна сапсаваныя, чыноўнікі – прадажныя, а прадпрымальнікі – неразборлівыя ў сродках, але і тое, што на змену прыстойнасці прыйшла эфектыўнасць, а фармальная логіка бюракратычнай эфектыўнасці цалкам заменена хаосам кліентызму, подкупу, непатызму і беззаконня. Інакш кажучы, карупцыя – сведчанне таго, што сістэма не служыць і царуе анамія.

Вельмі дакладным здаецца прапанаванае А.І. Далговаю азначэнне карупцыі як «з'явы такіх подкупу-прадажнасці, калі адзін суб'ект, які займае пэўнае службовае становішча і надзелены пэўнымі паўнамоцтвамі, падкупляецца іншым суб'ектам дзеля таго, каб адпаведнае службовае становішча і паўнамоцтвы выкарыстоўваліся ў інтарэсах таго боку, які падкупляе»; пры гэтым карупцыя «характарызуецца практычна двухбаковай угодаю карупцёра і карупцыянера. Карупцёр падкупляе карупцыянера, а той за адпаведную ўзнагароду ўчыняе выгадныя карупцёру дзеянні». У канчатковым рахунку, карупцыя ў сучасных умовах з'яўляецца своеасаблівым сектарам крымінальнага рынку, дзе таварам ёсць службовыя паўнамоцтвы, аўтарытэт ды ўплыў, і, таксама як усякі рынак, можа існаваць пастолькі, паколькі існуе попыт на пэўныя тавары (паслугі). Пры разглядзе праблемы карупцыі ў такім ракурсе непазбежным становіцца высновак аб пераважаючай ролі «спажываўцоў» карупцыйных паслуг – ад звычайных прадпрымальнікаў (і нават простых грамадзян), якія жадаюць хутчэй аформіць патрэбныя дакументы або не хочуць «звязвацца» з «папяровай цяганінай», да арганізаванай злачыннасці, для якой карупцыйныя сувязі з'яўляюцца неабходнай умовай крымінальнай дзейнасці.

Беручы пад увагу вышэйсказанае, можна толькі дзівіцца таму, што заканадаўца прызнаў дастатковым для звальнення хабарадавальніка ад крымінальнай адказнасці простага паведамлення ўпаўнаважаных органаў пра ўчыненае – незалежна не толькі ад тых матываў, якімі кіраваўся вінаваты (а яны не заўсёды з'яўляюцца станоўчымі ці хаця б нейтральнымі), але нават і ад таго, з чыйго боку паходзіла ініцыятыва складання карупцыйнае ўгоды (як гэта прадугледжана, напрыклад, крымінальнымі законамі краін калішняй Югаславіі). Складваецца парадасальная сітуацыя, калі можна і карупцыйнай паслугай скарыстацца, і заслужанага пакарання пазбегнуць (а для арганізаванай злачыннасці – і ад зрабіўшагася непатрэбным саўдзельніка збавіцца). Ясна, што такая заахвочвальная норма ў яе сённяшняй рэдакцыі б'е міма цэлі і ў пэўнай долі з'яўляецца карупцыягеннай. Але яе адмоўныя бакі гэтым не вычэрпваюцца.

Імкнучыся да выкрыцця як мага большае колькасці фактаў хабарніцтва, заканадаўца стварае спрыяльныя ўмовы для ўчынення яшчэ больш латэнтных злачынстваў. Напрыклад, недобрасумленныя супрацоўнікі праваахоўных органаў могуць, карыстаючыся з дадзенай заўвагі, падсылаць да нялюбых камусь чыноўнікаў сваіх агентаў-правакатараў, якія будуць доўга схіляць іх да атрымання хабару, а потым, дабіўшыся згоды, «паспяхова выяўляць» такіх «карупцыянераў», «актыўна супрацоўнічаючы» са следствам. Гэтыя відавочна супрацьпраўныя паводзіны прама забаронены заканадаўствам аб аператыўна-вышуковай дзейнасці і, па сэнсу закона, з'яўляюцца злачыннымі, але выявіць іх амаль немагчыма.

Зыходзячы з усяго вышэйсказанага і беручы пад увагу, што антыкрымінальныя меры з'яўляюцца цалкам непрымальнымі не толькі тады, калі «пабочныя эфекты» відавочна пераважаюць, але і тады, калі няма бясспрэчнага прэваліравання станоўчых вынікаў, лічым неабходным скасаваць заўвагі да арт.431 і 432 КК Беларусі і да арт.291 і 291¹, 184 і 204 КК РФ ці прынамсі зрабіць дадзеную падставу звальнення ад крымінальнай адказнасці факультатыўнай і прымяняй толькі ў тых выпадках, калі ініцыятыва хабару (подкупу) паходзіла з боку службовай (адказнай) асобы.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУБЪЕКТОВ ТУРИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ИЛИ НЕНАДЛЕЖАЩЕЕ ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПЕРЕД ТУРИСТОМ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ

Н.В. Сирик

Смоленск, НОУ ВПО «Смоленский гуманитарный университет»

Реализуя провозглашенные Конституцией Российской Федерации права на отдых, укрепление здоровья, свободу перемещения, граждане заключают договоры на оказание туристских услуг (реализацию туристского продукта).

В Российской Федерации договор между туристской организацией и туристом регулируется Законом «Об основах туристской деятельности в РФ» 24.11.1996 года №132-ФЗ (ред. от 01.07.2011 года) (далее – российский закон) и называется договором о реализации туристского продукта. В Беларуси данные отношения регламентируются Законом Республики Беларусь «О туризме» от 25.11.1999 года №326-З (в ред. от 16.06.2010 года №139-З) (далее – белорусский закон) и регулируются договором оказания туристических услуг.

На практике нередко возникает вопрос кому и в каком объеме должен предъявлять претензии турист в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств. Как в российском, так и в белорусском законах указывается, что исполнение обязательств третьими лицами не освобождает исполнителя по договору от ответственности перед заказчиком за неисполнение или ненадлежащее исполнение третьими лицами обязательств по договору оказания туристических услуг (ст.27 Закона «О туризме Республики Беларусь, ст.9 Закона «Об основах туристской деятельности в РФ»). Однако, в российском законе данная норма дополнена положением о том, что туроператор отвечает перед туристами или иными заказчиками за действия (бездействие) третьих лиц, если федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации не установлено, что ответственность перед туристами несет третье лицо. Эта норма позволила Роспотребнадзору в письме от 31 августа 2007 года №0100/8935-07-32 «Об особенностях правоприменительной практики, связанной с обеспечением за-

щиты прав потребителей в сфере туристического обслуживания» указать, что «при рассмотрении вопросов, связанных с защитой прав потребителей в сфере туристских услуг, необходимо учитывать особенности транспортного законодательства. Поскольку согласно законодательству о железнодорожном, воздушном и ином транспорте ответственность за перевозку всегда несет перевозчик, эта транспортная услуга не включается туроператорами в состав туристского продукта». В то же время, перевозка, в соответствии со ст.1 российского закона является составной частью туристского продукта. Российская судебная практика по этому вопросу неоднозначна. Ряд судов включают перевозку в состав туристского продукта и обязывают турфирмы возмещать убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей перевозчиком. В других судебных решениях, указывается на то, что турфирма лишь оказывает услуги по покупке билетов, а отвечать за все должен перевозчик в соответствии с транспортными уставами и кодексами.

Заместитель председателя Белорусского общества защиты потребителей Тамара Бельская, отмечает, что перед туристом несет ответственность одно единственное лицо-то, с кем он заключил договор.

Думается, что за все услуги, входящие в комплекс туристских услуг, должна нести ответственность туристская организация, а затем предъявлять регрессные иски остальным лицам, не исполняющим свои обязательства перед туристом.

Однако, в связи с законодательным разделением понятия «туристская организация» на «туроператоров» и «турагентов» возникают вопросы по возложению на них гражданско-правовой ответственности. В туристских законах, как российском, так и белорусском определено, что туроператор обеспечивает формирование, продвижение и реализацию туристских услуг, а турагент – только продвижение и реализацию. Соответственно турагент не принимает участия в организации тура, в отличие от туроператора. Нормы Гражданского кодекса РФ и республики Беларусь предписывают в случае конфликтов между турфирмой и туристом обращаться именно к турагенту, так как у потребителя именно с ним возникли гражданско-правовые отношения, что вытекает из сущности договора и диспозиций договорного права. Конструкция агентского договора между туроператором и турагентом, заключенная по модели договора комиссии в РФ и договор комиссии в Беларуси, также предполагает, что ответственность перед туристом несет турагент. Однако если турагент заключает договор с туристом от имени туроператора (например, при закреплении отношений между турагентом и туроператором на основе договора поручения по белорусскому законодательству или договора агентирования по модели договора поручения по российскому законодательству), то претензии по договору должны предъявляться к туроператору, который выступает стороной туристского договора.

Закон «О туристской деятельности в РФ» возлагает всю меру ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение договора с туристом на туроператора, отвечающего своими гарантиями, или к страховой компании. Возникает противоречие между ГК РФ и отраслевым туристским законодательством.

Судебная практика подтверждает право туриста обращаться с претензиями и привлекать к гражданско-правовой ответственности турагента фактически не осуществляющего формирование и организацию тура, но выступающего в качестве стороны договора об оказании туристских услуг.

Представляется, что подобное положение ограничивает права турагента и завышает уровень его гражданско-правовой ответственности перед туристом. Фактически, не принимая участие в формировании и организации туристского

путешествия, не оказывая непосредственного влияния на качество туристских услуг и своевременность оказания, на турагента возлагается ответственность. Для установления равенства сторон (туроператора и турагента) гражданско-правовых отношений турагенту предоставлено право регрессного требования к туроператору.

В проекте изменений к закону «Об основах туристской деятельности в РФ» предлагается законодательно закрепить лишь одну модель отношений между туроператором и турагентом, а именно возможность заключения договоров с туристами только от имени туроператора. В этом случае вся ответственность за неисполнение договора будет лежать на туроператоре, а турагент будет отвечать лишь за недостоверную информацию о предоставляемых туристских услугах и в случае оказания единичных туристских услуг.

Гарантией ответственности туроператора в РФ является страхование ответственности туроператора или банковская гарантия. Однако практика показала, что страхование ответственности туроператора не может служить надежной гарантией защиты прав туриста. Во-первых, если турист взыскивает убытки в судебном порядке через турагента, институт страхования не действует вообще; во-вторых, в случае банкротства страховых компаний, страховые гарантии не покрывают убытков всех туристов; в-третьих, убытки возмещаются лишь в строго определенных законом случаях, например при неисполнении обязательств по перевозке. В случае же ненадлежащего исполнения обязательств убытки страховой компанией не возмещаются. Кроме того, возмещению подлежит лишь реальный ущерб, моральный вред не компенсируется.

Обратимся к опыту возмещения убытков туристу в зарубежных странах. Так уже 25 лет в Германии существует Франкфуртская таблица, в которой указан весь перечень туристических услуг, которые должна гарантировать турфирма своим туристам. Там предусмотрено снижение цен на оказание услуг, если они не удовлетворяли туриста, установлена норма снижения стоимости путевки, если есть замечания туристов по оказанию услуг по окончании тура. В таблице есть разделы «Размещение», «Питание», «Прочее», «Транспорт». Каждому указанному виду нарушения соответствует определенный размер компенсации, выраженный, как правило, в процентах от стоимости соответствующей услуги или группы услуг. В идеале наличие у фирмы финансовых гарантий должно означать, что если клиент не получил или получил не в полном объеме какую-либо из обещанных услуг, он вправе обратиться к туроператору за компенсацией. Подобные схемы действуют практически во всех зарубежных странах. Она стала неписаным кодексом для большинства операторов, работающих в странах ЕС и США.

Франкфуртская таблица не является законодательным актом, следовать ей или нет – дело добровольное.

Однако если бы Российские и Белорусские крупные операторы объединились и создали нечто подобное Франкфуртской таблице, это бы пошло на пользу и потребителям, и участникам рынка, поскольку означало бы самый цивилизованный уровень ведения бизнеса. Еще до поездки потребитель мог бы ознакомиться с процентом возмещения, что в случае неисполнения договора туроператором впоследствии сильно сэкономило бы время и деньги. А туроператоры старались бы выполнить все обещанное и лучше бы контролировали процесс оказания услуг. На наш взгляд, такой опыт зарубежных стран нам надо обязательно изучать, перенимать и использовать на практике.

К ВОПРОСУ НЕОБХОДИМОСТИ РАЗВИТИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СТРАН-УЧАСТНИЦ СНГ В БОРЬБЕ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ И ПРЕКУРСОРОВ

И.С. Скоробогатый

Минск, УО «Академия МВД Республики Беларусь»

Глобальные проблемы злоупотребления наркотическими средствами и их незаконного оборота, с которыми столкнулась мировое сообщество, с особой силой проявляется в странах Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Концепция национальной безопасности стран СНГ обоснованно относит наркоманию и связанную с ней преступность, к числу существенных угроз стабильности и спокойствию в обществе. Следует отметить, что злоупотребление наркотиками приобрело глобальный характер, и представляет собой огромную опасность для жизни и здоровья всего человечества. Решение данной проблемы невозможно достичь усилиями отдельных государств, в связи, с чем страны-участницы СНГ принимают все возможные меры к разработке новых соглашений для борьбы с обострившейся проблемой. Одним из главных направлений данных соглашений является улучшения деятельности и взаимодействия между правоохранительными органами стран-участниц СНГ.

Актуальность выбранной темы обоснована тем, что изготовление наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров происходит на территории различных государств, что существенно затрудняет деятельность правоохранительных органов. Поэтому развития сотрудничества между оперативными подразделениями различных государств, является наиважнейшей целью стран-участниц СНГ.

Одним из видов развития отношений различных правоохранительных органов стран-участниц СНГ, является образование единых учреждений образования для повышения квалификации оперативных работников в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. Однако это направления развития отношений осталось не развитым, что значительно уменьшает эффективность взаимодействия оперативных подразделений стран-участниц СНГ. Хотя образовательная часть и является одной из составляющих успешного взаимодействия оперативных подразделений стран-участниц СНГ, но необходимо уделить огромное внимание практической деятельности правоохранительных органов стран-участниц СНГ. Республика Беларусь в целях обеспечения эффективной борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, выделяет основные направления деятельности оперативных аппаратов. Основным направлением оперативного аппарата является принятие мер по организации и поддержанию непрерывного взаимодействия, не только с другими внутригосударственными службами органов внутренних дел Республики Беларусь, но и с правоохранительными органами других государств. В первую очередь это проявляется в сотрудничестве с правоохранительными органами стран-участниц СНГ. Ответственность за эту работу несут начальники оперативных аппаратов территориальных, транспортных органов внутренних дел, а так же их заместители. Они обеспечивают постоянный обмен информацией, по вопросам, представляющим взаимный интерес, согласовывают совместное использование сил и средств при планировании общих мероприятий.

Деятельность правоохранительных органов в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров проявляется в ходе

проведенных совместных комплексных мероприятий оперативными подразделениями. Так за 2010-2011 год в ходе совместно-проведенных мероприятиях оперативными подразделениями стран-участниц СНГ, было раскрыто свыше 26 тыс. преступлений, из которых задержано более 1,5 тыс. лиц так или иначе причастных к незаконному изготовлению и обороту наркотических средств, изъято свыше 4 тонн наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров. По состоянию на 1 января 2011 года специализированный банк данных, бюро по координации борьбы с организованной преступностью (далее – БКБОП) содержал информацию на 40,8 тыс. объектов учета, в том числе: 3,6 тыс. – в сфере незаконного оборота наркотиков.

Одним из примеров совместно проведенных операций по выявлению и задержанию лиц причастных к незаконному обороту наркотических средств, стало проведенная операция 20 июня 2011 года. Операция была проведена Управлением по наркоконтролю МВД Республики Беларусь совместно с Федеральной службой РФ по контролю над оборотом наркотиков и Бюро криминальной полиции Литовской республики в ходе которой была пресечена деятельность организованной преступной группы, участники которой наладили контрабанду наркотических средств и психотропных веществ из стран Евросоюза в Российскую Федерацию. Транзит осуществлялся через Литву и Беларусь.

Преступники для доставки наркотиков использовали грузовой автотранспорт, который следовал через страны в режиме международных перевозок (TIR). Разработка группы заняла примерно около 6 месяцев, при этом регулярно осуществлялся обмен оперативной информацией с российскими и литовскими коллегами, сообщает МВД Беларуси.

Всего было задержано 6 участников ОПГ: 2 – в Беларуси, 4 – в РФ, среди которых, двое организаторов преступной группы. Трое задержанных – граждане Литвы, и трое – из России.

В результате первого этапа операции было изъято около 90 кг наркотических средств на территории Беларуси. Во время реализации второго этапа, в Беларуси и России в общем обнаружено более 50 кг наркотиков и задержаны организаторы.

Еще одним грандиозным успехом совместных действий оперативных подразделений стран-участниц СНГ, стало проведенное 24 февраля 2012 года операция по задержании 2 больших партий наркотиков, проведенное оперативными подразделениями Российской Федерации, Республики Беларусь и Литвы. В ходе операции было изъято более 100 кг наркотических средств, большая часть из которых составляла марихуана и гашиш. Особенностью изъятой партии было фирменное клеймо в виде слона, которым был клеймён весь товар. Следовательно, наркотики делал крупный наркокартель, что придает особую значимость успешности проведенной операции.

Однако далеко не все совместно-проводимые операции заканчиваются так успешно. Прежде всего, это связано с отсутствием слаженности действий между оперативными подразделениями стран-участниц СНГ. Основной проблемой проведения совместных мероприятий, является отсутствие оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ) проводимых совместными усилиями оперативных подразделений. Это связано с тем, что на данный момент в странах-участницах СНГ порядок и методы проведения ОРМ строго засекречены и доступны лишь узкому кругу лиц.

В заключение, следует отметить, что, несмотря на ряд, успешно проведенных операций, которые были достигнуты совместными усилиями оперативных

подразделений стран-участниц СНГ, множество совместных операций так и не дали результата. Это в первую очередь связано с отсутствием единой образовательной базы, которая способствовала бы качественно и последовательно повышать квалификацию оперативных работников в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, используя современные методики и достижения в криминалистике.

Во-вторых, отсутствие согласованности в проведении ОРМ значительно затрудняет взаимодействие оперативных подразделений. Одним из выходов в данной проблеме является создание единой базы ОРМ для стран-участниц СНГ, что позволило бы достичь более согласованных действий оперативных подразделений и повысить эффективность проводимых мероприятий в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров.

МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И САМОУПРАВЛЕНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

*Е.В. Солодкова
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Местное управление и самоуправление это сложный элемент государственной власти, целью которого является решение вопросов местного значения. Эти органы являются средством и способом обеспечения и развития демократического государства.

Местное управление – форма организации и деятельности местных исполнительных и распорядительных органов для решения вопросов местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан. Система органов местного управления состоит из трех территориальных уровней: областного, базового и первичного и включает областные, городские, районные, поселковые и сельские исполнительные комитеты и местные администрации районов в городах (ст.2 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»).

К областному территориальному уровню относятся областные, Минский городской исполкомы. Исполкомы областного уровня являются вышестоящими по отношению к исполнительным и распорядительным органам базового и первичного территориальных уровней.

К базовому территориальному уровню относятся городские (городов областного подчинения), районные исполкомы. Исполкомы базового уровня являются вышестоящими по отношению к исполнительным и распорядительным органам первичного территориального уровня.

Минский городской исполком обладает также правами исполкома базового уровня.

К первичному территориальному уровню относятся городские (городов районного подчинения), поселковые, сельские исполкомы, местные администрации.

Местное самоуправление – форма организации и деятельности населения, проживающего на соответствующей территории, для самостоятельного решения непосредственно или через избираемые им органы социальных, экономических и политических вопросов местного значения исходя из общегосударственных интересов и интересов граждан, особенностей развития административно-территориальных единиц на основе собственной материально-финансовой базы и привлеченных средств (ст.1 Закона «О местном управлении и самоуправлении в Республике Беларусь»). Местное самоуправление осуществляется через местные Советы депутатов, органы территориального общественного самоуправления, местные собрания, местные референдумы, инициативы граждан по принятию ре-

шений Советов, участие граждан в финансировании и (или) возмещении расходов бюджета на определенные ими цели и иные формы участия граждан в государственных и общественных делах.

Система органов местного самоуправления включает Советы и органы территориального общественного самоуправления. А система органов состоит также как и система местного управления из областного, первичного и базового уровня.

Целью местного управления и самоуправления является решение актуальных социальных, экономических, политических и культурных проблем местного значения для повышения уровня и качества жизни населения.

Система данных органов позволяет наиболее эффективно решить вопросы местного управления и самоуправления в интересах государства и лиц, проживающей на тех или иных административно-территориальных единицах. Но также необходимо было внести определенные корректировки в данную сферу: предусмотреть в законодательстве срок действия исполнительных комитетов и местных администраций, это будет способствовать их обновлению и эффективному решению вопросов. Предусмотреть требования, предъявляемые к кандидатам на должность, а так же аттестацию и переподготовку кадров. Для наиболее эффективного решения вопросов на местах депутаты должны решать вопросы изнутри, выезжая на места и проводить конференции с местными жителями. Так же должен быть дан четкий перечень вопросов относящийся к компетенции каждого органа, для того чтобы компетенция органов не переплеталась и не перекрывала их деятельность.

Касаясь вопроса материального обеспечения необходимо отметить, что местное управление и самоуправление нуждается в эффективно сформированной материальной базе для решения социально-экономических проблем. Так же необходимо уделить внимание механизму взаимодействия органов местного управления с республиканским и местного управления с самоуправлением. Эффективным решением этого вопроса является создание специализированного органа, который может регулировать этот вопрос с наделением его полномочиями определять организационно-правовые принципы, этапы, задачи, сроки и механизм реформы местного управления и самоуправления, совершенствование форм и методов деятельности. Такой орган должен быть создан по всем уровням управления и самоуправления.

Можно сформулировать главный вывод: в существующих социально-экономических условиях должен быть создан эффективно функционирующий механизм решения вопросов местного значения. Так как решение этих вопросов влияет на интересы общества и благосостояние страны.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК КОМПОНЕНТ СОЦИАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Л.П. Станишевская

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

Коренное обновление общества на постсоветском пространстве осуществляется в форме социальной модернизации. Одним из ее компонентов выступает правовая культура. Высокий уровень правовой культуры общества, с одной стороны, является важнейшим условием становления правового социального государства. С другой стороны, существование государства подобного типа возможно лишь при наличии высокого уровня правовой культуры, причем, как в системе власти, так и в структурах гражданского общества.

В то же время, необходимо отметить, что темпы формирования правовой культуры на постсоветском пространстве, к сожалению, не соответствуют требованиям демократизации общественно-политической системы. Одна из причин этого кроется в историческом прошлом – в дефиците управления посредством правовых регуляторов. Другой причиной является традиционное, достаточно вольное и избирательное отношение к законам и правовым нормам со стороны, как властных структур, так и отдельных граждан. Приоритет государственного по отношению к личному, диктат власти, ее патерналистское отношение к народу на протяжении длительного времени препятствовали формированию гражданского общества и правовой культуры граждан. И как результат, в настоящее время нормативные отношения воспринимаются обществом достаточно вариативно, правовое же поведение населения далеко от законопослушного.

С целью модернизации отечественной правовой культуры необходим прорыв в правокультурное пространство на основе западных правовых традиций, имеющих многовековую историю, но, конечно, при условии учета собственного уникального опыта, местных традиций, правового менталитета. И, естественно, без навязывания в агрессивной форме западных культурно-правовых ценностей.

Особенности формирования западноевропейской правовой культуры основаны, прежде всего, на идеологии прав человека, ценности закона, права, обозначившихся еще в период античности и окончательно сложившихся в Новое время. Эпоха буржуазных революций породила особое политико-правовое сознание, основанием которого явились положения о «естественных правах» человека и договорной теории происхождения государства. Краеугольным камнем западноевропейского права стал принцип автономии субъекта, именно на него опиралось триединство свободы, равенства и справедливости. Таким образом, правовые традиции в западном мире складывались на протяжении столетий и постепенно трансформировались в результате демократических изменений, происходивших в недрах общества.

Что касается восточнославянской правовой культуры, то она базировалась на представлениях и ценностях, находящихся за пределами римского права. Позитивному закону в правовом сознании противостояла «правда» – внутренняя справедливость, ощущаемая как голос совести.

Противоречия западноевропейской и российской правовых культур были предметом исследования таких видных представителей западнической парадигмы, как Б.Н. Чичерин, К.Д. Кавелин, П.И. Новгородцев, В.С. Соловьев. Последний писал о важности общественных организаций и правовых учреждений для нравственного прогресса. П.И. Новгородцев отмечал, что высшей ценностью социальной организации «может быть только живая человеческая личность, которая в своем бесконечном стремлении отражает причастность свою абсолютному закону добра». Эта постановка вопроса созвучна современным задачам создания и эффективного действия социального государства. Представители славянофильского направления: А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков и др., обращаясь к указанной проблематике, отмечали противоположность социокультурных и правовых оснований западноевропейской и российской цивилизаций. Они акцентировали внимание на самобытном понимании внутренней, духовной жизни, что на деле означало совершенно иное представление о правовой культуре, апеллирующей к самобытному началу, прежде всего – к соборности.

Если говорить о советском обществе, то ведущим его принципом был этатизм. Это сопровождалось подчиненным положением общества к государству. Не случайно, поэтому, большинство граждан были озабочены только реализацией

своих непосредственных интересов без осознания политических последствий своих усилий. Современная личность также авторитарна, как и в предшествующий период. Человек все еще не осознает себя в качестве гражданина, способного влиять на устройство и функционирование власти в государстве. Кроме того, резкая смена правовых ценностей, приведшая к разрушению прежней системы ценностей, спровоцировала правовой нигилизм в обществе.

В настоящее время внутренние процессы, протекающие на постсоветском пространстве, сопряжены с глобальными процессами, которые представлены западноевропейской и североамериканской моделями развития. В этой связи возникает вопрос: к чему может привести такая смена ориентиров на постсоветском пространстве, будут ли учитываться национальные традиции, особенности культурно-исторического характера, специфика правовой культуры, правового менталитета и т.д.? Общеизвестно, что право – это часть культуры народа, поэтому механическая правопреемственность невозможна у народов с различной правовой культурой. Несомненно, здесь необходим тщательный анализ культурно-исторической специфики правовой культуры, особенностей правового мышления и жизнеспособности. Оптимальной представляется разработка собственных концепций в области права, собственных моделей развития правовой культуры.

Процесс формирования новых правовых ориентиров, новых ценностей и норм очень сложный и длительный. Он требует определенных усилий, как со стороны общества, так и со стороны государства. Обновление общества, модернизация его культуры происходит, как правило, в процессе ответов на вызовы современности. Для постсоветских государств, по мнению О.В. Сазанова, остаются актуальными те вызовы, которые были преодолены Европой уже к XIX веку.

Правовая культура в XXI веке должна стать реальным инструментом социальных, экономических, политических преобразований на постсоветском пространстве, тем самым повлиять на функционирование всей системы современного государства и гражданского общества. Через правовую культуру реализуются, с одной стороны, активность, инициативность, гражданская зрелость каждого индивида, а с другой – ответственность власти перед гражданином и эффективность ее функционирования. Без развития правовой культуры, законопослушного поведения граждан невозможны никакие позитивные преобразования в обществе.

Демократизация общественной жизни во многом зависит от модернизации правовой культуры, корректировки правовой традиции, прежде всего, повышения правовой грамотности населения. Границы модернизации правовой культуры народа определяются культурно-историческим контекстом восприятия им правовых ценностей: идеологией служения государству, специфическим наполнением элементов, формирующих правовую культуру. В настоящее же время процесс модернизации правовой культуры тормозят правовой нигилизм, низкая правовая культура граждан, большинство из которых не привыкли активно отстаивать свои права, используя правовые формы судебной и административно-правовой защиты своих прав; нарушение принципа равенства всех перед законом и судом; перегруженность судов; злоупотребление свободой слова, печати и информации, когда (особенно на просторах Интернета) грубо нарушаются права человека на неприкосновенность частной жизни и др.

И, тем не менее, становится очевидным, что будущее – за модернизацией правовой культуры на постсоветском пространстве. Ибо только высокий уровень правовой культуры и ее элементов, закона, права, ценностных установок и регуляторов, связываются с представлением о гражданском обществе и правовом государстве, позволяют координировать общественные и личные интересы и мотивы.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ АНАЛИЗА ЛАТЕНТНОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ

*В.Г. Стаценко
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Одной из объективных криминологических закономерностей, характерной для всех государств, а также и одним из важнейших свойств преступности, является тот факт, что значительная часть ее остается официально не зарегистрированной. Эту неизвестную (англ. – Dark number) часть преступности принято именовать латентной преступностью.

Проблема латентности преступности актуальна не только в связи с необходимостью выявления объективных количественно-качественных показателей преступности, но и как существенный криминогенный фактор, поскольку очевидными ее последствиями являются искажение представления о фактическом объеме, уровне, структуре, динамике преступности, о величине и характере ущерба, причиняемого обществу преступными деяниями; препятствие реализации принципа неотвратимости ответственности за совершенные преступления; рост преступности, прежде всего рецидивной; недостоверность криминологических прогнозов, затрудняющая реализацию уголовной политики и др.

Официальная статистика (МВД, прокурорская, судебная), фиксирует достаточно широкий, правда иногда трудно сопоставимый (в связи с использованием различных методик), круг данных, характеризующих состояние преступности в целом, ее отдельных видов, социально-демографические показатели и т.п. Все это позволяет произвести достаточно точную оценку состояния преступности, правда, оговоримся, не всей, а лишь регистрируемой или «официальной». Доля же последней в общем объеме совершаемых преступлений, по оценкам многих специалистов, не превышает, в лучшем случае, одной трети, и есть достаточные основания утверждать, что данные официальной статистики во всем мире с каждым днем все меньше соответствуют картине действительного роста преступности.

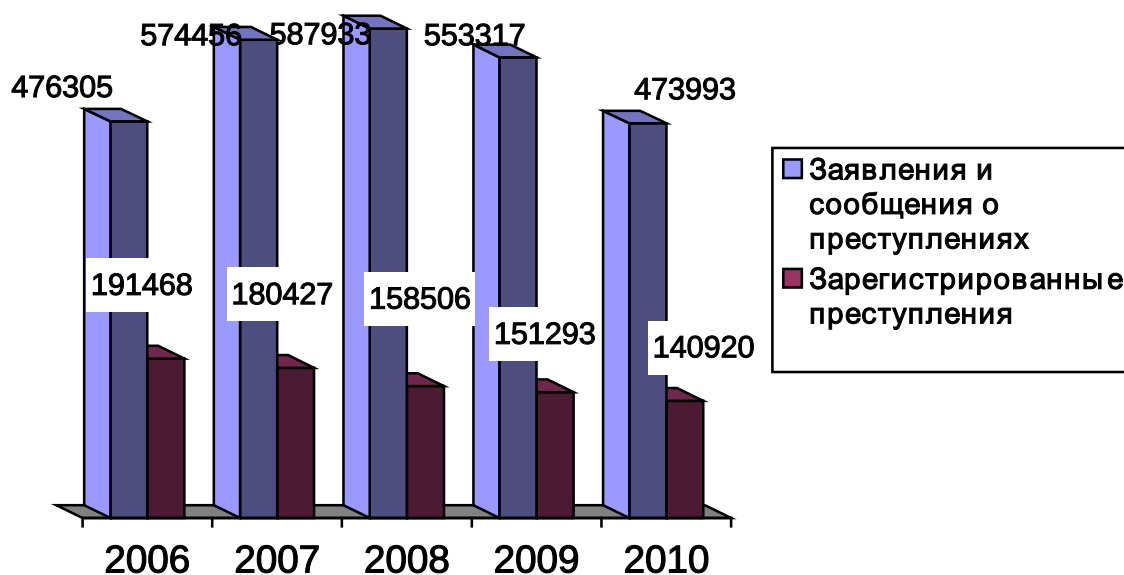
Как свидетельствует официальная статистика, в Республике Беларусь, начиная с 2006 года, отмечается устойчивая тенденция сокращения зарегистрированной преступности, уровня преступности в расчете на численность населения. По мнению исследователей, эта тенденция снижения числа учтенных преступлений (за 4 последних года на 26,4%) связана, прежде всего, с декриминализацией в 2006 году части краж и других хищений, исключением из УК статьи 213 (повторное мелкое хищение), существенным снижением количества выявленных фактов краж и хулиганства, а также реальным сокращением особо опасных насильственных и корыстно-насильственных преступлений. Не возражая против этого вывода, отметим, тем не менее, что непредвзятый анализ данных той же официальной статистики, позволяет усомниться в ее репрезентативности.

Рассмотрим, в частности, соотношение таких официальных показателей, как заявления и сообщения о преступлениях, находившихся на рассмотрении ОВД и прокуратуры и число зарегистрированных преступлений.

Мы видим, что на фоне роста числа заявлений и сообщений о преступлениях с 2006 года до 2008 года включительно – на 128.625 случаев, статистика фиксирует сокращение регистрируемых преступлений на 32.962; затем число заявлений несколько снижается – в 2010 году примерно до уровня 2006 года, при этом в 2010 году зарегистрировано на 50.548 преступлений меньше, чем в 2006 году.

Динамика числа заявлений и сообщений о преступлениях, находившихся на рассмотрении ОВД и прокуратуры и регистрации преступлений

На примере сопоставления статистических данных 2010 года, можно проследить, как проявляет себя известная криминологическая закономерность в виде т.н. «пирамиды уголовной юстиции»:

За 2010 год (только МВД и прокуратура):

Рассмотрено сообщений о преступлениях	473.993
Отказано в возбуждении уголовного дела	282.974 (59,7%)
Зарегистрировано преступлений	140.920 (29,7% от числа заявлений)
Раскрыто преступлений	90.116 (63,9% от зарегистрированных)
Выявлено лиц, совершивших преступления	74.109
Привлечено к уголовной ответственности	63.365
Осуждено лиц	61.054

Можно предположить, что трехкратное расхождение между числом заявленных и зарегистрированных преступлений, также как и между числом заявлений и числом возбужденных уголовных дел, определяется, в существенной части, политикой регистрирующих органов и их отношением к регистрации преступлений, и может свидетельствовать о высоком уровне искусственной латентности.

Представляет интерес совпадение экспертных оценок уровня официальной преступности (до 30% от всей преступности) и 30-ти процентного уровня регистрируемых преступлений от числа заявлений.

Латентность преступности в целом определяется, прежде всего высоколатентными преступлениями, к которым, относятся, в частности, такие преступления, как дача и получение взяток, умышленное причинение легкого вреда здоровью, истязания, торговля людьми, оскорбление, кража, мошенничество, вымогательство, легализация денежных средств, приобретенных преступным путем, и др.

В последние 5 лет официальная статистика фиксирует существенное снижение доли насильственных и корыстно-насильственных преступлений в структуре преступности Республики Беларусь и увеличение доли преступлений против собственности и, в частности, краж (52,2% в 2010 году). В целом, этот процесс соответствует общемировой тенденции «гуманизации преступности» по мере соци-

ально-экономического развития. Можно, видимо, прогнозировать и дальнейшее изменение структуры преступности в данном направлении.

Увеличение в структуре преступности удельного веса корыстных преступлений, очевидно будет расширять латентную часть преступности, ибо именно корыстные преступления, характеризуются, как известно, наивысшей латентностью. Следует, также, в качестве «информации к размышлению» отметить и обстоятельство, что при устойчивом снижении численности населения страны и его старения, практически не изменилась доля криминально активного населения (от 15 до 49 лет) – 49,9% в 1959 году; 52% – в 2010 году.

При анализе преступности также важно учитывать, что общеуголовная преступность, особенно связанная с пьянством, а также вся преступность несовершеннолетних выявляется существенно более репрезентативно, чем тщательно планируемая организованная экономическая преступная деятельность, в частности, коррупционная преступность, которая по экспертным оценкам, учитывается не более чем на 2-5%.

Можно согласиться с мнением А.И. Долговой о том, что исследования региональных различий преступности, изменений преступности обязательно должны включать оценку латентности преступности в разных регионах, государствах и в разные периоды. К сожалению, в Республике Беларусь подобные исследования практически не проводились.

Отсутствие достоверных данных о масштабах латентности преступности не только не позволяет объективно оценить криминологическую картину преступности в целом и, особенно, наиболее латентных ее видов, но и определить направленность основных усилий в ее превенции. Отсюда – очевидная необходимость развертывания исследований по изучению латентной преступности.

ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ, ВЛИЯЮЩИХ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ МОЛОДЕЖИ ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

*А.А. Сухарев, Н.А. Спектор
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Формирование правовой культуры молодежи реализуется в условиях экономического и политического реформирования наших стран, в силу которого существенно изменились социокультурная жизнь подрастающего поколения, функционирование образовательных учреждений, средств массовой информации, молодежных общественных объединений, религиозных организаций. Новые условия правовой жизни, развитие товарно-денежных отношений, усложнившийся механизм правового регулирования диктуют настоятельную потребность в повышении правовой грамотности молодежи как самой незащищенной части общества.

Многообразие факторов объективного и субъективного порядка обуславливают формирование правовой культуры молодежи. При этом имеют значение не только причинно-следственные, объективные связи: экономика, политика, социальная сфера (уровень образования, материального благосостояния, общей культуры), национальные традиции, уровень развитости правовой системы в целом и отдельных ее институтов, социальный правовой характер государства (уровень демократизма, гласности, независимости судебной власти, реализации на практике прав и свобод граждан, наличия гражданского общества и т.д.), но и случайные, вероятностные связи, вызванные действием законов энтропии, синергетики,

циклическостью кризисов, дефолтов, девальваций, трансформационными процессами, глобализацией и институционализацией риска.

Сегодня ситуация жизненного самоопределения молодежи неоднозначна. С одной стороны, представители молодого поколения составляют значительную долю в составе новых социальных слоев – предпринимателей, менеджеров, банковских работников, в большей степени, чем это было ранее, молодежь может реализовывать себя в политике, экономике, бизнесе. С другой стороны, молодежь оказалась одной из самых малозащищенных социальных групп, ее инновационный потенциал не востребован в должной мере обществом.

Особую роль в современных условиях приобретает разработка принципов и методов социальной защиты молодежи, реализация концепций государственной молодежной политики, направленной на обеспечение правовых и экономических гарантий, взаимоувязанных со всеми законодательными и исполнительными решениями разных уровней, соблюдение важнейших социальных прав каждой личности. Это, прежде всего, право на труд, нормальные условия работы, получение дохода от своей деятельности, обеспечивающего достойный уровень и качество жизни, отдыха, обретение каждым человеком чувства личного достоинства, веры в свои силы и социальную справедливость, желание собственным трудом добиться лучшей жизни, а не пассивно ожидать ее. Речь идет о необходимости создать такие социальные условия, при которых каждый человек получил бы возможность для беспрепятственного развития своих дарований.

Анкетирование учащейся молодежи г. Витебска и г. Смоленска, проведенное в 2010 году показало, что в оценках реализации личных прав (на личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, свободу передвижения) отмечается разница в 3 раза (58,7% и 19,3%) в пользу Беларуси; обеспечения экономических прав (на частную собственность, свободный выбор профессии, защиту от безработицы и др.) также преимущество более чем в 2 раза имеет белорусская сторона (59,8% и 28%); в отношении реализации социальных прав (на отдых, образование, медицинскую помощь и др.) – более чем в 3,5 раза данные выше по Витебску (76,4% и 20,6%); в оценке гражданских прав (на судебную защиту, охрану от преступлений и др.) в 1,5 раза выше (51% и 37,3% соответственно).

Все это позволяет сделать вывод, что молодежь Беларуси в целом воспринимает свою среду обитания как более комфортную по сравнению с российской. Особенно это ярко проявляется по вопросу оценки деятельности государства по укреплению законности и правового порядка в стране. Данную деятельность оценивают, безусловно, положительно и скорее положительно 72,5% белорусов и только 38,6% россиян.

Базовые правовые понятия и ценности закладываются в семье. Именно высокий уровень морали родителей, их личный позитивный пример создает положительные условия для формирования правовой культуры. По данным анкетирования в Витебске и Смоленске именно мать (71,9% и 70%) и отец (56,2% и 59,6%) обладают наибольшим авторитетом для респондентов. Полноценная, здоровая семья, нормальный материальный достаток, трудовая занятость родителей, отсутствие пьянства, алкоголизма, наркомании – вот основа для воспитания. Интересно, что согласно социологическим опросам молодежи Витебска и Смоленска в полной семье воспитываются соответственно – 72,2% и 73% респондентов, в неполной (воспитывала мать) – 22% и 23,6%, воспитывал отец – 0,4% и 1%, сирота – 1,8% и 0,3%.

Доверительное общение, обсуждение проблем, взаимное уважение и доверие, открытость отношений, совместное проведение досуга укрепляют семью и позитивно влияют на молодежь. Исследование показало, что совместное проведе-

ние досуга в выходные, праздничные дни проводят постоянно 59,1% молодых людей Витебска и 54% – Смоленска, остальные редко, либо никогда.

Серьезным негативным фактором выступает домашнее насилие. Сущность данного явления изучена недостаточно, поэтому серьезность его последствий в должной мере не осознается обществом. Средства массовой информации зачастую поверхностно освещают эту проблему. Домашнее насилие часто не рассматривается как общественная проблема, не раскрываются его социальные корни и не подчеркивается его значительная распространенность. Домашнее насилие больше освещается в плане физического, а не психологического насилия, когда в качестве преступника и жертвы выбираются лица из низкостатусных социальных групп, а в статьях описывается значительное количество условий, оправдывающих насилие и обвиняющих жертву. Под воздействием жестокого обращения дети уходят из дома, находятся в розыске как без вести пропавшие.

Бесконфликтная морально-психологическая обстановка преобладает в 57,7% семей опрошенных учащихся в Витебске и в 45,3% семей в Смоленске.

В целом проблема агрессии, насилия, их культивирования и передачи являются очень важной. Культ силы, внешней атрибутики, благополучия зачастую выступают для подростков примером для подражания и руководства. На вопрос: «Считаете ли Вы, что демонстрация насилия в СМИ, фильмах, компьютерных играх может подтолкнуть к насилию в жизни?» – ответили – «Да» – 61,5% белорусов и 63,3% россиян, «Нет» – 21,7% и 23,3% соответственно, остальные затруднились ответить либо выразили другое мнение.

Хотя большинство респондентов (59,4% – Витебск и 59% – Смоленск) не испытывают отрицательный прессинг (давление) со стороны неблагополучных сверстников (в учебном заведении, на улице), зато остальные – часто, либо иногда. Ненормативную лексику, криминальный жаргон в общении со сверстниками используют порядка 70% молодых людей (данные по регионам совпадают). С появлением насилия в молодежной среде никогда не сталкивались (32,4% и 18,6%), остальные постоянно, либо редко.

Таким образом, позитивное отношение к государству и праву, восприятие его культуры в качестве своей, зависит от того, интересы кого оно (государство) представляет и защищает, т.е. от его социальной и демократической направленности. Если белорусская молодежь в основном считает, что государственная власть защищает интересы, прежде всего пенсионеров, военнослужащих, молодежи, рабочих, то российская – бюрократии, крупного финансового, торгового и промышленного бизнеса.

ПРЕЮДИЦИАЛЬНОСТЬ ФАКТОВ, УСТАНОВЛЕННЫХ РЕШЕНИЯМИ ИНОСТРАННЫХ СУДОВ

Т.С. Таранова

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

В гражданском судопроизводстве от доказывания освобождаются факты, имеющие преюдициальное значение. Такие факты считаются уже установленными судом при разрешении другого дела и в определенных законом случаях не подлежат доказыванию при рассмотрении данного дела. Преюдициальное значение фактов имеет субъективные и объективные пределы. Объективные пределы преюдициальности соотносят факты, уже установленные вступившим в законную силу судебным постановлением, с фактами в другом деле, которые необходимо установить. Субъективные пределы обусловлены требованием о том, чтобы по предыду-

щему делу участвовали те же лица или их правопреемники (лицо, в отношении которого состоялся приговор).

Согласно ст.182 Гражданского процессуального Кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) факты, установленные вступившим в законную силу решением суда по одному гражданскому делу, обязательны для суда и не доказываются вновь при разбирательстве других гражданских дел, в которых участвуют те же лица или их правопреемники. Факты, установленные вступившим в законную силу решением хозяйственного суда и имеющие значение для рассматриваемого судом гражданского дела, не доказываются вновь лицами, участвовавшими в деле, рассмотренном хозяйственным судом. Вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для суда, рассматривающего дело о гражданско-правовых последствиях действий лица, в отношении которого состоялся приговор суда, лишь по вопросам, имели ли место эти действия и совершены ли они данным лицом.

Исходя из содержания вышеприведенной нормы и ст.1 ГПК следует, что факт может иметь преюдициальное значение в случае, если он установлен решением, вынесенным национальным судом, поскольку под судом понимается любой организованный на законных основаниях суд Республики Беларусь, рассматривающий дела коллегиально или единолично: суд первой инстанции, суд кассационной и надзорной инстанции.

Национальные правила, регулирующие судопроизводство, могут быть заменены положениями международного договора. Если международным договором Республики Беларусь установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законодательстве о гражданском судопроизводстве Республики Беларусь, согласно ст.543 ГПК должны применяться правила международного договора Республики Беларусь.

В связи с этим можно указать, что возможность признания факта, установленного иностранным судебным решением, в качестве преюдициального, зависит от наличия международного договора, участницей которого является Республика Беларусь и обязательств, вытекающих из этого договора. Кроме того, важное значение в данном вопросе имеет специфика отношений, складывающаяся при принудительном исполнении иностранного решения и его признании, предусмотренная международным договором и актами национального законодательства. Согласно ст.1 Приложения 4 ГПК судебные постановления иностранных судов признаются и исполняются в Республике Беларусь, если это предусмотрено международным договором Республики Беларусь. Решения иностранных судов, которые не требуют принудительного исполнения, признаются и в том случае, если это предусмотрено законодательством Республики Беларусь.

Принудительное исполнение в Республике Беларусь иностранных судебных решений возможно, если, во-первых, это предусмотрено международным договором Республики Беларусь, а во-вторых, если вынесено определение белорусского суда о разрешении исполнения решения иностранного суда. Такое определение выносится только после рассмотрения ходатайства взыскателя областным, Минским городским судом и выяснения наличия оснований для отказа в принудительном исполнении иностранного решения. Сделанный судом вывод о возможности принудительного исполнения решения иностранного суда означает подтверждение гражданских и иных прав и обязанностей в такой же мере, что и решение белорусского суда. В данном случае, как видится, одновременно, возникают и основания для признания в качестве преюдициальных и освобождения в связи с этим от доказывания фактов, установленных решением иностранного суда.

Факт, установленный решением иностранного суда о признании (по делам о расторжении брака, признании отцовства, установлении фактов и др.), т.е. не требующего принудительного исполнения также может освободиться от доказывания в случае, если решение иностранного суда вынесено в государстве, с которым заключен международный договор. Исходя из положений Конвенции о гражданских аспектах международного похищения детей (заключена в г.Гааге 25 октября 1980 года), суд, рассматривающий гражданское дело, может освобождать от доказывания факты, установленные судебными решениями другого договаривающегося государства. В ст.14 данной Конвенции предусматривается, что при выяснении, имело ли место неправомерное перемещение или удержание ребенка, судебные или административные органы запрашиваемого государства могут руководствоваться непосредственно законодательством и судебными или административными решениями, официально признанными и не признанными в государстве обычного проживания ребенка, не прибегая к специальным процедурам по установлению содержания такого закона или по признанию иностранных решений, которые применялись бы в противном случае.

В гражданском судопроизводстве в Республике Беларусь предусматривается возможность обращения заинтересованного лица с возражением против признания решения иностранного суда в областные суды (Минский городской суд) по месту своего жительства (нахождения). Если по результатам рассмотрения возражения против признания иностранного судебного решения белорусский суд не найдет оснований для его удовлетворения, он выносит соответствующее определение. Соблюдение данной процедуры, на наш взгляд, также дает основания для признания и освобождения фактов, установленных в иностранном судебном решении, не требующем принудительного исполнения.

Решения иностранных судов, которые не требуют принудительного исполнения, признаются и в том случае, если это предусмотрено законодательством Республики Беларусь (часть вторая ст.1 Приложения 4 ГПК). Из этого следует вывод о возможности признания судами решений, вынесенных судами государств, с которыми не заключены международные договоры. При этом должно соблюдаться условие, содержащееся в части первой ст.10 Приложения 4 ГПК о том, что решения иностранных судов, которые не требуют принудительного исполнения, признаются без какого-либо дальнейшего производства, если со стороны заинтересованного лица не поступят возражения против этого. Таким образом, факт, установленный решением иностранного суда о признании, вынесенный судом государства, с которым Республикой Беларусь не заключен международный договор, может освободиться от доказывания только в случае, когда: во-первых, речь идет о вступившем в законную силу решении о признании и, во-вторых, если стороны не возражают против решения иностранного суда. В данном случае свойство преюдициальности остается независимым от наличия оснований для отказа в признании иностранных решений.

В заключении следует указать, что вопросы, касающиеся преюдициального значения фактов, установленных в иностранном решении суда, имеют теоретическое и практическое значение и нуждается в более детальной правовой регламентации в процессуальном законодательстве.

О НЕОБХОДИМОСТИ УНИФИКАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА СТРАН СНГ

Т.В. Телятицкая

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

В основу административно-деликтного законодательства стран СНГ легло соответствующее законодательство СССР, которое, следует заметить, находилось на достаточно высоком уровне развития по сравнению с аналогичным законодательством зарубежных, в том числе и социалистических стран.

Первой социалистической страной, кодифицировавшей административно-деликтное законодательство в его современном понимании, была Украина. Уже 12 октября 1927 года был принят первый административный кодекс Украинской советской социалистической республики, имевший большое значение для развития административного права. Долгие годы это был единственный административный кодекс в СССР.

Он включал 15 разделов: общие положения; административные акты; меры административного воздействия; иные административные меры принудительного характера; трудовая повинность по предупреждению стихийных бедствий и по борьбе с ними; обязанности населения по охране общественного порядка; гражданство УССР, порядок его приобретения и утраты; регистрация и учет движения населения; общества и союзы, клубы, съезды и собрания; правила о культах; публичные зрелища, увеселения и игры; пользование государственным флагом СССР и печатями; надзор административных органов в области промышленности; надзор административных органов в области торговли; порядок обжалования действий административных органов.

Принятию Административного кодекса УССР предшествовала разработка в РСФСР в 1924 году проекта административного устава, переименованного в 1925 году в Административный кодекс, однако проект его так и не был утвержден.

Однако на этом процесс кодификации административного законодательства был надолго заморожен. Издавались лишь отдельные нормативные акты, регулирующие вопросы административной ответственности в той или иной сфере, причем как общесоюзные, так и республиканские. К моменту первой в СССР систематизации и кодификации законодательства об административных правонарушениях последнее состояло более чем из 500 разрозненных союзных и республиканских законодательных и правительственных нормативных правовых актов, которые зачастую дублировали, а то и противоречили друг другу.

Вместе с тем, например, в одном только 1979 году в СССР к административной ответственности в виде наложения административного штрафа за нарушение правил пожарной безопасности было привлечено 333088 человек. Вследствие этого, обществу и государству требовалась единая, доступная и понятная всем правовая база, используя которую, можно было бы развернуть в стране более эффективную борьбу с административными проступками, не нарушая при этом законные права и свободы человека и гражданина.

Первая комплексная систематизация законодательства об административных правонарушениях была предпринята лишь в 80-х годах XX века, когда в развитие положений союзной Конституции 1977 года Верховным Советом СССР 23 октября 1980 года были приняты Основы законодательства об административных правонарушениях. Они представляли собой «концентрат» передовой научной мысли и плод коллективного законотворчества всесоюзного и республиканского уровней.

На основе этого акта во всех союзных республиках были приняты собственные кодексы об административных правонарушениях, многие из которых действуют до сих пор.

Среди таких «старых» кодексов можно назвать Кодексы об административных правонарушениях Молдовы (принят 29 марта 1985 года), Армении (6 декабря 1985 года), Украины (7 декабря 1984 года), Туркменистана (17 декабря 1984 года), Таджикистана (5 декабря 1985 года).

Относительно новое законодательство об административных правонарушениях действует в Азербайджане (11 июля 2000 года), Грузии (25 июня 1999 года), Казахстане (30 января 2001 года), Кыргызстане (4 августа 1998 года), России (30 декабря 2001 года), Узбекистане (22 сентября 1994 года). К «новым» кодексам можно отнести и КоАП Республики Беларусь, принятый 21 апреля 2003 года.

В этих кодексах уже прослеживаются определенные различия (в то время как кодексы 80-х годов были как близнецы походи друг на друга).

Как видно, пальма первенства в этой законотворческой работе принадлежит парламентариям Республики Узбекистан, которые еще 22 сентября 1994 года №2015-ХП утвердили Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности и ввели его в действие с 1 апреля 1995 года. Однако, хотя Кодекс Республики Узбекистан и получил новое наименование, вместе с тем концептуально и доктринально он, по нашему мнению, все же представляет собой не совсем удачный симбиоз норм старого КоАП Узбекской ССР советского образца начала 80-х годов прошлого столетия и правовых новелл, появившихся в узбекском законодательстве в 90-е годы, уже после обретения Узбекистаном государственного суверенитета и независимости. Тем не менее, это, безусловно, был шаг вперед.

Среди других кодифицированных актов, принятых в странах СНГ в 90-е годы прошлого столетия, хотелось бы назвать Кодекс Кыргызской Республики об административной ответственности от 4 августа 1998 года.

Анализ правовых норм, включенных в вышеназванный Кодекс, позволяет утверждать, что в нем, по нашему мнению, удачно нашли отражение глубокие изменения в политическом и экономическом развитии кыргызского общества в современных условиях.

Достаточно высокой оценки и внимания исследователей заслуживает Кодекс административных проступков Азербайджанской Республики, который вступил в силу с 1 сентября 2000 года. Проведенный сравнительно-правовой анализ основных норм и институтов нового Кодекса административных проступков Азербайджанской Республики и ранее действовавшего КоАП Азербайджанской ССР, позволяет констатировать, что законодателям, в целом, удалось создать концептуально новый кодифицированный акт об административной ответственности.

Ввиду отсутствия официального варианта Модельного кодекса об административных правонарушениях стран СНГ, в отличие, например, от Модельного Уголовного кодекса для государств-участников Содружества Независимых Государств, который был принят 17 февраля 1996 года на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, законодатель-административисты при разработке вышеназванных кодифицированных актов подчас вынуждены идти каждый своим путем, не учитывая достижения в правотворчестве и науке коллег из стран Содружества.

Сложившаяся ситуация, безусловно, не может быть признана позитивной, поскольку интеграционные процессы в странах СНГ все же продолжают набирать обороты, создаются новые межгосударственные объединения стран, к тому же

результаты социологических опросов населения, проводимых в странах СНГ, указывают на то, что многие граждане бывшего Союза ССР до сих пор с трудом принимают его развал и ратуют за различные формы объединения бывших советских республик для достижения единых политических и экономических целей.

Объективно оценивая сложившуюся современную политическую и экономическую ситуацию в странах Содружества, представляется разумным не ускоряя искусственно интеграционные процессы, в том числе и правовые, вместе с тем постепенно и неуклонно создавать условия для унификации не только уголовно-правового пространства Содружества, но и административно-правового, таможенного, налогового и прочего.

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ АНТИКОРРУПЦИОННЫХ ПРОГРАММ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А.Н. Тимченков, Е.А. Шерашенкова
Смоленск, НОУ ВПО «Академия права и управления (институт)»

Коррупция относится к числу наиболее опасных негативных социальных явлений, приводящих к разрушению основ правопорядка и резко ослабляющих все государственные институты. Это явление способствует созданию негативного имиджа России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации.

Жириновский Владимир Вольфович

Коррупция является значимой проблемой практически во всех странах мира. Индекс восприятия коррупции, который ежегодно публикует Transparency International, в 2010 году почти для трех четвертей государств, включенных в список, был равен менее чем 5 баллам по десятибалльной шкале. Для России в 2010 году этот индекс был равен 2,1 балла (в 2009 году – 2,2), что вызвало перемещение ее с 146-го на 154-е место (из 178 возможных).

Исследователи сопоставили данные МВД и судебного департамента при Верховном суде за 2007-2011 годы по основным коррупционным составам преступления – «злоупотребление полномочиями» (ст.201 УК), «коммерческий подкуп» (ст.204 УК), «злоупотребление должностными полномочиями» (ст.285 УК), «незаконное участие в предпринимательской деятельности» (ст.289 УК), «получение и дача взятки» (ст.290 и 291 УК). Данные можно наблюдать на диаграмме.

Из этого можно сделать вывод, что ужесточения борьбы с коррупционными преступлениями нет. Возможное наступление ответственности не только не является серьезным сдерживающим фактором, но и не выполняет профилактическую функцию по предупреждению коррупции

В настоящее время можно уверенно утверждать, что проблема коррупции получила официальное признание на высшем политическом уровне, о чем свидетельствует ежегодное упоминание в Посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ, а также утверждение Президентом РФ в июле 2008 года Национального плана противодействия коррупции и сопутствующего пакета антикоррупционного законодательства в 2009-2010 годах. Важнейшим шагом для этого стала ратификация Конвенции ООН против коррупции и Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 25 декабря 2008 года был принят Федеральный закон от №273-ФЗ «О противодействии коррупции», который также был призван усилить противодействие коррупции. Работа по обеспечению противодействия коррупции преимущественно ведется в рамках реализации Указа Президента Российской Федерации от 13 апреля 2010 года №460 «О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы».

Создавая системы противодействия коррупционным проявлениям, по средствам принятия различных профилактических, предупредительных и карательных мер, наше государство, как бы оно не стремилось, в полной мере, на сегодняшний день не может обеспечить должной политической устойчивости и экономической безопасности страны. В стране наблюдается активный рост числа и разновидностей коррупционных правонарушений. С каждым годом ситуация становится все более напряженной. Развитию коррупции способствует как общее снижение духовно-нравственного потенциала общества, господствующий в нем правовой нигилизм, так и неверие в неотвратимость наказания, ослабление государственного контроля и несовершенство законодательства.

Основной мерой, которая может повысить эффективность борьбы с коррупцией является сотрудничество власти и общества, а также гражданский контроль над работой государственных институтов.

По нашему мнению в число необходимых мер по борьбе с коррупцией, входят следующие мероприятия:

1. Усиление публичного контроля за результатами деятельности государственных структур и отдельных должностных лиц.

2. Необходимо лишить субъекты правоприменительной практики возможности самостоятельного толковать нормативные акты.

3. Уменьшение наличного оборота, расширение современных электронных средств расчета, внедрение современных форм отчетности облегчают контроль за движением средств, затрудняют возможности дачи взяток в наличном виде. Это особенно важно для ограничения низовой коррупции. На сегодняшний день в Российской Федерации данная программа начала свое действие. Практически во всех регионах создаются сайты с электронными государственными услугами, что должно способствовать в дальнейшем антикоррупционной деятельности.

4. Необходимо принять закон, направленный на борьбу с фирмами-однодневками, которые раньше использовались для незаконного обналичивания денежных средств, и на сегодняшний день являются источником для получения взяток чиновниками.

5. При проведении конкурсов на государственные и муниципальные заказы информировать население используя не только объявления в специализированных СМИ, но и размещать для ознакомления на сайтах города и рекламных щитах.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод, что победить коррупцию можно только с привлечением институтов гражданского общества, поскольку именно оно более всего заинтересовано в такой победе. Это тем более необходимо в

условиях серьезного отчуждения общества от власти. Привлекая общественные организации к полноценному сотрудничеству при решении проблемы подобного масштаба, государство получает шанс повысить доверие граждан, а значит, шанс на достижение поставленных целей.

Анализ действующих антикоррупционных стратегий США, стран Европы и Азии показывает, что снизить порог коррупции вполне возможно. Видны направления в которых можно и нужно развивать политику по противодействию коррупции Российской Федерации. Но в большей степени это касается законодательства и дальнейшей его реализации на базе исполнительных органов.

Таким образом, с практической точки зрения проблема заключается в том, что формируемая ситуация пока не сопровождается снижением выгоды от коррупционных отношений, несмотря на попытки противодействия коррупции, поскольку механизмы противодействия коррупции малоэффективны, а реализация антикоррупционных программ не приносит пока положительного результата.

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ ДОГОВОРА

А.И. Трубчик

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

Понятие договора является одним из центральных и наиболее часто используемых в гражданско-правовых отношениях. Так, в ч.2 ст. 288 ГК, договор указан в качестве первой из причин возникновения обязательств.

В соответствии со ст.390 ГК договором признается соглашение двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей, т.е. договор определяется как юридический факт.

В юридической науке некоторые авторы понимают договор не только как юридический факт, но и как само правоотношение. Так, в учебнике «Гражданское право» в частности указано: «Термин «договор» употребляется в гражданском праве в различных значениях. Под договором понимают и юридический факт, лежащий в основе обязательства, и само договорное обязательство, и документ, в котором закреплен факт установления обязательственного правоотношения». Бесспорно, что договор как документ фиксирует соглашение сторон и состоит из условий (пунктов) этого соглашения и других реквизитов. В то же время, как справедливо отмечается, «...понятие «договор» не тождественно понятию «обязательство». Договор – лишь одно из оснований возникновения обязательств, которые возникают и из других юридических фактов (ст.7 ГК)».

В.Н. Годунов отмечает, что «...путем заключения договоров граждане и юридические лица распоряжаются своим имуществом – продают, обменивают, дарят, предоставляют в аренду или в безвозмездное временное пользование, – а также приобретают необходимое имущество. На договорной основе осуществляется инвестиционная деятельность, в том числе и выполнение работ. Договорами опосредуется пользование услугами транспортных организаций и организаций связи, банковских и страховых организаций, оказание услуг по совершению определенных юридических действий, хранению имущества и т.д. Авторы произведений науки, литературы, искусства вступают в договорные отношения с издательствами и другими субъектами, использующими их произведения. По договору передается право на использование исключительных прав на объекты промышленной собственности (на изобретение, на товарный знак и т.д.). На договорных началах строится совместная деятельность по достижению общей цели и т.п. Только на договорной основе осуществляются взаимоотношения предпринимателей с организациями и гражданами – потребителями их товаров (работ, услуг),

поставщиками материально-технических ресурсов, совершаются хозяйственные операции... договор служит основанием создания и деятельности многих коммерческих организаций».

Иными словами договор является идеальной формой активности участников гражданско-правового оборота. Несмотря на различные, в том числе и значительные, изменения социально-экономических условий, конструкция договора отличается постоянством. Как отмечают авторы в учебнике «Договорное право», «... с течением времени вместе с развитием системы общественных отношений, опосредуемых договорами, расширился состав возможных участников: наряду с физическими лицами (гражданами) в этой роли стали выступать коллективные образования, признанные самостоятельными субъектами гражданского права – юридическими лицами. Все более многообразными становились предусмотренные в законодательстве типы договоров, усложнялись комбинации элементов, используемых при конструировании договорного правоотношения, и др. А договоры остаются договорами...». С указанными словами трудно спорить.

Понимание содержания договора зависит от значения, в котором употребляется термин договор. Если под договором понимают правоотношение, то содержание в этом случае выражается в правах и обязанностях сторон. При обозначении термином «договор» документа содержанием будут являться пункты, описывающие условия договора. В то же время, понимая под договором юридический факт, как было автором указано выше, содержанием договора являются условия договора, на которых достигнуто соглашение сторон.

Законодатель дает четкое определение существенных условий договора. В соответствии с ч.2 ст.402 ГК существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законодательстве как существенные, необходимые или обязательные для договоров данного вида, а также все те условия, относительного которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Только при достижении соглашения между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме по всем существенным условиям договора, договор считается заключенным. Рассмотрим указанные существенные условия более подробно.

Существенным условием для любого договора законодатель определяет условие о предмете договора. Невозможно заключить ни один договор без определения того, что является предметом договора. Например, невозможно заключить договор перевозки, не достигнув соглашения о том, какие предметы будут перевозиться в соответствии с договором.

Также существенными являются условия, которые названы как существенные в законе и иных правовых актах для договоров данного вида. В ГК для договоров страхования и договоров доверительного управления имуществом существенным условиям посвящены отдельные статьи (ст.832 «Существенные условия договора страхования», ст.899 «Существенные условия договора доверительного управления имуществом»). В некоторых случаях существенные условия договора указаны в содержаниях статей ГК. Так, например, договор о продаже товара в кредит с условием о рассрочке платежа считается заключенным, если в нем наряду с другими существенными условиями договора купли-продажи указаны цена товара, порядок, сроки и размеры платежей (ст.459 ГК). Аналогично, существенным условием договора продажи жилого дома, квартиры, части жилого дома или квартиры, в которых проживают лица, сохраняющие в соответствии с законодательными актами право пользования этим жилым помещением после его приобретения покупателем, является перечень этих лиц с указанием их прав на пользо-

вание продаваемым жилым помещением (ст.529 ГК). Кроме этого, иногда существенные условия предусматриваются не в законе, а в иных правовых актах. Так, согласно пункту 4 Положения о поставках товаров в Республике Беларусь, в качестве существенного условия в договоре поставки должна быть указана цель приобретения товара.

Не решенным в ГК остается вопрос об определении существенных условий договора в случае, если таковые прямо не указаны в законодательстве. В этом случае к существенным могут быть отнесены условия, если они: «определены как существенные самими сторонами при заключении договора (по заявлению одной из сторон) и при этом между сторонами достигнуто соглашение, или вытекают из сущности договора данного вида». Иными словами, «...необходимыми, а стало быть, и существенными, для конкретного договора считаются те условия, которые выражают его природу и без которых он не может существовать как данный вид договора. Например, договор простого товарищества немыслим без определения сторонами общей хозяйственной или иной цели, для достижения которой они обязуются совместно действовать. Договор страхования невозможен без определения страхового случая и т.д.».

И, наконец, как уже отмечалось выше, существенными являются все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение. Иными словами, не признанное законом или иным правовым актом существенным условие, не выражающее природу договора, становится таковым по желанию одной из сторон в договоре. Например, при заключении договора купли-продажи покупатель может потребовать согласовать условие о доставке товара продавцом, и такое условие становится существенным условием договора купли-продажи, без которых данный договор купли-продажи не может быть заключен.

РУССКИЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВНОЕ СРЕДСТВО МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В.А. Уткевич

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Хорошо известно, что русский язык являлся важнейшим средством межнационального коммуникативного взаимодействия в Советском Союзе. Несмотря на стремление руководства некоторых государств (например, Грузии, Латвии, Эстонии), возникших после распада СССР, лишить его этого пусть и неофициального, но вполне реального статуса, на постсоветском пространстве русский язык до сих пор остается единственным средством межнационального общения для абсолютного большинства жителей этого пространства. Дело в том, что в ситуации коммуникативного взаимодействия носителей различных лишь локально распространенных языков, их родные языки настолько отличаются друг от друга, что служат непреодолимым барьером для данного взаимодействия. Однако использование русского языка может привести к появлению неадекватного понимания коммуникации. На наш взгляд, можно указать следующие две группы важнейших причин такой неадекватности.

Во-первых, это причины, носящие преимущественно не объективно-социальный, а субъективный, психологический характер. Важно подчеркнуть, что любая развитая система межнациональных языковых коммуникативных взаимосвязей по самой своей сущности не может является изолированной, так как пред-

ставляет собой органическую часть человеческого бытия в целом. Последнее же существует в виде своеобразного «айсберга», видимая часть которого оказывается на порядок меньше невидимой. Соответствующим образом и в реальной жизни мы имеем дело с достаточно развитой системой так называемой «теневого коммуникации», в рамках которой каждому произнесенному слову соответствует десяток произнесенных.

Благодаря теневой коммуникации возникает феномен мультиплицирования всех социальных коммуникативных действий и отношений. В основе указанного феномена, по мнению белорусского ученого В.И. Орлова, лежат в первую очередь психологические причины. «Мультиплицирование это, – считает он, – во многом определено психологическими особенностями человека: большинство людей информацию, полученную от собеседника, стремятся понимать в совокупности с некоторым, придуманным им подтекстом, а от самого собеседника ожидают понимания в «чистом» виде, то есть без подтекста». Конечно, дело здесь не в стремлении респондентов обмануть друг друга (хотя иногда возможен и такой вариант), а именно в существовании различных подтекстов у субъектов общения.

Необходимо отметить, что если данное мультиплицирование существует в диалоге, субъектами которого являются носители русского языка в качестве родного, то при общении респондентов, для которых (или для одного из них) русский язык не является родным, указанный феномен станет проявляться в намного большей степени. В этом случае чисто психологические причины будут соединяться с культурно-языковыми. Дело в том, что любой язык не просто средство фиксирования и передачи информации, а, в первую очередь, социально-культурный феномен. Вот почему в Советском Союзе люди не просто «осваивали» русский язык, но и одновременно приобщались к русской культуре, например путем изучения поэзии А.С. Пушкина, прозы Ф.М. Достоевского, Н.В. Гоголя, так называемой классической русской литературы.

В настоящее время отношение к русскому языку на постсоветском пространстве претерпело коренное изменение, оно стало намного прагматичнее по сравнению с ситуацией в СССР. Так, например, доктор философских наук А. Красноглазов, анализируя сложившуюся в Эстонии ситуацию, пришел к выводу о том, что «русский язык востребован как язык делового общения... Он изучается как язык бизнеса, язык клиента, язык для получения информации и профессиональных знаний и гораздо меньше – как язык познания культуры и литературы».

По его мнению, такая тенденция служит не ослаблению, а усилению позиции русского языка в прибалтийском регионе. Кроме того, в связи с тем, что, например в той же Эстонии русские смогли освоить язык коренного населения, а это население не знает русского, русская молодежь в силу своей билингвальности стала более конкурентноспособной на рынке труда по сравнению с эстонской. «Стала очевидна банальная истина, – подчеркивает он, – любой язык – это богатство. И чем больше языков знаешь, тем ты богаче. А русский язык – это путь к успешной карьере не только в Эстонии, но и в Европе». Однако такое усиление носит с коммуникативной точки зрения достаточно ущербный характер. Именно чисто прагматичное отношение к русскому языку усиливает эффект мультиплицирования теневой коммуникации.

Важно подчеркнуть, что даже сама логика в процессе коммуникативного взаимодействия во многом утрачивает объективный характер благодаря тому, что также включает в себя некоторые скрытые (а по существу – тайные) от постороннего слушателя субъективные элементы. Данный феномен можно адекватно объяснить не только наличием различных логических систем, господствующих у раз-

ных народов. Современный французский социолог М. Хальбвакс, анализируя предпосылки принципиально субъективного характера практически всякой рассудочной деятельности человека, пришел к неожиданному выводу о том, что «в первую очередь логика рассудочной деятельности должна пониматься как полностью относительная, прежде всего, потому что логичное для одной группы не является таковым для другой, а кроме того, потому что за внешней логикой, которая представляется нам алогичной, иногда имеется объективная скрытая логика, своего рода рациональный инстинкт».

Во-вторых, кроме чисто субъективно-психологической мы имеем дело и с социальной детерминацией теневой коммуникации. «Так, например, – отмечает В.И. Орлов, – в любом обществе существует различие между формальной буквой законов и реальной практикой их выполнения. Таким образом, уже в этом несоответствии заложена возможность существования наряду с официальной коммуникативной системой ее дополнения – теневой. При определенных условиях это дополнение может стать по своей сущности намного выше дополняемого».

Хорошо известно, что в Советском Союзе подобного рода теневая коммуникация получила достаточно широкое распространение. В результате этого любое слово зачастую имело три семантических значения: первое – для себя; второе – для близких, то есть своих; а третье – для чужих. Такая семантическая полифоничность возможна лишь при условии достаточно хорошего знания всеми респондентами языка коммуникативного взаимодействия. Именно указанная необходимость вкупе с социальными особенностями советского общества явилась одной из важнейших причин хорошего знания русского языка национальными элитами. На постсоветском пространстве теневая коммуникация также получила распространение. Такое положение дел как раз и способствует не просто использованию русского языка в качестве языка общения, но и сохранению достаточно хорошего уровня его знания среди достаточно большой части населения постсоветского пространства.

В заключение отметим, что сказанное в очень маленькой степени относится к Республике Беларусь. Дело в том, что в нашей стране русский язык не просто является государственным. Именно на нем говорят и мыслят большинство граждан, в том числе и белорусов. Вот почему русский язык изучается не как язык межнационального общения, а как средство языкового освоения мира.

НЕКОТОРЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦАХ: ПРАВОВОЙ СТАТУС НАЛОГОВЫХ ОРГАНОВ

И.А. Федорова

*Москва, Московский государственный университет
экономики, статистики и информатики (МЭСИ)*

Для участия в гражданском обороте на равных возможностях с другими субъектами гражданского права государство наделяет свои органы и их должностных лиц соответствующими функциями и полномочиями. Среди таких многочисленных государственных органов особое место занимают налоговые органы и их должностные лица, которые непосредственно взаимосвязаны с участниками гражданского оборота и предпринимательской деятельности в силу возложенных на них обязанностей.

Налоговые органы Российской Федерации составляют единую централизованную систему государственных органов, в которую входят Федеральная налоговая служба, находящаяся в ведении Министерства финансов Российской Федерации, и ее территориальные органы – управления по субъектам Российской Федерации, межрегиональные инспекции, инспекции по районам, районам в городах, городам без районного деления и инспекции межрайонного уровня. ФНС России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по контролю и надзору за соблюдением законодательства о налогах и сборах, за правильностью исчисления, полнотой и своевременностью внесения в соответствующий бюджет налогов и сборов, иных обязательных платежей, за производством и оборотом табачной продукции, а также функции агента валютного контроля в пределах компетенции налоговых органов. ФНС России и ее территориальные органы являются юридическими лицами. Российская юридическая доктрина отнесла органы публично-правовых образований к особому виду юридических лиц – учреждениям (ст.120 ГК РФ). Следовательно, налоговые органы как юридические лица являются по своей организационно-правовой форме учреждениями.

На первый взгляд может показаться, что норма Положения о ФНС России, в которой налоговые органы объявляются юридическими лицами, плохо согласована с правилами о создании юридических лиц, в том числе с нормой п.2 ст.51 ГК РФ о том, что юридическое лицо считается созданным со дня внесения соответствующей записи в Единый государственный реестр юридических лиц. Такой вывод может быть основан на высказываемой в правовой доктрине позиции о том, что органы власти «могут быть признаны юридическими лицами только при условии их государственной регистрации, порядок которой не определен».

В законе обычно закрепляется, что тот или иной орган «является юридическим лицом» или «имеет права юридического лица», но эта формулировка нуждается в уточнении в том смысле, что орган публично-правового образования (если рассматривать его как юридическое лицо) может приобрести статус юридического лица, лишь с момента регистрации. Государственная регистрация является необходимым условием создания юридического лица. Однако соответствие организации приведенным в ст.48 ГК РФ или каким-либо иным признакам юридического лица, а равно прямое указание в законодательстве на предоставление организации соответствующего статуса не следует считать достаточным для возникновения юридического лица. Можно предположить, что некоторые органы государственной власти, которые в законе обозначены юридическими лицами, не выполняют требование обязательной государственной регистрации юридических лиц. На практике же налоговые органы регистрируются в налоговых инспекциях как юридические лица. Например, Министерству финансов Российской Федерации присвоен ОГРН 1037739085636, дата внесения в реестр: 15 января 2003 года; Межрайонной инспекции Федеральной налоговой службы №46 по г.Москве присвоен ОГРН 1047796991550, дата внесения в реестр: 23 декабря 2004 года.

Однако сами по себе государственные органы по правовой природе не являются субъектами гражданского права, к ним не может быть отнесено общее понятие юридического лица, закрепленное в ст.48 ГК РФ, по следующим причинам. Так, налоговые органы не могут выступать от своего имени в качестве хозяйствующих субъектов: если налоговые органы или их должностные лица участвуют в гражданско-правовых отношениях, то не от собственного имени, а как законные представители государства. Это подтверждается законодательным положением, закрепленным в ст.125 ГК РФ: от имени Российской Федерации и субъ-

ектов Российской Федерации могут своими действиями приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права и обязанности, выступать в суде органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. Кроме того, органы государства не имеют учредительных документов, предусмотренных ст.52 ГК РФ: устава или учредительного договора. В большинстве случаев к ним также нельзя применить правило, что юридическое лицо, не являющееся коммерческой организацией, может действовать на основании общего положения об организациях данного вида. Положение о государственном органе далеко не в полной мере соответствует требованиям п.2 ст.52 ГК РФ, предъявляемым к учредительным документам. Например, в Положении о ФНС России можно найти наименование, порядок управления, предмет и цели деятельности. При этом Положение не содержит указаний на организационно-правовую форму министерства, орган или органы, которые действуют от лица министерства без доверенности в гражданском обороте, полное место нахождения (указан только субъект – город Москва).

Разработчики Концепции развития законодательства о юридических лицах указывают, что в перспективе органы публичной власти (министерства, ведомства, федеральные службы и агентства и их территориальные управления и подразделения и т.п.) не должны признаваться юридическими лицами частного права, ибо наделение их таким гражданско-правовым (имущественно-правовым) статусом не соответствует ни задачам и целям их деятельности, ни их юридической природе.

В специальной литературе высказывается точка зрения о том, что органы государства являются не обычными юридическими лицами, а юридическими лицами публичного права. В российском законодательстве словосочетание «юридическое лицо публичного права» не используется, это доктринальный термин. В научной литературе приводятся различные сочетания признаков данного юридического лица, большинство авторов единодушны в том, что такое юридическое лицо наделено публичными функциями, и это обстоятельство следует рассматривать в качестве главного элемента соответствующего понятия. Однако в Концепции развита обозначенная выше позиция, и в рамках рекомендаций по совершенствованию действующего гражданского законодательства предлагается ряд организаций (в частности, органов публичной власти) лишить прав юридического лица – учреждения, имея в виду, что они смогут выступать в гражданско-правовых отношениях только в качестве органов (законных представителей) соответствующих публично-правовых образований.

По нашему мнению имеется определенная целесообразность в признании за государственными органами (в том числе, и за налоговыми органами) статуса юридического лица публичного права, поскольку данные субъекты при участии в гражданско-правовых обязательствах обладают определенной спецификой. При определении понятия «юридическое лицо публичного права», можно выделить некоторые его характеристики.

Во-первых, юридическое лицо публичного права по своему происхождению и основному качеству является публично-правовым образованием, и его «цивилистические» свойства, если они есть, не являются основными в его правовом статусе.

Во-вторых, юридическое лицо публичного права имеет особое целевое назначение: реализация общественных интересов, следовательно, оно не вправе преследовать частные интересы своих членов путем использования принадлежащих ему полномочий или имущества.

В-третьих, юридические лица публичного права обладают разными по свое-

му характеру властными полномочиями государственной, власти: имеющие нормоустанавливающий, распорядительный или иной характер. Однако в целом это управленческие полномочия.

В-четвертых, определяющими суть деятельности юридического лица публичного права являются права и обязанности публичного характера, но не права и обязанности частноправового характера, каковыми обладают те из них, которые участвуют в гражданском обороте

В-пятых, юридическое лицо публичного права всегда имеет имущество (редко – на праве собственности), которое используется не для извлечения прибыли, иной хозяйственной деятельности, а для осуществления его полномочий (компетенции).

В-шестых, юридическое лицо публичного права создается особым путем: на основе признания уже существующего явления (например, государства).

В-седьмых, юридическое лицо публичного права не всегда имеет свой устав. Например, органы государства могут действовать как юридические лица на основании законов и других документов, принимаемых ими.

В-восьмых, автономия юридического лица публичного права может быть довольно широкой, однако по сравнению с юридическим лицом частного права она имеет ограниченный характер.

Налоговому органу как органу государства присущи все перечисленные признаки, что, с нашей точки зрения, говорит в пользу признания налогового органа юридическим лицом публичного права. При этом следует согласиться с разработчиками Концепции развития законодательства о юридических лицах в том, что статус юридического лица может быть необходим органу государственной власти только для совершения сделок, направленных на обеспечение его внутрихозяйственной деятельности. Представляется, что в случае, если налоговые органы как юридические лица публичного права участвуют в имущественных гражданско-правовых отношениях, к ним должны применяться ограничения, установленные для государства и органов власти (в частности, режим государственных и муниципальных закупок, конкурсное распоряжение имуществом, недопустимость осуществления предпринимательской деятельности, основанной на использовании своих полномочий как государственного органа, и т.д.).

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К НАЗНАЧЕНИЮ НАКАЗАНИЯ

О.Ю. Федотова

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Республике Беларусь в последние годы происходит стремительное и масштабное развитие законодательства, направленное на реализацию принципов правового государства и коренные преобразования в различных сферах общественной жизни. Возникает необходимость совершенствования и института уголовной ответственности для обретения им современного облика, соответствующего общемировому. Это особенно актуально в связи с тем, что уголовная ответственность представляет собой особую разновидность социальной ответственности, влияющей на дальнейший процесс развития самого человека, общества, права и государства в целом.

Современная уголовная политика ориентирует законодательство и правоприменительную практику на дальнейшее углубление дифференцированного подхода к применению уголовного наказания в качестве средства борьбы с преступностью. Эта тенденция предполагает наличие широкой системы принудительных

мер воздействия на преступников и определение оптимальных границ их применения.

Уголовно-правовая политика Республики Беларусь, сохраняя наметившуюся тенденцию к отходу от ранее имевшего место обвинительного уклона как в правовых нормах, так и в практической деятельности органов уголовного преследования и судов нашей страны, развивается фактически по двум направлениям:

- гуманизация уголовной ответственности, выражающаяся в первую очередь в сокращении объема применения наказания в виде лишения свободы и в более широком применении мер уголовной ответственности, не связанных с лишением свободы, за совершение деяний, не представляющих большой общественной опасности;

- усиление уголовной ответственности за отдельные наиболее тяжкие умышленные преступления, относящиеся, как правило, к преступлениям международного характера, борьба с которыми основывается на международно-правовых актах (коррупционные, связанные с распространением наркотических средств, связанные с торговлей людьми, терроризмом и др.), а также преступления, представляющие угрозу для общественной безопасности.

Современный этап развития уголовного права характеризуется поиском путей совершенствования гуманистических ориентиров, реализации гарантий общепризнанных ценностей, ставящих права, свободы и законные интересы личности превыше всего. Правовая реформа, проводимая в настоящее время в Республики Беларусь, сопровождается крупномасштабным обновлением и совершенствованием законодательства, становлением многих принципиально новых правовых институтов, отвечающих принципам демократического государства, международным стандартам защиты прав и свобод личности.

Назначение наказания является одним из наиболее важных и сложных институтов белорусского уголовного права. Как одна из форм реализации уголовной ответственности назначение наказания выступает в качестве главного вопроса, разрешаемого судом при постановлении приговора. От того, насколько законным и справедливым будет назначенное виновному наказание, во многом зависит достижение целей, поставленных перед уголовным законодательством. Ошибки в назначении уголовного наказания способны ослабить борьбу с преступностью, привести к повышению её уровня, дискредитировать тем самым правоохранительную и судебную деятельность, а, в конечном счёте, и всю государственную власть.

Обобщая существующие в науке точки зрения относительно природы наказания, можно выделить три основных подхода:

- рассмотрение наказания как карательной меры, сущность которой выражается в лишении и ограничении прав и свобод наказуемого.

- рассмотрение наказания в первую очередь как меры принуждения, применяемой государством в качестве реакции на совершение преступления.

- выделение в качестве главного сущностного признака наказания выражения с его помощью отрицательной правовой оценки преступного деяния и лица, его совершившего.

Главная проблема в современной правоприменительной практике в том, каким образом используется объем репрессивного воздействия санкции, заключенный между ее минимальным и максимальным пределами.

Согласно ст.47 УК наказание является принудительной мерой уголовно-правового воздействия, применяемой по приговору суда к лицу, осужденному за преступление, и заключающейся в предусмотренных законом лишении или ограничении прав и свобод осужденного.

По УК Республики Беларусь цели наказания отдельно от целей уголовной ответственности не формулируются. Предусматривается, что уголовная ответственность должна быть направлена на исправление лица, совершившего преступление, предупреждение совершения новых преступлений как осуждённым, так и другими лицами, а также на восстановление социальной справедливости (ст.44 УК).

В настоящее время содержание уголовного наказания включает в себя карательные меры (лишение осуждённого определённых прав и свобод), общественное порицание, меры воздействия на осуждённого, призванные предотвратить совершение им новых преступлений (контроль за его повседневной жизнью, наложение ограничений на допустимые виды поведения и деятельности), а также воспитательные меры (привлечение к труду, предоставление возможности получить образование), направленные на подготовку осуждённого к нормальной жизни в обществе. В процессе отбывания наказания к осуждённому также может применяться принудительное лечение.

Наказание в современном уголовном праве носит публичный характер: оно назначается только от имени государства, с использованием специального порядка его назначения, который в современном праве призван гарантировать права человека, обвиняемого в совершении преступления; решение суда о вынесении наказания носит характер общеобязательного для исполнения правового акта, который может быть отменен только в предусмотренном законом порядке вышестоящей судебной инстанцией

В Республике Беларусь предусмотрено 12 видов наказания. Наиболее лёгким видом наказания являются общественные работы, наиболее тяжким – смертная казнь.

В статье 43 Уголовного кодекса Российской Федерации наказание определяется как назначаемая по приговору суда мера государственного принуждения, применяемая к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и выражающаяся в предусмотренных уголовным законом ограничении прав и свобод лица. Целями наказания по УК РФ являются восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, предупреждение совершения новых преступлений.

В УК РФ предусмотрено 12 видов наказания. Наиболее лёгким видом наказания является штраф, наиболее тяжким – смертная казнь. Смертная казнь в настоящее время не применяется, вместо неё назначается пожизненное лишение свободы или лишение свободы на длительный срок.

Согласно ст.50 Уголовного кодекса Украины, наказание является мерой принуждения, применяемой от имени государства по приговору суда к лицу, признанному виновным в совершении преступления, и заключается в предусмотренном законом ограничении прав и свобод осужденного.

Целями наказания в УК Украины является кара, исправление осужденных, предупреждение совершения новых преступлений как осужденными, так и иными лицами.

В УК Украины предусмотрено 12 видов наказания. Наиболее лёгким видом наказания является штраф, наиболее тяжким – пожизненное лишение свободы. Смертная казнь отменена.

Наказание в современном обществе, таким образом, является своего рода социальным последствием преступления и применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УЧАСТИЯ ПРОКУРОРА В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

*Е.Н. Филипенко
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Участвуя в административном процессе, прокурор обладает рядом полномочий, необходимых для выполнения стоящих пред ним задач. Эти полномочия, в зависимости от нормативного правового акта, их предусматривающего, можно условно разделить на две группы:

1) вытекающие из Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь». Данная группа полномочий ориентирована, прежде всего, на выполнение прокурорами надзорных функций;

2) вытекающие из Процессуально-исполнительного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее – ПИКоАП). В названном Кодексе закреплены как надзорные полномочия, так и полномочия, связанные с привлечением лиц к административной ответственности по инициативе прокурора.

Полномочия, относящиеся к различным группам, согласованы между собой, однако в ПИКоАП они сформулированы более специализированно применительно к административному процессу. Специфическими полномочиями прокурора являются право проверять законность применения административного задержания физического лица, освобождать своим постановлением физическое лицо, незаконно подвергнутое административному задержанию, поручать органу, ведущему административный процесс, подготовку дела об административном правонарушении и ряд других.

Одним из дискуссионных вопросов является установление пределов полномочий прокурора по составлению протоколов об административных правонарушениях.

Статья 3.30 ПИКоАП наделяет таким правом широкий круг должностных лиц, классифицируя их по принадлежности к тем или иным государственным органам, министерствам, ведомствам. При этом для каждой группы должностных лиц приводится исчерпывающий, закрытый перечень статей КоАП Республики Беларусь, по которым они вправе составлять протоколы.

Полномочия же прокурора формулируются несколько иначе. Согласно п.7 ч.2 ст.3.30 ПИКоАП он имеет право составлять протоколы «по статьям 9.6, 9.10, 9.13, 9.16, 9.19, 21.9, 21.10, 22.10, 23.16, 23.18, 23.25, части 2 статьи 23.26, статьям 23.37, 23.38, части 1 статьи 23.54, части 2 статьи 23.58, статьям 23.79–23.83, 24.3, части 3 статьи 24.10, статьям 25.2–25.4, части 2 статьи 25.8 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях; за иные административные правонарушения – при осуществлении надзорных функций».

Таким образом, компетенция прокурора по составлению протоколов определяется в ПИКоАП двумя различными способами:

1) путем установления конкретного перечня составов административных правонарушений (аналогичным образом определяется компетенция иных должностных лиц);

2) путем неограниченного расширения этого перечня при условии, что составление протокола вытекает из осуществления надзорных функций.

Во втором случае прокурор получает право составить протокол за любое административное правонарушение. При этом условие предоставления ему такого права является недостаточно формализованным. Понятие осуществления надзорных функций не конкретизируется ни в самом ПИКоАП, ни в иных нормативно-

правовых актах, и практически любая деятельность прокурора может рассматриваться как надзорная. Нам же представляется, что для столь существенного расширения полномочий прокурора законодателем должны быть сформулированы более четкие критерии, что позволит избежать субъективизма в административном процессе.

Описанный выше теоретический аспект проблемы осложняется еще и практическим. Конструкция ПИКоАП такова, что для составленных прокурором протоколов о некоторых административных правонарушениях не предусматривается ни одного государственного органа или должностного лица, правомочного их рассматривать (например, протоколы по ст.ст.11.44, 13.10, 13.11, 17.9 КоАП Республики Беларусь). Вследствие этого право прокурора на составление таких протоколов носит формальный характер и не способствует реальному привлечению виновных лиц к ответственности.

Учитывая изложенное, мы полагаем, что нормы ПИКоАП, определяющие компетенцию прокурора по составлению протоколов об административных правонарушениях, нуждаются в упорядочении.

Имеются недостатки в правовом регулировании принесения прокурорами протестов на постановления по делам об административных правонарушениях.

Правилами ст.12.2 ПИКоАП устанавливается подведомственность жалоб (протестов) на постановления по делам об административных правонарушениях, не вступившие в законную силу. Так, могут быть обжалованы (опротестованы):

- 1) постановление административной комиссии, комиссии по делам несовершеннолетних – в районный (городской) исполнительный комитет (администрацию района в городе) или в суд;
- 2) постановление сельского (поселкового) исполнительного комитета – в районный исполнительный комитет или в суд;
- 3) постановление иного органа, ведущего административный процесс, – в вышестоящий орган (вышестоящему должностному лицу) или в суд;
- 4) постановление суда – в вышестоящий суд.

На практике распространены случаи направления жалоб не непосредственно в орган, уполномоченный отменить постановление по делу об административном правонарушении, а в органы прокуратуры для последующего принесения прокурором протеста. Такие жалобы, как правило, принимаются к рассмотрению органами прокуратуры, при условии уплаты заявителем государственной пошлины в установленных законом случаях. Отметим, что ставки государственной пошлины при обжаловании судебных постановлений равны как при направлении жалобы прокурору, так и при направлении ее в компетентный орган. Тем не менее, подача жалобы в двух описанных случаях порождает различные правовые последствия.

Так, при подаче жалобы в органы прокуратуры, ее первоначально рассматривает не тот орган, который уполномочен удовлетворить ее – т.е. отменить обжалуемое постановление, а прокурор, который лишь ставит данный вопрос в своем протесте. Возможна ситуация, когда жалоба, не удовлетворенная прокурором, была бы удовлетворена, например, судом с отменой постановления по делу об административном правонарушении. В таком случае направление жалобы в органы прокуратуры повлечет неблагоприятные последствия для заявителя. Учитывая изложенное, целесообразно скорректировать практику рассмотрения таких жалоб, обязав прокуроров направлять их по подведомственности либо в кратчайший срок давать заявителям разъяснения о том, в какой государственный орган необходимо обратиться.

Подводя итог изложенному, отметим, что законодательство, регламентирующее административный процесс, в том числе участие в нем прокурора, нуждается

ся в дальнейшем совершенствовании на основе анализа складывающейся правоприменительной практики в данной сфере, с учетом интересов государства, общества, отдельной личности.

О СООТНОШЕНИИ СЕКУНДАРНЫХ ПРАВ, ПРАВОСПОСОБНОСТИ И СУБЪЕКТИВНЫХ ПРАВ

Т.М. Халецкая

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

Теория секундарных прав имеет довольно долгую историю. Впервые на феномен секундарных прав (*Gestaltungsrechte* – «правообразовательное», «правообразующее», «конститутивное» право) обратил внимание немецкий ученый, занимавшийся вопросами международного права – Э. Цительман, а первое специально исследование этих прав провел немецкий цивилист Э. Зеккель. Результатом этих исследований стала, выпущенная в 1903 году в Берлине монография «Секундарные права в гражданском праве».

Первым в российской цивилистике к теории секундарных прав обратился А.Э. Вормс, а вслед за ним М.М. Агарков, С.Н. Братусь, Ю.К. Толстой, Р.О. Халфина. В настоящее время изучением секундарных прав занимаются в основном российские цивилисты: В.А. Белов, Г.А. Вакулина, Ф.О. Богатырев, А.С. Слюсарев, Е.В. Вавин, С.А. Иванова, А.В. Бабаев.

В литературе приводят обычно достаточно обширный перечень примеров тех прав, которые могут быть отнесены к секундарным, а именно: право акцепта; право принятия наследства; право поверенного представлять интересы доверителя; право кредитора выбрать один из предметов альтернативного обязательства; право на расторжение договора; преимущественные права; права на участие в формировании воли юридического лица; права третьего лица, в пользу которого заключен одноименный договор; права, условно обозначаемые термином «права контроля» (права, заключающиеся в возможности в одностороннем порядке запретить или разрешить совершить определенную сделку); права лишающего действия (те секундарные права, в результате осуществления которых умаляется или прекращается право пассивной стороны: право на полный или частичный отказ от исполнения договора, право хранителя продать вещь, принадлежащую поклажедателю при неисполнении обязанности взять вещь обратно; право перевозчика реализовать невостребованные грузы и т.п.).

Основным «камнем преткновения» во всех точках зрения на природу секундарных прав является вопрос о соотношении правоспособности, субъективного права и секундарного права. На наш взгляд секундарные права нельзя отождествлять ни с правоспособностью, ни с субъективным правом. В классическом представлении, секундарное право – это юридически обеспеченная возможность лица «с помощью односторонней сделки» создать, изменить или прекратить правоотношение.

По смыслу ст.16 Гражданского кодекса Республики Беларусь под правоспособностью понимается способность иметь гражданские права и обязанности. Правоспособность является необходимым условием для приобретения субъективных прав. В отличие от правоспособности, которая включает в себя все потенциально возможные права лица, допускаемые законодательством, субъективное право выражает реализованную возможность определенного поведения, обеспеченную соответствующей праву обязанности другого лица. Секундарное же право, также как и субъективное, дает его обладателю возможность определенного поведения, но этому праву не противостоит обязанность другого лица совершить определен-

ные действия или воздержаться от их совершения. В случае вторичных прав принято говорить не о корреспондирующей им обязанности, а о связанности лица вторичным правом или о вторичной обязанности.

Говоря о соотношении правоспособности, субъективного и вторичного прав, Ф.О. Богатырев отмечает, что вторичное право находится между правоспособностью и субъективным правом. «Если признать, – пишет Ф.О. Богатырев, – что правоспособность и субъективное право – это две конечные точки одной линии со значением ноль и единица, то вторичное право уже не ноль, но еще не единица... возникновение вторичного права есть нечто большее, чем правоспособность. Но вторичное право еще не субъективное право, которое возникает в результате реализации первого. Так, получив оферту, ее адресат имеет уже не абстрактную возможность заключать договоры..., а возможность заключить договор с конкретным лицом».

В литературе в качестве принципиального отличия вторичных прав от иных видов прав называют также их целевую направленность, которая выражается в том, что они выполняют служебную роль и не приводят к получению блага, а призваны сформировать субъективное право на получение блага.

Вторичным правам присущи и другие особенности, отличающие их от субъективных прав. Во-первых, характерной чертой вторичного права является то, что ему противостоит связанность пассивной стороны. В данном случае речь идет о том, что адресат (адресаты) субъекта вторичного права вынуждены претерпевать последствия совершения последним юридически значимых действий и при этом пассивная сторона не может воспрепятствовать наступлению таких последствий. Анализируя указанную особенность вторичного права, доктор юридических наук С.А. Иванова, отмечает необходимость переосмысления традиционного подхода к рассмотрению правоотношения как отношения двух субъектов, связанных друг с другом взаимными правами и обязанностями. По ее мнению подобная концепция правоотношения «не вполне удовлетворительно объясняет многие аспекты современной правовой практики». Поддерживая идею существования вторичных прав, С.А. Иванова предлагает следующее определение правоотношения: правоотношение – это правовая связь, порождающая субъективные права и (или) юридические обязанности участников, либо только правовая связанность субъектов частного права их односторонними действиями. Во-вторых, вторичные права и обязанности могут переходить по наследству. Несмотря на то, что в законодательстве ни сейчас, ни ранее не указывалось на возможность включения вторичных прав в состав наследства, в литературе приводились теоретические примеры, иллюстрирующие возможность включения их в состав наследства, наряду с субъективными правами и обязанностями. Так, И.Б. Новицкий было высказано идея о допустимости возможности перехода по наследству обязанности оферента придерживаться сделанного предложения. Вторичные права могут переходить и в порядке правопреемства при реорганизации юридического лица. В-третьих, вторичное право не может передаваться по сделке. Например, право на расторжение договора нельзя по воле одной из сторон договора отделить от требования (обязательственного права), то есть нельзя отдельно уступить право на расторжение договора, оставаясь при этом субъектом требования.

В заключении отметим, что, несмотря на негативное отношение науки гражданского права к идее о возможности существования права, не обеспеченного обязанностью, следует констатировать, что такие права объективно существуют (наряду с правоспособностью и субъективными правами) и нуждаются в исследовании и систематизации.

МОШЕННИЧЕСТВО КАК ФОРМА ХИЩЕНИЯ

*В.В. Хилькевич
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Часть 1 ст.209 УК Республики Беларусь квалифицирует уголовно наказуемое мошенничество как «Завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием».

В УК 1960 года мошенничеству было посвящено две статьи: ст.90 (хищение государственного или общественного имущества путем мошенничества), ст.144 (мошенничество).

Сохранность государственного и общественного имущества в бывшем социалистическом государстве (СССР) была более значима, чем сохранность имущества граждан. Соответственно и наказания за совершение преступления, предусмотренного ст.90 было более суровым, чем за совершение преступления, предусмотренного ст.144.

В УК 1960 года было сформулировано два понятия мошенничества. Согласно ст.90 мошенничество – это завладение государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием, а согласно ст.144 мошенничество – это завладение личным имуществом граждан или приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием.

В диспозиции ст.90 УК 1960 года в отличие от диспозиции ст.144 того же кодекса и в отличие от современного понятия мошенничества отсутствует признак «приобретение права на имущество». Это связано с тем, что гражданское законодательство советского государства определяло государственную, общественную и личную собственность. В СССР происходило разделение понятий личная и частная собственность. Основное различие заключалось в недопустимости нахождения в частной собственности общественных по трудовому вкладу средств производства.

Предметом преступления при завладении государственным или общественным имуществом путем обмана или злоупотребления доверием (ст.90 УК 1960 года) могло быть только движимое имущество (вещи, деньги).

Переход права государственной или общественной собственности в личную, законодательством предусмотрен не был. Физическое лицо как субъект данного преступления – никаким образом не мог завладеть никаким правом на государственную или общественную собственность.

Современное гражданское законодательство Республики Беларусь выделяет две формы собственности: государственную и частную. Законодательно закреплены возможности перехода имущества или прав на него из одной формы собственности в другую.

Предметом мошенничества является чужое, а также право на чужое имущество. Право на имущество может быть закреплено в различных документах, например в завещании, в различных видах ценных бумаг.

Объективная сторона мошенничества предполагает два вида действия: обман и злоупотребление доверием.

Обман – это умышленное искажение действительного положения вещей, сознательная дезинформация потерпевшей стороны, преднамеренное введение ее в заблуждение ложными сведениями или умолчанием об истине относительно конкретных фактов, обстоятельств, событий с целью побуждения по собственной воле, передать имущество или право на имущество мошеннику.

При злоупотреблении доверием преступник использует возникающее или уже существующее доверительное отношение к себе со стороны потерпевшего.

Они могут складываться из давних межличностных отношений либо ситуационно между преступником и потенциальным потерпевшим (собственником или владельцем имущества), в основе которых могут лежать гражданско-правовые отношения.

Пример: в 2010 году к уголовной ответственности привлечен Г., который путем обмана и злоупотребления доверием, под предлогом покупки автомобиля в рассрочку завладел автомашиной АУДИ 100 С-4 стоимостью 12 млн. рублей принадлежащей его знакомому П.

Для безвозмездного, с корыстной целью обращения имущества в свою пользу (на предприятиях розничной торговли в кредит) преступник, пытаясь расположить к себе потенциальную жертву, может использовать подложные документы. Кроме того умысел на завладение имуществом должен возникнуть у преступника уже к моменту передачи ему имущества.

Пример: в 2010 году к уголовной ответственности привлечен Р., который, предоставил в СООО МТС паспорт на имя С., от имени последнего заключил договора на приобретение с рассрочкой платежа двух мобильных телефонов (1300000 рублей). Р., имея умысел на невыполнение обязательства, предварительно пообещал владельцу паспорта выплатить всю сумму самостоятельно.

Пример: в 2010 году к уголовной ответственности привлечен В., работающий водителем РУПП «Витязь», который в течение трех лет, предоставляя в бухгалтерию фиктивные счета и чеки о проживании в гостиницах Российской Федерации, мошенническим путем завладел денежными средствами на общую сумму более 12 млн. рублей, принадлежащими указанному предприятию и предоставленных ему в качестве оплаты за проживание в гостиницах Российской Федерации.

На последнем примере можно рассмотреть, насколько зависит квалификация преступного деяния от конкретной возникшей ситуации и от момента возникновения умысла преступника на завладение материальными ценностями. Если бы В. до отъезда в командировки получал аванс на командировочные расходы и затем к авансовому отчету прилагал фиктивные счета и чеки о проживании, то в его действия были бы квалифицированы как присвоение либо растрата (ст.211 УК).

Мошенничество имеет отличие и от кражи. При совершении кражи преступники также могут воспользоваться обманом, но не с целью непосредственного завладения имуществом, а, с целью проникновения в помещение, на охраняемую территорию для последующего тайного хищения имущества. При совершении кражи, обман будет определенным условием, способствующим облегчению последующему завладению имуществом соответствующей формой хищения.

Субъективная сторона преступления характеризуется прямым умыслом и корыстной целью. Цель при совершении мошенничества должна быть только корыстной. В противном случае действия виновного не могут квалифицироваться как мошенничество.

К примеру, преступник, находясь в неприязненных отношениях с потерпевшим и желая ему навредить обманным путем, завладевает его вещью, заранее намереваясь ее уничтожить, и уничтожает. При определенных условиях его действия не могут рассматриваться как мошенничество, а могут быть квалифицированы как умышленное уничтожение имущества (ст.218 УК).

Субъект рассматриваемого преступления – лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Он ничем не отличается от субъектов аналогичных составов преступлений в уголовных законодательствах России, Украины, Казахстана. В УК Республики Беларусь 1960 года субъектом мошенничества также было лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста. Но субъект указанного преступления от-

личаться от субъектов других имущественных преступлений, таких как кража, грабеж, разбой, вымогательство. Он должен иметь гораздо большее интеллектуальное развитие, должен в определенной мере обладать артистическими качествами и искусством общения. Он должен быть в какой-то мере авантюристом, который действует, полагая, что обстоятельства сложатся к нему благоприятно.

Таким образом, мошенничество как форма хищения имеет некоторую обособленность от иных форм хищения. Мошеннику нет необходимости иметь специальные технические познания как при хищении путем использования компьютерной техники (ст.212 УК) для достижения своей цели, не обязательно иметь определенное положение (должностное лицо – ст.210 УК). В тоже время оно отличается от «грубых» форм хищения (кража, грабеж, разбой, вымогательство), в ходе которых причиняется вред здоровью, чести и достоинству потерпевшего, иному имуществу при изъятии похищаемого. Мошенничество по сравнению с этими формами хищения обладает определенными «эстетическими» особенностями.

МЕЖДУНАРОДНОЕ МОДЕЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФУНКЦИИ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ ПРИ ВОЗБУЖДЕНИИ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ РАССЛЕДОВАНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

М.Л. Хиревич

Минск, НПЦ Генеральной прокуратуры Республики Беларусь

Необходимость совершенствования национального уголовно-процессуального законодательства обуславливает обращение к международным правовым актам, а также опыту правового регулирования отдельных вопросов данной отрасли в зарубежных странах. Все больший интерес с учетом процессов глобализации, международного сотрудничества в сфере нормотворчества на постсоветском пространстве вызывает модельное право, которое является одним из способов сближения национальных правовых систем. Важное место в международно-правовом регулировании уголовного судопроизводства, в том числе регламентации института судебного контроля, в странах СНГ, в том числе в Республике Беларусь, занимает такой рекомендательный законодательный акт как Модельный уголовно-процессуальный кодекс, принятый Межпарламентской Ассамблеей государств-участников СНГ 17 февраля 1996 года (далее – Модельный УПК).

Судебному контролю за досудебным производством в Модельном УПК посвящена отдельная глава 43. Исходя из её положений, под судебным контролем понимаются все направления судебной деятельности при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел: выдача разрешений на производство следственных и оперативно-розыскных действий, применение мер процессуального принуждения, а также рассмотрение жалоб на законность решений и действий органов дознания, следователя, прокурора и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность.

Таким образом, Модельный УПК закрепляет две формы судебного контроля: предварительный и последующий. Отдельно данный акт достаточно детально регулирует конкретные направления судебного контроля.

Модельным УПК предусмотрено санкционирование следственных действий, связанных с ограничением неприкосновенности личности, жилища, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных отправлений (в статье 321 приводится их достаточно широкий и закрытый перечень), а также некоторых оперативно-розыскных действий. Такие меры процессуального принуждения как задержание на срок не более 48 часов, заключение под стражу как мера

пресечения, помещение в медицинское учреждение для проведения судебно-психиатрической или судебно-медицинской экспертизы подозреваемых, обвиняемых и лиц, психическое состояние которых не позволяет привлечь их в качестве обвиняемых, наложение ареста на имущество подозреваемых, обвиняемых и лиц, у которых оно хранится, отстранение от должности также применяется только по решению суда. Следует обратить внимание на то, что наложение ареста на имущество данный акт относит и к следственным действиям, и к мерам процессуального принуждения, что представляется необоснованным.

Подробно регламентирует Модельный УПК и порядок получения судебного решения отдельно для производства следственных действий, оперативно-розыскных действий, а также применения мер процессуального принуждения, что является необходимым для законного и обоснованного решения вопроса об ограничении прав и свобод человека.

Вопросы осуществления последующего судебного контроля, предусматривающего обжалование в суд незаконных и необоснованных действий и решений дознавателя, следователя, прокурора и органов оперативно-розыскных действий, также подробно урегулированы Модельным УПК, однако содержат некоторые спорные моменты. Так, четкий круг субъектов обжалования данным актом не установлен. Вызывает сомнение и закрепленный двухступенчатый порядок обжалования: жалоба может быть подана в суд, если она не была удовлетворена прокурором или в случае, если со дня истечения месячного срока не был получен ее ответ. Полагаем нецелесообразным положение о том, что в случае, когда судья признает жалобу обоснованной, он выносит постановление об обязанности прокурора устранить допущенное нарушение прав и свобод гражданина или юридического лица.

Следует отметить, что отдельные положения в части применения обеих форм судебного контроля были имплементированы в национальное законодательство многих стран СНГ. Однако их правовое регулирование не настолько детальное, как в Модельном УПК. Также они различаются и по объему заимствования норм данного института, особенно предварительного судебного контроля.

Так, например, в УПК Украины перечень следственных действий, на проведение которых необходимо получить разрешение суда, намного уже, чем в Модельном УПК. Порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий в Украине регламентируется Законом «Об оперативно-розыскной деятельности», который также предусматривает судебное санкционирование тех из них, которые в наибольшей степени ограничивают конституционные права и свободы граждан.

В то же время, если Модельный УПК предусматривает возможность обжалования всех действий и решений органов уголовного преследования, то УПК Украины закрепляет право обжалования в судебном порядке лишь постановлений о возбуждении уголовного дела, об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, задержании лица, об отказе в применении мер безопасности или об их отмене.

УПК Республики Казахстан также наделяет суд полномочиями в досудебном производстве, однако они ограничены лишь санкционированием мер пресечения в виде домашнего ареста, ареста и продлением их сроков, а также принятием решения о принудительном помещении не содержащегося под стражей лица в медицинскую организацию для производства судебной психиатрической экспертизы. В свою очередь, правом санкционирования следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий наделен только прокурор. УПК Казахстана закрепляет возможность обжалования в судебном порядке действий и решений ор-

ганов уголовного преследования, в то же время предусматривает в качестве альтернативы возможность их обжалования прокурору.

Полномочия суда при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел в Российской Федерации в большей степени близки к их перечню в Модельном УПК. Так, УПК Российской Федерации предусматривает необходимость судебного санкционирования проведения отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы, таких мер пресечения как заключение под стражу, домашний арест и залог. В нем подробно регламентирован судебный порядок обжалования незаконных и необоснованных действий и решений органов уголовного преследования, а также порядок рассмотрения таких жалоб.

Следует отметить, что УПК Республики Беларусь в наименьшей степени заимствовал положения Модельного УПК и не предусматривает предварительный судебный контроль при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел. Применение последующего судебного контроля также ограничено. Начальник следственного подразделения и прокурор уполномочены рассматривать жалобы на действия и решения органов уголовного преследования, за исключением тех из них, рассмотрение которых отнесено к исключительной компетенции суда (жалобы на задержание, заключение под стражу, домашний арест, а также продление срока содержания под стражей, домашнего ареста). Закрепление данного положения позволяет говорить о возможном и, как представляется, целесообразном расширении полномочий суда при возбуждении и предварительном расследовании уголовных дел.

Таким образом, несмотря на то, что Модельный УПК носит рекомендательный характер, полагаем необходимым заимствование отдельные его положения при разработке предложений по совершенствованию действующего уголовно-процессуального закона Республики Беларусь.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ НА ОСНОВЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ

М.В. Хомич

Минск, УО «Академия МВД Республики Беларусь»

1. Вопрос о функциях прокурора в уголовном процессе, оставаясь дискуссионным с давних времен, обострился в связи с выделением следствия в относительно самостоятельную от прокурорского надзора уголовно-процессуальную деятельность. Позиция сторонников, что прокурор в уголовном процессе осуществляет только одну процессуальную функцию – функцию уголовного преследования (обвинения), а надзор прокурора за соблюдением законов в ходе предварительного следствия не является в данном контексте самостоятельной функцией, а лишь способом (формой) выражения функции уголовного преследования (обвинения) на основе обеспечения его законности и обоснованности. Это качественно приоритетной для прокурора спектр процессуальной деятельности при реализации им функции уголовного преследования. Поэтому прокурорский надзор за расследованием правомерно рассматривать как особую форму уголовного преследования, посредством чего выстраивается и обеспечивается законность и доказанность обвинения лица в совершенном преступлении.

2. Только при такой законодательной конструкции полномочий прокурора в уголовном судопроизводстве на досудебной и судебной стадиях уголовного процесса он в состоянии качественно (на принципах законности и обоснованности) обеспечить выполнение функции уголовного преследования и обвинения на усло-

виях состязательности. Это позволит также сохранить единство целей участников уголовного процесса, выступающих на стороне обвинения, и обеспечить в целом бесконфликтность уголовного судопроизводства с учетом возможных амбициозных притязаний властных субъектов на исключительность своих полномочий в осуществлении уголовного преследования.

3. Заключение, что в уголовном процессе прокурор осуществляет две самостоятельные функции (уголовного преследования и надзора) основаны на законодательных коллизиях, которые сегодня вряд ли адекватны реалиям времени и произошедшим изменениям в системе органов, осуществляющих уголовное преследование. Так, ссылаясь на ст.37 УПК РФ утверждают, законодатель однозначно указывает, что «прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия». При этом упускают из внимания, что уголовное преследование наряду с органами предварительного следствия прокуратура осуществляет в соответствии с полномочиями установленными УПК РФ, то есть в формате обеспечения законности и обоснованности уголовного преследования и его неотвратимости. Можно сказать, что прокурор, осуществляя уголовное преследование на досудебной стадии уголовного процесса, реализует эту функцию на принципах правосудия. В ряде европейских государств подобные полномочия прокурора уголовном процессе на досудебной стадии включают и возможность разрешения по существу вопросов, связанных с осуществлением им уголовного преследования, включая право на отказ от уголовного преследования, в том числе по нереабилитирующим основаниям, применение некоторых мер уголовного наказания без передачи уголовного дела в суд.

5. Анализ полномочий, предоставленных прокурору законодателем для обеспечения им функции уголовного преследования, в том числе исконно надзорных, показывает, что они сформулированы в единстве.

Изменения и дополнения, внесенные в УПК и Закон «О прокуратуре Республики Беларусь» Законом Республики Беларусь от 13 декабря 2011 года №325-З в полной мере реализуют эти положения. В соответствии с ч.1 ст.34 УПК прокурор как должностное лицо в пределах своей компетенции осуществляет от имени государства уголовное преследование и поддерживает государственное обвинение в суде. Надзорные полномочия прокурора за предварительным следствием и дознанием становятся функционально и по содержанию особыми полномочиями прокурора как ответственного должностного лица, осуществляющего и выражающего обвинительную власть в уголовном преследовании лиц, совершивших преступление, в том числе и в отношениях с иными субъектами, уполномоченными осуществлять уголовное преследование.

Раскрывая предмет надзора за исполнением закона в ходе досудебного производства (при производстве предварительного следствия и дознания), ст.30 Закона «О прокуратуре Республики Беларусь», указывает, что таковым является соответствие предварительного следствия и дознания требованиям УПК. В свою очередь полномочия прокурора при осуществлении надзора за исполнением закона в ходе предварительного следствия и дознания также определяются УПК (ст. 31).

Можно говорить о полноте или неполноте указанных полномочий, но совершенно очевидно, что это особые полномочия, которые реализует прокурор при осуществлении единой функции в уголовном процессе – функции уголовного преследования и обвинения.

ОСОБЕННОСТИ ГАРМОНИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОГРАНИЧЕНИЯХ (ОБРЕМЕНЕНИЯХ) ПРАВ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ СТРАН ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА

О.А. Хотько

Минск, Белорусский государственный университет

В настоящее время сотрудничество государств является первостепенным фактором в процессе формирования и совершенствования законодательной базы отдельного государства. Соглашением о Таможенном союзе от 20 января 1995 года Республика Беларусь, Российская Федерация и Казахстан подчеркнули необходимость развития интеграции и согласованности действий в экономической и политической жизни стран-участниц. Создание современной системы нормативно-правовых актов в процессе международного сотрудничества в том числе в области земельных отношений является актуальной и приоритетной задачей государств.

В 2008 году впервые Кодексом Республики Беларусь о земле в систему земельных отношений включены в качестве самостоятельного объекта ограничения (обременения) прав на земельные участки. Ограничение (обременение) прав на земельный участок представляет собой установленные решением государственного органа, осуществляющего государственное регулирование и управление в области использования и охраны земель, принятым в соответствии с законодательным актом, договором или постановлением суда условие или ограничение либо запрещение в отношении осуществления отдельных видов хозяйственной или иной деятельности, других прав на земельный участок в целях общественной пользы и безопасности, охраны окружающей среды и историко-культурных ценностей, защиты прав и защищаемых законом интересов граждан, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. В ст.18 вышеуказанного Кодекса приводится перечень случаев (обстоятельств), в отношении которых могут устанавливаться ограничения (обременения) прав на землю, причем он не является исчерпывающим.

В Земельном кодексе Российской Федерации от 25 октября 2001 года закреплены ограничения оборотоспособности земельных участков» и ограничения прав на землю, причем понятие ограничений прав на землю не приводится. В п.2 ст.56 установлены виды ограничений прав на землю, однако правовая регламентация обременений прав на землю отсутствует. В Земельном кодексе Республики Казахстан от 20.06.2003 года отсутствует в целом правовое регулирование ограничений (обременений) прав на землю, закреплены отдельные виды сервитутов.

Страны СНГ также являются партнерами республики по таможенному сотрудничеству, что способствует широкомасштабному и сотрудничеству государств. Так, Земельный кодекс Украины от 25.10.2001 года, очевидно, разделяет ограничения и обременения прав на земельные участки, причем анализ норм позволяет прийти к выводу, что, что здесь избран другой в отличие от законодательства нашего государства подход к понятию: ограничения в использовании земель – есть обременение прав землепользователей. Данным нормативным правовым актом систематизированы основные охранные зоны, в связи с созданием которых устанавливаются ограничения прав на земельные участки. Специально исследовав ограничения и обременения прав на землю как правовые явления в законодательстве различных государств постсоветского пространства, автор считает выделить три подхода:

1) отсутствие законодательной регламентации ограничений и обременений прав на землю, закрепление публичных и частных сервитутов;

2) выделение ограничений прав на землю, отсутствие правового регулирования обременений;

3) смешанный подход, заключающийся в закреплении ограничений и обременений прав на землю.

Важным аспектом взаимодействия государств в области развития и совершенствования национальных правовых систем следует признать их тесное сотрудничество при совместной разработке нормативных правовых актов. Так, 15 сентября 1992 года Межпарламентская ассамблея СНГ (далее – МПА) приняла «Основные направления сближения национальных законодательств государств-участников Содружества». Правовое сближение представляется как устранение различий в национальном регулировании посредством договоренности между государствами-членами, проводимое согласованно. За прошедшее время МПА приняла десятки модельных законов по различным вопросам, в том числе Модельный земельный кодекс для государств-участников СНГ от 4 декабря 2004 года №24-8, рекомендованный для использования в национальном законодательстве. Так, в ст.36 Кодекса закреплён перечень возможных обременений при предоставлении или приобретении земельного участка в виде определенных обязательств, предусмотрены основания ограничений прав на землю (ст.105). Соответственно нормы об ограничениях и обременениях прав на земельные участки, что способствует развитию законодательства отдельного государства, основываясь на общих концепциях, а также единообразному условию использования земель во всех государствах-участниках принятого совместного Модельного земельного кодекса. Главное – помнить, что гармонизация не предполагает создания абсолютно идентичных нормативных правовых актов по форме или по содержанию с актами системы права заимствования, при гармонизации не подразумевается полная рецепция, а важен конечный результат, который определяется государством в соответствии со своими конституционными положениями.

Стоит обратить внимание, что вопросы использования в законодательстве государств модельных актов регулярно обсуждаются на заседаниях постоянных комиссий МПА СНГ, а нормативные акты активно используются парламентами для совершенствования правовых систем государств-участников. Несомненно, при корректировке Кодекса Республики Беларусь о земле использованы положения модельного Земельного кодекса для государств-участников СНГ, учтён опыт становления земельного законодательства соседних стран, в том числе и при регулировании ограничений (обременений) прав на земельные участки. Таким образом, меры по правовому сближению, способствуют не только развитию интеграции в процессе регулирования правовых отношений, но и являются важным фактором совершенствования национальных правовых систем.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УСТАНОВЛЕНИЯ ФАКТОВ, ИМЕЮЩИХ ЮРИДИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ В ПОРЯДКЕ ОСОБОГО ПРОИЗВОДСТВА

А.Л. Шавров

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, можно разделить на три группы: подведомственные только суду; подведомственные суду при условии невозможности установления определенных юридических фактов в ином порядке; неподведомственные суду.

В соответствии со ст.361 ГПК Республики Беларусь в порядке особого производства рассматриваются дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение.

Под фактом, имеющим юридическое значение, понимается событие или действие, влекущее в соответствии с законом определенные правовые последствия. Установление факта, не имеющего юридического значения, беспредметно, в связи с чем суд отказывает в просьбе установить такой факт или прекращает производством ошибочно принятое дело. Суд устанавливает факты, от которых зависит возникновение, изменение, прекращение личных или имущественных прав граждан, организаций.

Факты, имеющие юридическое значение, удостоверяются документами, которые выдаются компетентными органами. Обращение в суд при наличии таких документов является основанием для отказа в возбуждении дела (п.1 ст.245 ГПК Республики Беларусь) или прекращения производства по делу (ст.164 ГПК Республики Беларусь).

Пленум Верховного Суда Республики Беларусь в постановлении от 18 марта 1994 года №1 «О судебной практике по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение», указал, что дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, подлежат рассмотрению в суде в порядке особого производства только в том случае, если согласно закону такие факты порождают юридические последствия (возникновение, изменение или прекращение личных или имущественных прав граждан); установление факта не связывается с последующим разрешением спора о праве, подведомственного суду; заявитель не имеет другой возможности получить либо восстановить надлежащие документы, удостоверяющие факт, имеющий юридическое значение; действующим законодательством не предусмотрен иной (внесудебный) порядок их установления.

В соответствии со ст.364 ГПК Республики Беларусь в судебном определены юридические факты, которые могут быть установлены в судебном порядке.

Указанный с данной статье перечень фактов, подлежащих установлению в судебном порядке, не является исчерпывающим, поэтому суд вправе установить и другие факты, имеющие юридическое значение, если не предусмотрен внесудебный порядок их подтверждения.

Является ли факт, об установлении которого просит заявитель, юридическим, определяется исходя из цели, которую гражданин преследует. Цель должна быть указана в заявлении. Вместе с тем, согласно действующему законодательству в судебном порядке могут быть обжалованы принятые должностными лицами, административными и иными органами решения, основанные на наличии или отсутствии фактов, устанавливаемых этими же лицами и органами до принятия или в процессе принятия решений. Несмотря на то, что названные факты устанавливаются в административном и ином порядке, споры об их наличии или отсутствии рассматриваются по существу судом при разрешении жалоб в порядке, предусмотренном ст.ст.353-358 ГПК Республики Беларусь, и заявлений в порядке искового производства, когда рассмотрение жалоб связано с разрешением спора о праве.

Безусловно, заявление об установлении юридического факта должно отвечать требованиям, предъявляемым к процессуальным документам (ст.109 ГПК Республики Беларусь).

Суд устанавливает факты, имеющие юридическое значение, лишь при невозможности получения заявителем в ином порядке надлежащих документов, удостоверяющих эти факты, либо при невозможности восстановления утраченных документов.

Средством судебной защиты в особом производстве является заявление в суд, содержащее просьбу об установлении факта, имеющего юридическое значе-

ние, или определении статуса гражданина. Такое заявление имеет свой специфический предмет, основание и содержание.

Предметом заявления является соответствующая просьба, адресованная суду, а основанием – обстоятельства, свидетельствующие о наличии факта или иного правового состояния и невозможности его установления во внесудебном порядке. Содержанием заявления является единственно возможный и наиболее элементарный из существующих способов судебной защиты – признание факта или состояния либо статуса гражданина. В связи с этим предмет заявления совпадает с его содержанием, и у заявителя отсутствует право на изменение предмета заявления, кроме случаев ошибки в его определении. Однако заявитель вправе отказаться от своего заявления и таким образом распорядиться своим правом на судебную защиту, изменить или дополнить факты, входящие в основание заявления.

Заинтересованные лица в качестве средства судебной защиты используют возражения против наличия или доказанности факта, а также процессуальные возражения. Среди них имеется специфическое основание для процессуального возражения – наличие спора о праве, подведомственного суду. После оставления заявления без рассмотрения реализация права на установление факта, имеющего юридическое значение, возможна лишь в исковом производстве, где его наличие или отсутствие будет являться одним из оснований иска заявителя или заинтересованного лица.

Заявление по делам об установлении фактов, имеющих юридическое значение, подаются в суд по месту жительства заявителя, за исключением заявления об установлении факта владения строением на праве собственности, которое подается в суд по месту нахождения строения.

В заявлении должно быть указано, для какой цели заявителю необходимо установить данный факт, а также должны быть приведены доказательства, подтверждающие невозможность получения заявителем надлежащих документов либо невозможность восстановления утраченных документов.

Решение суда об установлении факта, подлежащего регистрации в органах записи актов гражданского состояния или оформлению в других органах, служит основанием для такой регистрации или оформления, не заменяя собой документов, выдаваемых этими органами.

Подытожим, что под фактами, что имеют юридическое значение, понимают действия и события, которые соответственно закону тянут за собой наступление определенных правовых последствий.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАЩИТЫ ЖЕНЩИН ОТ СЕМЕЙНО-БЫТОВОГО НАСИЛИЯ

Е.А. Шантырева
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Законодательство Республики Беларусь, ориентируясь на международные стандарты в области правового статуса человека, создает новые механизмы для защиты прав потерпевших, однако многие проблемы остаются нерешенными.

Насилие имеет негативную тенденцию к распространению и проникает в самые сокровенные уголки человеческого общества. Наиболее остро агрессия и жестокость проявляются в семье, которая по определению изначально, казалось бы, лишена криминогенности, где люди должны получать поддержку, любовь и заботу. Участники Первого Европейского криминологического конгресса (Лозанка, сентябрь 2001 года) поставили проблему семейно-бытового насилия в один

ряд с организованной преступностью, наркоманией и терроризмом. Насильственные посягательства в семейно-бытовой сфере представляют реальную и потенциальную опасность для социального здоровья семьи, общества и подрастающего поколения. Однако, несмотря на масштабы и социальную опасность внутрисемейного насилия, складывается парадоксальная ситуация: с одной стороны, общество и государство признают обозначенную проблему глобальной и требующей немедленного реагирования, с другой – государство предпринимает лишь робкие шаги в этом направлении, предпочитая не вмешиваться в семейную сферу, а реальные меры по противодействию насилию в семье остаются лишь предметом научных дискуссий. Ситуация становится наиболее острой, когда речь идет о защите от семейно-бытового насилия женщин, которые по своим психоэмоциональным и физиологическим особенностям в наибольшей степени подвержены насильственным преступным посягательствам.

Проблема защиты женщин от семейно-бытового насилия существовала всегда.

У женщин, подвергавшихся насилию в течение длительного времени, вырабатывается своеобразный «синдром избиваемой женщины», в результате которого она ощущает себя целиком беспомощной, зависимой от своего мучителя, порой оправдывая его поступки. За рубежом женщина может уйти от обидчика, но у нас она вынуждена возвращаться, поскольку общество не в состоянии обеспечить ей возможность выбора, безопасность и независимость или, напротив, оставить ненавистное ей жилье, дабы не находиться под одной крышей с домашним агрессором. Проблема бездомности женщин, подвергшихся семейно-бытовому насилию, является весьма актуальной, требующей тщательного исследования.

Одной из причин бездомности женщин являются семейные конфликты, насилие в семье, из-за которых некоторые вынуждены покинуть дом бездомные женщины – это специфическая категория, со своими проблемами и потребностями, требующая к себе особого подхода. Социальная работа с бездомными в нашей стране коренным образом отличается от социальной работы в высокоразвитых зарубежных странах. Вряд ли нужно говорить, что насилие в отношении женщин может привести к серьезным последствиям. Оно причиняет вред как физическому, так и психическому здоровью, чревато суицидальными настроениями. Насилие и жесткое обращение повышают риск развития депрессии, посттравматического стресса, вызывают физиологические расстройства, приводят к эмоциональному истощению, злоупотреблению алкоголем, с целью разрядки длительного эмоционального напряжения. Женская бездомность характеризуется повышенной деликатной виктимностью, которая имеет свою специфику – женщины значительно чаще мужчин становятся жертвами посягательств против половой неприкосновенности.

Таким образом, существует объективная необходимость в социальной, медицинской, психологической реабилитации женщин – жертв домашнего насилия, находящихся в группе риска в отношении бездомности, и бездомных женщин, пострадавших от насилия; необходимо разработать комплекс мер по профилактике семейного неблагополучия, помочь им найти свое место в обществе и вернуться к полноценной жизни.

Основные профилактические меры по предотвращению бездомности женщин, пострадавших от семейно-бытового насилия должны заключаться в предоставлении правовой и справочной информации о разных формах домашнего насилия, средствах защиты об учреждениях, оказывающих ту или иную помощь жертвам насилия в семье, в профессиональной подготовке в данной сфере сотрудников правоохранительных органов на всех уровнях, юристов и судей, специалистов сферы здравоохранения и социальных работников.

ТРИ УРОВНЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.А. Шафалович

Минск, УО «Белорусский государственный экономический университет»

Глобализационно-интеграционные процессы непременно затрагивают все уровни правовых систем. Традиционно выделяют следующие уровни: глобальный, наднациональный, национальный, представленный государством. Нам остается добавить субнациональный уровень, чей потенциал на постсоветском пространстве до настоящего недооценен и слабо задействован даже в рамках отдельного государства.

Характерной чертой интеграции на постсоветском пространстве является то, что именно государство выступает главнейшим проводником интеграционных инициатив, а не иные субъекты, в том числе транснациональные корпорации. Именно государственная инициатива отражает характер организационных структур в данном регионе.

Так, на территории СНГ имеется довольно значимое число интеграционных организационных структур, среди которых Содружество Независимых Государств, Союзное государство России и Беларуси, Евразийское Экономическое сообщество, ГУУАМ, Организация «Центрально-Азиатское сотрудничество», Единое Экономическое Пространство России, Беларуси, Украины и Казахстана. Но даже при множественности организационных интеграционных структур прослеживается некое их единообразие по причине длительного поиска государствами правовых форм интеграции, соответствующих интересам всех участников договоренностей. Видимо, руководство постсоветских государств одобрительно относится ко множественности интеграционных форм, поскольку большинство постсоветских государств участвуют в нескольких организационных структурах интеграции, помимо самого Содружества независимых государств. Между тем, немногочисленные научные исследования, например, В.А. Троицкий в своей кандидатской диссертации «Правовые аспекты интеграции в рамках ЕврАзЭС и Единого Экономического Пространства Беларуси, Казахстана, России и Украины» оценивают этот факт как деструктивный.

Среди негативных моментов интеграции им называются: дублирование структур интеграции; многочисленные правовые и организационные проблемы, связанные со множественностью структур интеграции; преобладание в интеграционных структурах на постсоветском пространстве единообразных основных целей деятельности и задач организаций по интеграции государств-участников СНГ, структур органов, порядка их формирования и принятия решений; неудовлетворительно низкие темпы интеграционного процесса на постсоветском пространстве как следствие деструктивного влияния множественности интеграционных структур и свидетельство не высокой эффективности поиска государствами взаимоприемлемой правовой модели международной интеграции; коллизии и несоблюдение государствами договоров и соглашений, регулирующих вопросы региональной и субрегиональной интеграции. Последний момент, по нашему мнению, явственно указывает на недооценку со стороны государств места региональных и субрегиональных субъектов в этом процессе, да и в рамках национальных государств. Местное управление и самоуправление, несмотря на попытки вдохнуть в него новую жизнь, не занимает должного места в правопорядке и не оценивается как способное к эффективному решению местных вопросов ни со стороны власти, ни со стороны населения.

Пока интеграционные модели на постсоветском пространстве активно действуют лишь национальный уровень и укрепляют наднациональный, призванный представлять регион на глобальном уровне. Между тем, как известно, государство в эпоху глобализации утрачивает ведущие позиции. В эпоху глобализации (читай эпоху глобальных проблем) оно должно сосредоточить внимание на вопросах, связанных с выживанием и развитием человечества как вида – преступность, экология, изменение климата, эпидемии, бедность, информационная безопасность, инновационная деятельность, макроэкономика.

Это обстоятельство обуславливает необходимость в сбалансированности полномочий наднациональных образований адекватным усилением позиций на нижнем уровне правовых систем. Вследствие этого правопорядок на постсоветском пространстве с централизованным правовым регулированием, ранее определяемый суверенными государствами, переходит со среднего уровня (государств-наций) на верхний, наднациональный и нижний, поднациональный уровень (т.н. «мировая деревня», где командуют региональные и локальные органы, в том числе и самоуправление). В эпоху глобализации многократно возрастает влияние локальных и транснациональных инициативных групп населения на решение всевозможных вопросов местного значения – от строительства дорог до блокирования решений вышестоящих органов. В плане правового регулирования региональное право уравнивается демонополизацией источников права. Акцент от максимального правового урегулирования смещается к защите правоотношений.

В плане внутригосударственного правового регулирования это видится как пересмотр законодательства о местном управлении и самоуправлении в сторону реального увеличения самостоятельности соответствующих органов и раскрепощении местной инициативы, а соответственно и ответственности, в первую очередь, социальной перспективной ответственности не перед вышестоящими органами, а перед местным населением. Это значит больший социальный контроль за властью, сближение власти и гражданина, участие последнего в управлении на локальном и местном уровне. Существенным для реального укрепления нижнего уровня интеграции, представляется, укрепление финансовой базы местного самоуправления путем совершенствования налогового и бюджетного законодательства и путем повышения уровня собственных доходов.

Европейская модель интеграции активно задействовала субнациональный уровень правовых систем. Казалось бы, это обеспечит реальную возможность усовершенствовать национальное законодательство в соответствии с лучшей мировой и европейской практикой. Однако прямое копирование европейского опыта интеграции не возможно по многим очевидным и неочевидным причинам. Среди последних называются и социально-политический и экономический контекст интеграции на постсоветском пространстве, и разница в принципах интеграции. Имеется в виду, использование синхронной поэтапной модели интеграции в ЕС и модели асимметричной (разноуровневой и разноскоростной) интеграции, согласно Соглашению о формировании ЕЭП России, Беларуси, Украины и Казахстана, которая косвенно просматривалась в основных нормативных договорах интеграционной направленности СНГ между отдельными государствами при юридическом оформлении поэтапной модели интеграции по типу ЕС.

Имеются расхождения в оценке возможности реализации указанного принципа асимметричной интеграции постсоветских государств: одни полагают, что факт множественности интеграционных формирований на территории СНГ, равно как и право участия в подобных образованиях не формирует правовой модели

разноуровневой и разноскоростной интеграции, поскольку является проявлением общей правосубъектности государств. Между тем, правовая модель асимметричной интеграции, оформленная Соглашением о формировании ЕЭП, другими оценивается как эффективная и соответствующая специфике интеграционного процесса на постсоветском пространстве.

Таким образом, новый импульс интеграции способны придать субъекты субнационального уровня правовой системы, до сегодняшнего дня недооцененные в интеграционных моделях на постсоветском пространстве. Для развития этого звена интеграционных процессов необходимо создать самоуправляемую систему с четкими структурой, кругом обязанностей и финансовых ресурсов для осуществления своих полномочий.

ПООЩРЕНИЕ КАК СПОСОБ СТИМУЛИРОВАНИЯ ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ КОРРУПЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Л.О. Шерайзина

Брест, УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

Поощрение, так же как и наказание, является способом стимулирования правомерного поведения и предупреждения коррупции. В Сингапуре и Гонконге одновременно со значительным повышением жалования государственных служащих по сравнению с зарплатами частного сектора, проводилась также политика ротации чиновников. Чиновникам, отказавшимся принять взятку, выдавали награду.

Однако, анализируя законодательство Республики Беларусь о поощрениях работников государственных органов, можно сделать вывод об отсутствии четких оснований и порядка награждения (поощрения).

Так, в ст.49 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 года №204-З «О государственной службе в Республике Беларусь» определено, что «Государственные служащие поощряются за успешное и добросовестное исполнение служебных обязанностей, продолжительную и безупречную государственную службу, выполнение заданий особой важности и сложности, другие достижения в труде».

В данном положении можно выделить следующие основания для поощрения:

- успешное и добросовестное исполнение государственными служащими своих должностных обязанностей;
- продолжительная и безупречная служба;
- выполнение заданий особой важности;
- выполнение заданий особой сложности.

Все основания сформулированы с использованием оценочных понятий. Следовательно, во всех случаях принятие решения о поощрении поставлено в зависимость от усмотрения лица, наделенного правом поощрения. Таким образом, существуют условия для коррупции.

Нельзя не согласиться с мнением профессора кафедры уголовного права и проблем преступности в финансовой сфере Академии налоговой полиции ФСНП РФ, кандидата юридических наук, доцента Григорьева В.А., что изучение процессов, происходящих в нашем обществе, позволяет сделать вывод о том, что, как никогда ранее, сегодня назрел вопрос о необходимости совершенствования законодательства, регламентирующего основания и порядок награждения физических и юридических лиц от имени государства, государственных органов и должностных лиц. Это позволит существенным образом повлиять на сокращение фактов коррупции в сфере поощрительной деятельности вообще и наградной в частности.

По мнению Сорокина П.А., основанием для поощрения является услуга (заслуга). В качестве таковой он считал деяние, которое не обязательно для лица, его совершившего, и не навязано ему, а лишь рекомендовано с обещанием награды или привилегии за его выполнение.

С учетом указанного подхода можно сформулировать признаки деяния. Заслуга – это деяние в форме действия или бездействия, которое является общественно полезным, правомерным, сознательным, поощряемым.

Общественно полезным следует признавать деяние, совершенное в интересах другого лица, государства или общества, которыми оно воспринимается как услуга. Заслуги признаются правомерными, когда они не входят в круг юридических обязанностей субъекта, а лишь рекомендуются ему правовыми нормами для совершения. Сознательными считаются тогда, когда лицо, совершившее деяние, осознает, что первое совершается в пользу другого лица, государства или общества и является желаемым для них. Поощряемым признается деяние, за совершение которого законом предусмотрено поощрение лица, его совершившего.

Анализ ст.49 Закона Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь» не позволяет их признать поощрением. В частности, государственный служащий обязан добросовестно исполнять должностные обязанности. Ожегов С.И. разъясняет в словаре понятие «добросовестно» как синоним «безупречно».

Следовательно, успешное и добросовестное исполнение государственными служащими своих должностных обязанностей, а также продолжительная и безупречная служба не могут быть основаниями для поощрения, поскольку заслугами они не являются, так как входят в круг обязанностей государственного служащего.

Выполнение заданий особой важности или особой сложности в тех случаях, когда выполнение таких заданий входит в круг обязанностей государственного служащего, также не могут считаться заслугой. Совершение указанных деяний может рассматриваться в качестве заслуги лишь тогда, когда указанные деяния, не являющиеся обязанностью, будут успешно и на законном основании выполнены государственным служащим, по просьбе других лиц.

Описанные дефекты оснований для поощрения государственных служащих свойственны подавляющему большинству оснований для поощрения, которые закреплены в законодательстве Республики Беларусь.

Авторитет государства и значимость поощрений подрываются в случаях, когда государственного служащего награждают орденом, а затем освобождают от занимаемой должности как не справившегося с исполнением своих обязанностей. Вызывает недоумение и то, что за период, в течение которого министерство или ведомство подвергалось критике со стороны руководства государства за недостатки, руководитель этого министерства или ведомства регулярно получает очередные звания и классные чины, государственные награды, которые предполагают получение награжденным выгод и привилегий.

Таким образом, необходимо законодательное закрепление оснований и порядка поощрения (лишения поощрений) лиц за заслуги перед обществом. Так, в целях совершенствования законодательства о борьбе с коррупцией необходимо внести изменения в ст.49 «Поощрение государственных служащих» Закона Республики Беларусь «О государственной службе в Республике Беларусь», а также другие нормативные правовые акты, регламентирующие основания и порядок поощрения: «За выполнение особо срочной работы (задания), освоение новых методов и средств, а также другие достижения, которые не предусмотрены непосредственно служебными обязанностями, государственные служащие поощряются

объявлением благодарности; единовременным денежным вознаграждением; награждением ценным подарком; досрочным присвоением очередного класса государственного служащего по занимаемой должности».

Разработать систему поощрений для лиц, добровольно заявивших о факте коррупционного правонарушения. Статью 23 «Гарантии физическим лицам, способствующим выявлению коррупции» Закона Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» дополнить положением: «Лицам, осуществляющим содействие по борьбе с коррупцией, чье поведение и образ жизни не совместимы с профессиональным долгом, может быть предусмотрена оплата в виде разового вознаграждения».

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОБЛАСТИ ПРАВОВОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

И.А. Шинкарев

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Человечество вступило в 21 век на волне небывалых по своему размаху перемен. Последствия глобализации коснулись всех сторон жизни современного общества, а также международных отношений. Одним из наиболее заметных проявлений этих изменений стало коренное изменение окружающей среды, социальные конфликты, войны, столкновения на религиозной почве, терроризм и т.д. Человечество на рубеже веков оказалось в ситуации выбора новых целей своего дальнейшего развития и способов преодоления возникающих противоречий. На первый план обособованно выдвигаются общечеловеческие ценности, демократия, права и свободы личности. Ее безопасность превратилась в важнейшую общенациональную задачу.

В соответствии с Конституцией Республики Беларусь человек, его права и свободы являются высшей ценностью государства.

Признание, соблюдение и защита прав и свобод гражданина и человека – обязанность государства. Особая роль здесь отводится безопасности личности, так как она является тем показателем, который позволяет судить о безопасности государства и всего общества в целом.

В связи с этим обозначенная проблема становится весьма актуальной в настоящее время. Направленность научного интереса связана с теоретико-методическим осмыслением современных основ безопасности человека, источников и предпосылок ее осуществления. Безопасность личности рассматривается уже как необходимое условие безопасного и устойчивого развития всей социальной системы Беларуси.

Современными учеными проводятся также теоретико-прикладные исследования важнейших составных частей проблемы безопасности, таких как экономическая, политическая, военная, техногенная, экологическая, социальная и т.д. в плоскости – личность, общество, государство. Предпринимаются попытки исследования всего комплекса вопросов национальной безопасности, считающихся приоритетными в любом цивилизованном обществе.

Проблема правовой безопасности личности еще не была предметом отдельного исследования белорусских ученых-юристов, и этим, на наш взгляд, определяется актуальность подобного исследования.

Правовая безопасность личности как юридический институт представляет собой сложное системное явление.

С одной стороны она один из видов безопасности личности в целом. С другой – правовая безопасность включает в себя правовое обеспечение различных

видов безопасности личности, таких как экологическая, экономическая, политическая безопасность и т.д.

Основным способом обеспечения правовой безопасности личности является не только качественное правотворчество, но и эффективное правоприменение.

Обеспечение безопасности личности, как, впрочем, и безопасность общества и государства, является процессом непрерывным, требующим постоянного мониторинга ситуации, научного осмысления путей обеспечения безопасности в реально сложившейся ситуации.

Особую опасность для человека на современном этапе представляет терроризм. Волна террористических актов в последнее время захлестнула Россию, коснулось это явление и Беларусь. Как следствие, невообразимые человеческие жертвы, разрушения, чувство страха и тревожного ожидания стали реалиями сегодняшнего дня.

Разрешение проблем безопасности личности обусловлено, в первую очередь, необходимостью ее правового обеспечения. Анализ законодательства в этой сфере показывает, что сегодня возрастает актуальность разработки и принятия нормативно-правовых актов, в которых необходимо четко обозначить базовые юридические понятия, определить правовой статус всех субъектов отношений в сфере обеспечения безопасности, установить четкий порядок защиты личности, общества и государства, предусмотреть меру ответственности за несоблюдение или ненадлежащее соблюдение действующего законодательства в сфере обеспечения безопасности.

Правовая безопасность личности становится одним из приоритетов в политике белорусского государства.

Все изложенное по нашему времени и обуславливает необходимость проведения исследования в области правовой безопасности личности.

ВСЕМИРНАЯ ТОРГОВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

*И.И. Шматков, С.А. Рябцев
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Всемирная торговая организация (ВТО) – международная организация, которая была создана в январе 1995 года для либерализации международной торговли, регулирования торгово-политических отношений государств-членов, повышения благосостояния людей и обеспечения экономического роста в целом. Штаб-квартира ВТО находится в Женеве (Швейцария). Фактически Всемирная торговая организация является преемницей Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ), которое было заключено еще в 1947 году, и на протяжении всего этого времени способствовало восстановлению мировой экономики после Второй мировой войны. Всемирная торговая организация, конечно же, не другая организация по сравнению с ГАТТ, но в то же время речь идет не о простой смене названия. По сравнению с Генеральным соглашением по тарифам и торговле, ВТО расширила круг регулируемых вопросов и намерилась решать более сложные и ответственные задачи.

По состоянию на июль 2008 года членами Всемирной торговой организации являются 153 страны, на долю которых в сумме приходится 97 % мирового торгового оборота. На сегодняшний день количество стран-участниц возросло до 157. Примечательно, что отдельным и самостоятельным членом Всемирной торговой организации является Европейский союз. Членство во Всемирной торговой организации является важнейшим условием интеграции в мировую экономику. Также

членство в ВТО создает благоприятные условия для наращивания своего экспорта, а значит и укрепления экономики в целом. Кроме того, правила, которые были еще при Генеральном соглашении по тарифам и торговле, содержат механизм разрешения торговых конфликтов, а это единственная возможность для защиты от неправомерных действий торговых партнеров. Однако процесс вступления в ВТО достаточно сложен. До подачи заявления страна получает статус наблюдателя, чтобы ознакомиться с правилами этой организации, механизмом ее функционирования. Затем подается заявление, которое рассматривается членами организации. В случае положительного решения формируется рабочая группа, которая занимается обеспечением всех переговоров. Сами переговоры о вступлении условно можно разбить на две стадии. Первая – это изучение экономического механизма вступающей страны (особенно ее внешнеторгового режима). Все эти сведения содержатся в Меморандуме о внешнеторговом режиме. На второй стадии обсуждаются конкретные условия присоединения. По итогам заседаний рабочей группы делается доклад, а также составляется проект протокола по присоединению страны, который содержит основные условия ее вступления. После того как протокол и доклад одобрены высшим органом организации, страна становится полноправным членом этой организации.

В данный момент Республика Беларусь ведет переговоры по присоединению ко Всемирной торговой организации сразу по 4-м направлениям. В связи с приведением законодательства в соответствие с многосторонними соглашениями ВТО, в связи с доступом на рынок товаров, доступом на рынок услуг, а также в связи с условиями государственной поддержки сельского хозяйства. Рассмотрение вопросов о соответствии национального законодательства системным правилам ВТО осуществляется в ходе многосторонних заседаний Рабочей группы ВТО по присоединению Республики Беларусь. По результатам заседания Рабочей группы страны-члены ВТО могут принять решение о переходе к очередному этапу переговоров исходя из достигнутых результатов по приведению национального законодательства присоединяющейся страны в соответствие с системными правилами ВТО. В состав Рабочей группы по присоединению Беларуси к ВТО входит 38 стран-членов ВТО. Республика Беларусь в 2005-2010 годах представила на рассмотрение странам-членам ВТО более 15 информационных документов, подтверждающих соответствие национального законодательства требованиям ВТО (в т.ч. информацию об изменениях в экономическом и внешнеторговом законодательстве Республики Беларусь, информацию по вопросам таможенного администрирования, сельского хозяйства, обновленную редакцию Сводного отчета и др.). 9 июня 2009 года в ходе заседания Межгоссовета ЕврАзЭС (Высшего органа Таможенного союза) главами правительств «тройки» ЕврАзЭС было согласовано и принято решение о вступлении во Всемирную торговую организацию единой таможенной территорией. В июне 2011 года странам-членам ВТО направлен обновленный План нормотворческих работ по приведению национального законодательства Республики Беларусь в соответствие с правилами и принципами ВТО. На заседаниях Комиссии Таможенного союза 12 августа, 25 сентября и 11 декабря 2009 года был рассмотрен вопрос об организации переговорного процесса по присоединению стран-участниц Таможенного союза к ВТО. 19 мая 2011 года подписан Договор о функционировании Таможенного союза в рамках многосторонней торговой системы. Договор ратифицирован государствами-членами Таможенного союза (в Республике Беларусь – Законом Республики Беларусь от 11 ноября 2011 года №310-З). С учетом положений Договора в ходе дальнейших переговоров по присоединению Республики Беларусь будут учитываться обязательства Россий-

ской Федерации перед ВТО. Переговоры по доступу на рынки товаров и услуг проводятся на двусторонней основе с заинтересованными странами-членами Рабочей группы. В ходе переговоров по доступу на рынок товаров согласовываются максимальные ставки таможенного тарифа, которые присоединяющаяся страна не сможет превышать после вступления в ВТО. Переговоры по доступу на рынок услуг проводятся с целью определить максимальные уровни ограничений по доступу на рынок и изъятий из национального режима для иностранных услуг и поставщиков услуг, которые нельзя будет превышать после вступления в ВТО.

Работа Всемирной торговой организации основывается на принципе равных прав, это значит, что все члены ВТО обязаны предоставлять всем другим членам режим наибольшего благоприятствования в торговле (НБТ). Режим НБТ означает, что преференции, предоставленные одному из членов ВТО, автоматически распространяются и на всех остальных членов организации. Еще одним немаловажным принципом является принцип взаимности, это значит, что все уступки в ослаблении двусторонних торговых ограничений должны быть взаимными. И последним принципом, на котором базируется работа Всемирной торговой организации, является принцип прозрачности. Суть этого принципа в том, что все члены Всемирной торговой организации должны полностью публиковать свои торговые правила и иметь органы, отвечающие за предоставление информации другим членам ВТО. Помимо всех этих принципов, можно выделить еще множество других, таких как принцип защиты национальной промышленности, принцип создания устойчивой основы торговли, принцип содействия справедливой конкуренции, принцип региональных торговых договоренностей и др.

Высшим органом Всемирной торговой организации является Министерская Конференция ВТО, которая собирается не реже, чем один раз в два года. За все время существования Всемирной торговой организации было проведено шесть таких конференций, на которых очень часто высказывались активные протесты со стороны противников глобализации. В подчинении Генерального Совета состоит специальная комиссия по торговой политике стран-участниц, призванная следить за выполнением ими своих обязательств в рамках ВТО. Кроме общих исполнительных функций, Генеральный Совет руководит ещё несколькими комиссиями, созданными на основании заключенных в рамках ВТО соглашений. Одними из самых важных из них являются Совет по товарной торговле (еще его называют Совет-ГАТТ), Совет по торговле услугами и Совет по вопросам торговых аспектов прав интеллектуальной собственности. Кроме того, в подчинении Генерального Совета состоит множество других комитетов и рабочих групп, призванных снабжать высшие органы ВТО информацией о развивающихся странах, бюджетной политике, финансово-бюджетных вопросах и т.д. Во главе всей организации стоит Генеральный Директор с соответствующим подчиненным ему секретариатом.

ПРОФИЛАКТИКА ПРАВОНАРУШЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИКОВ

*Э.Ю. Шхамирова
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров с каждым годом приобретает все более значительные масштабы. Увеличение числа больных наркоманией закономерно влечет за собой рост совершенных преступлений, связанных с наркотиками, а, следовательно, преступных доходов. Гигантские прибыли от торговли наркотиками (10% от мировой

торговли) порождают заинтересованность организаторов и исполнителей преступлений в постоянном совершенствовании механизма преступной деятельности, особенно связанной с распространением наркотиков.

Наркомания – тяжелая и трудно излечимая болезнь, развивающаяся в процессе употребления наркотических препаратов, основным признаком которой является пристрастие к какому-либо химическому веществу, вызывающему приятное психическое состояние «эйфорию» или измененное восприятие реальности.

Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, а также сильнодействующих и ядовитых веществ способствует распространению наркомании как общественно опасного явления, которое влечет вредные последствия для здоровья граждан и оказывает влияние на рост преступности.

Социальные последствия распространения наркомании и наркобизнеса выражаются:

- в угрозе здоровью личности;
- в ущербе безопасности личности. Наркомания порождает и стимулирует общеуголовную и организованную преступность. В состоянии наркотического опьянения человек способен совершить преступное деяние, на которое он не решился бы в другое время;
- в ущербе экономике. Это заключается, в первую очередь, в последствиях утраты наркоманом способностей производительно трудиться, увеличением вызванных употреблением наркотиков расходов на здравоохранение, социальное обеспечение и борьбу с наркопреступностью;
- в ущербе общественной безопасности. Это определяется масштабностью деятельности наркомафии, ее сращиванием с уже все имеющимися крупными организованными преступными группировками, получающими от наркобизнеса значительные доходы, а, следовательно, и возможности в проведении своей противоправной деятельности.

Законодательство Республики Беларусь о наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах состоит из Закона «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах» от 22.05.2002 года №102-3 и иных нормативных правовых актов, регулирующих общественные отношения в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров и в области противодействия их незаконному обороту.

Однако, несмотря на принимаемые меры, ситуация в сфере наркоконтроля в республике остается сложной. Наркобизнес, в силу его природы, является одним из самых прибыльных статей дохода в криминальном мире и самые продуманные планы по его противодействию не в полной мере достигают поставленных целей.

Весьма серьезные меры ответственности за целый ряд деяний с наркотическими средствами предусмотрены в белорусском уголовном законодательстве (ст.ст.327-332 УК). В основной своей массе совершение таких преступлений карается значительными сроками лишения свободы и зачастую влечет конфискацию имущества.

В законодательстве Российской Федерации административная ответственность за правонарушения совершенные в данной сфере предусматривает более широкие меры ответственности, чем в Республике Беларусь.

Административная ответственность в указанной сфере является важной мерой противодействия незаконному обороту наркотиков, профилактики правонарушений. В связи с этим, исследование проблемных вопросов правового регулирования административной ответственности за правонарушения в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ является актуальным и своевременным в целях повышения эффективности противодействия наркоугрозе.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАСТОРЖЕНИЯ БРАКА

А.В. Юзефальчик

Могилев, УО «Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова»

В современных условиях значение семьи как общественно значимого института приобретает огромную роль. Как известно, семья, являясь естественной и основной ячейкой общества, находится под защитой государства. Именно в семье закладываются основы нравственности, духовности и терпимости, формируются социальные качества гражданина. Однако в настоящее время приходится констатировать увеличение количества расторжения брака в современном обществе. В силу этого у супругов возникают проблемные вопросы, связанные с прекращением брака.

Расторжение брака в Республике Беларусь согласно ст.36 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) производится судом в порядке искового производства. Законодателем предусмотрено два порядка расторжения брака: общий и особый, отличающийся от общего отсутствием необходимости предоставления срока на примирение.

В общем порядке при отсутствии оснований для отказа в возбуждении дела по исковому заявлению о расторжении брака судья, согласно ст.244 Гражданско-процессуального Кодекса Республики Беларусь (далее – ГПК) и ст.36 КоБС, в 3-дневный срок со дня поступления в суд всех необходимых документов выносит определение о возбуждении гражданского дела и предоставлении супругам 3-месячного срока для принятия мер к примирению, а также для достижения соглашения о несовершеннолетних детях и имуществе. Этот срок, предоставляемый судом супругам для принятия мер к примирению, преследует цель сохранения семьи, а если это невозможно, обеспечивает супругам достаточный срок для решения имущественных вопросов и определения судьбы несовершеннолетних детей.

Дела о расторжении брака, подлежащие в настоящее время судебному рассмотрению в особом порядке, по ранее действовавшему законодательству относились к категории разводов, входящих в компетенцию органов загса. Особенностью рассмотрения этих дел в судебном порядке сейчас является возможность расторжения брака без предварительного предоставления супругам срока на примирение. Согласно ст.37 КоБС без предоставления срока на примирение брак расторгается по заявлению одного из супругов, если другой супруг: признан в установленном законом порядке безвестно отсутствующим; признан в установленном законом порядке недееспособным вследствие душевной болезни или слабоумия; осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок не менее трех лет.

По истечении трехмесячного срока брак расторгается, если судом будет установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи стали невозможными. Отсюда можно сделать вывод о том, что суд не лишен права отказать в удовлетворении иска о расторжении брака, если придет к выводу, что семья может быть сохранена, а разлад в отношениях носит временный характер.

Следует отметить, что, несмотря на их значительное количество, место дел, связанных с расторжением брака, в процессуальной науке является до сих пор не совсем определенным. В научных работах высказывается точка зрения о необходимости признания расторжения брака специальным производством в гражданском процессе. В качестве основного довода отнесения дел о расторжении брака к особому производству выдвигается мнение о том, что право на расторжение брака не может быть нарушенным или оспоренным правом супруга.

До сегодняшнего дня продолжает оставаться дискуссионным вопрос о характере и виде иска о расторжении брака. Так, одни ученые считают, что иск о расторжении брака являются только исками о признании или исками установительными. Основанием такого иска служат обстоятельства, свидетельствующие о том, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи стали невозможными и произошел распад семьи. Задачи суда сводятся к установлению именно этих фактов и к применению нормы права, регулирующей именно это правоотношение.

Другие ученые считают, иски о расторжении брака не являются исками о присуждении и признании. Это аргументируется тем, что спору по поводу нарушенного права соответствует иск о присуждении; при оспаривании права, когда не ясны права и обязанности, предъявляется иск о признании. Цель таких исков – защита права, цель искового производства – разрешение спора. Обращаясь с иском в суд, супруг (супруги) стремятся достигнуть состояния расторгнутости брака, а не разрешить спор о праве, т.к. такого спора нет.

Наряду с дискуссией о характере и виде иска многие теоретики и практики склоняются к выводу о том, что производство по делу о расторжении брака между супругами, имеющими общих несовершеннолетних детей, не может быть исковым. Специалистами по семейному праву и гражданскому процессу неоднократно отмечалось, что основной признак искового производства – наличие спора о праве гражданском в делах о расторжении брака отсутствует. Рассмотрение требования о расторжении брака нельзя отнести и к другим видам судопроизводства. В нем участники не находятся в отношении власти и подчинения, как в делах, возникающих из публичных правоотношений, не подпадают данные дела и под категорию особого производства.

Для предъявления иска о расторжении брака и для принятия искового заявления достаточно таких предпосылок права на предъявление иска, как наличие процессуальной правоспособности истца, а также подведомственности дела суду. Что касается процессуальной правоспособности, то поскольку согласно закону все граждане правоспособны с момента рождения, практически вопрос о данной предпосылке по этим делам не возникает.

Таким образом, эффективность судебной защиты гражданских прав в значительной степени зависит от соответствия процессуального права особенностям материального права и задачам его принудительной реализации. В настоящее время необходимо определить оптимальность размещения специальных процессуальных норм, регулирующих особенности разбирательства дел о расторжении брака в ГПК. Мнения ученых по данному вопросу разделились. Многие из них выступают за сохранение сложившейся традиции не включать в ГПК всего комплекса специальных норм, применяющихся в гражданском судопроизводстве, включая нормы об особенностях процессуального порядка рассмотрения дел о расторжении брака. Объясняется это, прежде всего тем, что нормы ГПК обслуживают большое количество материально-правовых отраслей. Поскольку материальное право постоянно обновляется, такому непрерывному процессу подвержены также специальные процессуальные нормы, устанавливающие специфику судебной защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов. Все это отрицательно повлияет на стабильность норм ГПК, куда постоянно пришлось бы вносить изменения или дополнения. Другой довод, используемый противниками включения специальных процессуальных норм, заключается в том, что многие из этих специальных норм неразрывно связаны с нормами материального (в нашем случае – семейного) права по своему содержанию.

Однако при реформировании гражданского судопроизводства в странах СНГ Межпарламентская ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств приступила к разработке модельного Кодекса гражданского судопроизводства для стран СНГ, где предлагается раздел, посвященный особенностям производств по отдельным категориям дел, включая дела о брачно-семейных отношениях, с учетом специфики предмета обращений, особенностей подготовки и процедуры доказывания.

Безусловно, процессуальные вопросы, связанные с расторжением брака, нуждаются в дальнейшей модернизации в целях максимальной защиты прав супругов. Но при этом стоит учитывать особую специфику категории дел, связанной с расторжением брака. Данная специфика будет влиять как на стадийность производства по делам о расторжении брака, так и на другие особенности гражданско-процессуальной формы рассмотрения и разрешения указанной категории дел.

ПРОБЛЕМЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЯ В ТАМОЖЕННОЙ СФЕРЕ

Ж.А. Яковук

Брест, УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина»

В связи с бурным развитием интеграционных процессов в рамках ЕвроАзЭС национально законодательство государств-членов Таможенного Союза существенно меняется и поэтапно проходит процессы гармонизации и унификации, что должно позволить перейти к единому правовому регулированию вопросов перемещения товаров и транспортных средств через таможенную границу.

Из норм Таможенного кодекса Таможенного Союза следует, что таможенные органы государств-членов Таможенного Союза ведут административный процесс (осуществляют производство по делам об административных правонарушениях и привлекают лиц к административной ответственности в соответствии с законодательством государств-членов Таможенного Союза).

Таким образом, в настоящее время вопросы, связанные с нарушением таможенных правил, решаются на уровне национального законодательства государств-членов Таможенного Союза. При этом следует отметить, что после вступления в силу Таможенного кодекса Таможенного Союза 6 июля 2010 года никаких существенных изменений в административно-деликтное законодательство внесено не было. Таким образом, административная ответственность за нарушение правил перемещения товаров и транспортных средств не приведена в соответствие с Таможенным кодексом Таможенного Союза.

В частности, в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях установлена ответственность за использование товаров в нарушение требований и (или) условий таможенного режима (14.6). Данная статья часто применяется на практике таможенными органами. Но Таможенный кодекс Таможенного Союза не содержит понятия «таможенный режим». Таким образом, в случае несоблюдения участниками внешнеэкономической деятельности условий помещения товаров под какую-либо таможенную процедуру, то они не могут быть привлечены к ответственности по ст.14.6 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Отсутствует унификация законодательства об административной ответственности и на уровне национальных законодательств государств-членов Таможенного Союза. Правовые нормы в области ответственности за нарушение таможенных правил в государствах-членах Таможенного Союза имеют серьезные отличия.

Так, например, в Республике Беларусь и Республике Казахстан не установлена ответственность за нарушение сроков временного хранения (ст.16.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) или за предоставление недействительных документов для выпуска товаров до подачи таможенной декларации (ст.16.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях).

Однако в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях существует норма, определяющая ответственность за неуведомление о прибытии товаров на таможенную территорию Республики Беларусь (ст.14.9), хотя в данный момент нельзя определять «таможенную территорию Республики Беларусь», а действует «таможенная территория Таможенного Союза», а в Кодексе республики Казахстан об административных правонарушениях – за неостановку транспортного средства в месте, определенном таможенным органом.

Существенно отличаются и санкции за правонарушения.

Интересно отметить, что в республике Беларусь суд может вынести постановление по делу об административном правонарушении в отношении «неустановленного лица», а в Российской Федерации и Республике Казахстан к ответственности привлекается обязательно лицо – юридическое, должностное или физическое.

Для преодоления различий в национальных правовых системах в области юридической ответственности 5 июля государствами-членами Таможенного Союза были подписаны Договор об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушение таможенного законодательства государств-членов Таможенного Союза и государств-членов Таможенного Союза и Соглашение о правовой помощи и взаимодействии таможенных органов государств-членов Таможенного Союза по уголовным делам и делам об административных правонарушениях, которые в последующем были ратифицированы Республикой Беларусь.

Интересно отметить, что Договором специально установлена норма, согласно которой в случае недоставки товаров или документов на них в место доставки, лицо подлежит административной ответственности по законодательству той страны, таможенными органами которой эти товары выпущены в соответствии с таможенной процедурой таможенного транзита. Далее, Договором также установлено, что лицо, в отношении которого вступило в законную силу решение по делу об административном правонарушении на территории одной стороны, не может привлекаться к административной ответственности другой стороной.

Цель указанных документов – организация взаимодействия между таможенными органами сторон по вопросам, связанным с оказанием правовой помощи по уголовным и административным делам, находящимся в производстве таможенных органов сторон, однако согласованности норм об административной ответственности за таможенные правонарушения, а именно предусматривающих конкретные составы, в данный момент нет.

Таким образом, на наш взгляд, в целях унификации таможенного регулирования в рамках Таможенного Союза необходима разработка документа, устанавливающего конкретные составы административных таможенных правонарушений, с дальнейшей его ратификацией в рамках национального законодательства государств-членов Таможенного Союза.

ОПЫТ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТОРГОВЛЕ ЛЮДЬМИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В.В. Янч

Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерава»

Республика Беларусь как на национальном уровне, так и через взаимодействие с международными организациями, стремится эффективно противостоять одной из важнейших проблем современности – торговле людьми. В публицистической литературе торговлю людьми зачастую называют современной формой рабства. Следы торговли людьми могут быть обнаружены и в экономической сфере, и в принуждении к занятию проституцией, в том числе с вовлечением детей.

Одну из самых больших сложностей в изучении этой проблемы составляет определение ее примерных размеров. Получение достоверной информации о количестве людей, задействованных в торговле «живым товаром», остается затруднительным в связи с латентным характером данной категории преступлений. В целом, исходя из статистики Международной организации по миграции (МОМ), начиная с 2002 года, жертвами торговли людьми зарегистрировано как минимум 2089 граждан Республики Беларусь, из которых 590 человек – мужчины. Более того, за первые девять месяцев 2011 года 55% жертв торговли людьми, зарегистрированных организацией, стали мужчины. Это говорит об относительном увеличении потока трудовых мигрантов, выезжающих из страны. Как правило, страной назначения для них становится Российская Федерация.

Целенаправленные меры по сокращению и предупреждению торговли людьми в Республике Беларусь на государственном уровне принимаются по нескольким основным направлениям: совершенствование национального законодательства; участие в работе международных организаций; развитие структуры специализированных оперативных подразделений; формирование системы учреждений, оказывающих социально-психологическую помощь жертвам торговли людьми.

Говоря о совершенствовании национального законодательства, следует отметить, что в целом в Республике Беларусь сформирована правовая база по противодействию преступности в сфере торговли людьми. Помимо усиления уголовной ответственности, заметно расширен перечень противоправных действий, за которые установлена ответственность не только физических, но и юридических лиц, регламентирован статус жертвы торговли, урегулированы отношения в сфере модельного бизнеса, трудоустройства за границей, рекламной и брачной деятельности.

В историческом плане первым, наиболее системным правовым актом, направленным на противодействие торговле людьми, явилось Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 8 ноября 2001 года №1636, которым была одобрена первая Государственная программа комплексных мер по противодействию торговле людьми и распространению проституции на 2002-2007 годы. Она включала меры социального, медицинского, правового и организационного характера, реализуемые на основе объединения усилий органов государственного управления, общественных объединений и других заинтересованных структур. После этого в стране были приняты еще две государственные программы противодействия торговле людьми, нелегальной миграции и связанным с ними противоправным деяниям на 2008-2010 и 2011-2013 годы.

9 марта 2005 года Президентом Республики Беларусь был подписан Декрет №3 «О некоторых мерах по противодействию торговле людьми». В соответствии с нормами Декрета любые действия, в том числе однократные, направленные на трудоустройство граждан Республики Беларусь за границей, включая посредниче-

ство, должны осуществляться только при наличии специального разрешения (лицензии), выдаваемого Министерством внутренних дел.

4 мая 2005 года был принят Закон Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь по вопросам усиления ответственности за торговлю людьми и иные связанные с ней правонарушения». Кроме того, 8 августа 2005 года Президентом Республики Беларусь был подписан Указ №352 «О предотвращении последствий торговли людьми», регламентирующий статус жертв торговли людьми. Данным документом определяется статус лиц, пострадавших от преступной деятельности, связанной с торговлей людьми, а также правовые и организационные основы обеспечения их надлежащей защиты.

В 2005 и 2008 годах были внесены изменения в Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК), направленные на унификацию национального уголовного законодательства в сфере противодействия торговле людьми с нормами международного права, в частности, с нормами Протокола № 2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее (Палермский протокол), дополняющего Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года. Согласно ч.1 ст.181 УК торговлей людьми признается купля-продажа человека или совершение иных сделок в отношении его, а равно совершенные в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение человека. Следует отметить, что определение торговли людьми как преступления в УК отличается от понятия торговли людьми, которое указано в подпункте «а» ст.3 Палермского Протокола. Термин «торговля людьми» в соответствии с Протоколом означает осуществляемые в целях эксплуатации вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение людей путем угрозы силой или ее применения или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа, в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо. Таким образом, торговля людьми в соответствии с Протоколом, включает в себя и признаки вербовки людей для эксплуатации, ответственность за которую предусматривается статьей 187 УК.

Уголовный кодекс с учетом содержания ч.2 и ч.3 ст.181, а также статьи 181-1, запрещающей использование рабского труда, в достаточной степени обеспечивает необходимую правовую регламентацию противодействия преступлениям в сфере торговли людьми и в основном соответствует международным требованиям. Тем не менее, определение торговли людьми, изложенное в ч.1 ст.181 УК по своему содержанию более узкое, нежели в Палермском протоколе. Оно имеет еще один недостаток – в нем используются гражданско-правовые категории «сделка» и «купля-продажа». И хотя в литературе представлена точка зрения, в соответствии с которой понятия «купля-продажа» и «сделка» используются не для установления соответствия или несоответствия действий лица гражданско-правовым нормам, а исключительно для уяснения характера совершаемых виновными лицами действий, представляется необходимым данные гражданско-правовые категории из ст.181 УК изъять. Предлагаем ч.1 ст.181 УК изложить в следующем виде: «Торговлей людьми признаются противоправные деяния, осуществляемые в целях их эксплуатации либо получения иных выгод, а также сопровождающиеся вербовкой, перевозкой, передачей, укрывательством или получением человека».

ИНТЕГРАЦИЯ И УНИФИКАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ВОПРОСАМ АДВОКАТУРЫ

*Д.С. Ястреб, О.Л. Калина
Витебск, УО «ВГУ им. П.М. Машерова»*

Целью настоящего исследования является анализ сложившейся в Республике Беларусь и Российской Федерации ситуации с практическим осуществлением конституционного права граждан на юридическую помощь, выявление наиболее острых проблем, возникающих в этой сфере, и поиск путей их решения. Для достижения данной цели проведено сопоставление опыта двух государств, что будет способствовать дальнейшей унификации и интеграции законодательства обеих стран.

В соответствии с Концепцией совершенствования законодательства Республики Беларусь сотрудничество нашего государства с международными организациями и межгосударственными образованиями предполагает координацию и сближение национального законодательства, прежде всего, с законодательством Российской Федерации. Однако для того, чтобы сблизить законодательство обеих стран, нужно сначала выявить пробелы законодательства, чтобы избежать нежелательных проблем, в том числе и в области адвокатуры.

Адвокатскую деятельность в Республике Беларусь, а также ее организацию лучше всего рассматривать с учетом опыта устройства адвокатуры в соседних странах. Ближайшей соседкой Республики Беларусь является Российская Федерация, поэтому унификация законодательства поможет четко спрогнозировать перспективы развития института адвокатуры в нашей стране, лучше понять ее место в системе общества и государства, выявить оптимальную форму организационного устройства адвокатуры, а также обеспечить систему мер и рекомендаций по наиболее дискуссионным и актуальным вопросам развития адвокатуры в Республике Беларусь.

Основным отличием от западных стран является тот факт, что в Российской Федерации и Республике Беларусь многие юристы не желают вступать в адвокатское сообщество - профессиональную корпорацию с высоким уровнем контроля, а предпочитают возможность самостоятельного принятия решений в случае возможной ответственности. Зарубежные юристы, наоборот, стремятся вступить в саморегулируемое профессиональное сообщество, членство в котором обеспечит им ряд привилегий.

Вопрос о возможности введения «адвокатской монополии» является широко обсуждаемым не только в Беларуси, где уже принят новый закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности в Республике Беларусь», но и в России, где уже существует двухуровневая структура организаций, осуществляющих адвокатское самоуправление. Необходимость принятия нового закона в Республике Беларусь обусловлена тем, что ранее действовавший закон «Об адвокатуре» являлся наиболее архаичным на постсоветском пространстве и сохранял практически без изменений существовавшую в СССР организацию адвокатуры, при этом предусмотрев лицензирование адвокатской практики, чего никогда не было в Советском Союзе. Адвокатам в Республике Беларусь, по опыту Российской Федерации, теперь предоставлена реальная самостоятельность – и профессиональная, и хозяйственная. Имеется в виду самостоятельный выбор формы деятельности – будь то индивидуальная адвокатская практика или адвокатские бюро.

Однако в научном сообществе Российской Федерации, учреждение такой организационной формы как адвокатская фирма, рассматривается как альтернатива уже существующим организационным формам. Адвокатские образования в России, оказывающие юридические услуги бизнесу, вынуждены иметь два крыла: одно – адвокатское, для официального представительства в судебных инстанциях, второе – хозяйственное, в виде ООО, которое выступает в качестве генератора прибыли и используется в бухгалтерских целях. Если этой фирме будут предоставлены такие же права, которыми обладают ныне действующие консалтинговые фирмы, рынок станет более прозрачным, а значит – менее подверженным коррупции. Возможно, для того чтобы избежать проблем, с которыми столкнулась Российская Федерация, Республике Беларусь стоило бы предусмотреть эту форму организации адвокатуры.

Обращаясь к опыту Российской Федерации, следует акцентировать внимание на более четкой регламентации гарантий безопасности адвокатской деятельности. Статья 18 Закона от 31 мая 2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливает гарантии адвокатской деятельности, во многом повторяющие положения белорусского закона. Кроме того, в ней закреплён ряд важных гарантий, отсутствующих в законодательстве Республики Беларусь. Белорусскому законодателю для установления реальных гарантий адвокатской деятельности следует воспринять имеющийся российский опыт, и дополнить уголовно-процессуальное законодательство и законодательство об адвокатуре рядом организационных и правовых мер, в том числе направленных и на сохранение адвокатской тайны, что является залогом оказания квалифицированной юридической помощи адвокатами.

Так, часть 3 статьи 11 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), развивая эту идею, устанавливает, что при наличии достаточных данных о том, что участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности.

Далее в УПК РФ предусмотрен отдельный раздел, регулирующий особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц. В статье 447 перечисляются категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовным делам. Среди них в пункте 8 данной статьи вместе со следователем указан и адвокат. В соответствии с пунктом 10 статьи 448 УПК РФ решение о возбуждении уголовного дела в отношении следователя, адвоката осуществляется прокурором на основании заключения судьи районного суда или гарнизонного военного суда по месту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Получается, что адвокат рассматривается на уровне должностных лиц государства. Его значимость в процессе отправления правосудия, его предназначение как настоящего «государственника», способного влиять на противоправное проявление воли отдельного представителя государства, требует особой защищённости. Российский законодатель, вводя данную процессуальную гарантию, учёл, что правонарушители, имеющие соответствующие властные рычаги, не только будут защищать сами себя, а поскольку лучший способ обороны – это нападение, будут стремиться устранить адвоката с его пути.

В качестве перспективы развития адвокатуры нужно рассматривать связь белорусской адвокатуры с адвокатскими сообществами Российской Федерации.

Должны организовываться и проводиться совместные конференции, коллоквиумы, встречи адвокатов, осуществляющих свою деятельность на территории разных государств. Ограничение адвокатской деятельности рамками одного государства является ограничением в обеспечении клиенту реальной защиты его прав. Объединение усилий адвокатов данных государств для решения проблемы территориального характера деятельности адвоката будет являться необходимой мерой в деле эффективного осуществления адвокатами своей основной цели – защите прав и интересов своих клиентов.

Для развития адвокатуры и более полного обеспечения защиты прав и свобод граждан наших государств необходимо принять меры к повышению правовой культуры и к росту духовности граждан. В связи с этим предлагается разработать Концепцию духовного возрождения России и Беларуси, совместно или каждого государства в отдельности, и предусмотреть в ней роль и участие адвокатуры и непосредственно адвокатов. Следствием предлагаемых перемен будет являться соблюдение прав граждан со стороны чиновников, уважение к адвокатуре со стороны различных государственных и негосударственных органов и достойное место адвокатуры в обществе.

Для Республики Беларусь, как и для Российской Федерации, в настоящий момент являются нерешенными и такие актуальные проблемы как введение обязательной специализации по виду деятельности: уголовной, гражданской, административной и международной (с введением экзамена на знание языка для осуществления квалифицированного представительства в международных организациях, в том числе и международном суде), создание бюджетных адвокатур для обеспечения квалифицированной юридической помощи лицам, не имеющим возможности получить такую помощь на платной основе, введение квалификационных классов для лиц, на которых законом возложена обязанность оказания квалифицированной юридической помощи, разработка механизма достойной оплаты государством квалифицированной юридической помощи и проверки качества оказываемой юридической помощи и ряд других вопросов.

Республике Беларусь необходимо учесть опыт организации и деятельности адвокатуры в Российской Федерации и взять лишь то, что реально может быть осуществлено в нашей стране.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Алексеева В.В.	37	Крупчан Н.О.	129
Алексеев С.М.	39	Кряквина С.Б.	103
Алхимина И.А.	41	Кузнецова Е.В.	131
Баль Ж.М.	43	Куницкая О.М.	133
Барановская И.М.	45	Куприенко И.М.	134
Барышев В.А.	48	Курьянович А.В.	136
Бобров Н.М.	50	Лапина И.А.	138
Борботько П.В.	52, 129	Ларионов И.А.	140
Борисенко О.В.	54	Липницкий В.В.	141
Бочков А.А.	55, 157	Лузгин И.И.	144
Бочкова А.А.	59	Лукашов А.И.	19
Бошукова Е.В.	61	Матвейчев Ю.А.	146
Бошукова Ю.А.	61	Мезинова О.В.	148
Бурковский И.В.	63	Михайлова О.П.	150
Василевич Г.А.	3	Михасёва Е.А.	152
Василевич Д.Г.	65	Мороз О.Л.	155
Васильева Н.А.	67	Морозова О.В.	157, 238
Веташкова Т.В.	70	Муллахметова Н.Е.	160
Вожгурова О.В.	71	Нечаева В.А.	162
Войтович Г.И.	74	Николаева Л.Н.	164
Виницкий Л.В.	7	Николичев Д.Н.	167
Гавриленко А.В.	76	Никольский В.А.	169
Гаврильчик А.А.	78	Ничипорук В.С.	172
Голубенко И.А.	80	Новик О.О.	173
Горелько А.В.	82	Однорогая Т.В.	176
Григорьева О.И.	85	Падалинский С.В.	239
Губаревич А.В.	87, 89	Парменов С.А.	178
Гуминский М.Н.	92	Пахотин Н.О.	172
Гурщенков П.В.	94	Петров А.П.	180
Демидова А.В.	96	Петрова М.С.	183
Демичев Д.М.	9	Петушок А.Г.	188
Денисюк М.Е.	99	Пехота Т.М.	190
Дерябина Е.В.	101	Плещенко Н.А.	192
Дешин М.А.	103	Плиговка М.А.	194
Забойко В.И.	105	Плоскунов Д.В.	197
Ивашина О.Г.	107	Погребняк А.Б.	199
Ивашкевич Е.Ф.	109	Преснякова Т.В.	201, 203
Изимова Т.С.	113	Пробейголова А.Н.	205
Иколенко Л.М.	115	Пуп А.А.	207
Ильин В.И.	117	Путова Н.В.	209
Калина О.Л.	306	Пушкин В.И.	212
Ковалевская Ю.И.	120	Рамазанова С.О.	215
Ковтуненко О.А.	122	Раханова Н.А.	217
Королева Н.Л.	123	Рубникович Е.В.	201
Криволап В.А.	125	Рудович Н.И.	219
Кривонощенко А.С.	127	Рузакова О.А.	222

Русакович А.В.	224	Халецкая Т.М.	278
Рыжик А.В.	227	Хилькевич В.В.	280
Рябцев С.А.	296	Хиревич М.Л.	282
Самойлова В.В.	232	Хомич М.В.	284
Сафонов А.И.	236	Хомич В.М.	28
Сафонова Т.В.	238, 239	Хотько О.А.	286
Сергейчик О.В.	242	Цобкало А.А.	138
Силаев С.А.	244	Шавров А.Л.	287
Сирик Н.В.	246	Шантырева Е.А.	289
Скоробогатый И.С.	249	Шафалович А.А.	291
Солодкова Е.В.	89, 251	Шерайзина Л.О.	293
Спектор Н.А.	257	Шеленговский П.Г.	31
Станишевская Л.П.	252	Шеращенко Е.А.	264
Стаценко В.Г.	255	Шилко Ж.А.	162
Сухарев А.А.	55, 257	Шинкарев И.А.	295
Таранова Т.С.	259	Шматков И.И.	34, 296
Телятицкая Т.В.	262	Шхамирова Э.Ю.	298
Тимченков А.Н.	264	Юзефальчик А.В.	300
Трахимёнок С.А.	22	Юшков А.С.	203
Трубчик А.И.	266	Яковук Ж.А.	302
Уткевич В.А.	268	Янч В.В.	304
Ушакова В.И.	67	Ястреб Д.С.	306
Федорова И.А.	270		
Федотова О.Ю.	273		
Филипченко Е.Н.	276		

Научное издание

**ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ
ПРОЦЕССОВ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

Материалы Международной научно-практической конференции

Витебск, 20–21 апреля 2012 года

Технический редактор

Г.В. Разбоева

Компьютерный дизайн

Т.Е. Сафранкова

Подписано в печать 04.04.2012. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 18,07. Уч.-изд. л. 25,12. Тираж 100 экз. Заказ 35.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».
ЛИ № 02330 / 0494385 от 16.03.2009.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.